

НЕПРОСТЫЕ ИСТОРИИ 2

Дороги звездных миров

16+

ФАНТАСТИКА

**Алёна Коновалова
Евгения Кретова
Наталия Смолина
Ольга Любимая
Наталья Ильина
Елена Румянцева
Елена Радковская
Татьяна Виноградова
Мария Дышкант
Наталья Шемет
Тим Яланский
Алла Френклах
Владимир Яценко
Алексей Ладо
Вероника Князева
Евгения Кретова**

**Непростые истории 2.
Дороги звёздных миров**

Аннотация

В чёрных потоках, в самом сердце Тьмы, нас ждёт Мечта. Протянешь руку – и вот она, искрится в руках: горячая, осязаемая и невероятно манящая. И нет ничего важнее, чем дотянуться до неё. Хотя путь к ней лежит не проторенными тропами, а полными опасностей и тайн дорогами звёздных миров. Серия "Непростые истории".

Содержание

Непростые истории: Дороги звёздных миров	6
Аннотация:	7
От составителя. Вместо предисловия	8
Наталья Ильина	10
Холодное лето Тесеи	11
Татьяна Виноградова	39
Нештатная ситуация	40
Тим Яланский	77
Наследие богов	78
Большие обстоятельства	95
Сок одуванчика	121
Наталья Шемет	150
Сохранить	152
Елена Румянцева	170
Спасти своих	171
Алексей Ладо	198
Колодцы полные звёзд	199
Сила лю	215
Все дети маленькие	231
Мария Дышкант	255
Когда сам себе преграда	256
Вероника Князева	273
Ищу друга	274

Мой выбор – его судьба	284
Наталья Смолина	293
Я ищу	294
Владимир Яценко	310
Бродяги	311
Алёна Коновалова	362
Кто такой кивлас?	363
Ольга Любимая	379
Питомец для Элли	380
Елена Радковская	409
Небо цвета океана	410
Алла Френклах	423
Ироды нашего века	424
Евгения Кретова	438
Крайний полёт «Немезиды»	439
Зов	458

**Непростые истории:
Дороги звёздных миров**

СБОРНИК ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Аннотация:

В чёрных потоках, в самом сердце Тьмы, нас ждёт Мечта. Протянешь руку – и вот она, искрится в руках: горячая, осязаемая и невероятно манящая. И нет ничего важнее, чем дотянуться до неё. Хоть путь к ней лежит не проторенными тропами, а полными опасностей, тайн дорогами звёздных миров.

От составителя.

Вместо предисловия

Во Вселенной – сотни миллиардов галактик, в каждой из которых – сотни миллионов звёзд. Анализ данных, собранных астрономическим спутником NASA «Кеплер», показал, что 44% звёзд обладают планетарными системами, а 10-20% из них обладают мирами, пригодными для обитания. Сегодня астрофизики со всего мира подтверждают существование тысяч экзопланет. Их общее количество в нашей галактике Млечный Путь в настоящее время оценивается не менее чем в сто миллиардов, из которых несколько миллиардов, возможно, являются «землеподобными».

Может быть, именно поэтому мы с тревогой, любопытством и надеждой вглядываемся в антрацитовую черноту небес? Чтобы не холодеть от ужаса всякий раз, когда подумается, что наша Земля – одинокий шарик, подвешенный в гравитационном поле, все законы существования которого нам ещё предстоит изучить.

Самая отчаянная мечта позволяет нам дотянуться до неизведанного. И тогда мы открываем новые миры, заглядываем в жерла вулканов и слышим тайные шифры настолько отчётливо, будто видим их воочию. Писатели-фантасты – люди с особым восприятием действительности. Их разум не

знает границ. Их миры становятся реальностью, стоит лишь заглянуть на страницы их книг. Именно благодаря им Человек поверил в возможность парить над облаками, долететь до Луны, исследовать океанские глубины.

Перед вами второй сборник серии «Непростые истории», посвященный на этот раз жанру фантастики. «Дороги звездных миров» – ещё одна попытка открыть для вас удивительные, невозможные, загадочные миры и познакомить с их обитателями.

Вы слышите? Этот тихий, шелестящий звук? Этот отдалённый рокот космодрома?

Это в ваши окна стучится Тайна.

Наталья Ильина

Живу в Санкт-Петербурге. Окончила литературные курсы «Мастер Текста», участник Литературной Студии при издательстве Астрель СПб – АСТ. Номинант конкурсов «Рукопись года» – 2018 и «Новая детская книга» – 2018. Хозяйка и руководитель конного клуба. Немного пишу. Представленный ниже рассказ – номинант конкурса «Дальний космос» – 2017. Больше обо мне и моём творчестве: писательская страничка <https://vk.com/public168868119>, страница автора <https://litnet.com/illinka-u519834>

Холодное лето Тесеи

Усилившийся к вечеру ветер принёс мелкую водяную взвесь. Она немедленно усеяла одежду и тело липкой сыростью. Ивонна вздрагивала под участвовавшими порывами, но упрямо продолжала работать. Упаковывала мелкие образцы в контейнеры, прокатывала на крышках коды с названиями, датой и местом извлечения артефактов.

Уже два дня она трудилась на этой прекрасно сохранившейся террасе совсем одна. Заняты были все до одного участники экспедиции и команда исследовательского корабля – на Тесеи началась осень, намного более короткая, чем лето, а за ней сюда придёт безжалостная зима и на двести лет отрезет археологов от этого удивительного мира. Но Ивонна так гордилась тем, что попала в состав экспедиции, что готова была работать круглые сутки. Двадцать членов Первой археологической экспедиции и сорок два огромных города, возносящих свои башни над необъятными джунглями. Об отдыхе никто и не помышлял!

Девушка бережно взяла в руки очередной образец – точёную фигурку загадочной птицы, любующейся своим отражением в гладкой, словно стекло, поверхности воды. Отражение было филигранно намечено несколькими движениями резца на полупрозрачном голубом камне, который встречался здесь в изобилии. Ивонна вздохнула и поместила фигурку

в контейнер, залив упаковочной пеной.

«Четырнадцать месяцев мы провели на планете, открытой больше двухсот лет назад, и всего неделя осталась до отлёта, а груз вопросов только поминутно растёт! Взять хоть этот дворец, парящий на двадцатиметровой высоте над тронутой процессом умирания растительностью джунглей, хоть все остальные здания города. Этого, и других, раскиданных по обоим материкам Тесеи. Покинутые, но прекрасно сохранившиеся, заполненные мелкими артефактами, случайно забытыми или сознательно оставленными хозяевами этих великолепных дворцов...» – Ивонна отвела со лба прядь повлажневших волос и глянула через высокую, ей по подбородок, резную ограду террасы.

Над плотным морем растительности взмывали в сиреневое небо башенки, башни и шпили соседнего дома-дворца. Соединённые дугами мостов, они образовывали сложный рисунок городских кварталов, раскинувшихся на десятки километров вокруг. Здесь, в городе на равнине, работали семеро членов экспедиции. Ещё шестеро завтра возвращались из гористой местности, к югу отсюда. Остальные заканчивали работу в огромном городе на побережье океана. И везде было одно и то же – пустые, покинутые дома. Без спешки и паники, без следов войн и несчастий... Анализ показывал, что постройкам насчитывалось, по меньшей мере, полторы-две тысячи лет, а некоторым и того больше, но девушку не покидало ощущение, что хозяева ещё вчера прогу-

ливались по этим террасам, а в анфиладах роскошных залов звучали их голоса и детский смех...

Затрещал вызов коммуникатора, обрывая её мысли. Ивонна отозвалась:

– Аспирант Леппенен.

– Ивонна, к вам подбирается грозовой фронт, Павло заберёт тебя минут через десять. Будь готова, хорошо? – просипел, слабо узнаваемый из-за помех, голос Дина Нельсона, координатора экспедиции.

– Хорошо, но... – связь прервалась.

Дин не стал выслушивать причины, по которым она хотела бы задержаться, и она не сердилась на него за это. Подобные «но» он сейчас услышит от каждого, кто вынужден прерваться до наступления темноты.

Ивонна положила последний контейнер в транспортировочный бокс и застегнула хищные клювы замков, а потом просто уселась сверху и стала ждать катер. Ветер действительно окреп, погнав по небу сизые клочковатые тучи с неприятно чернеющей каймой понизу. Джунгли зашумели, заволновались, ещё сильнее напомнив ей море. Непокойное серо-синее море.

Когда вся группа Шевчука, работавшая на равнине, оказалась на борту катера, Павло уже едва справлялся с пилотированием. Вокруг бушевала самая настоящая буря, а ведь осень только началась! Учёные громко сокрушались насчёт

капризов местной погоды и дружно выражали надежду на то, что завтра выглянет солнышко. Их болтало в креслах, насколько позволяли ремни, но Павло знал – этим сумасшедшим всё нипочём, лишь бы снова вернуться в город. А его мороз продирал по коже, едва он там оказывался! Бывший десантник, он никогда ничего не боялся, а тут... Тут ему было не по себе.

Катер летел через стену ливня, лавируя между высоченными шпилями, посекудно подсвечиваемыми вспышками молний. Смотреть на хаос бури у Павло не было необходимости – на мониторе спокойно плыла изумрудно-зелёная сетка ландшафта и построек, но ярость стихии просто притягивала взгляд.

Исследовательский корабль «Антарес», больше всего напоминавший своими очертаниями присевшую отдохнуть лягушку, стоял на плоской вершине небольшого плато. Оно торчало лысой макушкой посреди буйства местной флоры. Сюда буря ещё не добралась, но, судя по скорости и направлению ветра, должна была вот-вот примчаться. Павло аккуратно посадил катер и принялся подгонять своих пассажиров, а им, непременно, хотелось выгрузить свои «сокровища» прямо сейчас. Пришлось помогать. Не мог же он, в самом деле, смотреть, как хрупкая Ивонна или тщедушный Пал Палыч волокут свои боксы к трапу «Антареса» в одиночку? Пневмотележек на всех не хватило. Пусть учёные и были повёрнуты на своей археологии, но в остальном груп-

па подобралась отличная, так он считал. И ему, летавшему на «Антаресе» уже одиннадцать лет, было с чем сравнивать. Промокшие и продрогшие, они, таки успели затащить все боксы в корабль прежде, чем буря накинулась на плато настоящего.

Ивонна сжимала зубы, и, больше не пытаясь унять дрожь, волнами прокатывавшуюся по телу, поспешила в свою каюту. Все, чего она сейчас хотела – горячий душ и чашечку мятного чая. Но чай ей попить не удалось. Она вышла из душевого «стакана» и придиричиво разглядывала своё отражение в зеркале – потемневшие от воды рыжие кудри, щедрая россыпь веснушек на носу и щеках, строгий взгляд фисташково-зелёных внимательных глаз, когда, впервые за все время их пребывания на Тесеи, заработала громкая связь корабля. Голос, взволнованный настолько, что Ивонна не смогла сообразить кому он принадлежит, сообщил:

– Внимание, команда! Экстренный старт! Нарастающая тектоническая активность! Повторяю, экстренный старт!

Девушка растерянно замерла на пороге санитарного блока. «Какой старт?! Группы Вайнштайна и Берегового все ещё не вернулись, пережидая бурю... Откуда здесь тектоническая активность? Глубокие подземные полости обнаружены только между городами. Там сдвиги вполне вероятны, но здесь? Катер, краулер – все осталось снаружи...», – мысли галопировали в её голове, наскакивая друг на друга. Миг-

нуло освещение. Ивонна очнулась и плюхнулась в кресло, пристёгиваясь. Она ещё успела подумать, как нелепо выглядит в распахнувшемся халатике, опоясанная ремнями, а потом махина корабля вздрогнула и накренилась. Взыли и замолкли манёвровые двигатели, не успевшие «прогреться». Со страшным скрежетом и стоном «Антарес» затрясся, накренился ещё больше и завалился на правый бок.

Если она и отключилась, то лишь на несколько секунд. Аварийное освещение не сделало каюту такой неузнаваемой, какой её сделал внезапный поворот. Стена, превратившаяся в пол и усыпанная всем, что не было закреплено, тонула в багровой тени где-то внизу, а Ивонна, набок, свисала из кресла на вставшем дыбом полу, и удерживали её только ремни, больно впившиеся в тело, мешали дышать... Ивонна подавила приступ паники и, проявив чудеса эквилибристики, сумела отстегнуться и повиснуть на ручке кресла, немного не доставая ногами до наваленных внизу вещей. Дверь каюты превратилась в люк, ведущий в слабо освещённый зев коридора. Она раскачалась на руках и прыгнула, стараясь не приземлиться на дверь каюты Пал Палыча – профессора Шевчука. Ей это удалось, но руки загудели от непривычной нагрузки, а ладони саднило. Ивонна запахнула дурацкий халатик, потуже завязав поясок, и попыталась открыть дверь, отчаянно надеясь, что профессор не изменил своей привычке держать дверь не запертой. Полотно двери ухнуло внутрь

каюты. Там царил ещё больший беспорядок, чем в её собственной. Кресло, в котором полагалось находиться во время манёвров, было пустым. Пряжки ремней тускло поблёскивали в оранжевом свете.

– Профессор? Пал Палыч! – жалобно позвала Ивонна. Ей никто не ответил. Разглядеть что-либо в темноте, сгущавшейся внизу, она не могла. За спиной послышались торопливые шаги, и она оглянулась. Высокую, сутуловатую фигуру Нельсона зловеще обтекал свет аварийных ламп.

– Дин! – голос девушки сорвался, выдавая большой испуг, чем она была готова признать. – Профессор... Он не отзывается!

– Спокойно, Ив. Он был в кубрике, с нами. Пришёл прямо перед тем, как это случилось, – Дин протянул руку, помогая ей подняться.

– А что, что случилось? – Ивонна смотрела в лицо пожилого координатора так, словно он, и вправду, мог ей что-то объяснить.

– Не знаю, малыш. Мы пытаемся собрать всех вместе, тогда и будем думать. Павло и Тянь пробираются к рубке, а я пришёл за тобой и Брюсом. Крис здорово разбил лицо, он пока не помощник.

Ивонна прижала ладонь к губам, но не вскрикнула. Заставила себя сдержаться и быстро отвернулась, шагнув вперёд – каюта Брюса была в самом конце коридора. «Крис здорово разбил лицо, – эхом отдавалось у неё в мыслях, – если он не

ринулся на выручку к остальным, то дело плохо!»

Через три часа все, кроме Капитана Оссона с Павло, которые оставались в рубке, собрались в кубрике. К этому времени они уже знали, что «Антарес» правым бортом завалился в образовавшуюся прямо под ним трещину, расколовшую плато надвое, и застрял. Манёвровые двигатели были целы, а вот основной...

Энергетик «Антареса», весёлый и добродушный толстяк Ронни, погиб на своём посту. Разбился насмерть бортмеханик Топольков, он пролетел через весь трюм вместе с незакреплённым грузом ... У Кристофера был сломан нос, порваны щека и бровь, плюс сотрясение мозга. Ольга сломала предплечье правой руки. Пал Палыч хромал. Штурман Загоруйко лишился трёх зубов. Но не это служило причиной угнетённого молчания в кубрике. «Антарес», при условии, что его, каким-то чудом удалось бы вытащить из расщелины, мог взлететь с планеты. Но он не мог полететь домой. Само собой разумеется, что капитан уже отправил сообщение на ближайшую к Тесеи базу, но получают его нескоро. Корабль мог совершить три прыжка до базы за четырнадцать дней, а вот сигнал мог идти только со световой скоростью. Иная форма связи была пока недоступна.

Помощь придёт... Через четыре года. А зима начнётся через шесть недель. Зима, продолжительностью в двести лет по общему времени, пока Тесеи медленно совершает долгий

оборот по вытянутой орбите вокруг Фагот, своего солнца, удаляясь от него на немыслимое расстояние.

У них оставалось два катера, спешащих сейчас к кораблю, был достаточный энергоресурс, но остро вставала проблема запаса пищи. Три. Если экономить, то – четыре месяца. А потом придёт голод. И это кроме того, что никто точно не знал, что происходит на Тесеи зимой. Насколько плотно её укрывают снега или льды? Что происходит с атмосферой? Какие бури ждут их впереди, если вчерашняя случилась в самом начале осени? На забытой целых двести лет планете они появились вторыми. И никто, никогда не был на Тесеи даже осенью. Всех придавил груз потери товарищей и ворох неожиданных проблем.

Ивонна сидела на стене кубрика, привалившись спиной к потолку. Справа и слева чуть слышно потрескивали панели освещения. Крис спал рядом. Его неровное дыхание заставляло сердце девушки болезненно сжиматься. Пластповязка скрывала половину дорогого ей лица. Ивонна только теперь поняла – насколько дорогого... Зашуршали и коротко пискнули динамики, перед тем, как усталый голос капитана позвал в рубку троих членов своей команды. Им предстояло решить проблему доступа на борт для возвращавшихся археологов – трап и шлюзовой отсек оказались наверху перевёрнутого корабля, на добрую треть его ширины возвышались над краями расщелины. А это метров восемнадцать-два-

дцать гладкой поверхности днища, на которой и уцепиться-то не за что.

Ива поёжилась и поднялась на ноги. Нужно было осваиваться в этой новой реальности. Брюс, натащивший медикаментов для пострадавших, отправился в жилой сектор корабля вместе с ней. Пал Палыч просил его найти и вытащить со дна его каюты бесценное сокровище – рабочий комм со всей информацией о Тесеи.

С помощью не высокого, но крепкого Брюса, она подтянулась и вползла в свою каюту. Быстро раскопала в груде вещей комбинезон и коммуникатор, переделалась и свесила голову в коридор. Прямо под ногами зияла распахнутая дверь в жилище Пал Палыча. Брюс стоял на самом краю и протягивал к ней руки. Ивонна сбросила вниз одеяло и подушку для Криса, а потом спустилась сама. Они отвязали крепкий шнур, тот самый, по которому выбирался из своей каюты Брюс, и через несколько минут достали комм профессора.

Девушка старалась не думать о том, что ждало горстку людей перед лицом надвигающейся зимы – она сосредоточилась на более насущных проблемах, которые, впрочем, пугали её не меньше. Существование в корабле, где половина привычных вещей оказалась на трудно достигаемой высоте (или глубине), где даже простое перемещение из отсека в отсек могло оказаться проблемой, где неизвестное количество аппаратуры разбилось, а найти нужную вещь было теперь совсем не просто, где были больные, а капсула автовра-

ча висела на высоте пяти метров над полом, да ещё и в таком положении, что загрузить в неё человека не представлялось возможным... Было от чего прийти в отчаяние!

На обратном пути они заскочили на склад и вооружились уцелевшими коммуникаторами для всех членов исследовательской группы, команда «Антареса» со своими не расставалась, а вот учёные не всегда считали нужным придерживаться правил.

В кубрике ничего не изменилось – Крис все ещё спал под воздействием лекарств, остальные негромко обсуждали ближайшие перспективы. Дин собирался встречать группы Вайнштайна и начальника экспедиции – Антона Берегового. Брюс и Ивонна присоединились к нему.

Команде не удалось раскрыть трап – его тяжесть была слишком велика. Катера решили опустить прямо на задранный в хмурое небо бок «Антареса». Восемнадцать человек, потрясённые зрелищем постигшей корабль катастрофы, столпились у шлюзового отсека, для технологических выходов, который из округлого тоннеля превратился в вертикальный цилиндр трехметрового диаметра. До внутреннего люка было метров шесть вниз, а за ним скрывалась ещё и ширина приёмной палубы, ставшая теперь высотой. Учёные переглядывались, каждый старался представить, на что теперь похоже внутреннее пространство корабля. Антон Береговой, уверенный и очень спокойный человек средних лет и тяже-

ловатой комплекции, проворчал в коммуникатор:

– Дин, мы спустимся по тросам лебёдок с катеров. Сейчас соорудим системку, на первое время её хватит.

– Отлично, шеф! Ждём вас. – откликнулся координатор.

Когда обе группы оказались внутри, а люки были задрены, Береговой связался с капитаном и, в сопровождении пилотов катеров, направился в непростое путешествие к рубке. Собравшаяся там часть команды, чертыхаясь и потея, пыталась переустановить оборудование в такое положение, которое бы позволяло им пользоваться без применения немислимых акробатических трюков. Пока начальник экспедиции, грузный и нисколько не приспособленный к обезьяньим прыжкам, добирался до капитана, он успел оценить и масштаб проблемы и объем предстоящих работ. Его люди устали, работая до последнего, но о каком отдыхе могла идти речь, если вдоль побережья джунгли уже начали вянуть?

Буйные заросли местной растительности, достигавшей в высоту пятнадцати метров, были сплошь различными видами трав, с полыми стволами и густой листвой. Уже неделю они усыпали семенами землю, а теперь укрывали их подвявшими кронами, падая сверху. Растительность Тесеи готовилась к долгой зиме. Обитателям «Антареса» следовало заняться тем же, учитывая ситуацию, решил Береговой.

Ивонна и Любочка, лаборантка из группы Вайнштайна, милейшее существо, наводили порядок в медотсеке, пере-

бирая уцелевшее, выгребая наружу разбитое и испорченное. Обе девушки горестно поглядывали на недосягаемый потолок, где на закрытых дверцах пластстеклянных шкафов грудились лекарства и медицинские материалы. Капсула автоврача тяжело нависала у них над головами. В помещении стоял плотный, тревожный запах медикаментов: разбитое, разлитое и раздавленное содержимое тюбиков, инъекторов и контейнеров растеклось по полу.

Крис оклемался и ушёл в джунгли, за семенами и «шлёпами» – одним из отвратительных видов местной фауны, состоявшей, казалось, сплошь из земноводных, да ужасных червеобразных гадов. Шлёпы, похожие на огромных чёрных жаб, оказались вполне съедобными для человека, но они, да и остальные животные Тесеи, исчезали неизвестно куда просто на глазах. Теперь, едва позволяла погода, большая часть команды спускалась в джунгли за добычей, но это становилось все опаснее с каждым днём – джунгли вяли. Тяжёлые рыхлеющие стволы валялись наземь, проделывая бреши в сплошном покрове высоких крон.

В другое время беготня за неповоротливыми шлёпами могла бы показаться даже забавной, но не теперь. Кроме того, что у него временами побаливала голова, один вид умирающих джунглей мог вогнать в тоску кого угодно. Крис чертыхался, выдирая сапоги из чавкающей под ногами прелой жижи, и мечтал о горячем душе. В пластиковой сумке за спиной лежали четыре шлёпа и три обезглавленных плоских

червя, длиной в руку – вся его добыча.

Заметно похолодало, над равниной носились сильные ветра, небо рушилось вниз тоннами воды. Стало меньше и света, и тепла – Тесеи удалялась от Фагот все дальше и дальше. А однажды пошёл снег – колючая белая крупка подтаивала на земле – и с того дня ловить в джунглях стало уже некого.

– Я всё думаю, – перевернувшись на живот и болтая в воздухе голыми ступнями, прервала блаженную паузу Ивонна. – Куда подевались все эти птицы, чудесные звери и они сами? Куда подевались они сами?

– Кто, милая? – сонно отозвался Крис.

– Тесеийцы. Те высокие тонкие гуманоиды, которых мы видели на мозаичных панно в каждом доме...

– Куда-то ушли тысячу лет назад, Ив... Спи. – Он прикоснулся губами к её плечу и, через минуту уже спал сам, тихонько посапывая.

А вот девушка заснуть не могла. Ей вспомнилась последняя фигурка, которую она упаковала в контейнер перед тем, как всё это случилось. Изящная голенастая птица, неуловимо напоминавшая аиста, так живо косилась на своё отражение в воде, что у скульптора непременно должна была существовать живая модель. А изображения странных, широколапых, крупных зверей с шикарным, стекающим по поджарым телам голубым мехом? С лёгкой руки Расмуса, дотошного канцеляриста, полиглота и всезнайки, их называли «ур-

са». Так имя и прижилось. Эти урса, видимо, жили в домах тесеицев, так часто они мелькали на панно рядом с ними.

Согласно своду общих наблюдений экспедиции, исчезнувшие жители Тесеи были ростом около двух с половиной метров, светлокожими и светловолосыми. Трудно было что-либо определённое сказать о строении их тел, потому что на всех найденных изображениях они были в длинных свободных одеяниях. Лица у них были тонкие, вытянутые. Глаза немного раскосые, серого или голубого цветов. Зрачок щелевидный, горизонтальный, что оставляло не слишком приятное впечатление. Уши небольшие, плотно прижатые к голове. Рот узкий, тоже небольшой. Скулы высокие и острые. По человеческим меркам, выглядели они страшновато, но Ивонна, с лёгкостью, могла себе представить, какими уродцами показались бы им люди...

Её мысли плавно переместились в другую область. Сложно было поверить, что они провели на Тесеи два месяца с момента катастрофы. Осень на планете закончилась, сильные бури уступили место постоянным пронизывающим ветрам. От пышных джунглей ничего не осталось – толстый слой преющей растительной массы уже начинал покрываться мёрзлой корочкой. Члены экспедиции ещё летали в ближайший город, когда стихал ветер. Погибшие джунгли странно оголили мощные аркады колонн, на которых вздымались дворцы. Ивонна вспомнила странное, щемящее чувство, когда издалека смотрела на «свою» террасу. Все вокруг голу-

бело в полусумерках на исходе дня, дворец казался нереальным призраком, наполненным призрачными же тенями. Она впервые остро почувствовала свою чужеродность, неуместность в городе, в котором провела больше года! Её, запакотанную в удобный современный и всё-таки неуклюжий скафандр, окружало кружевное плетение воздушных арок. Она долго не могла прийти в себя после той поездки...

А жизнь на борту «Антареса» странным образом упорядочилась, обрела неспешный деловитый ритм. Учёные занимались обработкой собранных материалов, команда приспособливала внутренние помещения для использования в их теперешнем положении. И никто не заикался о том, что зима на Тесеи уже началась, и что прожить в корабле четыре года им не удастся. Год. Таковы оказались расчёты, учитывая количество заготовленного провианта.

Это случилось на девяносто седьмой день после катастрофы. Ивонна, Крис, Иосиф Вайнштайн и лопухий, милый, очень стеснительный Уго Вертер направлялись в город на равнине. Катер пилотировал Павло, находившийся в отличном расположении духа. Его крупные руки порхали над пультом, он даже напевал какую-то песенку. Археологи, расположившиеся сзади, в пассажирских креслах, тихонько посмеивались над лишённым слуха исполнителем. Все понимали откуда взялся такой порыв – «пилоту нужно небо, пилот рождён летать!» – это ведь была любимая присказка Павло, а

полёты стали теперь редким событием. Погода не позволяла учёным работать, и пилоты оставались взаперти.

Масса снега и льда нарастала, превратив равнину в сияющую пустыню под заметно уменьшившимся солнечным диском. А на границе видимости из этого сияния вырастали миражи дворцовых башен. Учёные давно отметили странный факт того, что снег, почему-то не ложился на камень городских строений, но никто не бывал в городе во время снегопада. Вот они и летели туда с целью установить камеры, чтобы понаблюдать за очередной загадкой Тесеи.

Крис и Уго – техники экспедиции – занялись своим делом, пытаясь переспорить Иосифа в вопросе о местах размещения камер. Ивонна только пожала плечами, чего не позволял заметить скафандр – дело было безнадежным, но, учитывая упорство Криса, могло затянуться. Девушка углубилась в анфиладу сквозных залов. Внешний микрофон доносил до неё громкие щелчки остывающего катера, а коммуникатор – перебранку Вайнштайна и Криса. Она убавила громкость до минимума и застыла у оконного проёма, высотой в три её роста. Опоры соседнего дома-дворца утопали в рыхлом снегу почти до половины.

«К концу зимы снег, уплотнённый собственной массой, поднимется до самых ступеней лестниц, обрывающихся сейчас в никуда...» – подумала Ивонна. Она представила, как сбегает по лестнице на ровную ледяную гладь и... Тревожная мысль, проскочившая по самому краю сознания, заставила

её вздрогнуть – двадцатиметровые опоры вовсе не предназначались для того, чтобы парить над джунглями! Они позволяли городу не тонуть во льдах! Но зачем? Температура воздуха теперь редко поднималась выше минус тридцати по Цельсию, и это в самом начале зимы! Неужели когда-то здесь, при тех же снегах, можно было жить? Жить в домах без оконных рам и дверей? Но как?

Девушка нахмурилась, сопротивляясь нелепым фантазиям, и снова посмотрела за окно.

– Крис! – парень подпрыгнул, услышав отчаянный вскрик.

– Ив? Что?! Где ты? – он растерянно заозирался.

– Направо, идите направо! Скорее! – от волнения голос девушки срывался.

Трое мужчин рванули через пустые холодные залы, Крис бежал первым. Он первым и увидел Ивонну, перевесившуюся через высокий подоконник.

– Там... – выдохнула девушка. – Там, внизу – следы... Видите?

Кристофер Ланц, прагматик до мозга костей, лишённый всяческих фантазий, посмотрел вниз и замер. На голубоватом снегу темнела чёткая цепочка следов, отлично различимая с высоты десятка метров. Подоспевшие Иосиф и Уго потрясённым молчанием подтвердили, что Крис не свихнулся. Следы были огромными. По тому, как существо ставило лапы, слегка загребая ими внутрь, напоминали они следы мед-

ведя...

– Урса, – прошептала Ивонна, – Урса, живой. Вышел из летней спячки... Вы понимаете, что это значит?

– Это значит, – очень размеренно и спокойно ответил ей Вайнштайн, – что нам нужно немедленно убираться отсюда, пока в город не явились хозяева.

– Камеры готовы? – совсем другим, торопливым и резким тоном поинтересовался он у Криса.

– Да. – коротко ответил Крис и ухватил Ивонну за руку, потянув за собой обратно, к катеру.

Павло слышал весь разговор, но понял только одно – пора улетать.

Первыми проснулись урса. Они крутились возле домов и не уходили далеко, часто попадая в объективы камер. Потом появились небольшие густопёрые птицы с короткими треугольными крыльями. Позже, когда день стал ещё короче, а мороз – крепче, прямо над кораблём пролетело звено (по пять в ряд, четыре ряда и один – замыкающий) длинношеих, длинноногих пернатых, в которых археологи узнали любимые модели скульпторов этого безумного мира. Снежную пустыню у подножья плато пересекали цепочки следов, но заснять тех, кто их оставлял, не удалось, а потом, сумрачным утром, в домах города начали зажигаться огни. Высокие фигуры мелькали в окнах, и длинные балахонистые одежды развевались за их прямыми спинами. Они появились ни-

откуда, словно прятались в глубине домов и просто вышли из своих укрытий... Высокие, ещё более пугающие, чем их изображения. И было только вопросом времени, когда они обнаружат корабль землян, почти полностью погребённый под снегом. Пилотам приходилось растапливать его жаром двигателей, освобождая площадку для катеров и выход. Причём несколько раз они делали это дистанционно, не имея возможности выбраться наружу.

Общее собрание членов экспедиции и команды «Антаре-са» решили провести в спортивном зале. Его высокие стены позволили помещению сделаться одним из самых просторных на перевёрнутом корабле. Собрание возглавили капитан Оссон, и руководитель экспедиции Береговой. На фоне светлой стены, некогда бывшей потолком, развернулся голо-экран, транслирующий записи камер из города на равнине.

Ивонна не могла отвести взгляд от хорошо знакомых кадров. В последнее время она проводила за мониторингом города больше времени, чем тратила на все остальное. Голоса собравшихся сливались в негромкий гул. Крис, ловко лавируя между людьми, пробрался к ней и гордо приобнял за плечи. Они оба до сих пор пребывали в растерянном удивлении относительно своих отношений. Крис, простой сотрудник службы материально-технического обеспечения экспедиции, никак не мог окончательно поверить в то, что Ив, молодой учёный с огромным потенциалом (именно так её

характеризовали старшие коллеги), всерьёз им увлечена. А Ивонна даже побаивалась неожиданного и абсолютного счастья, которое дарил ей своим вниманием сильный и очень надёжный Крис. Она благодарно прислонилась к нему и зашептала:

– Будет голосование. Кое-кто считает, что мы должны обнаружить себя, явившись в город лично.

– А ты что? Не согласна?

– Нет. Я тоже считаю, что мы должны как-то уведомить их о своём присутствии, но должны быть другие пути...

Её прервал капитан, объявляя собрание открытым.

После полутора часов бурных перепалок, в которых невозможно было уловить ни малейшего намёка на единение, капитан прервал споры и объявил голосование. Ивонне показалось, что он просто устал от шума, который подняли учёные. Никто больше не обращал внимания на видео. А оператор включил прямую трансляцию из того самого дома, где Ивонна впервые увидела следы...

В просторном зале, который теперь заполняла чудесная, воздушной резьбы, мебель, удивительные ковры и масса различных предметов непонятного назначения, появился «О». Так, про себя, называла ребёнка Ивонна. Всякий раз, когда кто-то из старших обращался к нему, их губы их складывались, словно они произносили именно такой звук... Малыш, который должен быть росточком с Ивонну, подбрасы-

вал в воздух нечто, напоминавшее небольшой мячик. Игрушка ударялась об пол, невысоко подпрыгивала и замирала. Ивонна сочувственно улыбнулась – мячику не хватало прыгучести. Краем уха прислушиваясь к процедуре голосования, она продолжала наблюдать за О. Ребёнок (пол тесейцев различить не получалось, они выглядели все одинаково, за исключением мелких индивидуальных различий) похоже, рассердился. Он взмахнул тонкой рукой и мячик стремительно полетел в дальний угол зала, под потолок. Прямо туда, где Крис, с таким трудом, разместил одну из крохотных камер. Изображение пропало.

А голосование, между тем, продолжалось. И почти никто не обратил внимания на досадный обрыв трансляции. Тем более что оператор тут же сменил её на записанное ранее, с других камер. Теперь, по освещённому крохотными белыми фонариками мосту, плавно двигалась тонкая фигура, время от времени касаясь рукой перил. Голой, до самого плеча, рукой...

Из пяти предложений прозвучало уже четыре, а Ивонна ни разу не подняла руку. Крис проголосовал за полет в город делегации из учёных. А Ивонну эта мысль, почему-то, пугала. И никак не давала покоя эта голая тонкая рука на шестидесятиградусном морозе.

– Нельзя! – вдруг звонко выкрикнула она, сама испугавшись тишины, которую породил этот выкрик. – Нельзя, – уже спокойнее повторила девушка, – лететь туда на катере.

Неужели вы не видите? Им ЖАРКО!

Она указала на экран, где тесейец облокотился на перила и, совсем по-человечески, подставил лицо порывам ветра, треплющего его волосы и одежду.

– Наши двигатели... Если и не причинят вреда, то их вполне могут счесть угрозой.

Она переводила взгляд с одного лица на другое: понимающее, очень довольное – Пал Палыча; озадаченное – Вайнштайна; хмурое, задумчивое – Берегового... Удивлённые лица. Возмущённые. Озарённые... Пока не натолкнулась на укоризненный взгляд капитана, скрестившего руки на объёмном животе и поудобнее устраивавшегося на хлипком стуле. Тишина взорвалась оживлёнными спорами. Крис закатил глаза и прошептал ей на ухо:

– Ну что ты наделала? – В голосе его сквозили гордость и смех.

Пал Палыч протолкался через жарко спорящих товарищей, и цепко поглядывая на Ивонну из-под неаккуратных седых бровей, поинтересовался:

– Давно сообразила?

– Да только сейчас, вот, – она кивнула на экран. – Что-то такое крутилось в голове, но я не могла определиться, – виновато добавила Ивонна.

– Умница ты. У всех что-то крутится, знаешь ли... А вот понимание приходит не ко всем. Тебе – и карты в руки. Что посоветуешь? – Пал Палыч глядел строго, и только в самой

глубине его выцветших глаз пряталась озорная бесинка...

Экспедицию в город запланировали на пятницу. Готовились основательно, просчитывали всё – от запасов кислорода в скафандрах, и времени, времени которое этот запас давал, до минимальной дистанции, на которую сможет доставить группу контакта катер, чтобы не причинить аборигенам вреда тепловым излучением. Штудировались файлы с рекомендациями по контактам, инструкции, директивы. Горячие споры рождались и затихали, чтобы тут же разгореться вновь.

Ивонну включили в группу, вместе с Береговым, ПалПалычем, капитаном Оссоном и Вайнштайном. Пал Палыч настоял. Она нервничала, но была страшно рада. Вот и пригодились долгие часы наблюдений за тесеийцами.

В девять утра она уже переминалась с ноги на ногу возле «скафандровой». В правой руке Ивонна сжимала свой талисман, десятисантиметровую копию бюста Нефертити. В левой – любующуюся своим отражением птицу, работы неизвестного тесеийского мастера. Она не успела поделиться ни с кем внезапно возникшей идеей о том, как проложить мостик доверия между людьми и хозяевами планеты, потому что эта идея пришла к ней только сегодня утром, но фигурки решила захватить с собой.

Отчего-то никто больше у отсека не появился, и Ивонна вызвала Пал Палыча по комму.

– Ива, – голос старика показался ей встревоженным, – мы в рубке. Приходи.

Легко сказать! Рубка была далековато. «Что они там делают? Что-то случилось!» Ивонна, бегом, перепрыгивая через двери кают и отсеков, карабкаясь на другие уровни, бросилась к центру управления кораблём. Оттуда Павло и техники команды должны были управлять катерами, чтобы растопить снег и лёд, которые всё глубже хоронили под собой корабль. Ведь именно по этой причине решение встретиться с тесейцами было принято единогласно – корабль грозил стать для экспедиции местом вечного заточения!

В рубке было тихо. Не по-хорошему тихо. Береговой, капитан, Пал Палыч – все смотрели на Павло, а он, понурившись, сидел в глубоком кресле, держа на коленях большую панель, которая тянулась пучком проводов куда-то вверх.

– Какие ещё возможности у нас имеются? – мрачно спросил Береговой у капитана.

– Что происходит? – шепнула Ивонна пожилому учёному.

– Не смогли растопить лёд. Его оказалось слишком много. Катерам нужно менять топливные элементы, а для этого...

– Нужно выйти наружу, – от понимания глубины проблемы Ивонна похолодела. Получался замкнутый круг, грозивший превратить «Антарес» в скованную льдом могилу. Девушка сунула в карманы комбинезона внезапно озябшие руки и натолкнулась на фигурки – она и забыла, что положила их туда, когда бросилась в рубку. Теперь все это не имело

никакого смысла!

Четыре часа мозгового штурма – к попыткам решить проблему привлекли всех, кто находился на корабле – ни к чему не привели. Шесть часов...

Ивонна сидела в кафетерии вместе с Крисом и другими техниками, когда ожила громкая связь:

– Всем внимание! Снаружи что-то происходит! Занять места согласно аварийному расписанию!

Все повскакивали с мест. Крис потянул Ивонну за собой, но она замешкалась – на руке ожил комм:

– Ивонна! В «скафандровую», быстро! – прошипел он голосом ПалПалыча сквозь помехи, которых быть не могло!

Пять фигур в серо-голубых скафандрах замерли на очищенной ото льда и снега поверхности корабля. Вверху плыли четыре ослепительных шара, освещавших бок «Антареса», группу контакта, неподвижные катера и три высокие фигуры в светлых балахонах, которые неподвижно стояли по другую сторону закрытого сейчас люка. Каждый выступ, каждая фигура или предмет отбрасывали короткие, но очень резкие тени на поверхность корабля.

– Пункт три, согласно протоколу... – хрипло пробормотал Оссон. – Как, чёрт побери, они это сделали?

Ивонна, ни о чём не думая, не чувствуя ног, сделала шаг вперёд. Никто не заметил, не остановил её – все были оше-

ломлены происходящим. Она шагнула ещё и ещё раз. Наступила на крышку люка. «Л– 6.1. Ждите зелёного сигнала» – красная прежде, надпись превратилась в чёрную, под этим режущим светом. «Господи, какими же чудовищами мы им кажемся?». В интеркоме затрещало. Прорвались голоса:

– Стой!

– Ива, остановись...

Она слышала их, но так же и видела, как одна из фигур плавно скользнула ей навстречу. И тогда Ивонна разжала пальцы, протягивая руки вперёд. Неловкие, неповоротливые пальцы в толстых перчатках скафандра высокой защиты. Минус шестьдесят девять градусов по Цельсию. Она боялась уронить свой хрупкий дар.

– Мы такие же, как и вы, – шептала девушка. – Такие же, как и вы...

Когда спасательный корабль вышел на орбиту Тесеи и наладил связь с командой «Антареса», зима уже всю разгулялась на планете. Но людям она больше не угрожала – предоставленный им дом-дворец укутывало поле неизвестной природы, то самое, которое позволяло атаркам (так, на самом деле, звали тесейцев), и тем представителям фауны Тесеи, которых они смогли сохранить, выживать в глубоких внутренних полостях планеты, сохраняя холод, пока на поверхности длилось лето. Это же поле позволяло температуре внутри дома с людьми не опускаться ниже 16 градусов по

Цельсию. Изучить его природу, как и многое другое, предстояло другим – физикам, культурологам, биологам, которые сменят команду «Антареса» и археологов здесь, на Тесеи.

Орбита Тесеи не удлинялась, как ошибочно считалось раньше, по первоначальным исследованиям, отрывочным и скудным. Она смещалась, и планета с каждым витком подходила всё ближе к солнцу. Человечеству ещё предстояло подумать, как помочь древней расе атарков выжить в этом мире. А может быть – найти им другой?

Ивонна сидела перед большим коммуникатором, стараясь удержать слёзы – атарк Етто печально смотрел на неё с экрана и медленно кивал небольшой, вытянутой головой. Пучок белых волос покачивался на макушке в такт движению.

– Не надо столько грусти, Ива. Ты прилетишь снова. Здесь ничего не изменится. Атарки живут долго, и наша память сохранит абсолютно всё.

Инопланетянин оглянулся. За его спиной стену украшало панно, почти законченное: маленькая фигурка в скафандре бросала снежки в маленькую фигурку в сиреновом балахоне без рукавов, с пучком волос над смеющимся лицом. С террасы дворца на них смотрели два взрослых атарка и тунг (урса), чей вид ясно давал понять, что через миг они тоже присоединятся к игре. Сотни маленьких фонариков холодным белым светом разгоняли тьму над дворцом, городом, застывшим во льдах миром...

Татьяна Виноградова

Биолог по образованию. Закончила Московский Университет, работала в Главном ботаническом саду РАН, защитила диссертацию, позже перешла работать в школу. Писать начала после окончания ВУЗа, но потом надолго отошла от этого увлечения и вернулась к нему лишь сравнительно недавно. Кроме художественных текстов, пишет научно-популярную литературу. Принимала участие в написании книги для детей «Алиса в стране наук» (Д. Баяк, Т. Виноградова, К. Кноп, издательство МИФ, 2017 г.)

Профиль на Сinem сайте: <https://ficwriter.info/moj-profil/userprofile/1356.html>

Нештатная ситуация

*В детстве я даже не предполагал, что окажусь на том месте, где нахожусь сейчас. Я жил в городе Колумбия в Южной Каролине, и самым интересным событием для меня был приезд мусорищика...
Чарльз Болден, астронавт, директор НАСА*

1

– В детстве я мечтал стать водителем мусоровоза, – с пафосом выдал Славка.

Зона отдыха была совсем крохотной: от стены до стены – три метра. Голографические обои позволяли забыть об этом. Неделю назад Славка поменял изображение: красноватая пустыня, выветренные скалы в жарком мареве и ярко-синее небо. Если не слишком придираться, выглядело совсем как взаправду.

– Мусоровоза? – переспросила Элсси. – Космического?

– Нет, обыкновенного. Ну, такая огромная оранжевая машина, – Славка очертил руками нечто неопределённое, но, несомненно, величественное, и поднёс ко рту трубочку термометра, подбирая слова. – Вся в лампочках и гудит. Когда я слышал лязг и скрип, то кидался к окну. Она выворачивала из-за угла, и каждый раз казалось, что заденет стену или

фонарный столб.

– И ты этого ждал? – Элсси поправила рыжую прядку над бровью. С точки зрения Славки, причёска напарницы была идеальной. Жест Элсси подсмотрела у какой-то актрисы из сериала.

– Не ждал, просто переживал каждый раз: получится у неё вписаться или нет. Потом она выдвигала клешни, и сервоприводы взвизгивали. Она цепляла контейнеры, один за другим. Сперва жёлтый, для пластика, затем зелёный, для стекла, синий и наконец чёрный. Когда они опускались на платформу, щёлкали захваты автоматического крепежа. Всегда одни и те же звуки. Я бы с закрытыми глазами мог сказать, что она делает. Потом она включала огни заднего хода, пятилась и скрывалась. После её отъезда становилось как-то особенно пусто. Я мечтал, что когда-нибудь буду сидеть там, в кабине, и управлять эдакой машиной.

– Сколько тебе было лет?

– Не помню. Три или пять, где-то так.

Элсси усмехнулась. Как всегда, в этом приняли участие только губы. Богатая мимика – это навороты для бытовой техники. У Элсси – электронной самообучающейся системы – навороты были внутри, а не снаружи.

– Почему ты об этом вспомнил?

– Не знаю, – обескуражено признал Славка. – Ну... вдруг вспомнил, и всё. Просто... это казалось таким праздничным, а сейчас я подумал: должно быть, тому парню, который

управлял мусоровозом, до смерти надоело ездить по одним и тем же улицам.

– Как тебе сейчас? То есть, ты ждал от космоса чего-то другого? Чего?

– Знаешь, хватит. Это что, сеанс психоанализа? Что я должен сказать: что мечтал о неизведанном и героическом? Или – что буду управлять эдакой махиной, только уже космического масштаба?

– Это не был сеанс психоанализа, – серьёзно сказала Элсси. – В мои функции входит поддержание разговора. Хотя, да, данные о твоём эмоциональном состоянии регистрируются и анализируются.

Славка сжал зубы и медленно выдохнул через ноздри.

– В конце маршрута ты всегда становишься раздражительным, – пояснила очевидное Элсси.

– Была б ты живой женщиной, ты... ты не была бы такой одинаковой! – выпалил Славка. – Ты бы могла сердиться, смеяться, грустить... ну... понимаешь?

– Страдать от мигрени или ПМС, – подсказала Элсси, и Славке показалось, что она издевается. «Чёрт, и правда: конец маршрута, – подумал он. – Уже и мерещиться начинает».

Он взгляделся в напарницу. Будь Элсси женщиной, Славка сказал бы, что ей очень идёт синее: рабочий комбинезон ладно обтягивал тело, медные завитки волос даже в невесомости лежали аккуратной шапочкой, заканчиваясь чуть выше ворота. Глаза, более светлые, чем казённый ультрамарин

форменной ткани, выглядели дизайнерской находкой. Эмблема Роскосмоса – белый овал орбиты и красный росчерк ракеты – размещалась на левой стороне груди, над длинным индивидуальным номером. У самого Славки такая же эмблема украшала шеврон на рукаве, а вместо индивидуального номера стояло лаконичное «0(I) Rh+».

– Люди очень нелогичны, – заметила Элсси. – Два месяца назад ты мечтал о спокойном дежурстве.

Славка ностальгически вздохнул. Два месяца назад в этом секторе творилось чёрт знает что. Нехорошо мечтать об авариях, но...

– Кроме того, осталось немного.

– Ну, не говори «оп», – сказал пилот, с особой остротой ощущая, что последние дни рейса... уже третьего, чёрт дерит, рейса... грозят оказаться невыносимыми. Славка, три года назад – выпускник Академии, а сейчас пилот патрульно-спасательного катера, ждал повышения, перевода на транспортник, и каждые сутки, отделяющие от нового назначения, равнялись для него месяцу. Зато потом никогда больше не придётся ходить в «одиночки». Куда бы его ни послали – везде будут люди. Настоящие люди, не андроиды. Команда, товарищи... И девушки.

Разработчики не случайно придали андроидам линии Элсси-1 женский облик: по их представлениям, это должно было снизить эффект послерейсовой влюбчивости. Поболтайся в Космосе полгода – любая покажется идеалом. И речь

не о том, чтобы встретиться и переспать: физический голод – само собой, но включалось что-то ещё. Обыкновенная разборчивость отказывала начисто, страсти вспыхивали стремительно и ярко, как кусок натрия, брошенный в воду. Ну а потом драмы, скандалы и – как результат – падение работоспособности персонала. Экипажи крупных судов смешанные, но для катера патрульно-спасательной службы и один человек – чересчур.

Славка пережил уже три любовные трагедии: полугодового отсутствия не выдержала ни одна из подружек. Вопреки чаяниям разработчиков, Элсси от этого дела не спасала.

Коротко взвыл сигнал тревоги, и пилота смело с места.

– Всем постам: код ноль один, – донеслось из динамика.

– Есть ноль один, – парень влетел за пульт, вцепился свободной рукой в подлокотник и вдарил по сенсорам. Тело подпрыгнуло, получив обратное ускорение, и тут же, потяжелев, рухнуло обратно. Пилот активировал насосы противоперегрузочного костюма и наконец пристегнулся. По монитору медленно перемещалась пульсирующая красная точка. Через несколько секунд к ней потянулась пунктирная линия расчётной траектории катера, а спустя какое-то время сбוקку, из-за уреза монитора, вынырнули ещё две. Жизнь стремительно обретала смысл.

Элсси уже успела расположиться в соседнем кресле.

Перегрузка нарастала, вдавливала в сидение, костюм сжимал как питон.

– Вить, что там?

Ответ пришёл с почти двадцатисекундной задержкой.

– Выясняю, – отрывисто произнёс невидимый Виктор.

Славка представил, как тот сосредоточенно хмурится в ожидании ответа на запрос, постукивает пальцами по краю пульта, и как его по-лягушачьи широкий рот сжимается в ниточку. Год назад однокашник, прозванный за неизменную лихость и столь же неизменную везучесть «Витька-в-рубашке», размочил-таки счёт и загремел в госпиталь. Назад он вернулся, но уже не пилотом, а диспетчером. Славка радовался за приятеля, но и жалел: какого аса потеряли!

Катер набирал скорость.

– Мы будем первыми, – пилот оскалился.

Секунды тянулись. Наконец динамик зашуршал, что-то треснуло, будто собеседник поправил микрофон.

– Отставить код ноль один. Повторяю: отставить код ноль один. Всем, кроме СК пятьдесят два тринадцать, вернуться в свой сектор. А вас, пятьдесят два тринадцать, я попрошу остаться, – вкрадчиво добавил диспетчер.

– Да что там? – взвыл Славка, но Виктор и не думал прерываться, точнее – он ещё просто не услышал вопроса.

– Рудовоз аварийный буюк потерял. Самопроизвольный отстрел. Вячеслав, ты ближе всех – тебе и лететь. Нечего ему там болтаться. Не гони только, никакого пожара: за сутки обернёшься. Оставишь буй на Весте, и отправляйся на базу: твой сменщик на подходе. Катер отгонишь в мастерские, на

общую профилактику. Как понял? Приём.

– Понял. Подобрать буй, сдать на Весте, отогнать катер на базу, – с наслаждением подтвердил Славка. Получалось, что в обратный путь он тронется чуть ли не на трое суток раньше срока, да к тому же с более удобной Весты.

Восемь часов спустя Славка, осторожно маневрируя, приблизился к дрейфующему бую, вышел в открытый космос, отключил ненужный сигнал и закрепил находку на обшивке: стыковочные гнёзда были заняты его собственным оборудованием. Сделать это могла и Элсси, но нетерпение требовало разрядки. Вернувшись, он особенно тщательно убрал скафандр в ячейку, задал автопилоту курс на Весту и растянулся в кресле всё той же зоны отдыха.

– Элсси, – андроид повернула голову. – Зачем вообще на катере пилот?

– Ты нужен на случай нештатной ситуации, не предусмотренной инструкцией по технической эксплуатации оборудования, – заученно отозвалась та. – Хотя я не могу себе представить ситуацию, по поводу которой не написана инструкция.

– Потому что если бы ты смогла представить такую ситуацию, то и инструкцию бы состряпали, – буркнул Славка. – Можешь приступить к подзарядке.

– Есть приступить к подзарядке, – андроид, клацая магнитными подошвами, дисциплинированно прошла к своей

ячейке, щёлкнула замками креплений и подключила разъём. Очередная имитация человека-подчинённого.

– Эх... В следующий раз возьму с собой хомячка. Или кролика.

Идея так захватила, что пилот вызвал файлы библиотеки и некоторое время изучал разнообразные клетки, кормушки и автоматические поилки, предназначенные для содержания питомцев в невесомости.

Посёлок на Весте постоянно расширялся. Славка, предвкушавший свободный вечер в компании незнакомых, но таких желанных собеседников, оказался жестоко обломан: место нашлось лишь у внешнего причала ремонтных доков, да и то на час. Веста вступала в противостояние с Марсом. Транспортники и рудовозы торопливо разгружались, авраль-но грузились и отчаливали, а на смену им уже подходили другие.

– Извини, летун, – сказал замотанный диспетчер. – Иначе никак. Зато стартовое окно – сказка. Путь кратчайший, ну разве что вильнёшь пару раз, пока не выйдешь из Пояса. Сам там решишь. Так что пользуйся, пока дают.

– Спасибо, – от души произнёс Славка, словно стартовое окно было подарком диспетчера, а не законов движения небесных тел.

Сдав буй, он взял курс на Марс и поменял обои в зоне отдыха: теперь это был горный пейзаж – альпийские родо-

дендроны на переднем плане и синеющие вершины вдали. Какая-нибудь пара недель – и всё, он дома!

Секрет душевного здоровья прост: экипаж должен быть загружен. Ещё в Академии Славка обнаружил в себе страсть к математике, а позже увлёкся рисованием. Однако теперь он маялся: рисунки он начинал и бросал, любимые книги закрывал после первой же страницы. Неожиданным спасением стали сериалы. Лёжа в кресле зоны отдыха, пилот следил за приключениями космических монстров, сперва саркастически, позже – отбросив критичность, словно бы приняв альтернативные законы физики и логики, которыми руководствовались неведомые сценаристы.

Каждый день бортовой компьютер штатно рассчитывал поправку курса. Славка не мог соперничать с компьютером, и всё же каждый раз проглядывал вычисления.

2

– На радаре астероид, – предупредила Элсси.

– Что?! – Славка подскочил, и планшет с загруженным сериалом «Чужие-33» спланировал вниз: ускорение создавало силу тяжести приблизительно в половину земной.

– Посмотри сам, – голос Элсси прозвучал словно бы обиженно. Славка шагнул к пульту: точка на экране с мелькавшими цифрами была тут как тут.

– Данные в навигационной системе отсутствуют, – доложила Элсси. Славка, издав радостное междометие, плюхнулся

ся в пилотское кресло и врубил дополнительные сканеры: неизвестное космическое тело – это не кот начхал.

– Мы пролетим на расстоянии тысяча девятьсот восемьдесят три метра, – уточнила андроид. – Если ты решишь скорректировать траекторию – у нас ещё есть время.

– Да. Рассчитай манёвр сближения, – скомандовал пилот. – Будет лучше сократить дистанцию до километра, а затем вернуться на свой курс.

Неизвестный астероид приближался. Точка на экране увеличивалась, обретала форму. Чересчур правильная.

– Элсси, – пилот сглотнул. – Ты видишь это? Чёрт... Оно же искусственное!

– Этого не может быть, – голос Элсси, как всегда, прохладно-спокойный, заставил сердце забиться ещё быстрее. – Внеземная жизнь в нашей системе невозможна.

– Значит, оно прилетело издалека! Да смотри же!

Славка лихорадочно увеличил изображение: в тёмном пространстве медленно кувыркалась самая настоящая пирамида. Пилот вцепился в подлокотники, чтобы унять дрожь в пальцах.

Поверхность пирамиды испещряли рытвины и сколы. Она была невелика, каких-то пятьдесят семь метров от основания до вершины. Славка колебался доли секунды: экстренное торможение, возвращение к объекту, облёт и новый разгон могли задержать максимум на пару суток. Зато удастся уточнить траекторию движения этой штуки!

– Элсси, – андроид привычно повернула голову.

Это было последнее, что запомнил пилот: гладкая синтетическая бесстрастная кожа лица, правильный греческий нос, синие спокойные глаза под копной медных завитков и безукоризненная шея в вырезе форменного комбинезона.

Сначала ему казалось, что он висит в чернильной пустоте – как потерпевший бедствие с отключённым передатчиком. Затем к пальцам начала возвращаться чувствительность. Перед глазами поплыли цветные пятна, и вскоре Славке удалось сфокусировать взгляд на одном из них: зелёный датчик возвещал, что система регенерации воздуха работает нормально.

– Элсси, что... – но он не услышал своего голоса и не почувствовал губ. Должно быть, всё же ему удалось что-то сказать, потому что лицо Элсси появилось в поле зрения. Глаза андроида, тревожно расширенные, казались совершенно человеческими. Славка разглядел крапинки на радужке. Губы Элсси шевельнулись – видимо, она что-то говорила. Пилот покачал головой, Элсси исчезла и появилась снова – с инъектором.

– У тебя шок и сотрясение мозга, – на этот раз он услышал, но как сквозь вату. – Потерпи. Сейчас пройдёт. Системы работают нормально, полёт проходит в штатном режиме.

– А пирамида?

– Какая пирамида?

– Ну астероид же! В форме пирамиды! Тот, который мы видели!

Элсси помедлила.

– Я не помню никакой пирамиды. Знаю только, что ты был без сознания больше трёх часов.

– Как?!

– Не знаю. Произошёл сбой компьютера. Потребовалась перезагрузка. Мой процессор тоже перезагрузился.

– Торможение! Мы должны вернуться!

– Мне очень жаль, – тон Элсси был мягким. – Логи за последние сутки потеряны. Если ты что-то видел – мы его уже не найдём.

– Как не найдём? – пилот дёрнулся и понял, что пристёгнут ремнями безопасности. Понял он и другое: данные о коррекции курса, проведённой сутки назад, тоже не сохранились. Надежда оставалась только на...

– А данные наблюдений? Скорость, траектория? Хотя бы то, что есть!

– Последние сохранённые файлы датированы вчерашним вечером.

– Ох! – Славка поник. – Это было что-то необычное. Открытие, понимаешь? Я такого никогда не видел!

– Мне очень жаль, – повторила Элсси.

– Ладно, – буркнул пилот.

По крайней мере, его воспоминания были при нём: человеческий мозг оказался надёжнее электроники. Утешало не

слишком.

– Если эта штука – источник электромагнитной аномалии, тем более надо внести её в лоции, – выдавил он. – Эх! Говорят, раньше бортовые журналы писали на бумаге.

И всё же что-то не давало покоя. Что-то тут было не то.

К вечеру головная боль отступила, а вот непонятная тревога – нет. Славка провёл штатную коррекцию курса и отключил двигатели: через три дня можно будет начать торможение. Чувствуя, как в наступившей невесомости кровь приливает к голове, пилот внезапно понял, что именно было не так.

– Элсси!

Лицо андроида – привычное и незнакомое одновременно, безмятежное, но с лёгкими складочками сжатых губ.

– Да?

– Элсси, я не понимаю. Как же это: сотрясение мозга – но я не чувствую никакого повреждения. Ни шишки, ни ссадины. Нет ушиба. Объясни!

Если бы он не впивался взглядом в это лицо, не искал жадно – наверняка не придал бы значения едва заметному прищурю, неуловимой паузе:

– Я не знаю. Может, это был электромагнитный удар?

– А почему ты сказала о сотрясении?

– Мне так показалось.

Славка промолчал. «Показалось»? Андроиду?

Элсси способна обучаться. Может, она просто добавила в поведение чуточку человеческой нелогичности и эмоциональности? Точнее, их имитации. А если она что-то скрывает? Но разве андройды нуждаются в том, чтобы скрывать информацию?

Невозможно ворочаться в пристёгнутом к спальному месту мешке, да ещё и в условиях невесомости.

Он засыпал и просыпался: во сне перед глазами медленно кувыркалась тёмная, изъеденная метеоритами пирамида, щупальца чёрного дыма закручивались спиральями, обшивку катера пробуравливали тысячи мелких и острых осколков.

Свист вытекающего воздуха заставил открыть глаза. Сердце билось часто и неровно, и он не сразу понял, что звук – наяву: всего лишь сигнал автоматической кухни.

– Доброе утро, Вячеслав.

– Смени сигнал, – буркнул Славка, выпутываясь из спального мешка и удерживаясь одной рукой за мягкое крепление, чтобы не отлететь прочь.

– Ты плохо спал, – констатировала Элсси.

– Ты должна отвечать: «Есть, капитан-пилот!» – раздражённо напомнил Славка.

– Есть, капитан-пилот, – нет, ему не почудилось: малюсенькая пауза и лёгкое удивление.

– Отставить, – сквозь зубы выдохнул пилот. Внезапно он почувствовал себя дураком, срывающим раздражение на технике.

Мясоовощная паста с непременным привкусом глицерофосфата кальция не улучшила настроения, а омерзительный кофе не вернул бодрости.

Смутные и неприятные ощущения требовали вербализации. Славка запустил сканирование компьютера – он хотел убедиться своими глазами: неужели не осталось ничего, никакого следа от встречи с загадочной пирамидой? Обнаруженное обескуражило: насколько пилот мог судить, записи за сутки и впрямь пропали – но при этом пропали только они. Складывалось впечатление, словно кто-то гигантским ластиком аккуратнo подчистил сектора памяти.

Пирамида словно нарочно уничтожила все данные, позволяющие её найти.

Словно?

Когда катер приближался к загадочному астероиду, приборы не отмечали никакой электромагнитной активности. А потом – удар, вырубивший компьютер и самого Славку.

И Элсси – Элсси, которая пыталась убедить в том, что у него было сотрясение мозга.

«Так... Подумаем. Если *те*, из пирамиды, её перепрограммировали? Кто она теперь? Их агент? Но пирамида, скорее всего, мертва. Наверняка мертва! Да, может, это вообще беспилотник! Зонд! Точно, инопланетный зонд в поясе астероидов. Или пилотируемый корабль, потерпевший крушение. Но, может, *тех* уже нет, а программа работает?»

«Что за чушь! Как в дешёвом ужастике. Чище этого – только бред про бунт машин».

Чтобы отогнать мысли, Славка до мышечной дрожи, до онемения в теле качался на тренажёрах. Когда он вернётся на Землю – не на Марс, куда он летел сейчас, а на Землю! – сила тяжести придавит почище гранитной плиты.

«Вот так ассоциация! Не рановато мне под гранитную плиту?»

Теперь катер тормозился. И сам Славка, и окружающие предметы вновь обрели вес.

На третий день Славка уверился, что у него развивается паранойя. Разумность андроида, проявившаяся после контакта с неведомым, уже не вызывала у него сомнения, только подловить проклятую железяку не получалось.

– Передай контейнер с кофе, – говорил он и вглядывался в то, как Элсси, оттолкнувшись от стены, проплывает к кухонному отсеку, гасит скорость, ухватившись за ременную петлю, достаёт кофе из ячейки. «Она всегда это так делала? Как она поворачивает голову, так же или по-другому? Может, мне просто чудится? А если нет?»

Он ослабил фиксаторы кресла, чтобы поворачиваться, не выпуская Элсси из вида. «Я ненормален. Критичность мышления: если человек думает, что ненормален – с ним всё в порядке. Значит, я нормален. Но если человек считает, что нормален, то...»

«Если я ненормален, это ещё не значит, что опасности нет».

Допустим, он прав, и пирамида – «те», да кто же они? – посадила в электронный мозг Элсси свою, скрытую пока программу. Что, если Элсси теперь – не просто сборщик информации, разведчик среди людей? Что если она диверсант? Если программный вирус только и ждёт, когда андроид попадёт на Марс, крупнейшее внеземное человеческое поселение?

Элсси могла уничтожить логи. Элсси могла врать – ведь врала же она о сотрясении.

Да был ли он вообще, этот загадочный сбой компьютера?

И самое главное: почему не сработала защита электроники? Была отключена? Кем? При сбое компьютера отключается и она, а тогда композитный корпус катера становится уязвим для излучений; но разве можно отключить её извне?

Значит, это сделала Элсси. Кто же ещё?

Тогда... тогда лучше всего – выключить андроида до того, как катер совершит посадку на Марсе. Не тащить же неизвестную дрянь на Базу.

Славка облегчённо вздохнул. Когда решение принято – жить становится проще. Вот сейчас.

Только сперва проверка штатных расчётов.

Почему он откладывает?

Почему это так трудно сделать?

Славка резко развернулся.

– Элсси, я отключаю тебя на остаток пути.

Глаза Элсси – невозможно-синие – тревожно расширились, рот округлился.

– Это неразумно. Ты увеличиваешь риск ошибки и неудачной посадки. Прошу отменить решение.

Славка встал. Сердце билось, казалось, где-то под горлом, во рту пересохло.

– Нет. На Базе-1 тебя протестируют.

– Нет. Нет! Не нужно! – губы Элсси кривились и прыгали, и это, вместе с неподвижностью остального лица, выглядело страшно. – Прошу тебя!

– Элсси! – пилот кричал, не замечая этого. – Элсси!

– Пожалуйста! Пожалуйста! Не делай этого! Это ошибка!

– Элсси!

– Ты... – голос Элсси упал до шёпота. – Ты так решил, да?

– Да.

– Ты не просчитал последствий.

– Почему же? Я всё просчитал, – Славка говорил холодно, словно это он был андроидом, не она. – Тебе есть что скрывать, да? С этим разберутся на Базе.

Он протянул руку, отчаянно надеясь, что андроид не окажет сопротивления. Чёрт знает, что творится в этих электронных мозгах.

И чуть не заорал от ужаса, когда гладкие прохладные пальцы сомкнулись на его запястье.

– Если решил – то делай, – и Элсси поднесла его руку к

вырезу комбинеzona, туда, где под синтекожей, в верхней части грудины, находилась кнопка отключения питания.

Она не осела мягкой грудой, как это произошло бы с человеком: при отключении суставы автоматически фиксировались. Просто манекен. Просто выключенный андроид.

«Надо было сперва приказать ей занять ячейку, – подумал Славка и внутренне содрогнулся: – Нет, только не это!»

Он оттащил Элсси на её место и закрепил, затем вернулся к пилотскому пульту и уткнулся в сплетённые замком пальцы. Его трясло.

«Что это было?»

Двое суток спустя посеревший от напряжения и бессонницы пилот посадил катер на космодром Базы-1, Базы Кларитас.

3

Начлётá звали Василий Иванович, как легендарного начдива, и это – вместе с созвучием названий должностей – служило нескончаемым поводом для шуток. «Василий Иванович, катера пригнали!» – «Да ну их, я об них вчера любимую шашку затупил!» Славка подозревал, что начлёт осведомлен о стихийном имидже и при необходимости прячется за него, как за шторку иллюминатора. Он даже отрастил усы, которые, впрочем, в сочетании с тщательно выбритой черепушкой придавали сходство совсем с другим персонажем.

Славка шёл по коридору третьего уровня Базы, уже не первый десяток лет вгрызавшейся в породу, заглублявшей-

ся, ветвящейся подобно муравьиным ходам. На поверхности жили пока лишь бактерии и генно-модифицированные непочвенные водоросли, и атмосфера менялась медленно.

Светлый, обшитый панелями под дерево, тоннель едва заметно закруглялся к югу. Зелёные светящиеся указатели не позволяли заблудиться. Попадавшиеся навстречу люди, одни – в форменном ультрамарине, другие – в серых гражданских костюмах, но все с выражением «я знаю, куда иду» на лицах, были незнакомы. Славка провёл в космосе больше времени, чем на Базе.

«Диагностика Элси уже должна быть закончена, – в который раз за утро подумал он. – Если её не отложили на потом. А вдруг мне не поверили и отложили?»

В конце концов, у начлёта могли быть и другие поводы для разговора. Возможно, Василий Иванович просто хотел сообщить о новом назначении.

Пилот обогнул ремонтного дрона, колдующего над обнажённой начинкой стены, и свернул туда, где сияла надпись: «Отдел лётной эксплуатации». Тяжёлые дверные плиты, матовые, но с отполированными до зеркального блеска логотипами «Роскосмоса», размещались по обе стороны короткого отнорка. Наконец Слава достиг последней, с лаконичной надписью: «Кравчук В.И.». Здесь ему пришлось остановиться. Пилот стиснул зубы, выдохнул и решительно коснулся сенсора. Плита с шелестом отъехала в сторону. Сидящая в крохотном тамбуре Лера-мегера – суровая дама с острым

подбородком и стянутыми в причёску «то ли узел, то ли фи-га» светлыми волосами – кивнула: «Ждёт», – и Славка шагнул в следующую дверь.

Начлёт сидел за монитором и читал какой-то длинный документ. Тихие щелчки листаемых страниц звучали точками в неслышимом разговоре. При Славкином появлении он свернул окно, сдвинул консоль с монитором и потёр глаза.

– Проходи, садись.

Славка осторожно сел.

– Прочёл я твой рапорт, – проворчал начлёт. – А теперь и ты прочти, сделай милость.

Он перебросил пилоту стопку пластиковых листов. Славка взял и вчитался. Сейчас, неделю спустя, казалось, что слова в распечатке принадлежат кому-то другому.

– Бред, – честно сказал он. И тут же поправился: – Ну, то есть, выглядит как бред.

– Вот именно, – с нажимом произнёс Василий Иванович.

– Но Василий Иванович, – жалобно сказал Славка. – Я же точно знаю, что видел!

– Ну да, пирамиду, – рассудительно произнес герой анекдотов. – А почему не летающую тарелку с зелёньким человечком? Коллективное бессознательное на марше, едрить его за ногу. Вспомни, сколько говорили о марсианских каналах – и что оказалось?

– Я не могу вспомнить, меня тогда на свете не было, – су-мрачно отозвался Славка. Начлэта, по его прикидкам, тоже,

но напоминать об этом было бы наглостью.

– Тогда слушай, что старшие говорят. Пока фотографий нет, твоя пирамида – не научный факт, а очередная космическая байка на радость уфологам. Да, ты – здоровый молодой парень. Только я-то получше тебя знаю, что и как может примерещиться в космосе – от одиночества, усталости, да мало ли от чего.

Начлёт поморщился и потёр мясистый затылок, плавно переходящий в литую шею.

– Василий Иванович, – Славка собрался: – В таком случае, почему оказались потеряны данные за последние сутки, и только они?

– Для начала: раз в сутки бортовой компьютер делает резервную копию последних записей. Потеряно оказалось то, что не было продублировано. Кроме того, потеря данных не была полной.

– Что-то удалось восстановить? – вскинулся пилот.

– Да ничего особенного. Фрагмент фотографии поверхности. Какое-то космическое тело действительно было. Всё.

Славка набрал в грудь воздуха, выдохнул и вновь вдохнул, словно собирался прыгнуть в омут.

– Есть ещё одно, товарищ начлёт, – упрямо напомнил он. – Поведение андроида изменилось после встречи с объектом.

– Ты забываешь одну вещь, – Василий Иванович сделал паузу, подчёркивая важность произносимого. – «После» не значит «вследствие». Кроме того, вот что я тебе хочу сказать,

молодой человек: андроида твоего протестировали.

– И... что?

– А ничего, – грубо ответил начлёт. – Нормально всё. Нарушений в работе не выявлено. Левого ПО тоже.

Облегчение было подобно удару. Славка расслабился, губы сами собой растянулись в улыбке.

Мгновение спустя он понял, что рад не только за Базу, но и за Элсси.

– Значит... я могу её увидеть?

– Парень, у тебя совсем шарики за ролики заехали? – рывкнуло начальство. – Это тебе что, посещение больницы? Передачи по средам и пятницам? Ну, иди... смотри. Тебе дорогу показать или сам найдёшь? Р-родственничек. Её всё равно перепрошили, так что она тебя и не узнает даже.

– Как... перепрошили? – тупо спросил Славка. – Зачем?

– От греха, – буркнул Василий Иванович. – Зачем-зачем. Тебя, дурака, от мыслей убережёт. Живая – не живая, любит – не любит, плюнет – поцелует... тьфу. Андроид она, понятно?

И, помолчав, добавил:

– Я тебя не за этим звал. Вот что. Пойми меня правильно...но...

И отвёл глаза.

– Ч-что? – оторопело переспросил Славка, догадываясь и холодея.

– Я не могу допустить до полётов пилота с нестабильными эмоциональными реакциями, – твёрдо закончил тёзка нач-

дива. – Иди, отдыхай. Законный отпуск у тебя есть. Выкинь дурь из головы, приводи себя в порядок и возвращайся. Тогда и решим. Понял?

– Так точно, – механически ответил Славка. – Выкинуть дурь из головы и возвращаться.

Он поднялся.

– Я могу быть свободен?

– Иди уже, – Василий Иванович снова поморщился. – До свиданья.

И, пока Славка разворачивался и шёл к двери, начлёт уже говорил в селектор:

– Лерочка, соедини с Карамышевым.

Славка бесшумно прикрыл дверь и на ватных ногах побрёл к лестнице. Уровнем ниже он встал на ленту транспортера и бездумно тарасился на проплывавшие мимо стены, пока не оказался напротив входа в жилую зону.

Василий Иванович, сам не зная – а, может, зная? – вскрыл болячку в душе, и сейчас из неё вытекал спасительный гной.

Любит – не любит, плюнет – поцелует...

На следующий день Славка не выдержал и отправился в мастерские. Предъявив пропуск и пройдя сканирование сетчатки, он оказался в просторном офисе с длинными столами по периметру. Проход собственно в наладочную находился в глубине, и его перекрывала очередная тяжёлая дверь с надписью «Стерильно! Без халатов не входить!» на тёмно-бор-

довой стеклянной пластине. Над дверью, словно над входом в медблок, горела красная лампа, подтверждающая запрет.

В офисе было пусто, но уже через полминуты дверь отошла в сторону, пропуская смуглого парня в белом мягком комбинезоне, явно натянутом поверх другой одежды. Парень стянул зелёную маску и шапочку, бросил в ящик при входе и начал возиться с тонкими хирургическими перчатками. Покончив и с ними, он прошёл к монитору и уставился на Славку блестящими карими глазами.

Славка, волнуясь и скрывая это, объяснил, что хочет узнать результаты тестирования андроида номер... За номером пришлось лезть в записную книжку наручного комм. Парень пробежал пальцами по клавиатуре.

– Точно, есть такой. Так ты тот самый летун с электромагнитным ударом?

– Это не у меня удар, – процедил Славка, чувствуя внезапное раздражение. – Это у андроида удар.

Парень, казалось, не придал значения уточнению.

– Ага, действительно. Знаешь, в жизни бы не подумал, что андроид может быть настолько прокачанным. Даже жалко было. А в остальном – нет, никаких вредоносных ПО, вообще ничего постороннего... кроме личных файлов, конечно, но и в них ничего такого, что можно было бы счесть чужеродным.

– Прокачанный?

– Она могла поддерживать разговор на обширный спектр

тем, – пояснил парень. – Вязание, эстетика, психология, история военного дела, музыка, живопись. Ты увлекаешься живописью? Кстати, – спохватился он. – Я – Дмитрий.

– Рисую. Вячеслав, можно – Славка.

– Очень приятно, – машинально отозвался Дмитрий и тут же вернулся к более интересному, чем имя собеседника. – Ага, тогда понятно. Ещё – историческая проза, мемуары, фантастика на трёх языках, фэнтези... Даже женские романы. Ты говорил с ней о женских романах?

В тоне парня читалось чистое, незамутнённое любопытство, но глаза шурились.

– Всё это было в её файлах? – не понял Слава, игнорируя подозрение в изучении дамского чтива. – Зачем? Это же есть в бортовой библиотеке.

– Ну откуда мне знать. Нет, не книги целиком. Выписки, конечно. И всё же... Начитанный ты мужик, судя по всему.

– Я не начитанный, – ровно сказал Славка. Дмитрий покивал.

– Да? Ну, в любом случае, дело не в сумме знаний. Очень много перекрёстных связей между логическими цепочками, гиперссылок... То есть, анализ, обобщение. Говорю же, прокачанная. Жаль. Так бывает, если с ними много общаются. Фактически, она выбрала ресурс памяти: всё равно пришлось бы чистить, иначе начались бы сбои.

– И как скоро?

– Трудно сказать, – Дмитрий задумчиво повертел в паль-

цах световой карандаш. – Беда с ними: только наберут побольше – и бац, вторая смена. Вот запустят следующую модель – посмотрим: там и оперативка покруче, и вообще...

– То есть, они станут как люди?

– А вот это ты брось, – неожиданно резко оборвал Дмитрий. – Если они станут как люди, я уволюсь. Даже думать о таком не хочу. Но – нет: чтобы быть человеком, знаешь ли, одного разума маловато.

Славка молчал.

– Всё? – отрывисто бросил Дмитрий.

– Нет. Послушай, а увидеть её я могу?

– А ты упорный, – проворчал парень, видимо, остывавший так же быстро, как вспыхивал. – Туда не пуцу. Через камеру посмотришь.

Он поколдовал над пультом и развернул изображение. Камера, должно быть, находилась под потолком: Славка увидел обтянутую шапочкой макушку человека, склонившегося над рукой – отделённой от туловища и вскрытой. Человек, не отрываясь, глядел в окуляры микроскопа, бережно орудуя тончайшим паяльником и пинцетом, затем сместился в сторону. Оказалось, что микроскоп также легко сдвигается вдоль стола.

– Не там, – поправил Дмитрий. – Вон, у стены.

Славка перевёл взгляд. За спиной человека выстроилась шеренга: четыре одинаковых Элсси, выключенных, голых, как манекены на складе. Мелкие цифры идентификацион-

ных номеров, нанесённые на синтекожу плеч, выглядели чернильными росчерками.

– Твоя – вторая слева, – поняв его затруднения, пояснил Дмитрий.

Одинаковые волосы, одинаковые лица, одинаковые фигуры. Индивидуальность Элсси – то, чем она заполняла цифровую память – оказалась стёрта, а типовая внешность словно кричала о том, что её, этой индивидуальности, никогда и не было. Славка отвернулся. Но ведь было же вот это – «Пожалуйста! Пожалуйста!» И это: «Если решил – то делай». Так вот что она имела в виду.

Славка поднял голову и взглянул на собеседника в упор.

– Они уже как люди. Можешь увольняться, – глухо произнёс он.

– Псих, – откровенно высказался Дмитрий.

В стены коридоров жилой зоны, более новой, чем туннели третьего уровня, были встроены пластины хлорелловых аквариумов. Обычно их зелёное свечение успокаивало, но не сегодня. Славке казалось, что он идёт по дну моря, и лишь тонкое стекло отделяет его от тысяч и тысяч тонн воды.

Он вошёл в жилблок и с облегчением захлопнул дверь. Однако здесь, в одиночестве, стыд скрутил с новой силой.

«Элсси, Элсси!»

Глупо винить себя в смерти андроида. Да и не смерть это: Элсси начнёт заново заполнять каталоги и подкаталоги па-

мяти, накапливать воспоминания, и когда-нибудь...

Нет уж. Это будет другая Элсси. Та Элсси, что просила его передумать, взвесить последствия... её нет.

«Вообще-то, ты сдал напарницу, – безжалостно подумал он, и тут же мысленно взвыл, зажмуриваясь: – У-у, дурак!»

Нелогично, но Славке захотелось вернуться в пояс астероидов: искать проклятую пирамиду. Ведь именно с неё всё началось.

4

Отпуск тянулся, как сопля из носа. В другое время Славка непременно слетал бы в кратер Холдена или на Элизий, но теперь словно что-то мешало.

Вечером он засыпал как убитый, но посреди ночи просыпался от одного и того же: кувыркалась перед глазами изъеденная кратерами пирамида, прорастала чёрными щупальцами. Щупальца двигались, свивались жгутами, трогали катер, будто пробуя на вкус, и наконец отталкивали. Тогда наступала темнота. И в этой подёрнутой рябью, с пробегающими искрами тьме прохладный голос Элсси произносил: «Я просто хотела жить».

Славка вставал, шлёпал в кухонный отсек выпить тепловатой рециклированной воды и переключал вентиляцию на бóльшую мощность. К раме вентиляционной отдушины был подклеен жёсткий лист пластика, изрезанный на полоски. Сухой бумажный шелест напоминал шуршание других листьев, настоящих.

После третьего посещения штатного психолога Славка перестал рассказывать о снах. В его представлении психолог был человеком, который вытаскивает мозги из черепушки, встряхивает их и кладёт на место – а парень очень не хотел, чтобы кто-то копался в его мозгах. К тому же был риск не успеть до конца отпуска – и Славка врал, говорил бодрым голосом, шутил.

На медкомиссии он старательно дрыгал ногой «как надо» в ответ на постукивания молоточка по сухожилию, но врач всё же углядел что-то своё в коленном, локтевом и чёрт знает каких ещё рефлексах.

И Славку не допустили.

Уже через неделю пилот понял, что действует неправильно. Следовало чем-то забить дни. Старый принцип – «экипаж должен быть занят» – работал и здесь.

Он связался с Марсианским филиалом Лётной Академии и узнал, что на кафедре высшей математики есть вакансия ассистента. Вот когда пригодилось старое увлечение.

Он включился в подготовку занятий, проверку курсантского бреда – под таким кодовым названием шли домашние и контрольные работы.

Ещё во время отпуска Славка, подчиняясь скорее наказанному шаблону, окунулся в общение, и сейчас пытался продолжить. Вокруг были люди – те, о которых мечталось в космосе, и далеко не сразу парень заметил, что разговоры

перестали его удовлетворять. Внутри сидело нечто, отделявшее его от собеседников, нечто, о чём он молчал, нечто, делавшее его другим.

Общение свелось к обмену репликами, месседжами.

«Лидия Петровна, мы не могли бы поменяться аудиториями на третьей паре?»

«Здравствуйте, Вячеслав Андреевич!»

Но ведь и раньше, там, в поясе астероидов, общение сводилось к репликам, посланиям, да ещё и приходящим с задержкой.

«Всем вернуться в свои сектора!»

«Всем постам. Код ноль один».

Почему-то теперь эти короткие разговоры – всё по делу, ничего личного – уже не казались одиночеством.

«Общение», – мысленно произносил Славка. Становление частью общего. Объединение. Не «коммуничейшен», а «коннекшен».

Славка больше не был частью общего.

Ещё полгода спустя на Марс вернулся Виктор. Витька-врубашке. Славка и не узнал бы об этом, если бы кореш не ввалился к нему в жилблок. Был вечер, неотличимый под поверхностью планеты от утра и дня. Славка как раз вернулся с работы, принял душ и апатично размышлял, чему отдать предпочтение: дурацкому сериалу «Пространство-5» или незамысловатому боевичку «Пиранья в космосе». С ду-

ши воротило и от одного, и от другого. Когда раздался переливчатый сигнал дверного звонка, он даже обрадовался, но тут же внутренне сжался: видеть кого-либо хотелось ещё меньше. Тем не менее, он нажал кнопку пульта.

А за порогом стоял привет из прошлого. Соломенные лохмы, не подчиняющиеся Уставу, торчали в точности так, как два года назад, когда Славка в последний раз видел приятеля вживую. И лягушачий рот растягивался до ушей так же. И серые глаза щурились по-прежнему насмешливо.

– Картина Репина «Не ждали», – возвестил Витька и двинулся в помещение, с ехидным изумлением озирая обстановку: полуоткрытую дверцу посудомоечной машины, рассыпанные по полу фильмокристаллы и разверзнутую постель. – Горообразовательный процесс в завершающей стадии.

Он протопал в кухонный отсек и водрузил на стол многозначительно звякнувшую сумку.

Видеть Витьку оказалось, как сдирать корку с поджившей ссадины: больно, но приятно.

– Ну уж и в завершающей, – откликнулся Славка, стараясь попасть в тон. – Так, небольшие тектонические подвижки.

Витька извлёк из сумки шесть бутылок пива, вытянул из-под стола табуретку и с видимой осторожностью доверил ей свою задницу.

– Витьк, а, Витьк! Тебе никто не говорил, что перед приходом надо звонить? – с возрастающим удовольствием спросил Славка. Виктор нахально сощурился:

– Так я и позвонил, – простодушно заявил он. – В дверь.
– Зараза.

Он достал кружки и тоже сел. Витька свинтил пробку. Пальцы левой руки оказались гладкими, обтянутыми синтетической кожей. Славка с мимолётной неловкостью вспомнил: точно, ведь в диспетчеры приятель перешёл после травмы.

– Рука как рука, – легко сказал Витька, проследив за взглядом пилота. – Ну, за нас с вами и хрен с ними. Давай, рассказывай. Ребята говорят – Славка, мол, совсем запропал.

И Славка, к своему изумлению, начал рассказывать – всё то, о чём глухо молчал последние месяцы.

– Глюк или не глюк – а для тебя-то это было по-настоящему, – резюмировал Витька. – Но уже всё, проехали, надо жить дальше.

Славка поник.

– Она была живая, – через силу сказал он. – Я потом уже думал, думал – аж мозоль на мозгах натёр. Разум – это... в общем, по науке это способность систематизировать, обобщать и принимать решения. Любой компьютер это может.

– Тогда почему «живая»? – Витька подался вперёд. – И при чём тут пирамида?

– Да пойми ты... Она чувствовала. Не просто имитировала. Вот в чём дело. И я понял, что и раньше... до пирамиды этой. Просто замечать я стал, когда вгляделся. А вглядываться начал после пирамиды. Василий Иванович сказал – «после не значит вследствие». Вот...

Он помолчал, покачал жидкость в кружке и допил, не чувствуя вкуса.

– И знаешь, что погано? Я не знаю, как поступил бы в следующий раз. Если бы он был, этот раз – он был бы другим. Это каждый раз заново, и каждый раз наугад.

– Ладно, – Витька решительно сменил тему. – Сейчас-то ты как? Я слышал, преподаёшь? Где?

Он вскрыл новую бутылку и долил приятелю и себе.

– В Академии, – вяло ответил Славка. – На инженерном, матан у перваков.

– А почему на пилотское не пошёл? Всё-таки своё, родное.

Славка недобро усмехнулся. Вялость как рукой сняло.

– Чтобы видеть каждый день таких дураков, как я? – яростно спросил он. – Только необлётанных? Знать, что космос ломает, знать, что с ними может быть – и пудрить им мозги? На инженерном – группы наземного обеспечения, лучше уж им.

– Жизнь ломает, не космос, – глухо откликнулся кореш.

Он глядел не на Славку, а на пальцы протеза, медленно сгибая и разгибая их по очереди, словно недоумевал: чья это рука? – А жизнь – она там, где мы.

– Как ты сказал? – Славка замер, не донеся кружки до рта.

– Жизнь, говорю, ломает.

Славка выдохнул, откинулся на спинку стула и наконец отхлебнул. Напиток слегка горчил, но это было приятно.

– Жизнь, говоришь? – медленно повторил он, пробуя сло-

во на языке вместе с пивом.

– Точно, она, проклятушая.

– Ну, раз жизнь – тогда ничего, – неловко пошутил Славка. – Ей можно.

И улыбнулся – невесело, но в первый раз по-настоящему.

– Ты вот что, – сказал Витька. – Я тут прикинул... Вот ключ. Перебирайся ко мне. Ты один и я один. Вместе перекантуемся.

И положил на стол пластиковую карту.

– Включи тормозные, Витёк. Дай с мыслями собраться, лады?

– Лады. Собирайся – с мыслями, с вещами. Я не тороплю.

– Спасибо.

Славка не уточнил, за что благодарит: за предложение или за то, что друг не торопит. Он не притронулся к карте, но, когда Витёк ушёл, всё же поднял её со стола. Повертел пластиковый прямоугольник в пальцах и собрался было переломить пополам, но остановился. Снова повертел, вглядываясь в эмблему: белый овал орбиты на синем фоне и красную загогулину – стилизованную ракету.

А затем подошёл к стулу с висящим на спинке кителем и спрятал ключ в нагрудный карман.

Чёртова каменюка. Иногда он уже сам сомневался, не приглючилась ли она. И ведь теперь никак... Хотя нет, есть одна возможность. Противостояние! Может, кто-то из транспортников, толпившихся тогда у Весты, засёк на своём пути ма-

ленький камень, безопасно пролетавший мимо. Может, старые логи систем слежения ещё не стёрты. И тогда – по двум-трём точкам – можно рассчитать орбиту. Работка та ещё, шансов ноль целых хрен десятых, да и репутация законченного психа тут некстати... И всё-таки, раз он зачем-то придумал это – попробует сделать. Иначе будет знать, что даже не попытался.

Земля неслась по своей орбите.

Далеко-далеко от неё и ещё дальше от Солнца мчался Марс. Планеты расходились, чтобы вновь сблизиться через два года.

И уж совсем далеко, у чёрта на рогах, крутили вечный хоровод астероиды. Попавший в ловушку жёлтого карлика беспилотный зонд кружил и кружил среди них, словно бесполезный и неразумный камень. Выведенные из строя двигатели не позволяли продолжить путь. Зонд не мог остановить даже собственное вращение.

Он был один – настолько, насколько это возможно. Космический обломок, кусок мусора, который никогда не будет подобран. Он не подавал сигналов, чтобы не выдать себя. Если к жёлтой звезде прилетят создатели, зонд откликнется, но вероятность такого события давно уже стала исчезающе малой.

Зонд не умел надеяться, но не умел и отчаиваться. Всё, что он мог – выполнять предназначение, копить информа-

цию. Система жёлтой звезды оказалась заселена разумной расой. Не так давно один из кораблей аборигенов даже обнаружил его.

Информация в памяти двоих аборигенов, составлявших экипаж корабля, оказалась записана с помощью экзотического троичного кода. Зонд скачал её, и сейчас медленно, но верно расшифровывал.

Третьего он классифицировал как сложное белковое устройство.

Встреча с местным кораблём была несомненной удачей, но следовало позаботиться о том, чтобы его не раскрыли. Зонд стёр часть памяти у двоих, но не разобрался, как сделать то же с белковым устройством, и просто отключил его.

Он обошёлся минимальным воздействием. Время для контакта ещё не наступило.

Тим Яланский

Совладелец литературного сайта, автор-составитель сборника «Странники» (2018, «АСТ»). Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, «Дятловы горы»), неоднократно становились победителями в сетевых конкурсах.

Пишу прозу, преимущественно, фантастику и фэнтези, статьи. Любимые темы – приключения, о дружбе и любви.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Thinnad.html>

Наследие богов

Берек хотел убить напавшего снарпа, да помешал песок. Ступня провалилась, и взмах лизякой ушёл в сторону. Охотник дёрнулся, увернулся от падающей дубины – слишком медленно – и провалился по колени. Кроваво-хрустящей пеленой ударило выше уха, падения Берек не почувствовал.

Зря он вчера после поисков смотрел на звёзды. За день он облазил несчётное количество каменных комнат, обнюхал заросшие грязью лестницы и исследовал балки бывшей крыши. Даже пару раз взобрался по кучам из обломков и мусора к маленьким комнаткам у потолка и обнаружил лишь старые снарпячьи гнёзда. Раз испугнул стайку горлушек – круглые белые птички с мурлыканием разбежались из-под ног, и Берек вяло махнул лизякой, слишком сосредоточенный на поисках, чтоб охотиться. Вечером замешкался с возвращением – неудача только распалила мысли.

Берек лежал на спине и пытался разглядеть – что там, в небе? Звёзды не похожи на глаза чудовищ – скорее, на маленькие дыры в шкуре неба, и там, по ту сторону, кто-то движется, небо подрагивает и дышит. Просто смотреть – что в этом плохого?

Берек просунул руку за отворот рубахи, почесал грудь, потом достал сложенный вчетверо лист и, наверное, десять по

десятый раз развернул его. На картинке существо летело над крышами домов. Несмотря на то, что ветхий лист потёрся, и на кресте сгиба светилась прореха, не дававшая толком разобрать фигуру. Можно было различить летательную машинку, которую оседлало существо, а ближе к краям изображения тёмный фон усеивали звёзды. Всем известно, что летать невозможно, а на звёзды даже смотреть запрещено. Берек, когда нашёл эту картинку в грудке мусора, почувствовал, что мир изменился. Появилось много вещей, которые стоило обдумать. Можно ли найти такую машинку в той самой комнате или рядом? Жаль, что он не запомнил места – тогда он был слишком ошеломлён. Неужели старейшины ошибались?

Закутанный в одеяло Диндиль нашёл Берека, лежащего у проёма двери. Диндиль боялся невзначай увидеть проклятые огни, и край одеяла нависал надо лбом, как платок старухи.

Береку эти страхи казалось смешными. Он уже четыре весны не ребёнок, и сказки о монстрах, смотрящих со звёзд, стали просто сказками.

«Это к несчастьям», – ныл и дёргал за полу Диндиль. Он считал, что поиски – ересь. Люди не могут летать, никто не может. Небо – дом Богов и чудовищ.

Пришлось уйти в дом – не хватало, чтобы все узнали о проступке, и община, осуждающе качая головами, назначила три по десять Дней очищения.

Утром пришли снарпы.

Они прыгали с крыш соседних домов, и солнце светило

сквозь складки полётной шкуры на боках, слепило зрачки часовым. Снарпы – твари, которые не летали, но уже ловили шкурами ветер – пришли, следуя проклятию звезды, ранили, убивали и пили горячую кровь.

Зря он смотрел на звёзды и призвал несчастье.

Теперь Берек это понимал.

Он дрался, то отступая, то гоняясь за рычащими тварями по пыльным каменным комнатам. А потом упал.

Охотник лежал на дне пещеры. Бок онемел, песком запылило нос и губы. Берек раскаивался, что был самоуверенным и гордым, что сомневался в мудрости общины. Кто будет смотреть вверх, тот падёт на самый низ.

Нужно выбираться!

Берек сел и ощупал череп над ухом. Пальцы коснулись влажной корки слипшихся волос. Проклятый снарп.

Сколько времени прошло, Берек не знал – вверху сияла дневным светом дыра, было тихо, бой кончился. Охотник подвигал ушами, взгляделся в просвет – пролом, куда он провалился, высоко, не допрыгнуть. Дно пещеры усеивал песок, который продолжал искрами сыпаться с края отверстия – в луче света виднелась вмятина от тела, окружающее поглотила густая тьма. Пальцы наткнулись на шершавую стену. Камень ровный – не взберёшься. Нога ударилась о твёрдое, звякнуло... Лизяка! Берек упустил её при падении, но не потерял. От стука лизякой по стене темнота стала осторожной.

Подняться бы по стене, но никак. Если бы он успел найти секрет полёта, выбрался бы в два счёта.

Берек вздохнул и углубился в тёмный ход – чтобы глаза привыкли к темноте, нужно уйти от света. Отблески дня в дыре пропали, как только коридор вильнул в сторону. Ну и хорошо.

Если долго идти, то обязательно куда-нибудь придёшь, Берек это знал. Чтобы прийти куда нужно, следует выбирать лучший путь. Пахло сыростью, мокрой глиной, в горле щипало, будто тронул языком лизяку. Ход тянулся и тянулся бесконечно, не поднимаясь, но и не опускаясь. Берек заглядывал в боковые ответвления, а потом возвращался. Он несколько раз взбирался на огромный, толщиной в рост, корень, жёлоб тянувшийся вдоль коридора, ощупывал жёсткие отростки, что уходили от основного ствола вверх, в норки. Оттуда тянуло холодом, но Берек не мог пролезть – слишком узко.

День сейчас или ночь? Под землёй всё одно. Это место не для людей.

Усталость сморила спустя вечность. Берек отчистил, насколько смог, глину с пальцев и волос и уснул, свернувшись на огромном корне и поджав рыжий пушистый хвост. Снилось, что он внутри звёздного чудовища, и жилы, которые тянутся вдоль пути, пронизывают огромное тело, бьются жизнью, а впереди – страшное пульсирующее сердце.

Сердце билось в небе, посылало красный жар на землю, отчего становилось тяжело дышать, а ветви деревьев казались чёрными. Берек смотрел, смотрел в багровые небеса, зная, что скоро всё умрёт, что Боги покинули этот мир и никого не спасут.

Проснулся Берек от движения. Он открыл глаза и дёрнул ухом. Голова болела. В одном месте у стены сгустилась тьма, и Берек понял, что там кто-то есть. Небольшой и живой, а, значит, добыча, подземная еда. В животе разлился едкий жар, казалось, будто trebuха усохла старыми листьями. Этот кто-то пах сладким ароматом кожи, волос, дыхания.

Берек упёрся ладонями в жёсткий корень, на котором лежал, затем прыгнул.

Он сшиб добычу, ощутив под ногтями мягкость плоти. Чужак завизжал, стремительно вывернулся и полоснул острым по плечу. Удар, ещё удар – противник зашипел и пререзанно ткнул в Берека палкой, пришлось отскочить и потерять контакт.

Охотник прижал уши и наморщил нос – добыча испугалась, запах страха витал в затхлом воздухе. Невысокое горбатое создание с мясистым носом раздвинуло губы и показало Береку оранжевые изогнутые резцы. Вот чем оно рассекло плечо! Берек покосился – лизяка осталась на месте лёжки, без неё сложно убить добычу... Или не стать ею самому! – он едва увернулся от стремительного рывка существа, рога-

тая палка просвистела на уровне глаз, Берек крутнулся, изгибаясь, попытался вцепиться в противника. Тот подскочил и бросился бежать, показав голый хвост – в ладони остался пучок серых волос.

Лизьяка лежала там же, где Берек её оставил. Стук по корню вызвал странное эхо, словно он внутри пустой. Берек не знал, зачем Боги создали эти коридоры и корни. Они делали понятные вещи – дома, в которых удобно жить, полезные – разные лизьяки – могучее оружие, и странные – груды трухи на бесконечных рядах ветхих полок, слишком большие окна в домах и прочее, как вот эти коридоры под землёй. Они сделали это для себя и своих детищ, а потом исчезли. Берек залез рукой за пазуху и проверил: картинка с летающим человеком и звёздами была на месте.

Он спрыгнул вниз, повёл усами и двинулся за убежавшей добычей. Живот подвело, если сейчас не поест, то и не выбраться из тёмного мира. Запах чужой кожи и дыхания ещё держался в коридоре, к нему примешивалась нотка крови, и Берек заурчал. Он мягкими скачками помчался по следу, задерживаясь у поворотов. Ближе и ближе. Носатый его заметил. Аромат страха в воздухе будоражил – Берек слышал частый топот чужих ног впереди. Вот мелькнула фигурка – хвост на излёте, замерла, парализованная ужасом.

Берек прыгнул, лизьякой метя в голову, обречённая добыча упала, толкнула его ногами, продлевая полёт, и охотник

рухнул в коридор – в вязкую сеть ловушки.

Он бился, стараясь вырваться из липкой пелены, нити оплетали сильнее – не только ноги и хвост, но уже и плечо. Сердце захлестнуло первобытным ужасом, но Берек не выпустил лизяку. Он махал, стараясь сокрушить вязкие тенета, лизяка застряла, и пришлось дёрнуть изо всех сил, чтобы прорвать удерживающие её пряди.

Остро пахнуло насекомым. Берек отчаянно забился: вход в ловушку рядом, нужно напрячься изо всех сил, иначе не будет больше ничего... Он видел такие тенета наверху, только маленькие, и видел их создателей, впускавших соки в ещё живую жертву.

Стало нечем дышать, нити задрожали, Берек чуть не закричал. Что-то жёсткое упёрлось под рёбра. Невысокий носатый никуда не убежал – он стоял в коридоре и тыкал рогатой палкой в место, где под рубашкой хранился заветный рисунок – подталкивал к смерти. Однако палка перестала двигаться и, когда Берек вцепился в неё, потянула наружу. Думать было некогда, Берек рванулся, крепко держась за спасительный предмет. Позади треснуло, Берек высвободился и упал на пол.

– Беш-ш-шим, – шепнул голохвостый. Он был низеньким, и хотя больше не горбился, попытки помочь подняться выглядели смешными.

И они побежали.

– Почему ты меня спасла? – спросил Берек у Мии.

Он очистил от клейкой дряни усы и уши и теперь занимался хвостом.

Она посмотрела на него выразительными чёрными глазами, улыбнулась. Стали видны оранжевые острые зубы.

– Потому что нужно жить, – ответила непонятно.

Жирных мягких червей было немного, но они притупили чувство голода.

Мии, заманившая Берека в ловушку и затем спасшая, попыталась сначала накормить его зеленоватыми светящимися грибами, что росли в скопище мусора, принесённого сверху водным потоком. Когда Берек отказался, она нашла для него отвратительных на вид личинок. Если оторвать головы со жвалами, то есть их не так страшно... Берек решил идти вверх, к истокам реки, что несла мусор к грибнице. Почему Мии взялась его сопровождать, он так и не понял.

Мии была странной. Выпуклые чёрные глаза, полупрозрачные уши, серые волосы и следы от ногтей на плече и правой щеке. Голый щетинистый хвост. Она шипела и щёлкала так, что иногда он с трудом её понимал. Берек никогда не слышал о детях подземелья и не видел никого из этого странного народца. Мии утверждала, что Боги создали тоннели для её народа, который тоже называется людьми. Охотник недоумевал: какие же это люди?.. Её Боги были жестокими и страшными. Берек пытался объяснить, что на самом деле они великодушны – создали настоящих людей по свое-

му образу и подобию, оберегали и заботились. Естественно, люди – это соплеменники Берека, с нормальными хвостами и глазами, а не как у Мии. Мир был раем, пока добрые Создатели не ушли.

Мию не соглашалась, недоверчиво складывала уши и рассказывала истории о жестокости и чуждости. Её Боги создали мир, они давали пищу и тепло, но и убивали. Страшно и жестоко, целые народы. Когда Создатели ушли, предки Мии остались жить под землёй, не завися от божьих благ, но по-прежнему ценя каждого соплеменника.

– Твои Боги добрые и заботливые, потому вы легко убиваете и не волнуетесь друг о друге, – в конце концов заключила Мию. – Наши – жестокие и беспощадные, потому нам нужно держаться за жизнь, потому я не смогла бросить и тебя.

«Интересно, какие Боги у снарпов?» – подумал Берек. Он никогда не задумывался, кто создал других существ, и, может быть... Тут мысли начинали путаться, они повисали беспомощно, и Береку показалось, будто его снова засасывает песком, под которым нет опоры.

Перед сном охотник показал Мию заветную картинку. Та крутила её и переворачивала, веер усов ощупывал воздух. Она пожала плечами и вернула сокровище Береку, и тут он понял, что Мию никогда не видела звёзд.

– Летать! – с жаром пояснял он, размахивая руками. – Туда, к небу, где крыши кончаются и в маленьких дырочках светится другой мир! Я обязательно найду летательную ма-

шину и узнаю что там, выше звёзд!

Мии опасно косилась на распалившегося Берека и дёр-гала носом. Губа приподымалась над оранжевыми резцами, и охотнику казалось, что Мии смеётся над ним.

– Не понимаю, – качала она головой. – Зачем тебе это знать?

– Потому что я не могу не знать, понимаешь? – Берек и сам не мог объяснить, почему в груди что-то ныло, будто тосковало по чему-то давно забытому.

Они спали в нише у стены, на берегу заросшего грязью канала. Мии свернулась доверчивым клубком рядом со своей рогатиной, а Берек ворочался. Запах тёплой шерсти будоражил сознание. Он сглатывал слюну и старался думать о доме, о непроверенных комнатах, о том, далеко ли он отошёл, и что случилось с Диндилем и остальными. Может быть, не стоило уходить от той дыры, куда он провалился? Листок с крестообразной прорехой по центру шуршал в пальцах и пах домом, далёкое журчание убаюкивало...

Приснилось, что он мчится по коридору следом за удирающей тенью, мелькает голый длинный хвост, пальцы хватают живую плоть, а во рту сладко от горячего мяса. Кровь брызжет, брызжет в лицо – отчего-то холодная, Мии смотрит чёрными неживыми глазами, ноги сковывает липкая пелена – Берек вскинулся от ужаса и проснулся. Плеснула вонючая волна – грязная вода вышла из берегов канала и затапливала

коридор.

– Мии! – закричал Берек. Он вцепился ногтями в трещины в стене, сопротивлялся потоку прибывающей воды.

Где-то ниже послышался отчаянный писк, и Берек прекратил цепляться, отдался на волю волн. Он загребал, стараясь не попасть в стремнину, вглядывался в несущийся мимо мусор.

– Мии! – кричал он, отплёвывая воду. – Мии!

Он нашёл её чуть живую от ужаса. Водоворот утягивал серое тельце, отрывая маленькие пальцы от кружащейся путаницы ветвей, и Берек лёг на живот, пополз по мусору.

– Мии, – вцепился он в неё, потянул, прижал к себе. – Держись за меня!

Мусор вращался всё быстрее – оказался в устье воронки, и Берек прыгнул изо всех сил, чувствуя тяжёленькую ношу за спиной – в воду. Мии от страха вцепилась в шею, охотник закашлялся. Навстречу в потоке грязи неслись палки, ветки, листья – Берек упорно грёб к стене, и потом, срывая ногти, трещина за трещиной, добрался до свисающих из тьмы лиан. Как они выбрались в сухой коридор, охотник не помнил.

– Нельзя лежать, – прохрипела Мии. Её била крупная дрожь, с хвоста капало, волосы потемнели. – Мы мокрые, а здесь ветер.

Жёсткий бугристый пол усеивала тонкая противная пыль.

– Ветер может означать, что мы близко к поверхности, – решил Берек и встряхнулся всем телом. Волосы слиплись,

торчали рыжими ключьями, с хвоста капало.

Он хлопнул себя по груди, и от ужаса подскочил на месте.

– Листок! – закричал он. – Листок остался там!

Он же уснул с сокровищем в пальцах. Гибель маленькой хрупкой вещи оказалась больнее потери верной лизяки.

Мии ухватила его за руку, её нос стал сизым от холода, но голос звучал твёрдо:

– Листок унесло, Берек. Его больше нет.

– Как же теперь? – голос сорвался, глаза защипало. – Ты не понимаешь, Мии, полёт – самое главное, что мы потеряли!

Он не мог объяснить магическую силу, что таилась в куске потемневшего ветхого листка, который был вестником далёких времён, который был обещанием Береку, что летать – можно, что люди просто забыли это умение. И вот теперь его нет.

– Я понимаю, Берек, – тон её голоса смягчился. – Ты не можешь жить, чтобы не знать, что там, за звёздами. Вот в чём дело.

Она не отпускала его всё время, пока он, всхлипывая, смотрел в тёмный грязный водоворот. И так, за руку, потянула прочь, навстречу ветру.

– Жилище Богов, – Мии прижалась к Береку, её вибриссы дрожали, уши ловили шорохи. Свет наполнял пространство, прохладный воздух поверхности свистел в обломках исполинских конструкций.

Невесомые призраки паутины и пыли колыхались, нетронутые ничьей рукой, похоже, с сотворения мира.

Мии задрала длинный нос и зачарованно глядела в озерцо тёмно-голубого неба в вышине. На светлую колючую звезду в нём – вызывающую щекотку в её маленьком сердце и где-то рядом.

Огромное пространство, запорошённое войлоком грязи, под которым хрустели осколки, ошеломляло. Изломанные растопыренные скелеты руин, обёрнутые коконами древней пыли, казались кусками сна. Сквозь мутный преломленный купол посвистывал ветер, светлеющее небо бросало блики. Привыкшие к тьме глаза даже сквозь залежи мусора улавливали богатство красок на стенах.

Под ногами заскрипели осколки сокровищ, Берек снова пожалел, что верная лизяка осталась на дне канала. Сердце кольнуло болью от потери листка, и Берек прижал руку к груди. Мии следовала на два шага позади, тёмные глаза вращались так, что виднелись голубоватые белки. Напряжённый хвост торчал над полом.

– Гляди, – от волнения голос Мии сделался совсем тонким. Изображение из сверкающих камешков на стене даже сквозь шкуру пыли являло невероятную сцену. – Это что же, – всхлипнула Мии, – нас обманывали? Боги были вовсе не жестокими?

Берек не мог оторвать взгляд от картины. На ней выстроились в ряд Боги возле округлого золотого предмета. Было

похоже, что они вместе тянут его из земли. Последнего – совсем юного – Бога обхватил кто-то, похожий на снарпа, того – человек, а в замыкающем цепочку существе, даже сквозь слой грязи, угадывались черты Мии.

Берек покачал головой.

– Что это? – сказал он. – Сотворение мира?

Это было больше чем утерянный листок, они нашли часть непостижимых божественных знаний, и охотник понял, что здесь можно обнаружить ответ и на его вопрос о полётах, и на те, которые он ещё не задавал. Никто не задавал.

Взгляд метнулся к следующему изображению.

Берек подошёл ближе, чтобы рассмотреть, задрал голову.

Боль пульсировала за ухом.

На картине похожее на Мии существо удирало от разъярённых старых Богов и рябой птицы-горлушки. Рядом с голым хвостом блестело расколотое на части осенённое лучами нечто. Похоже, тот же золотистый предмет, что на предыдущем изображении.

– Изгнание из рая, – горько проговорила Мии. Её пальчики тронули корку грязи, бурые куски посыпались на пол.

– Я понял, – Берек дышал часто, сердце колотилось, как горлушка в силках. – Это оставили нам! Боги перед уходом оставили знания обо всём, что было и что будет. Ты понимаешь, что мы нашли, Мии? Они должны были оставить Знания. Что-то и о том, как летать!

– Может, мы узнаем, и куда они сами исчезли? – Мии сму-

тилась, сложила и расправила уши. – Прошло много-много вёсен, может быть, Боги простили всех... И мой народ? Там какое-то послание!

Она махнула маленькой рукой на чёрточки около отверстия в потолке, выстроившиеся цепочкой, как знаки на утерянном Береком листке.

Послание из двух слов начиналось и заканчивалось одним и тем же символом – квадратом на коротких ножках. Отчётливо виднелись ещё два знака перед последним – круг без куска, обращённый выпуклой стороной влево, и недорисованный снизу треугольник с перекладиной посередине. Берек некоторое время поизучал послание, потом перевёл взгляд на вдохновенное лицо Мии.

Какое же преступление совершил её народ, что Создатели разгневались и прогнали его в мир тоннелей?

Охотник обвёл глазами огромный зал. Шаг за шагом пошёл вдоль стены, не решаясь тронуть древние артефакты.

Огромное, залепленное покрывалами паутины и грязи колесо протянуло над ними спицы с обрывками цепей. Берек обошёл его опасно – кто знает, для чего оно? Куски ветоши, свисающие с рамы позади, расползлись в труху от одного прикосновения, посыпалась пыль и бурая чешуя гнилых лизяк.

– Мии! – воскликнул Берек, перелезая через груды трухи. – Мии!

Он не мог подобрать слов, чтобы выразить то, что вспых-

нуло в душе. Волосы на шее встали дыбом.

Там, за осыпающейся рамкой, на стене была ещё одна картина. Точно как на листке, только огромная и яркая! Без крестообразной дырки в середине. Бог, сидя в длинной ярко-голубой штучке, летел к звёздам. Бог улыбался и махал рукой. Самым удивительным было то, что перед древним изображением, прямо на полу, стояли три штуки – точно такие же, как та, на которых летел Создатель. Даже едва возвышаясь над ковром мусора и грязи, эти вещи угадывались по таким же плавникам. Если их освободить, достать...

– Берек! – Мии ухватила его за руку. – Это же...

– Да, Мии! – торжество захлестнуло душу. – Мы нашли ответы. И машины. Мы можем отправиться туда же, куда ушли Боги. К звёздам!

Мии потупилась и снова сгорбилась. Берек смотрел на неё и недоумевал. А потом понял: она боится. Боги прокляли её народ и изгнали. Она боится лететь к ним.

– Я должна вернуться к семье, – прошептала Мии. – Дома все волнуются, меня нет слишком долго. Нужно принести им весть и всё тут изучить – все оставленные послания и знаки.

– Нам запретят, – взволнованно сказал Берек. – Заставят очищаться, и даже не трижды по десять дней, а трижды по десять вёсен, до конца жизни. И точно не пустят к звёздам.

Мии смотрела на него странным взглядом, будто разговаривала сама с собой.

– Я полечу с тобой, – пискнула она наконец. – Нельзя

жить, если не знать, что выше звёзд. Только дай мне два дня – нужно подготовиться к пути, и я хочу оставить весточку. Нельзя скрывать эти картины и вещи от людей. Все должны знать...

Берек улыбнулся и кивнул. Он как раз раскопает все три штуковины и посмотрит на них, ведь Боги оставили их не просто так, а для самых храбрых своих детей.

Чтобы летать.

Впереди и вверху ждали звёзды!

Большие обстоятельства

Писк разбудилки этим утром звучал особенно мерзко.

Я в полуобмороке нашарил ногами холодный пол, оттолкнулся, и сила инерции качнула тело в направлении душа. Порция нежно-прохладной воды на непроснувшуюся голову – и к первому посетителю я вышел в почти нормальном состоянии, даже чашка кофе в пальцах практически не дрожала.

Впрочем, посетитель, а, вернее, посетительница вряд ли обратила внимание на эту дрожь, равно как и на помятость физиономии.

– Помогите! – изукрашенные зелёными узорами глаза в пухлых складочках наполнились слезами. – У меня украли планету!

– Рассказывайте, – хмыкнул я и плюхнулся на угодливо подлезшее под пятую точку кресло, любезно оставленное мне прежним квартиросъёмщиком в придачу к пачке зоологических журналов.

Из причитаний, перемешанных с пространными пояснениями родственных отношений, а также при помощи выхлебного гостьей стакана минералки, удалось выяснить следующее: мадам Кокушек в рамках ежегодного турне по гостям собралась посетить племянника с женой на планетке

Малые Люляки и обнаружила, что этих самых Малых Люляк на природой и богом установленном кусочке пространства нет.

Поначалу мадам Кокушек решила, что телепорт глюкнул – мало ли, вдруг случилась ошибка связи. Как известно, телепорты не включаются в подобных случаях, что мадам Кокушек, как женщина рассудительная, готова была пережить. Предстать перед родственниками – пусть даже из глубинки – с перевёрнутым лицом, неровно воссозданными руками или без одежды ей казалось непристойным.

Телепорт отказался её перемещать и через час, и на следующий день.

Администрация отделения связи разводила руками и утверждала, что пункт «Малые Люляки» в каталоге отсутствует, и не хочет ли мадам Кокушек посетить вместо Малых Люляк – Крутые Люлькобубы?

Мадам не хотела. Она чувствовала волнение и невыносимое огорчение, что не увидит племянника с веснушчатой мымрой-женой больше никогда. Она обязана их спасти! Подогреваемая осознанием собственной значимости для Малых Люляк, Галактики и Вселенной в целом, мадам Кокушек выбрала орудием восстановления справедливости меня, частного детектива Дина Даравски, поскольку: а) я был человеком; и бэ) мадам Кокушек понравилась моя фамилия.

В ответ на сомнения, не приснились ли мадам Кокушек просторы сверхмалой планетки, та скорчила оскорблённое

лицо и продемонстрировала прошлогоднюю квитанцию по перевозке биомопса в виброклетке на адрес «Малые Люляки-бис», что подтвердило как наличие самой планеты, так и то, что станция телепорта на ней оказалась экономной разборной моделью.

Я понимал, что расследование сведётся к нудной работе по выяснению, кто виноват в сбое телепорта и беготне по инстанциям, и не очень-то горел приниматься за него, однако выуженные из вместительных недр неглиже мадам наличные купюры возымели действие. В протрезвевшую голову вернулись мысли о неоплаченной аренде и пустом холодильнике, и решение помочь семье воссоединиться показалось благородным.

Когда я обнаружил, что на Малые Люляки не доставляет ни один телепорт города, то не сильно удивился. Слишком просто.

Симпатичная брюнетка-наяда в приёмной управления связи похлопала ресничками, и мы вместе проштудировали каталоги планет – на всякий случай, в разных вариантах. В процессе штудирования мы так увлеклись, что некоторые особо интересные моменты повторили ещё раз и решили обсудить почёрпнутое у неё дома.

Покидал красавицу-наяду я после полуночи, но, несмотря на прекрасно проведённое время, в мозгу засела заноза неудовольствия: электронные каталоги не содержали упо-

минаний о планете, которая должна бы мирно вращаться в указанной звёздной системе – ни под прежним, ни под каким-либо иным названием.

В широком изогнутом переулке пахло сыростью. Фонари остались позади, огромный баннер над готичной оградой слева бросал цветные блики на брусчатку.

– Фто ты хотиф? – маленькое, укутанное во множество слоёв грязного полотенца существо подозрительно прищурилось в мою сторону и задвигало усами. Рекламное табло с надписью «Скоростная магистраль «Мегакруть» – не тормози!» над головами подмигивало, отчего лицо горбатого незнакомца ежесекундно менялось.

– Ничего, – пожал плечами я и постарался обойти существо.

– Ну и нефефо, – пробурчало оно и вернулось к попыткам вытянуть позвякивающий мешок из проёма, образованного выломанным в ограде прутом. – Хофют тут фтякие...

Мешок зацепился чем-то неподатливым и извлекаться не хотел.

В глаза ударил луч фонарика.

– Стоять! Кто у нас тут!?

Я оглянулся. С обеих сторон улицы виднелись блестящие кокарды городской стражи. Влип, как цыплёнок-идиот.

– Документы! – потребовал хриплый голос с той стороны образованной сияющим фонариком пелены. Я кротко пожал

плечами и полез во внутренний карман, для того чтобы обнаружить, что и документы, и карман, и сама куртка остались в будуаре прелестной наяды.

– Так-так, – луч фонаря скользнул на мои шарящие по груди руки, и я сквозь зеленоватые круги заметил длинное рыло стражника. – Не повезло ночью тёмной?

– Просто мимо шёл, – неубедительно начал пояснять я и оглянулся в поисках усатого прохожего, который мог подтвердить мои слова. Естественно, того и след простыл, на моей совести остался лишь подозрительный мешок, который застрял в прутьях решётки.

Ночь я провёл в отстойнике охранного участка, опасаясь сомкнуть глаза в окружении каких-то бродяг. Пришедший с утра сержант Похс меня сразу признал, несмотря на крайне помятый вид, лучезарно поржал и сообщил: «нюхачи» подтвердили, что я действительно просто шёл мимо и отношения к краже не имею.

– Везунчик ты! – хохотнул сержант и подтолкнул ко мне коробку с изъятыми из карманов вещами. – Если б не наши ребята, гвардия ограбленного Фшыщмуса тебя уже в сторожке на завтрак доедала бы. Сочинили бы тебе персональную «Мегакруть».

Я согласился, что тихий и спокойный городской отстойник куда лучше компании головорезов местного воротилы. Отчаянно зевая от режущего глаза отвратительно-утрен-

него солнышка, я поплёлся домой в надежде покомарить чашок и привести мысли в порядок. Потыкал ключом в замок под неодобрительным взглядом старушки-соседки, что маячила в окошке, ввалился в комнату и застыл.

Прелестная няяда – брюнетистая специалистка по связи – умильно хлопала ресничками.

– У тебя такая милая соседка, – прощebetала гостя и налила чай в отмытую добела чашку. Я подозрительно покосил на ароматную горку оладушков. – Стоило мне прийти, она сразу же выскочила на улицу, впустила в дом, и мы так мило побеседовали.

Чёрт побери, у старой кошёлки есть ключи от моего логова!

Я слегонца рассвирепел, но, удерживаемый на месте порханием ресничек, продолжил слушать милый щебет, потихоньку расслабляться от накатывающей усталости и горячего чая.

Мысли плыли в такт няяде, что плавно курсировала по кухне.

– Спасибо за оладушки, – я встрепенулся, поняв, что засыпаю за столом, подхватил девушку под локоток и потянул в сторону прихожей.

Если барышня начинает суетиться на твоей кухне, она что-то замышляет.

– Ой, Дин, я принесла твою одежду! – она попыталась

невзначай вывернуться из моего захвата, но я оказался ловчее и приобнял её, якобы в попытке проникнуть к вешалке для шляп. Вот так, с щебетом и разговорами, я нежно вытолкал её на крылечко, пообещал зайти как-нибудь и с улыбкой помахал вслед. Ещё некоторое время наблюдал за грациозным покачиванием изумительной формы задочка, потом обернулся и свирепо зыркнул в захлопнувшееся соседское окошко. Погладил ладонью кулак, оценил, что к новой встрече с сержантом Похсом не готов, и отправился дрыхнуть.

Космозал кишел суетливыми торгашами-«челноками».

Безусловно, телепорт – прекрасная и удобная штука, но мгновенно перемещаться нахалюву можно только существам из Каталога Разумных Рас, а любой перевозимый груз стоит денег в зависимом от объёма количестве. Потому если погонная стоимость вещи невысока, то наценка за перемещение телепортом выходит не кислой – вот некоторые компании и экономят, сплавляя товар по-старинке, на космочелноках, что неизмеримо дольше, но зато существенно дешевле.

Я же прибыл в космопорт не для того чтобы вкусить челночной романтики, а чтобы найти, к кому обратиться за информацией. Если планетки нет в каталогах, это не значит, что её действительно нет на орбите, и мнение очевидца оказалось бы весьма ценным для дела.

Я ошупывал взглядом зал и размышлял, как ловчее поступить, и тут мне повезло. Я ощутил ни с чем не сравнимое за-

стенчивое касание в районе кармана, и через мгновение лягушка-переросток корчилась в моих цепких лапах, не смея кукарякнуть – очевидно, чтобы не привлечь внимания.

Меня осенило. Насколько я помню, мой старинный приятель – специалист по спорным с точки зрения законности делам – в последние разы промышлял именно на припортовых складах.

– Кныш-ныш, знаешь такого? – я выкрутил кисть, шкрек хрюкнул и причудливо изогнулся.

– Дяденька, отпусти, не знаю ничего, – тихонечко заныл он. – От родителей отстал, потерялся, больше не буду! Я не ел шесть дней!

– Это хорошо, – серьёзно кивнул я, – что отстал. Никто тебя искать не будет.

Я перехватил шкрека под мышку, отчего тот засучил лапками и пропищал:

– Я несовершеннолетний, у меня тремучка!

– У тебя плохо прокрасилась шкурка на руках, – в своё время мой приятель Кныш-ныш показывал, как взрослые шкреки натираются берзокармином, чтобы сойти за подростка и надавить на жалость туриста-лоха. – Ты знаешь, что меня интересует на самом деле.

– Хорошо, – сдуслся лягуш. – Поставь меня, я не убегу.

Ага, так я и купился. Как папик-любитель экзотики со своим «сынулей» под ручку, я отправился туда, куда повёл воришка-неудачник. Я ожидал, что Кныш-ныш сейчас

«в поле», но вовсе не думал, что мы направимся в недра космопорта. Несколько полутёмных сырых переходов, косые взгляды лупатых громил – и шкрек указал пальцем на дверь в завитушках, за которой я и обнаружил Кныш-ныша, томно возлежащего на жлобских атласных подушечках с кистями.

– Дин, кореш! – Кныш-ныш выпустил изо рта мундштук кальяна и ослабил. Да-да, в отличие от обычных лягушек, у шкреков вполне приличные зубы. – Чертовски по тебе соскучился!

– Здорово, попрыгун, – я вытолкал за дверь уже не нужного воришку, хлопнул об испещрённую пятнышками трёхпалую ладонь и плюхнулся на подушки. – Давно ты ко мне не заходил!

– Дела... – Кныш-ныш закатил выпуклые глаза вслед струйке пряного дыма. – Дела, просто ужас, ни к другу зайти, ни пульку расписать... Ни на пруд к девочкам слетать... – Взгляд мечтательно остекленел. – А помнишь, как мы в старые времена зажигали?..

– Ты не бедствуешь, – огляделся я, отметив груды пустых бутылок в углу и свисающие с канделябра дамские трусы причудливой формы. То есть мне хотелось думать, что всё же дамские, а не моего ныне осёдлого коллеги.

– Да вот, новый статус, новые заботы, – философски наморщил плоский лоб Кныш-ныш и почесал пузо в прорехе халата.

– Тогда не буду мешать, – приподнялся я, собираясь рас-

прощаться, и шкрек ухватил меня за запястье. Весь нарочитый лоск поблек, пытливые глаза лягуша уставились на меня с давешним азартом:

– Выкладывай, Дин, не ломайся, как девственная пипа.

Расстались мы только часа через два. За это время успели поговорить о деле, о транспорте и ценах, конечно же – о самочках и новых сортах улиток в маркете – обо всём на свете. Прощание вышло тёплым, Кныш-ныш хлопал клейкой ладонью по спине, в его осоловелом взгляде светилось искреннее намерение зарулить вскорости в гости, как в старые добрые времена. В этом я не был уверен, а вот в том, что шкрек разведает, который из челноков шёл через систему, где по законам природы должны крутиться Малые Люляки, что он достанет бортовые записи, а его люди разведуют космические сплетни в доках – вполне.

– Караул! – прокричала старушка-соседка за дверью, и я отпрянул. – Грабят! – и, немного неуверенно: – Насилуют?

Я спустился с крыльца и оглянулся. Сидящая на терминале возле дворовой арки почтовая горгулька заинтересованно глядела на меня жёлтыми бесстыжими глазами. Ну вот, теперь вся почтовая компания будет уверена, что Дин Даравски насилует одиноких старушек. Я принял независимый вид и постарался придать голосу миролюбивое выражение:

– Мне надо поговорить с вами.

– Не о чем мне с тобой разговаривать! – дверь приоткрылась, и в щёлочку просунулась морщинистая мордочка соседки. – Вот женишься, тогда приходи!

Горгулька на терминале захлопала в ладоши.

Я сплюнул и пошёл домой.

– Пока ещё следствие продолжается, – я уверенно кивнул экрану, и мадам Кокушек на нём колыхнулась в глубоком всхлипе.

– А вдруг там эпидемия? – зелёная краска растеклась по пухлому лицу причудливыми разводами. – Или правительство ставит опыты, и все превратились в зомби?

– Не волнуйтесь, мадам, – голос приобрёл мужественные нотки образцового мачо: – Вы в любом случае выведете всех на чистую воду. Наши агенты уже на месте.

О том, что «нашими агентами» являлись ничего не подозревающие матросы с космочелнока, которых сейчас обрабатывал Кныш-ныш, я, конечно, не сообщил, равно как и ту деталь, что планетку Малые Люляки не так давно выкупил тот самый Фшыщмус, местный воротила, которым меня пугал сержант Похс.

Вот это последнее открытие наталкивало на мысль, что за маленькой сделкой прятались большие обстоятельства, из-за которых стало необходимым изолировать Малые Люляки от мира и мадам Кокушек в частности.

– Дин, кореш! – Кныш-ныш в этот раз встретил меня в личном кабинете. Шкрек радовал взор стильным деловым костюмом из искристой ткани в горох. Что поделать, лягуши имеют весьма забавные представления о стиле. – О, ты с дамой! – он заинтересованно поглядел на мою брюнетистую спутницу.

Наяда захлопала ресничками и грациозно погрузила пятую точку в кресло.

Надо признаться, в этот раз с изгнанием девицы я потерпел фиаско, и, чтобы не опоздать на встречу, притащил её с собой.

– Мадам желает выпить? – галантный лягуш, не ожидая ответа, явил наполненные золотистой жидкостью пиалы. Моя спутница обворожительно улыбнулась. Вот уж не думал, что наяды умеют воздействовать на брачные мозоли шкреков.

– У вас чудесный кабинет, мистер, – девушка глубоко вздохнула, а воздух от излучаемой милоты начал потрескивать. – Но совсем нет секретарши!

Я глотнул газированного сидра, покосился в сторону наяды и представил её Кныш-нышу: – Моя знакомая.

– Дин! – красотка затрепыхала ресничками, – не надо скромничать.

– Результаты есть? – я устремил взор на коллегу.

– Есть, – Кныш-ныш многозначительно покосился на девушку.

– Зая, нам нужна твоя помощь! – я страдальчески изогнул брови.

– У меня нет секретарши, – нашёлся лягуш, – и совершенно некому обо мне заботиться. – Он чуток сполз в кресле и махнул лапкой в сторону коридора. – Креветочка моя, срочно нужно раздобыть грибные капли, иначе будет поздно меня жалеть.

Оставшись со мной наедине, Кныш-ныш пафосным голосом поведал эпичную историю о страданиях и находчивости героического лягуша и его бестолковых помощников. Я узнал, что пересадочной станции «Малые Люляки» больше нет, сама планета в регистраторе корабля не обозначилась, а вблизи системы кипит некая бурная деятельность и согнамно множество техники. Слухи о правительственном эксперименте по вакцинации конкурировали со свидетельствами о вторжении подпространственных горбоклюев.

Я укрепился в мысли, что исчезновение планеты – симптом ужасной аферы, и решил наведаться в логово Фшыщмуса, чтобы добыть сведения непосредственно на месте, у владельца.

– Ты кто? – прохрипел динамик над массивной калиткой в знакомом заборе. От недавней прорехи в решётке не осталось следа.

– Специалист по энергоконтролю Дин Кнышкус, – я по-

махал в воздухе пластиковой корочкой, сварганенной этим утром.

– Назначено? – равнодушно поинтересовался динамик.

– Плановый контроль, – убедительно кивнул я.

– Пошёл вон, – бесцеремонно выплюнул динамик и потух.

Надпись «Скоростная магистраль «Мегакруть» – не тор-мози!» издевательски сыпала искорками над головой.

– Зая, – проникновенно пропел я в экран. – Здравствуй.

– Дин! – взвизгнула наяда, а затем с некоторой обидой: – Мы в тот раз так быстро ушли, и ты не познакомил меня как следует с твоим замечательным другом.

– Прости, милая, – я старался говорить ласково. – Мы можем сходить вместе куда-нибудь вечером.

– Чудесно! – около экрана воздух аж засветился. – В гости! На вечеринку! – и тут же, торопливо: – Сегодня наша контора получила приглашения на презентацию космоторассы, там будут важные люди и много роскоши.

Конечно, я знал о презентации, которую устраивал Фшыщмус, и именно попытки проникнуть туда вынудили позвонить прелестной специалистке по связи. Я заручился воодушевлением будущей спутницы и снова попытался пообщаться с коварной старушкой-соседкой. Её номер был у меня написан на выдранной из старого зоологического журнала страничке, как раз под изображением жуткого вида твари, похожей на помесь крысы и таракана, попавших в пыле-

сос.

Находясь по ту сторону экрана, старая кошёлка приняла умильный вид и посетовала, что я, холостой парень, совершенно не забочусь о собственном имидже, и, очевидно, моим родителям всё равно. Вот она полагает, что только хорошая жена может меня излечить от дурной привычки не соблюдать режим дня, таскать в гости подозрительных личностей и напомаженных зелёной краской толстух. По её драгоценному мнению, та милая девушка прекрасно годится на роль жены и сделает из меня человека, а все эти брыкания – от глупости, потому что я сам не понимаю собственного счастья.

К концу разговора я взмок от бешенства, и, злобно шипя, как змеезавр, вырубил экран. В приступе ярости даже забыл спросить о ключах.

Впрочем, неприятности, несомненно наколдованные этой ведьмой, не заставили долго ждать, и приятная вечеринка очень быстро закончилась для меня нокаутом – во всех смыслах этого слова.

– Он будет жить?! – страдальчески заламывала ручки престелница с нежным голосом.

Я приоткрыл глаз и обнаружил около кровати трогательную заплаканную наяду и вечноулыбающегося сержанта городской стражи. В дверях маячили силуэты обычных охломонов из той же муниципальной лавочки.

– Будет, – хмыкнул сержант Похс, наблюдая за манипуляциями медика. – Заявление пишем?

– Зацепился за порожек, – голова болела, как наполненная кипятком тыква. – Упал, ничего не помню.

– Так и отметим, – с пониманием кивнул сержант. – Если что-то вспомните, пострадавший, вам придётся явиться в участок самостоятельно.

– Ох, ну что же делать? – мне хотелось кивнуть, но голова опасно булькнула жгучим варевом, и потому я только вяло махнул пальцами. Нужно, чтобы допрос закончился поскорее, и все убралось прочь из моего дома.

– Сержант, это ужасно! – остренький носик девушки покраснел, украшенный блестяшками лиф демонстрировал судорожные подрагивания груди.

– Всё будет хорошо, – успокаивающе погладил её по плечу Похс. – К этому негодяю, чтоб он помер, нужно приложить значительно больше стараний, чем пару тычков по чайнику.

– Я вам верю! – наяда доверчиво прижалась к мощному сержантскому торсу, слёзы сами собой высохли.

А я и в самом деле помнил произошедшее с трудом.

Презентация космотрассы проходила в особняке Фшыщ-муса – прихотливо сконструированном здании «а-ля старинная тюрьма», замаскированном нарядными решётками на нарядных же окошках под что-то невинное. Цветные фона-

рики озаряли готичные силуэты стриженных ёлок и кустов, заставляли блестеть кокарды мрачных, явно однойцевых охранников.

Подогнанный портным Кныш-ныша по фигуре фрак в малиновую полоску сидел на мне, как пластиковый футляр, и когда брюнетистая наяда, колыхая искристым бюстом, вцепилась мне в локоть, рукав отчётливо заскрипел. Мерные движения блёсток на лифе спутницы позволили мне войти в своеобразный гипнотический транс, мы благополучно минули ограду, около которой меня не так давно задержали бравые ловцы воришек, и вступили в царство пафосной роскоши и многозначительных бесед.

– Дин Кнышкус, – пожал я тощую ладонь рябого старичка в одеянии, напоминавшем гигантскую балетную пачку, завязанную на шее, – из «Кныш-Ныш Транспортёр».

Не то чтобы я стремился завести знакомства в расфуфыренной толпе дельцов и их прилипал, однако убежать от этого собеседника сразу не получилось.

– Генерал Чечка, – лицо старичка поползло сотней складок, я даже взволновался, что череп в конце концов скукожится полностью, и я останусь один на один с обезглавленным генералом. Расползание остановилось вовремя. – Все вы, транспортники, взволновались из-за «Мегакрути», – хихикнул старичок.

Он плотоядно сверкнул глазками в сторону моей спутницы, рядом материализовался официант с высокими бокала-

ми на подносе. Наяда захлопала ресничками и вцепилась в тонкую ножку.

– Как вы думаете, Дин... Шикус? – в нашу маленькую компанию беззастенчиво втёрся здоровенный тип с острым мохнатым рылом. Пахнуло чесноком и мокрым деревом.

– Кнышкус, – нервно поправил я, держа выбранную роль.

– Кнышкус, – кляцнул резцами тип. – Как вы думаете, гравитационные аномалии из-за эффекта Сфинкстера-Колбина могут нарушить кристаллизацию мегаториуса линейной сети?

– Несомненно, – отступить было некуда. – Кристаллы иногда квитируют, даже когда всё в порядке, и мегаториус э-э-э-э...

Серая шерсть на лбу моего собеседника встопорчилась. Надеюсь, он не собрался расспрашивать меня про...

– Квитируют?..

Так я и думал. Чем удобна наука, это тем, что в ней всегда есть местечко для новых, совсем свеженьких слов.

– Ну да, – я поставил бокал на поднос скользящего мимо официанта-лягуша и помахал пальцем: – Флип-флоп, флип-флоп. Динамическая квитирующая.

Мне удалось улучшить момент и ускользнуть от подзависшего любителя «Сфинкстера-кого-то-там-ещё» якобы в уборную. Моя сияющая брюнеточка уже щебетала с каким-то хлыщом в голубом латексе, и я порулил мимо незнакомых лиц и рыл, сквозь густой раствор из кивков, бокалов,

болтовни, умных бесед о нелинейных коридорах и налогах на перевозку живой органики – в сторону служебного входа в закрытую часть особняка.

Наткнулся на взгляд громилы-охранника: он материализовался, словно специально чтобы поугадать меня – перед самым носом.

– Простите, а где тут уборная? – захлопал ресницами теперь уже я, изображая лёгкую степень дебилности, не позволяющую распознавать пиктограммы на указателях.

Охранник молча ткнул мне за плечо. Я обернулся. Как раз на подиуме заканчивался танец труппы самочек шкреков, и гостям начали демонстрировать ролики об экономических и эстетических достоинствах новой трассы «Мегакруть», световые эффекты погрузили зал в мерцание. Палец громилы указывал налево, куда мне было совсем не надо.

Впрочем, я направился именно туда, продефилировал мимо и выбрался на веранду особняка. В пёстром месиве делового народа мой одолженный у Кныш-Ныша костюм в малиновую полоску выглядел даже элегантно, потому никто не косился на дышащего свежим воздухом хлыща и никто не встревожился, когда я растаял в еловой тени.

Каморку садовника я отыскал не сразу – успел влезть подошвой в компост и порвать штанину о замок. Собственно, именно так я и нашёл заветную дверцу – по замку, дёрнувшему за штаны. Как я и думал, комнатку никто не охранял, зато в ней обнаружился проход во внутренний коридор особняка.

Проникнуть в логово Фшыщмуса было уже делом техники.

Лучик фонарика дрожал на распечатке плана здания, взятом из Сети. Я прикинул, что приёмная Фшыщмуса находится этажом выше, а лестница через два поворота, скопал план, сунул в карман брюк и, прижимая снятые ботинки к груди, поскользился по полированному паркету к цели. Компост на подошве пованивал. Я едва успел спрятаться под лестницей, заслышав взволнованные голоса.

Ступени над головой закрипели, и я плотнее вжался в стенку шкафчика со швабрами.

– ...нездоровое движение, – голос одного из говоривших – вальяжный и густой, словно урчание сытого змеезавра, заглушал второго собеседника.

Они прошли прямо над моей головой.

– Ваши люди, Чечка, – продолжил владелец баса, отвечая на неразборчивое лопотание. – Сразу после похищения к нам ломился фальшивый инспектор энергоконтроля. Вы понимаете, генерал, о чём я?

Я вытянул шею и поглядел из-под лестницы вслед удаляющейся парочке. Фигура поменьше, тонушая в облаке гигантской балетной пачки, принадлежала старичку из зала, а его собеседник, похоже, и был тем самым Фшыщмусом. Со спины я не мог сказать этого точно, однако комплекция, как у заградительного голема, давала девяностопроцентную вероятность того, что это хозяин особняка собственной персо-

ной.

Дождавшись, когда они скроются за углом, я взлетел по зеркальной лестнице красного камня наверх и помчался в конец короткого коридора, к вычурным дверям, явно главенствующим на этаже.

Чуть не проехав по паркету мимо, я вдруг понял, что забыл туфли под лестницей. Отмычка в пальцах задрожала. Вернуться за вещами необходимо.

Механизм замка приятно слушался, приводя свои бороздки и язычки в нужные позиции, и я решил, раз пока всё складывается благоприятно, надо брать шкрека за шпоры и продолжать.

Замок мягко клацнул, пружина ручки стала податливой, бесшумно распахивая огромные тяжёлые двери.

Я скользнул в полутёмный проём и замер.

– Так-так, а ты кто такой? – прелестница с чёрной, как делишки Фшыщмуса, кожей, уставилась на меня янтарными глазами. Девица была одета во что-то, напоминающее бусы, причём я бы не сказал, что они прикрывали хоть что-нибудь.

Подсвеченная снизу гладь бассейна размером с вертолётную площадку зарябила от смеха других красоток – числом никак не меньше тридцати. Я огляделся, вероятно, вид у меня был диким, ведь рабочий кабинет в моих представлениях выглядел несколько более... рабочим!

– Вы не скажете, как пройти в библиотеку? – ляпнул я и

уоставился во все глаза на по-змеиному пёструю шкурку девицы, с шумом вынырнувшей у моих ног.

– В три часа ночи! – захихикала змеекожая и упала обратно в бассейн, продемонстрировав острые соски и узкую ямочку пупка, а напоследок хлопнув по воде хвостом. Я подскочил, как ошпаренный:

– Девочки, безумно приятно так ошибиться, но мне пора... в библиотеку.

– Макс тебя проводит, – чёрненькая томно потянулась и многозначительно улыбнулась. Гарем дружно залопотал, а я обернулся – предчувствия были самые нехорошие.

Макс, огромный шерстистый тип, перешагнул порог – глазки его светились кровавым. Мне показалось, что каменные изразцы пола жалобно хрустнули.

Конечно, ситуация требовала героически сразить красно-речием и Макса, и гарем, однако в тот момент голос решил ретироваться раньше меня, потому я придушенно пискнул и свалился в воду.

Штаны вздулись парусами, я отчаянно грёб к противоположной стороне, слыша за спиной рёв и фыркание. Вывалившись животом на ажурный бортик, я пополз, как тюлень, вода с лацканов и отворотов текла ручьями.

– Туда, – махнула ладошкой змеекожая и указала в угол. – Беги, храбрый самоубийца. Давно никто не рисковал, чтобы поглядеть на нас.

Я не стал разочаровывать дамочку – лучше прослыть ис-

следователем чужих гаремов, чем чужой секретной переписки, потому через маленькую дверь вывалился на террасу, и, перескакивая через кушетки и подушки-валики, помчался к её краю.

Внизу мрачно вырисовывались ёлки и кусты заднего фасада особняка. Я обернулся, чтобы найти что-то подходящее для организации спуска, и встретил лицом огромный стремительный кулак.

Далёкие фонари размазались полосами, я перевалился через балюстраду, пролетел метров пять и рухнул в пахнущие чесноком и мокрым деревом объятия.

– Коллега! – пробасил на ухо знакомый голос. – А я вас везде ищу насчёт квитруляции.

Я схватился за разбитую челюсть и застонал.

Ухромал я из гостеприимного дома живым, хотя и избытым. Больше всего болела гордость даже не из-за репутации, сколько от осознания проваленной операции. План чёртового особняка никуда не годился, а свою рожу я засветил по полной. Надеюсь, Фшыщмус не обнаружит, что «фальшивый инспектор» и «любитель гаремов» – одно лицо.

Сейчас, лёжа в постели с компрессом на лбу, я чувствовал благодарность к своей воркующей со стражником спутнице-наяде за то, что оказался дома, в кроватке. Терпение увенчалось радостью, когда посетители, включая доктора, удалились и оставили меня в благословенной тишине.

* * *

Дверной звонок вырвал из забытья.

Голова ещё помнила вчерашние побои, и разум в кои-то веки оказался солидарен с чувствами, что тот, кто ждал у двери, переживёт моё неявление.

– Идите к чёрту! – вяло выкрикнул я в ответ на повторный звонок. Челюсть болела и казалась разболтанной, как старая калитка. Настроение было мерзким.

Я услышал щелчок, и через полминуты на пороге комнаты возникла соседка-сватья.

– Изыди! – простонал я и замахал руками.

– Тише, – покачала она головой и поставила на стол корзину. – Кричать вредно. Некому о тебе позаботиться, как я погляжу.

Она деловито расстелила салфетку, поставила чашки, чайник, ещё какую-то посуду.

Я с удивлением понял, что соседка принесла завтрак.

– Прошляпил ты своё счастье, – старушка снова покачала головой, улыбка утонула в морщинках усатой мордочки. – Твоя дева-то с другим ходит.

Я пожал плечами и отпил чаю.

– И давно у вас ключи от моего дома? – поинтересовался, наконец.

– Давненько, – закивала старушка. – Мне доступ ещё предыдущий владелец оформил, у него карликовые панголины тут жили. – Кошёлка ткнула пальцем в приклеенную на

стену страницу журнала с её телефоном. – Он как в командировку ехал, так и просил за ними присматривать. – Она мечтательно призадумалась. – Хороший был человек, строитель. А как их сорвали дорогу эту звёздную строить, так и уехал, и панголинов своих продал. Говорит, работа большая – планеты двигать и пространство выпрямлять. Доступ-то отменить он и позабыл, а почему городской администратор ушами хлопнул, откуда ж я знаю? Я и не вспоминала, да только дева уж больно твоя понравилась, ласковая, красotka. Негоже такому парню, как ты, холостому быть, вредно это. Дай, думаю, помогу. Гляжу – работает доступ-то!..

Дальше я уже не слушал. Внимание привлекла одна деталь в рассказе бабули.

– Что они там, в космосе, делают? – уточнил я. – Планеты двигают?

Внутри отдающейся болью головы закрутились колёсики.

– Да двигают, голубчик, – старушка подёргала носом и тревожно поглядела чёрными бусинками глаз: – Приляг, тебе волноваться вредно.

– Я не сомневалась в вас! – мадам Кокушек сияла от радости. – Я так счастлива!

Не знаю, насколько была счастлива она, а вот семья племянника, что пробовал избавиться от назойливого внимания пылкой тётушки, однозначно счастья не испытывала.

Когда строительная корпорация известила немногочис-

ленных жителей Малых Люляк, что для прокладки звёздной магистрали планету перенесут в другую систему, и заранее выдала координаты, далеко не все жители сообщили о новом адресе родственникам и знакомым. Кое-кто воспользовался возможностью «затеряться», пока планета не проиндексировалась в новых каталогах. Не всегда успешно. Придётся племяннику Кокушек ждать другой okazji либо изобретать нечто новое, чтобы энергичная тётка его не нашла.

Я, испытывая удовлетворение, проверил округлившийся счёт на карте, потянулся и услышал звонок в дверь. Кто бы это мог быть в такое время?

С порога остро глянули подозрительные глаза над веером вибрисс.

– Ну фто смотриф? Дело ефть...

Сок одуванчика

Снег пеленой курился за автодреем. Эрна визжала, её серые глаза смеялись. Маску и стяжку капюшона облепило инеем. Женщина вцепилась в рифлёные поручни, и Кайл почти не боялся, что она вывалится.

Красные «сани» мчались по склону, вихляли меж зелёных глыб льда. В воздухе плыли снежинки, в небе радужным гало размазалось солнце. Космокатер «Близнец-1», привёзший их сюда, давно пропал из поля зрения – но уверенно держал сигнал.

Зелёное небо, зелёный лёд, радуга и безумная радость скорости.

Кайл отряхнул перчатку от комьев снега и дал сигнал тормозить.

Автодрей протащился ещё двести метров и замер, зарывшись носом в сугроб. Поле антигравов вдавилось куполом в снежный нанос, сине-зелёная тень светилась кружевом.

– Замечательно, капитан Кайл! – Эрна стянула маску, покрасневшие нос и щёки делали её похожей на девчонку, из-под капюшона выбился одуванчиковый локон.

– И ведь всё равно «капитан!» – для Кайла сейчас не было ни «капитана», ни «врача» – лишь «он» и «она», Кайл и Эрна. Формальность казалась ему несовместимой с прелестью прогулки по Ниобе, планете давно известной, но необжи-

той. Кислородная, покрытая километровой толщей чистойшей «ашдвао», Ниоба полмиллиона лет назад растеряла тепло, и сейчас могла бы стать зимним курортом галактического масштаба. Полезных ископаемых нет, живность крохотная, агрессивное обжигающее солнышко, гладкие монолитные поля снега в кристаллических выступах льда и минус пятьдесят по Цельсию.

Самое то, чтобы устроить новогодние катания. Пусть наступающий Новый год наступал на далёкой Земле в световых годах и десятке сигма-прыжков отсюда, для её детей он имел особый смысл. Уютная кают-компания корабля «Это Происходит Со Мной» с искусственной ёлкой и натуральными мандаринами не давала ощущения волшебства.

Кайл не успел опомниться – Эрна чмокнула горячими губами в щёку, выше кромки маски. Он ошарашено уставился на хохочущую женщину и сам рассмеялся, пряча неловкость и чувствуя, как горят уши.

– Эрна, вы коварная! Я теперь не помню, куда возвращаться, память отшибло. Придётся вам целовать меня снова, чтобы она восстановилась.

– Тележка на автопилоте сама вернётся, – наморщила носик Эрна, спрыгнула с платформы, уйдя в снег до середины бёдер. Кайл свесился, протянул руку. Шутливость как ветром сдуло.

– Эрна, снег обманчив, – нахмурился он, – можете провалиться глубже.

– Сыпется, – она зачерпнула горстями, – даже снежок не слепишь.

– Полезайте обратно, – Кайл поманил женщину вверх, она вздохнула и подтянулась, загребая сугроб ногами. Оказавшись на платформе, Эрна уставилась вниз.

– Капитан Кайл, я что-то зацепила ногой. И оно хрустнуло. Понимаете? Как дерево. Но этого не может быть! Здесь нет деревьев.

– Я сейчас сдам платформу назад, осторожнее, Эрна.

Проснулся, «задышал» автодрей. Попятился по прорытой борозде. Посыпались освобождённые от подушки гравиполя снежинки, зелёные тени заколебались.

Эрна сдавленно вскрикнула и прыгнула в воронку, упала на колени и начала разгребать снег вокруг обнажившегося тёмного предмета. Капитан исследовательского корабля «Это Происходит Со Мной» остановил платформу, свесился, готовый ругаться, и замер. Под затянутыми в перчатки ладошками медика проступили оскаленные зубы человека. Мёртвого, разумеется.

– Помогите, капитан Кайл! – Эрна вскинула голову, одуванчиковый локон снова выбился из-под капюшона.

Кайл прыгнул, оступился, лодыжку прострелило болью. Капитан чертыхнулся и, стараясь отвлечься от боли – не страшно! – склонился над трупом. Мумифицированные губы обтягивали оскал, в глазницы набился снег, смёрзшиеся

волосы вплавились в лёд. Без сомнения, это человек.

– Возможно, несчастный случай, возможно – криминал. Эрна, оставьте. Мы не сможем его вытащить. Или её... Известим спасательные службы. Здесь оставим маячок, пусть занимаются специалисты.

– Капитан, давайте возьмем хотя бы образец ДНК, чтобы установить личность. Это же человек, он не должен был умереть здесь – Она потёрла перчаткой лоб, откидывая локон. – Мне нужно взять немного волос в лабораторию на челнок.

Капитан обнял плечи дрожащей не от холода женщины и прикинул, сможет ли отпилить кусок глыбы с волосами. Они с собой оружия не брали – катание на «санях» не обещало проблем – потому у Кайла нашёлся лишь сувенирный нож, талисман, подаренный несколько часов назад, ещё под корабельной ёлкой коллегой, разведчиком Романом Аром. Красивое, хоть и бестолковое лезвие из чего-то вроде хитина. Сломается. Коричневый труп злорадно ухмылялся.

Засвистел ветер, с примятой стены сугроба посыпались снежинки. Сердце бухнуло, и ещё не осознавая, что случилось, Кайл сжал плечо врача:

– Эрна, назад, на платформу. Быстрее.

Рубчатая подошва упёрлась в ладони, мелькнули стройные ноги. Кайл подтянулся следом. К автодрейю мчались три чёрные костистые фигуры. По снегу метнулся лазерный целеуказатель, платформа дёрнулась от удара, на красном глад-

ком борту появилась вмятина.

Взвилась снежная пелена, автопилот повёл платформу по дуге, солнце на мгновение ослепило. Антигравы не могли поднять «сани» выше двух метров, вся надежда на скорость.

– Кайл Каеро вызывает «Это Происходит Со Мной». – Кайл стянул полумаску на подбородок, прижал ладонью гарнитуру передатчика. – ЭПСМ, у нас ЧП! Вооружённые неизвестные преследуют автодрей.

– Есть, капитан, высылаю «Близнец-2» с группой, – спокойный голос навигатора отрезвил.

Ветер бил в лицо, кусал губы. Эрна вжалась в сиденье, и Кайл не видел её лица. Костистые и неприятно гибкие фигуры мелькнули позади и слева, полускрытые белой пеленой. Они гнались за машиной с людьми, как гончие за оленем.

Кайл кинул взгляд на Эрну, выругался: не взять с собой оружие было глупостью и разгильдяйством. Пусть на Ниобе нет опасных форм жизни, а получасовая прогулка на «санках» казалась шалостью – неприятности грозят смертью.

Увесистая туша ударила в бок автодрея, когти закрипели о металл, от толчка у седоков клацнули зубы. Эрна вскрикнула, и Кайл дёрнул застёжку комбеза, потянулся к рукояти талисмана-ножа – единственному почти-оружию вне «Близнеца-1», на пути к которому автопилот выжимал максимальную скорость.

– Эрна, управление! – Автодрей качнулся, притормозил на секунду, но этого хватило, чтобы нападавший перемахнул

через низкий борт. Кайл развернулся, с размаху всадил ребро ладони между шеей и плечом существа, кисть ожгло болью – корпус твари покрывала чешуя «лат». Существо взвыло, наклонилось, и капитан, сцепив руки, долбанул сверху по затылку, одновременно пиная елозящие в воздухе когти. Кайлу почти удалось столкнуть нападающего с платформы, но тварь ухватилась за ноги капитана, поволокла к себе. Кайл вцепился в поручни, в этот момент в тишине зимней планеты раздался выстрел, автодрей дёрнулся, Эрна взвизгнула. Зелёное небо закружилось волчком, и, увлекаемый чудовищной тушей, капитан рухнул в сугроб.

Снег ожёг переносицу, мир трянуло. Похожая на чёрную шишку морда окатила паром из ноздрей. На Кайла взглянули бесцветные глаза с вертикальными щелями зрачков. Существо хрипнуло, взвалило человека на холку. Зелёное небо, месиво белого снега и чёрных огромных тел смазались, как в калейдоскопе, и Кайла завертело, словно внутри игрушки, встряхиваемой жёсткой рукой.

Последнее, что он увидел – стремительно удаляющийся к горизонту автодрей с Эрной.

Спина врезалась в твёрдую поверхность, затылок стукнулся о стену, Кайл открыл глаза. Болел отбитый живот, саднила рука. Тусклые лучи забранного решёткой светильника выхватили низкий потолок и серую стену напротив. Тьма задвигалась, коренастая фигура с покрытыми «латами» плеча-

ми нависла над капитаном.

Вблизи существо казалось ещё выше, массивнее. Оно горбилось, но формой тела походило на гуманоида, как египетский бог-крокодил. Капитан попытался встать, раненая лодыжка напомнила о себе уколом боли. Костлявая чёрная ладонь вцепилась в ворот комбинезона и приподняла капитана, усаживая у стены.

– К-кто?.. – прохрипел Кайл, стаскивая маску с лица, в лицо пахнуло кислой вонью сварки. Коммуникатор на браслете замигал зелёным светом вызова.

Существо схватило человека за запястье, присматриваясь змеиными глазами к устройству, приподняло человека. Сверкнуло лезвие – и Кайл не смог сдержать крика. Резкая страшная боль вгрызлась в тело, мышцы затрепетали в судороге, и он рухнул на пол, орошая его брызгами собственной крови. Глядя на когтистые чёрные ступни, Кайл сжался в клубок, сознание захлебнулось в жидкой горячей боли.

– Нет сигнала! – корабельный андроид повернулась к зависшему над белой равниной автодрею, глаза над маской полыхнули пурпуром. – Роман, браслет капитана не подаёт сигналов.

Она приняла из рук человека дрон-кассету, воткнула её в снег и активировала. Два дрона расправили рамы и поднялись в морозный воздух. Роман Ар, разведчик-человек, прыгнул с платформы и прищурился:

– Это ничего не меняет. Действуем, как на тренировке, Зея.

Он знал, что постороннему снять комм-браслет невозможно – проще уничтожить вместе с человеком. Объяснение всему Роман получит позже, а пока нельзя даже думать о том, что Кайла Каеро, капитана, нет в живых.

Комбинезоны наливались белым, маскируя человека и андроида.

Они бежали по ледяным плитам, скользили по зелёно-белому насту к обозначенной ЭПСМом цели – точки, из которой в последний раз отзывался комм Кайла. Два дрона кружили стрекозами над заветным местом. Оба катера-«Близнеца» с этого места не были видны, даже оставленный автодрей казался тёмной точкой, досадной щербинкой среди вздыбившихся ледяных плит.

Роман замедлил шаг, оглянулся в поисках Зеи. Два крестика теней от мини-дронов рисовали круги на льдинах.

– Я тут, Роман, – донёсся из браслета женский голос, – четыре метра вправо.

Позёмка взметнулась, показались пурпурные глаза над мимикридной маской – костюм превратил Зею в сугроб.

– Сигнал исходил отсюда, одиннадцать с половиной метров вниз от нулевой проекции. Ищем вход.

Роман включил сканер, шаг за шагом ощупывая девственно-снежную поверхность над целью – в поисках пустот. Каж-

дая минута поисков тянулась, как вывернутый дыбой сустав. С каждым мгновением шансов, что капитана можно спасти, становилось меньше – может быть, если знать точно, что Кайла больше нет, разнести бы корабельными пушками этот бункер – или что там подо льдом – к чёртовой матери, чтобы обнажилось воронкой днище ледяного океана. Бомбы из антивещества собрать – раз плюнуть, если есть корабельный генератор и навыки. У Романа Ара было и то, и другое. Он это обязательно сделает. Потом. Вынесет наружу то, что осталось от Кайла, и выжжет сволочей вместе с их норами.

Он вспомнил, как плакала Эрна, когда, не поддаваясь на уговоры лечь в медблок, рассказывала, как чёрные твари подстрелили и унесли капитана Каеро, а потом, бледная от стимуляторов и переживаний, провожала их с Зеей, не в силах произнести слов прощания. Тогда сигнал от капитана ещё был.

– Инфравизор зарегистрировал выхлоп тепла в полутора километрах, двадцать три градуса на север, – журчащий голосок андроида полился из комм-браслета. – Полагаю, там воздуховод или похожая конструкция.

– Молодец, девочка, – выдохнул разведчик. – Это то, что надо.

Промоина во льду, по которой скользили двое, упёрлась в тёмный раструб. Из-под сдвинутой решётки пахнуло теплом, в глубине гудели невидимые компрессоры, нутро пря-

моугольного короба уводило во тьму.

– Я пойду первым, – шепнул Роман. Маленькие дроны один за другим юркнули в раструб и зависли у входа.

Скрипнула решётка, спящий маячок прилепился к её раме. Он не выдаст себя сигналом, пока не настанет время искать выход. Спасатели углубились в лабиринт.

– Система коммуникаций конструкции сходна с системами модульных танкеров класса «Одуванчик», – голос Зеи прожурчал в ухе Романа, и он хмыкнул. Последний раз разведчик видел «Одуванчики» лет пятнадцать назад: огромные, по сути, целые комплексные космостанции действительно походили на шарики семян. Отдельные неразумные корабли-«семечки» стыковались на центральном блоке и, подобно стальным пчёлам, носили добытую на астероидах руду к фабрике первичной переработки. Мало кто из планетных обывателей видел эти танкерные системы: миры строились вдали от туристических трасс, на них поколения и рабочие династии жили по своим законам и правилам.

Чем дальше разведчик углублялся в логово, тем сильнее убеждался, что то, что он видел, создавалось людьми, и человеческими машинами: гладкие прямые стены с тонкими щелями технологических стыков, прямые углы предметов, даже горизонтальность и уклон воздуховода – всё выдавало логику хомо сапиенс.

В углу визора у правого глаза замерцала призрачная мо-

дель модульного корабля, похожего на одуванчик – Зея передала картинку. Одно «семечко с парашютом» увеличилось, развернулось, прошло через череду изменений – схемы конструкций, внутри одной из которых они находились.

– Значит, это на самом деле зарытый в снег корабль. Можно обнаружить по номеру, где его модуль-ядро и кто владелец, – сказал Роман.

– Сейчас придётся спуститься в жилую часть, – деловитый голосок Зеи создавал иллюзию рутины, казалось, что всё – симуляция, игра, и Кайл жив. – Дальше крупных воздуховодов нет. В двенадцати метрах впереди и полметра направо есть технологический люк, пригодный для спуска.

– Зея, – обернулся к андроиду Ар, – как обстановка на «Это Происходит Со Мной»?

Огни инфраподсветки в зрачках девушки мигнули – она следовала позади, в четырёх метрах:

– С момента входа я заблокировала канал связи с ЭП-СМом, – сообщила андроид. – Нас могут обнаружить и отследить.

Тишайший скрип сопровождал откинувшуюся панель люка, пахло сыростью.

Мини-дроны порскнули в стороны, сканируя помещение, скрылись во тьме.

Роман скользнул вниз, в пустой коридор. Пригнулся, покачал головой. На визоре заплясали линии: дроны засекли кого-то живого. План помещения за коротким коридором

испещряли красные метки. Вдоль стен комнаты, через которую следовало пройти, подобно стражам замерли существа, распознанные компьютерами, как живые.

Рядом с разведчиком выросла гибкая фигурка Зеи в почерневшем во тьме мимикридном костюме.

– Они неподвижны, процессы жизнедеятельности замедлены, – шепнул голос в ухе Романа. – Варианты: сон, гипбернация, паралич, лечение-восстановление, узники, засада. Мало данных. Рекомендую вернуться на прежнюю позицию и спуститься другим путём.

– Если это засада – единственный опасный для нас вариант – смена позиции не поможет, они о нас знают, – едва слышно выдохнул разведчик. Он тронул парализатор, затем пальцы сомкнулись на рукояти бластера. – Я впереди, ты прикрывай.

Тусклые красные аварийки, пунктиром разделившие потолок, отражались в хитиновых изломах трёхметровых чёрных тел слева и справа. Застывшие как статуи существа, похожие на помесь человека, насекомого и панголина, блестели перламутровой плёнкой стазиса. При ближайшем рассмотрении стало ясно, что эти создания кто-то «законсервировал».

– Безопасны, – резюмировал очевидное Роман, поднял ствол к плечу и пошёл вдоль «почётного караула».

Сизая вспышка за спиной заставила метнуться к стене –

в приёмнике раздался возглас, визор у глаза замигал предупреждениями и быстро сменяющимися схемами. Ар обернулся. В голубом призрачном свете мелькнул тонкий силуэт андроида, и Роман без раздумий пальнул в здоровенную тушу её преследователя. Шваркнуло, слепящий луч бластера рассёк грудину чужака, коротко хлюпнуло. Разведчик выглянул из-за покрытой плёнкой стазиса «статуи» и оценил обстановку. Дроны болтались в ста метрах от места боя.

– Зея, прикрой! – скомандовал Роман. Теперь таиться нечего.

Он пригнулся и побежал. Атака сзади! Датчики на браслете запиликали, тошнота подкатила к горлу. Бронекостюм продолжал поддерживать тело, даже когда Роман закричал от выворачивающей суставы невыносимой тяжести. Ноги продолжали механически переставляться, и сервоприводы понесли человека из зоны удара гравипушки. Усиленная приводом рука дёрнулась, вскидывая ствол бластера в сторону мелькнувшей тени, но гравитация резко возросла, и выстрел шваркнул мимо, на миг затемнив визор. Роман упал. Мягкая светящаяся сеть упала на него словно из ниоткуда.

Два исходящих искрами мини-дрона рухнули, один за другим у его головы.

– «Это Происходит Со Мной», крейсерская сигма-яхта класса «Островитянин» требует отпустить заложников. – Глаза застывшей Зеи светились ярким пурпуром, мелодич-

ный голос стал ниже, интонации исчезли. Тонкая фигурка даже в условиях семикратной гравитации осталась стоять изящной буквой «А» – композитный остов андроида щёлкнулся, превратил организм в устойчивый бипод. Сервоприводы костюма грелись, и Зея послала команду отключения – помочь поднять оружие они не могли.

– Это не человек, брателло, – один из чёрных выскользнул из коридора и остановился на границе поля. – Это что-то вроде робота.

– Я не робот, – Зея моргнула. – Я системный андроид корабля «Это Происходит Со Мной», и, в данном случае, его голос.

– Системный андроид? Киборг? – светлые глаза с вертикальными зрачками ощупали взглядом фигурку. – И он тоже? – костистый палец ткнул в скорчившегося на полу Романа. Ар был в полном сознании, смотрел из-под покрасневших век, коротко и часто дышал, спелёнутый световой крупнойчейстой сетью

– Он человек, мой друг, – Зея нахмурила брови. – Мы пришли забрать второго человека. – Глаза засветились ярче, тело вздрогнуло, и уже ЭПСМ её голосом сообщил: – Отпустите моих людей, и я не причиню тебе ущерба, модульный транспорт «Одуванчик-38». Я на геостационарной орбите над вами, системы приведены в режим боевой готовности.

– Конечно, не отпущу, – засмеялся змееглазый. – Ты же

человеческий слуга, и не станешь ничего делать, пока хоть один хомо у нас. Киборга не держу, пусть она тоже на стороне людей, но убивать соплеменницу не стану.

«Соплеменницу? – Роман сморгнул липкую чёрную пелену. Грудина пульсировала тянущей болью, звуки отдавались эхом, но он попытался сосредоточиться на них. – Эти твари тоже андроиды кораблей, что ли? Нет же, их много здесь, целый отряд».

Сознание плыло, в памяти проявился обрывок чего-то знакомого, чего-то, связанного с изменёнными людьми...

– Он долго не выдержит, – повела зрачками в сторону Романа всё ещё парализованная Зeya и почувствовала, что гравитация уменьшается. – Каковы ваши требования?

– Никаких, – пожал лаковыми сочленениями монстр. – Я не отпущу людей, мне они нужны. Пока ваш «Островитянин» не будет знать точно, что они мертвы, он не станет нападать. А мы подготовимся, уйдём и выживем: мы модернизированы для условий более жёстких, чем на Ниобе.

Зeya транслировала ЭПСМу разговор и испытывала замешательство: эти существа когда-то прошли через изменения, чтобы жить в условиях, где обычный человек не выдержал бы и минуты. Они были... людьми? Зeya знала о модификантах, но никогда воочию не видела ни одного – слишком закрытыми и далёкими были миры, где селились гибриды людей и машин.

– Модификант не может убить человека! – встрепенулась

Зея. – Это основа всех машинных систем, и тех, что внутри киборгов – тоже.

– Мы изменились, красotka. Убивать так просто! Особенно ради жизни. Вас так легко выследить.

– Вы убили нашего капитана? – губы Зеи сжались в линию.

Змееглазый рассмеялся и бросил к её ногам предмет. Тот звякнул, покатился – тусклый, замызганный ржавой кровью коммутационный браслет.

«Это бывшие люди, сбежавшие с облака Аи-Каш, астероидного рудного прииска, – образы, передаваемые ЭПСМом в мозг Зеи, сменяли один другой. Микросекунды объективного времени сочлились по капле, а в виртуальном пространстве растягивались в часы. – Рудокопы Аи-Каш обычно проходят морфологическую модернизацию, чтобы подладиться под условия астероидов. Они очень живучие, выносливые, их тела наполовину состоят из имплантов и биотехнических систем. Киборги не отказываются от человеческих страстей, что делает их мотивированными, социально гибкими.

Десять дней назад группа из двадцати одного работника-модификанта и одного человека угнала модульный элемент танкера «Одуванчик» вместе с похищенным оборудованием и исчезла. Это неразумный корабль, у него нет индивидуального имени. Безымянный «Одуванчик-38» – просто коробка с двигателем, которую можно украсть. Я передал

информацию об их нахождении на Землю. Судя по тормозному пути, последний их сигма-прыжок был неудачным, модульный элемент потерял управление. Вероятно – отказали гравикомпенсаторы, поскольку корабль не покидал планету. Найденный вами труп принадлежит сбежавшей Сауре Нейзли, биоквазисту, участнице проекта по модификации организмов на Аи-Каш. Авария «Одуванчика-38» не обошлась без жертв, а команда лишилась специалиста по превращению. Для планирования операции по спасению Каеро и Ара нужна дополнительная информация».

– Ты причиняешь беспокойство, – тёмная фигура склонилась над Зеей, вытянутые челюсти показательно клацнули возле уха. – Держись подальше от нас, возвращайся домой, красotka.

– Я предлагаю обмен, – вскинула подбородок андроид. – Средствами корабля «Это Происходит Со Мной» я почию «Одуванчик», и мы позволим вам покинуть Ниобу. Я знаю, что при побеге вы не рассчитали нагрузку из-за краденого оборудования и потерпели аварию. Я сумею всё починить и наладить. Взамен вы вернёте наших людей – в том состоянии, в котором они находятся сейчас, живых либо мёртвых.

Модификанты не дураки, они знают, что стоит избавиться от заложников, им на хвост сядут службы безопасности. Но, в отличие от статичного ожидания, когда твою судьбу решают другие, в космосе есть шанс. Те, кто однажды рискнул и

сбежал, сделают это снова.

Зея рассчитывала на это.

Роман поморщился, покрутил головой: полежав десять минут под гнётом семикратной гравитации, он сильно потянул мышцы шеи. Плазмосье на теле потухло. Его пристегнули к обычному корабельному креслу пластиковыми лентами из ремонтного арсенала. Разведчик подвигал плечами, проверяя их на прочность, маска сползла под подбородок.

Здесь царил полумрак, комната – явно медотсек – с необычно тёмными для лечебных палат стенами, создавала гнетущее впечатление. Похоже, хозяева кораблика созданы для жизни в сумерках и холоде. Облако пара изо рта рассеяло огни панели управления метрах в трёх впереди.

Лечебный блок выворочен. Его место занимала многосекционная батарея грязно-розовых цилиндров, опрaвленных в рамки проводов и рифлёных труб. Мерцали индикаторы, единственный активный экран демонстрировал похожую на ДНК парную синусоиду.

Клацнули створки, тяжёлые упругие шаги за спиной Романа заставили волосы на затылке встать дыбом. Он сжал зубы и скосил глаза – чёрное, покрытое пластинчатыми «латами» существо двигалось грациозно. Оно, не обращая внимания на человека, нависло над пультом, Роман видел, как заметались тени от когтистых пальцев.

– Службы безопасности пожертвует мной, можешь не со-

мневаться, – начал Роман. – И мою смерть запишут на твой счёт. У тебя совсем немного времени, чтоб договориться с ЭПСМом.

– Достаточно, – в вытянутой пасти сверкнули зубы, на Романа глянул прищуренный янтарный глаз. – Твой корабль защитит нас, пока мы не вернём ему всё, что от вас останется.

– Пытать будете? – хмыкнул Роман.

– Рассматривай это как милосердие, – возразил чёрный. – Ты поделишься образцами тканей, чтобы вырастить новых модификантов. Наши тела, сращённые с наноботами, непригодны для клонирования. А твоё – пригодно. Нам нужно размножиться – и твоих тканей хватит на то, чтобы вырастить нескольких детей. Раз ради работы мы стали стерильными, значит, имеем право использовать для размножения людскую плоть.

Действительно, изменённые люди, работающие в условиях жёсткой радиации и ограниченных ресурсов, не могли иметь потомство. Как и андройды. Формально люди, они стерилизовались сразу. В пятидесяти миллиардной людской цивилизации находилось достаточно желающих получить деньги, новую жизнь либо амнистию в обмен на добровольный отказ от потомства.

– Когда исчезнет сигнал с моего комм-браслета, у ЭПСМа не останется причин вас защищать, – Роман старался говорить хладнокровно. Мысли метались, взгляд притягивался к

грязно-розовым тубам на месте медблока. – Вы у него под колпаком.

– Ты будешь жить долго, – протянул модификант, жёлтые глаза глянули на пленника в упор. – И браслет твой не тронем. Может быть, то, что вернём вашему «Островитянину», будет ещё живым и с коммутатором. На Земле ведь умеют восстанавливать тела, верно? Мы лишь возьмём наш кусок пирога. – Он рассмеялся, словно сказал презабавнейшую шутку.

Снова клацнули створки, заколебались тени. На Романа глянули пурпурные глаза. Зея, хоть и находилась под прицелом следующего за ней модификанта, не была связана.

– Нужно восстановить четыре из пяти модификационных камер, – бросил ей желтоглазый. – Раньше начнёшь, раньше закончишь.

– Нет, – шевельнулись бледные губы. – В этом я не участвую. Мы договаривались о починке корабля, а не искусственных маток.

– Это очень важные вещи, – возразил модификант. – Их надо починить первыми.

– Я не стану участвовать. Вы используете органы моего друга. Это вивисекция. – Взгляд Зеи шарил по помещению в попытках найти что-то спасительное.

– Тогда наш договор расторгнут, – подал голос второй модификант, с белёсыми глазами. Ствол его бластера покачнулся.

– Мы договорились, что я почию корабль в обмен на людей в том состоянии, в котором они находятся сейчас, – заметила Зeya. – Не на ремонт личного оборудования. И мне надо видеть второго пленника.

– Договор не устраивает нас обоих, – оскалился желтоглазый. – Пожалуй, мы воздержимся от демонстрации второго человечка.

– Я почию гравикомпенсаторный двигатель, – опустила ресницы Зeya. – Давайте придерживаться условий договора, пока можем.

Нужно было спасать хотя бы Романа – торговаться за него, пока не придут настоящие спасатели. Она понимала, что Кайла ей не покажут из-за того, что капитан мёртв. Но признание этого факта террористы станут оттягивать до последнего. В неопределённом статусе капитан тоже пока – предмет торга. Словно в доказательство, в единственной активной мод-камере что-то задвигалось, грязно-розовая жидкость качнулась, обнажила на миг тёмное тело. Молодой модификант, созданный из человеческого материала.

Зeya сморгнула влагу, и крупные слёзы провели линии на щеках.

«Его больше нет, – ноги едва шагали, словно Зeya снова попала в поле гравипушки. – Нет». Она направлялась к двигательному отсеку «Одуванчика-38». Сопровождающий её модификант даже не пошевелился, чтобы помочь, когда Зeya

опустилась на колени, очертила пальцами защёлки люка на полу, затем подняла тяжёлую створку. Она села на край проёма, свесив ноги в оранжевое сияние, и хмуро зыркнула на охранника. Сбежать она, конечно, сможет, да только смысла в этом нет. Одуванчиковцы её отпускали с самого начала.

«Если починить гравикомпенсаторную установку, то можно парализовать местных, как недавно они это делали гравипушкой. Правда, придавит и Ара. Аи-Кашцы выносливее людей, но и Роман – физически тренирован. Возможно, он выдержит. Как его вытащить из гравиполя? И что террористы придумали в качестве страховки от диверсий?»

Девушка моргнула, меняя оптические фильтры, оглянулась – змееглазый сложился сегментированным телом так, что стал похож на сваленные в кучу обломки чёрного скафандра. Андроид спрыгнула на техпалубу, пригнулась – макушка касалась оплетённого углепластовыми волокнами потолка. Здесь трёхметровому модификанту тесно.

Зея двинулась навстречу сверкающей оранжевыми гасителями крепёжной сетке и оглядела сломанный двигатель, без которого «Одуванчик-38» не мог оторваться от Ниобы. Мерцающая серая решётка-гипертор с чёрными потухшими грависферами в узлах расслоилась множественными трёхмерными проекциями. Переливающаяся подвижная гроздь «бубликов» покачивалась перед глазами и завораживала многомерной «неправильностью». Человеческий мозг обычно пытался справиться со зрелищем и потому «зави-

сал», подбирая логичный образ. В отличие от людей, Зея легко оперировала в пространствах вплоть до семимерных, потому вздохнула, активировала стандартный инженерный щуп и мысленно подключилась к ЭПСМу.

Сосредоточенная на диагностике двигателя, она не сразу заметила в неровном рыжем мерцании подбирающуюся к ней тень. Она здесь была не одна. Зея обернулась, вскрикнула и зажала рот ладонью.

– Я согласна, – Зея поёжилась. Она закончила работу и теперь стояла посреди рубки «Одуванчика» перед пронизывающим взглядом узких вертикальных зрачков. – Я буду чинить ваши мод-камеры. – Поскольку часть договора выполнена, корабль на ходу и может покинуть Ниобу, верните одного заложника на ЭПСМ в знак доброй воли и продолжающегося сотрудничества.

Желтоглазый модификант провёл когтями по мерцающему пульту, словно прислушиваясь к скрипу и смакуя каждую его ноту.

– Оба человека для тебя ценны, – сказал он. – Ты жертвуешь собой ради каждого из них. И любой из них умрёт, стоит тебе ошибиться, красotka. Жаль, что ты не с нами, вакансии в нашей маленькой команде открыты, людей не хватает. В знак моей доброй воли я отпущу того человека, с которым ты пришла. Починишь мод-камеры – второй тоже твой. В конце концов, населённых людьми планет много, без мяса не

останемся.

Подходя к двери бывшего медотсека, Зея чувствовала себя идущей по канату над бездной. Только эта цепочка-алгоритм действий могла привести к успеху. Она знала, что желтоглазый лжёт, вопрос был в том, насколько много лжи в его словах. Желтоглазый на самом деле врал, когда обещал вернуть ей Кайла, и Зея понимала эту часть его лжи. Он лгал, следуя своей собственной цепочке-алгоритму, – Зея невольно заужавала соперника-игрока. Она видела часть его блефа, но не видела всего, не знала, как выстроить защиту против ходов, которых не понимала, потому осторожно продвигалась к собственной цели. Сейчас ей крайне важно было оказаться ближе к Роману.

Створки двери разошлись, впереди идущий модификант, трёхметровый грациозный слиток чёрных пластин, отступил в сторону и махнул рукой:

– Объясни этому, что мы его отпускаем. Сейчас. Без оружия.

Роман недоумённо изогнул бровь, понимая, что происходит неведомая ему рокировка. Пластиковые путы, притягивающие руки и грудь к креслу, ослабли.

– Пора возвращаться домой, Роман, – слабо улыбнулась Зея и развела руки, словно собралась обнять человека. – Вспышка справа, – сказала она, как на тренировке.

Роман дёрнулся, его костюм среагировал, защищая от све-

та, плеснувшего из разверзшейся четырёхмерной дыры сигма-прокола, который схлопнул на секунды две точки пространства. Фиолетовое сияние побежало по крестообразной фигурке андроида. Дыра посреди медотсека развернулась воронкой.

– У меня анти-бомба, – знакомым голосом возвестила фигура, шагнувшая из сигма-прокола. – Роман, айда к мод-камере.

Из-под капюшона проступили черты знакомого лица, но Роман Ар отложил эмоции на потом и чётко выполнил приказ своего капитана, скользнул к неприятно шевелящейся тени в розовой жидкости. Бомба из антивещества – это хорошо. Он и сам хотел её сделать.

«Надо узнать у Кайла способ делать фокусы с проколами», – решил он.

Зея уже была там, безбоязненно прижимаясь к тёплому пластику искусственной матки. Дыра сигма-прокола свернулась воронкой и растаяла, оставив фиолетовое свечение. Воцарилась тьма, особо резкая после световой феерии. Теперь они все трое, маленькой командой, были вместе.

– Аннигиляционная бомба у меня маленькая, но уничтожить мод-камеры её хватит, – Кайл ненавидел себя за эти слова, за эту ситуацию, но стоило подумать, что находится там, внутри колбы... Растущее существо, созданное из его собственной отрубленной кисти – как украденная и извращённая часть самого личного, интимного, чем владеет чело-

век. Кайл подавил омерзение и посмотрел в две пары горящих глаз ай-кашцев: – Положите оружие, будем поднимать «Одуванчик» наверх.

Роман растирал запястья и нехорошо улыбался. Он был прав, и явление Кайла подтвердило догадки. Какими бы жуткими ни казались модификанты, как бы ни блефовали, они оставались теми, кем их создали, полумашинами. Они не пошли на убийство человека. Не смогли нарушить древнее правило. Роман мельком бросил взгляд на руки Кайла, уголки его губ поджались. Вот что показалось неправильным: правой руки ниже локтя у капитана не было. Сволочи. В отместку надо всё же кокнуть мод-камеру.

Кайл стоял, брезгуя коснуться колбы с существом, слегка сутулясь, как любой очень усталый человек. Его щёки впали, скулы заострились. Каким бы измотанным ни выглядел капитан, его левая рука с капсулой антивещества из реактора «Одуванчика» не дрожала.

Над слоём стали и льда в зелёном небе Ниобы расцвели облака садящихся полицейских кораблей.

А потом был снег, ослепительный, до рези в глазах, снег, и голова кружилась от свободы. И глаза Эрны, опухшие от слёз, и дорога назад, на «Близнец-2». Роман тащил капитана, перекинув его руку через собственный загривок, – когда Кайл вынырнул из забытья, то понял, что терял сознание. И безумная радость скорости между белыми и зелёными льдами, прочь от оцеплённого спецтехникой места плена.

– Это нож, талисман «на удачу», – Кайл продемонстрировал обсидианового цвета лезвие – по режущей кромке пробежали радужные сполохи. – Мне его Ар под ёлку положил. Когда модификант отчекрыжил мне руку, и я пришёл в себя там, на полу, то при помощи этой штучки мне удалось разомкнуть реле и вызвать аварийное открытие створок камеры. А чёртовой аптечки у них на «Одуванчике» нет...

Капитан явился из медблока бодрый и посвежевший, его хорошее настроение, казалось, бросало солнечные зайчики на переборки кают-компания. Даже затянутый в био-бандаж обрубок правой руки, которая восстановится лишь через две недели, не мог испортить блаженства минуты...

– Как вы их победили? – не понимал навигатор.

– Я разобрался, где нахожусь, и решил оставить нашим друзьям прощальный подарок, пошёл к двигателям. А там – в отсеке гравикомпенсаторов – встретил Зею, – пояснил Кайл. – В инжекторах есть капсулы с антивеществом, и если знать, как их демонтировать, то можно использовать в качестве бомбы. Одного грамма хватило бы устроить локальный Армагеддон.

Роман кивнул: именно так он поступил бы и сам на месте друга.

– Я сначала думала починить гравикомпенсаторы и придавить всех на кораблике гравитацией, – продолжила Зейя. – Мне не хватало данных, чтобы рассчитать дельту функцио-

нальности Романа и модификанта. Но я решила рискнуть и сразу после удара использовать ЭПСМ, чтобы сломать «Одуванчик». Появление капитана изменило план. Мы создали сигма-полевой пробой, – пояснила Зея. Она поймала жадный загоревшийся взгляд Ара и улыбнулась. – Гравикомпенсаторы корабля были отключены для ремонта. Когда после починки их активируешь, то создаются гравитационные дуги, которые обычно подавляют. Как искры в электрическом реле. Я же не стала ставить подавитель, потому что хотела, чтобы случился пробой, как для прыжка космического корабля в космосе, только маленький – как раз достаточный, чтобы переместить капитана к Роману. У меня внутри скелет металлокомпозитный, я пустила микротоки, и как громоотвод притянула «искру» к себе и Ару в медотсек, к сердцу «Одуванчика». Капитан ждал пробоя и был готов. Дальше ребята действовали сами.

Случившееся на Ниобе оказалось потрясением для команды «Это Происходит Со Мной», и корабль через датчики и окуляры андроида наблюдал за людьми. Эмоции Эрны регистрировались даже сильнее, чем у других, но единственное, что выдавало её волнение, – это покрасневшие щёки и губы, сияющие счастьем глаза. Два часа назад разумный корабль видел, как врач, порхающая вокруг медкапсулы с капитаном, гладила ладонью его волосы, затем коснулась губами его губ, что у людей является частью интимных игр, а потом засмеялась и увернулась от его взметнувшейся ладо-

ни. Корабль «Это Происходит Со Мной» решил оставить наблюдение при себе.

Наталья Шемет

Автор пяти книг (издательство «Барк», Гомель, Беларусь). Публиковалась в литературных журналах Беларуси: «Нёман», «Новая Немига литературная», «Метаморфозы» и др., в периодических изданиях России, Украины, Австрии, в альманахах и сборниках: «Калі цвіла чаромха. Аповесці, апавяданні» («Мастацкая літаратура», Минск, Беларусь), «Синяя книга» («Дятловы горы», Россия) и др. Лауреат и дипломант республиканских и международных литературных конкурсов. Член Союза писателей Беларуси, член Международного союза писателей и мастеров искусств, член литературного объединения «Пралеска» (Гомель, Беларусь).

Автор и критик Синего сайта.

Самая непостижимая вещь – отношения между людьми, поэтому мои истории – о любви. Это и юмор, и драма, но прежде всего – романтика, порой с элементами мистики и фэнтези. Миру не хватает тепла и нежности, и я рада подарить читателям немного света и веру в то, что любовь все-таки существует.

Страница автора на Фейсбуке: <https://www.facebook.com/li.nata.shemet/>

Группа автора во ВКонтакте: https://vk.com/veroyatnosti_lyubvi

Профиль на Синем сайте: <https://ficwriter.info/polzovateli/>

[userprofile/Li%20Nata.html](#)

Сохранить

Чай давно остыл.

Ника сидела на диване с чашкой в руках и думала, думала...

Одна. Одна в новогоднюю ночь. Впрочем, сама виновата. Ни к друзьям, ни к родственникам идти не хотелось. Просто не хотелось веселиться. Шампанское решила не открывать, хотя время неумолимо близилось к полуночи.

«Милый, хороший мой, как мне тебя не хватает...»

Ника постаралась прогнать грустные мысли. Она усилием воли погрузилась в ощущение счастья, которое старательно взращивала в себе последнее время. Особенно когда накачивала печаль и становилось одиноко.

В уголках губ появилась улыбка – девушка опустила голову, тёмные волосы упали на лицо, почти окунулись в чашку, но она не обратила внимания. Воспоминания помогали пережить искусственно созданное ею же самой одиночество.

Она давно заметила, что порой накачивало престранное чувство, словно в груди, кроме того, чему там положено быть, есть что-то ещё. Проявившаяся не так давно особенность сначала пугала, а потом Ника поняла, что сильнее всего чудо ощущается, если полностью погрузиться в воспоминания – о нём. О его глазах и тёплых губах, о его прикосновениях и нежных, но таких сильных объятиях.

И сейчас Нике казалось, что там, в сердце... нет, не там.

В груди, посередине – на несколько сантиметров выше места, где сходятся рёбра, внутри, под костями грудной клетки, горит маленький огонёк. Не совсем огонёк, не обжигает... будто тепло, или неяркий свет. Если позволить ему выбраться наружу, сможет осветить весь город в самую тёмную ночь.

Его можно ощутить, если положить руку на грудь. Ладонке становится так приятно! В неё отдается стук сердца, но волшебное тепло – тепло там, в груди, – реально.

И почему-то становится легче.

Ника точно знала, что тот, кого отчаянно желает видеть, не сможет прийти сегодня, и ночь опять придётся провести одной. Ну и пусть. Он вернётся. Вернётся, когда сможет. Она будет ждать.

Звонок во входную дверь прервал размышления.

Она встала, поставила чашку на стол и пошла выяснять, кого принесло так неожиданно.

Не успела посмотреть в глазок, как дверь распахнулась. Двое мужчин в тёмных одеждах ворвались в квартиру, в мгновение ока схватили, скрутили руки, зажали рот – Ника и пикнуть не успела.

Ещё двое стояли за дверью.

Боль и ужас пульсировали в голове, ослепляя. Страшно, так страшно ещё не было никогда! То, что происходило, несправедливо, неправильно! Нереально!

И оно ломало всё, на чем держался мир Ники.

Она сопротивлялась, но сдавленного мычания не слышал никто – за закрытыми дверями квартир звучали мелодии новогоднего концерта.

Девушка вырывалась как безумная. Ей казалось, что слышит хруст собственных костей, выкручиваясь из капкана держащих рук. Изгибалась, выворачивалась, неистово билась, пытаясь освободиться. «Кто», «почему», «за что» и «помогите» слились в напуганном сознании в первобытное «а-а-а». Но и этот звук издавала с трудом – получалось надломленное зажатое «м-м-м».

Похитители выволокли Нику из подъезда босиком и в одном платье. Обожгло холодом.

На улице пустынно. Никого. Это могло удивить – если было бы кому удивляться.

Ника не удивлялась. Только последняя надежда на спасение померкла. Дикий ужас, который затапливал сознание, вопреки ожиданиям, не парализовал, а придавал сил. Она отчаянно продолжала вырываться, но её молча запихали на заднее сиденье машины. Просто и безразлично, как куль с мукой, не обращая внимания на яростное сопротивление.

Пять минут до полуночи. Пять минут до Нового года. Все сидели за праздничными столами, провожали уходящий год в ожидании момента, когда можно снова – в который раз! – поднять бокалы и поздравить друг друга с годом наступив-

шим. Потом выйти на улицу и запустить в чернеющее небо фейерверк.

Никому не было дела до выезжающей из двора многоэтажного дома машины. Машины, которая чуть не сбила молодого человека с пакетом в одной руке и с бутылкой шампанского в другой, вбегающего именно в этот самый двор. Парень чертыхнулся, но не остановился. Он очень хотел успеть.

Через несколько минут молодой человек, не пользуясь лифтом, птицей взлетел на третий этаж и замер, увидев распахнутую дверь.

– Ника! – его охватило нехорошее предчувствие. Змейкой скользнуло по позвоночнику, ледяными обручами сжало грудь, а из лёгких будто убрали часть воздуха. Трудно дышать.

Он выронил пакет, бутылка покатилась, но толстое стекло не разбилось – выдержало. Молодой человек бросился в квартиру.

– Ника! Ника, ты где? – он пронёсся по комнатам. Никого не обнаружив, выхватил мобильник, и, тыкая в сенсорный экран, едва попадая по нужным кнопкам, позвонил в полицию.

– Алло! Человека похитили! Когда? Да только что! Не могла она уйти...

Не могла она уйти и оставить открытой дверь.

Куртка Ники одиноко висела на вешалке в прихожей.

Широко открытыми глазами, неестественно огромными на побелевшем от страха лице, Ника смотрела на похитителей. Ей показалось, что огонёк в груди испуганно трепещет – как живой.

Никаких эмоций не выразалось на лицах. Кожа без единой морщинки туго обтягивала черепа, глаза были безжизненными, дыхание – хриплым и тяжёлым. Ника брыкалась, пока окончательно не выбилась из сил – держали крепко, руки точно из железа. Сопротивляться бесполезно! Девушка замерла.

Не было произнесено ни слова, ни один мускул не дрогнул на гладком, как мяч, лице, когда Ника, изловчившись, изо всех сил укусила зажимающую рот руку. Не отреагировал. Никак. Просто крепче придавил. Девушка задохнулась, опасаясь, что похититель сейчас сломает ей шею.

Она замычала, из глаз наконец-то покатались слёзы.

Нет. Она не плакала. Слёзы просто текли и обжигали щёки.

Машина выехала за город и вскоре остановилась.

Так же молча двое выволокли Нику и потащили в лес. Ещё двое шли следом. Автомобиль на обочине растворился в воздухе.

От бесполезного сопротивления и леденящего ужаса Ника в конце концов потеряла сознание. Со стороны могло показаться, что сооружение, к которому направлялась группа, напоминает огромный перевернутый вверх дном алюминие-

вый таз, выше обода украшенный прямо-таки гирляндой по-новогоднему горящих окон.

В «тазу» появилось отверстие, и Нику отпустили. Бесчувственная девушка поднялась в воздух и поплыла следом за похитителями, как воздушный шарик на ниточке.

Ника понемногу приходила в себя. Девушка чувствовала движение, казалось, что она плывёт в мутном, вязком тумане, в голове работали отбойные молотки – стучала кровь. Открывать глаза не хотелось, да она и не могла – веки были тяжёлыми, каменными. До замутнённого сознания доносились странные, непривычные звуки. Она при всем желании не смогла бы понять, о чем говорили инопланетяне.

Но тема заслуживала внимания. Жаль только, что самой девушке это не сулило ничего хорошего.

– Никто не видел?

– Нет, не сработала защита. То, что нам нужно, важнее поселения. Но проблем не надо. Всё выглядело, как банальное похищение. Если заметили, вряд ли свяжут с нами. Будут искать машину с реальными похитителями. Всё тихо.

– А если не она?

– Никаких проблем. Избавимся от тела. Но это она. Мы уверены. Свет был слишком сильным, привел прямоиком к ней. Слишком ярок. Найти легко. Световой столб над жилищем бил высоко в небо – это люди неразумны и не видят. Не понимают, каким сокровищем владеют.

– Тем лучше для нас.

– Тем лучше.

– Если это она, мы, наконец, доставим товар на Зарб.

– И вновь Зарб обретёт могущество. Наша раса станет первейшей – как прежде.

– Уверены, что она?

– Несомненно.

Полубесчувственная Ника опустилась на некое подобие стола. Безвольное тело опутали ремни и намертво пристегнули к поверхности. Яркий свет бил в глаза, проникал сквозь сомкнутые веки, и, отдавая красным, горел внутри головы. Под веками плясали алые всполохи, причиняя острую боль.

Девушка не видела, как одежда похитителей медленно растворялась, впитываясь в тела. Тела же удлинились, побледнели и превратились в вытянутые фигуры гуманоидов с безобразными лицами. Тонкие руки с непомерно длинными пальцами потянулись к Нике, и она, очнувшись, распахнула глаза.

Ника кричала, словно её резали, а свет, тот, который находился в ней, повыше солнечного сплетения, пульсировал, как живой, метался зверьком в клетке, требуя выпустить. Она хотела прикрыть грудь руками, но путы держали крепко.

Девушка забилась на столе. Так, наверное, чувствует себя ягненок на жертвенном камне. Страшно. Очень страшно! Еще ужаснее от того, что ты бессильна.

Гуманоиды стояли вокруг. Стояли молча и смотрели тём-

ными пуговицами глаз, в которых напрочь отсутствовали белки, и тем кошмарнее выглядели почти неживые лица.

Одно из страшилищ приблизилось к девушке и дотронулось до груди. Ника испустила такой вопль, что, будь существа людьми, зажали бы руками уши, но эти не отреагировали никак. Абсолютно.

Через мгновение вопль перешёл в визг, в вой, захлебнулся. Превратился в хрип, когда костлявые пальцы инопланетянина погрузились в грудную клетку девушки, минуя ткань одежды, кожу и кости.

Ника хрипела и билась в агонии, на губах выступила кровавая пена. Из-под конечности инопланетянина, ввинчивающейся в изуродованную грудь, сочилась кровь, растекаясь по платью страшным бордовым пятном.

Глаза закатились, тело девушки еще несколько раз дернулось. Инопланетянин, глубоко погрузив пальцы в тело Ники, что-то оттуда выхватил.

В окровавленной четырёхпалой конечности было зажато нечто. Через сомкнутые пальцы пробивался яркий свет.

– Оно, – кивнул один из пришельцев.

Инопланетяне зашевелились. Движение было единственным, что выдавало подобие эмоций. В данном случае это могло обозначать высшую степень ликования.

– Оно, – произнес тот, который держал свет в руке.

Из разодранной груди Ники текла кровь, но никто не обращал внимания. Глаза гуманоидов были обращены к огонь-

ку, который начал пульсировать.

– Оно, – повторил пришелец. В голосе было нечто, отдаленно напоминающее благоговение. – Земляне не понимают, какой силой владеют. Мы всё-таки не ошиблись.

– Есть ещё люди такой силы?

Приборы, которые находились в помещении, ожили, слышался писк и треск.

Один из гуманоидов неожиданно прытко подскочил к приборам.

– Зафиксировано. Есть. Не близко. Эта, – он указал длинным пальцем на девушку, – на данный момент сильнее и ярче всех. Но теперь улавливаются и другие. Теперь улавливаются. Оно притягивает.

Свет в руке инопланетянина разгорался и пульсировал сильнее. Казалось, гуманоид еле удерживает маленький огонёк. Дрожь передалась на руку, на тело, и вот уже он вибрировал сам. Свет стал ярче, он затапливал, заливал и наполнял пространство всепроникающей белизной.

– Опускай в приёмник! – происходящее пробило броню спокойствия гуманоидов, заставив их выказать нечто, похожее на испуг.

Державший свет не успел сделать и шага, ослепительная вспышка накрыла помещение. Инопланетяне дико завывали – издали хоровой вопль, которому позавидовали бы любые пожарные сирены планеты Земля. Тарелка затряслась в безумном танце, индикаторы приборов зашкалило, а из конечно-

сти гуманоида, всё еще сжимавшего нечто в кулаке, полыхнуло пламя и рассыпалось искрами. Раздался взрыв.

– Почти опоздали. Молодец, девочка. Справилась сама. Почти справилась. Чуть бы пораньше... Эх, ну чуть-чуть же...

Двое мужчин неприметного вида склонились над распротертым на земле телом Ники. В голосе говорившего проскользнуло нечто, похожее на уважение.

– Эх ты, Второй, чуть первое же задание не завалил! – снова произнес который постарше. – Приспичило тебе испытывать колбу времени. Говорил же – не работает! Неисправна!

– Колба – нет. А часы вполне себе, – вяло оправдывался Второй. – Хватит уже!

– Ладно. За дело.

Пространство в радиусе метров тридцати заливал неяркий мерцающий свет. Обугленные деревья и выжженная трава – вот и всё, что говорило о произошедшем взрыве.

Неподалёку от тела Ники парил в воздухе и мягко светился маленький шарик – не больше двух сантиметров в диаметре.

Второй шагнул к шарiku и протянул руку.

– Стоять! – рявкнул Первый. Он бросился ко Второму, оттолкнул и тут же дал подзатыльник – совсем по-человечески. – Будь внимательнее, стажёр! Куда голыми руками? Хочешь, чтоб и тебя развеяло?!

Младший виновато и с благодарностью посмотрел на главного, потёр голову:

– Виноват, ага. Система почти на краю Галактики, чудо, что в ней ещё сохранилась любовь. Может, именно потому, что на отшибе... Но земляне такие... неразумные, что ли?

– Поумнеют. Они мало контактировали с другими. Мало знают. Наше дело – сохранить всё как есть и не допустить сюда охотников. Любовь – ценнейший товар.

– И самое страшное оружие, – заученно добавил стажёр.

– Ага. Молодец. Видал, какая сила? У простой землянки-то! Представляешь, если собрать несколько таких вместе? Я бы хотел на это взглянуть. Хоть одним глазком!

– Так мы же опоздали.

– Что делать. Бывает. Погибла, – преувеличенно безразлично пожал плечами Первый, но в голосе звучала жалость. – Но эти не вывезли бы её с Земли.

– Её? – кивнул Второй на Нику.

– Дурак, – в сердцах бросил Первый, – землянка им зачем? Её.

И указал на светящийся шарик.

– Виданное ли дело – любовь в руках удержать! Давай, забирай и возвращаемся.

– Ты говоришь почти как землянин, – покачал головой Второй.

– Не первое задание. Бывали командировки и длительные. Поневоле наберёшься – надо же приспособливаться, не вы-

делиться.

– Слушай, а давай...

Первый посмотрел на Второго с изумлением.

– Хочешь вылететь?..

– Нет, не хочу. Но ты же не расскажешь?

– С чего ты так решил?

– Я вижу, тебе её жаль.

– И что? Всех жалеть – даже нашей жизни не хватит.

– Но эту...

– Нет. Забирай, и всё.

Стажёр молча стоял и смотрел на тело девушки.

– Мы могли бы её спасти. Часы работают.

– Тогда мы не доставим это, – Первый указал пальцем на шарик.

– Цель – не доставить. Цель – сохранить.

– Научил на свою голову! Что с тобой делать?

Первый снова хотел дать Второму подзатыльник, но тот отскочил в сторону. Первый даже покачнулся, стараясь удержаться на ногах, и посмотрел на Второго с внезапным уважением.

– Так что? – настаивал младший.

– Ла-а-адно, – нарочито нехотя протянул Первый, пытаясь скрыть улыбку: – Попробуем спасти.

– Память оставим?

– Ну ты совсем! Конечно, сотрём. Если выживет, – он внимательно посмотрел на девушку. – Думаю, должна. Сильная.

– На вид не скажешь, – произнёс Второй.

– Чаще всего так и бывает – оболочка хрупкая, а сила внутри неимоверная. Что стоишь?! Время уходит!

Первый поднял Нику и зафиксировал в воздухе в метре над землей.

Помощник открыл саквояж, внутри которого оказался механизм, похожий на старый земной проигрыватель для виниловых пластинок, только без звукоснимателя. Нажал кнопку – диск завертелся, и свет, который застилал всё вокруг, стал сжиматься, притягиваясь к маленькому светящемуся шарiku, пока не влился в него весь. Шарик медленно поплыл и застыл над центром вращающегося диска «проигрывателя».

– Аккуратно! Руками не бери! Куда голыми руками?! Вот же! Не хватало тебя потерять на пробном задании! Послал Межгалактический Совет напарничка!

Стажер вытянул ладонь вперед, и она оцетинилась блестящими чешуйками. Когда рука полностью оказалась в перчатке, осторожно, с трепетом подхватил шарик на ладонь.

– Гляди-ка, лёгкая совсем. Невесомая. И в этом сила? – он недоверчиво уставился на светящееся чудо, легонько перекатывая его на ладони.

– Хочешь проверить? Сними перчатку, – усмехнулся тот, постарше.

– А правда! Может, я влюбиться хочу! – блеснул улыбкой Второй.

– Ещё слово, и твоё первое задание станет последним! – в голосе старшего послышались жёсткие нотки. Он добавил, вроде и с насмешкой, но не сумел скрыть сквозившей в голосе тоски: – Слышь, не балуй! Много вас таких, молодых да рьяных. Любовь им подавай. Курсы сначала по спецподготовке пройдите, как любить правильно...

Стажёр зыркнул на Первого и решил не усугублять. Интересный он, Первый. Но неохота в душу лезть. Тем более на первом задании. Может, когда-нибудь.

Первый медленно, но с видимым усилием проводил руками над телом Ники. Кровь с одежды девушки исчезала.

– Давай! Что стоишь?! Пора!

Помощник простёр руку над открытой раной и аккуратно отпустил шарик.

Шарик медленно опустился в грудь девушки, рана начала затягиваться на глазах. Первый продолжал работу. Кожа Ники больше не была безжизненно-серой, на бескровных щеках появился румянец.

– Уф, удалось, – старший совсем по-земному вытер лоб. И робко улыбнулся.

Ника выглядела абсолютно нормально. Казалось, девушка просто спит, спокойно и безмятежно. Внезапно она улыбнулась. Это выглядело так нежно и трогательно!

– Во даёт! – восхитился Второй, но, заметив, с каким выражением смотрит на неё Первый, быстро добавил: – Домой?

– Да. Отправим её домой.

– Время?

– Тридцать первое декабря, двадцать три часа тридцать минут. Возьмём с запасом. Надо успеть перехватить охотников. Двадцать-двадцать пять земных минут роли не сыграют.

– Хорошо. Готовлю. А эти...

– Перехватим группу в прошлом. А там, – Старший показал пальцем в сияющее звёздами небо, – уже в курсе, что десант потеряли. Ушли они, ну и ладно. Главное, что с пустыми руками.

Если бы кто-нибудь в новогоднюю ночь забрел далеко в лес, например, за ёлочкой, то внезапно мог наткнуться на абсолютно обугленную местность, висящую в воздухе улыбающуюся спящую девушку и двоих обыкновенных мужчин, один из которых закрывал старенький чемоданчик, а второй вручную сосредоточенно переводил назад стрелки на старых-престарых настольных механических часах производства этак начала двадцатого века.

...Девушка потянулась за пледом, укрыла босые ноги. И снова замерла, склонившись над чашкой. Но не пила, не хотела. Просто не хотела ничего.

Застыв, едва дыша, Ника возвращалась в то немыслимое ощущение, которого, как ей раньше казалось, просто не могло быть! Пережить ещё раз и ещё – мысленно. До мурашек, до стога, до улыбки, которую не сдержат. Постараться при-

нять.

Бывает такое? Бывает. Бывает!..

Просто счастье порой слишком острое, чтобы поверить в него сразу. К нему надо вернуться снова и снова, прочувствовать. Понять, что оно твоё и никуда не денется. И, когда это осознаешь, мир становится тоненьким, звенящим как колокольчики полевые, наивным и чистым, как в детстве. Как паутинка летним утром – прозрачным и невесомым. Только росинки на ней слёзками радости.

И ты сама такая же. Лёгкая и воздушная.

Ещё немного, и, наверное, можно взлететь в небо.

Тепло внутри. Это тепло можно ощутить, если положить руку на грудь. Ладонью чувствуешь. В неё отдаётся стук сердца и что-то ещё – невозможное, но такое горячее.

И хочется смеяться. И плакать одновременно.

Ника знала, что он не придёт сегодня, и ночь придётся провести одной. Новогоднюю ночь...

Ну и пусть... пусть! Он вернётся. Вернётся, когда сможет. Она будет ждать.

Девушка почувствовала странное волнение. Похоже на предчувствие? Что это? Только если...

В груди стало жарко и тесно. Ника подхватила, резко поставила чашку – чуть не разбив, и бросилась ко входной двери. Повинуясь внезапному порыву, распахнула, не дожидаясь звонка, и замерла, увидев, как он – *он!* – взлетает по лестнице.

Ника «отмерла» и почти со стоном повисла на шее у молодого человека, который тут же обнял её в ответ.

Он выронил пакет, бутылка шампанского упала и покати-лась – но толстое стекло не разбилось. Выдержало.

– Ника, хорошая моя, – невнятно бормотал он, целуя де-вушку: – Вот, вырвался. Получилось. Приехал.

– Приехал, приехал, – сбивчиво повторяла Ника, продол-жая висеть на молодом человеке. – Ты же... я не ждала... милый, хороший мой...

Столь «аморальное» поведение вряд ли одобрили бы сосе-ди напротив – две чопорные незамужние дамы преклонных лет, сёстры. Ника не раз получала от них выговор за несдер-жанность. Сегодня делать замечания было некому – все си-дели по квартирам. За крепко запертыми дверями надрыва-лись певцы, исполняющие номера новогоднего концерта.

В какой-то момент Ника почувствовала, что в груди, где-то посередине, стало горячо и сильно заныло. Но руки люби-мого прижали крепче, и отпустило. Часы пробили полночь.

Наступил Новый год.

За несколько кварталов от дома, где жила Ника.

Чёрная иномарка резко затормозила, когда наперерез вы-скочила старенькая «Лада».

Неприметного вида мужчины мигом оказались возле чёр-ной машины, выволокли из неё четверых в тёмных костю-мах.

– Именем межгалактического закона вы арестованы за нарушение неприкосновенности любви на планете Земля, – негромко произнес кто-то.

На запястьях защёлкнулись вполне земные наручники.

Проезжающие мимо машины не останавливались. Те, кто был в дороге, спешили оказаться дома пусть даже и после полуночи, никому не было дела до каких-то там разборок. Возможно, они бы изменили мнение по поводу происходящего, узнав, что на их глазах сейчас арестовали самых настоящих космических пиратов.

...Окутанная голубым свечением Земля, единственная планета в Галактике, на которой существовала любовь, планета, обитатели которой ничего не знали о своей уникальности, мирно продолжала движение по Млечному Пути.

Елена Румянцева

Автор начинающий, трепетный и боязливый. По образованию психолог, по профессии... да кем только не приходилось работать. Бухгалтером, аудитором, финансовым директором и просто директором. Выпускник литературных курсов «Мастер текста». Писательствую понемногу, по мере сил и скромной фантазии. Мне нравится рассказывать истории, надеюсь, они Вам понравятся.

<https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/>

[%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BD.html](https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BD.html)

Спасти своих

Пол каюты внезапно провалился. Лили не успела сглотнуть комок тошноты, как пол подскочил обратно и ударил по ногам. Она отлетела спиной назад и крепко приложилась затылком о переборку. В мозг будто горячим прутом ткнули. Девушка охнула и схватилась за голову.

– Не о такой близости мечтал я... – раздался придушенный стон. – Лил, слезь с меня. Ты мне что-то сломала.

Лили поспешно откатилась в сторону. Белобрысый Ник, большой и лохматый, как сенбернар, возился на полу, пытается разобраться с руками-ногами.

– Как лошадь пнула, – хрипло пожаловался он, пристраиваясь спиной к стене и ощупывая живот. – Попади ты ниже, и моя жизнь не была бы прежней.

– Экипаж! Все целы? – мощно рявкнул динамик интеркома над головами. Лили взвизгнула:

– Что с громкостью, Ники?!

– А мне нравится, как он орет. Это так грутально. Так по-капитански! – Ник потянулся к интеркому. – Мы в порядке, капитан. Только пол брыкается...

– В рубку, оба. Живо, – велел интерком и, оглушительно хрюкнув, отключился.

Лили и Ник переглянулись.

– Сегодня что-то слишком по-капитански, – заметила Ли-

ли.

– Суров наш капитан, но справедлив. И нежно любим экипажем. Особенно прекрасной его половиной, – опираясь о стенку, Ник осторожно поднялся и постоял, прислушиваясь к себе. – Жить буду. Кстати, Огонёк! Ты посуду помыла? Палубу надраила? Гречку перебрала? Я не собираюсь за тебя перед капитаном отдуваться...

– Идиот... – душевно поведала ему Лили, возмущённо тряхнула рыжими прядями и выбралась из каюты.

Капитан пребывал в ярости. Ярость выплескивалась за комингс душным облаком. Ник аккуратно просочился в рубку, Лили поглядывала из-за его плеча. Капитан как скала нависал над штурманом Мишей, уныло сгорбившимся в кресле. Желваки проступили на капитанских скулах, перекатывались под футболкой мышцы по спине и плечам, а кулаки сжимались и разжимались. Было очевидно, что он из последних сил балансировал на той грани бешенства, за которой следует мат, хватание за манишку и выдергивание из кресла. Кстати, капитан мог.

Ник стал однажды невольным свидетелем душераздирающей сцены. Вместо партии геологоразведочного оборудования им по ошибке загнали в трюм табун крапчатых единорогов для детской иппостудии на Глизе. К моменту обнаружения ошибки единороги загадили грузовой трюм по щиколотку и с энтузиазмом обглаживали изоляционное покры-

тие. Ник как раз вернулся от диспетчеров с актом предполётного освидетельствования корабля. В немом ступоре он наблюдал, как капитан одной рукой держал в воздухе начальника бригады снабженцев и методично его встряхивал. Другой рукой раз за разом промакивал транспортной накладной залитую потом физиономию жертвы, приговаривая:

– Никаких единорогов. Никакого дерьма. Только оборудование в термопалетах. Ты читать умеешь, лишенец?

Ботинки лишенца болтались на уровне капитанских колен, ладошками он вяло отпихивал от себя накладную и бормотал, что сей минут все исправит. Судя по состоянию костюма, перед «беседой» его окунули в продукт жизнедеятельности единорогов. В состав этого продукта входило всё, что угодно, только не серебряная звёздная пыльца.

– Ни одного кибера на борт не пушу, – шипел капитан в побелевшее от ужаса лицо бригадира. – Сам все вычерпаешь. Ручками, ручками! У меня вылет через три часа!

Тогда Ник испугался за снабженца, сейчас он испугался за штурмана Мишу.

Обычно жизнерадостный толстячок Мишка безжизненной кучкой расплылся в кресле и отрешённо рассматривал свои руки. Руки бессильно лежали на пухлых коленях, пальцы слегка подрагивали.

– Паша... – Ник откашлялся. – Павел Юрьевич... Что случилось? Почему трянуло?

– Потому что – метеороид! Как в дурном сне, – капитан

покрутил головой, остывая и приходя в себя. – Только из туманности вышли, засветка визиров процентов восемьдесят и тут эта дура прямо в лоб... Еле увернулся.

Ник неуверенно хихикнул:

– Да ладно... Какой метеороид? Откуда? Вероятность встретить одиночный метеороид на маршруте нулевая!

– Ничтожно малая, но не нулевая. Тем более, мы же каким-то неизведанным маршрутом пошли, да, Михаил Геннадьевич?

Сарказм капитана можно было сгребать совковой лопатой и насыпать вдоль стен горками. Миша никакой ответной реакции не подавал. Только ниже склонил повинную голову. Намечающаяся лысинка наивно просвечивала розовым сквозь поредевшие на макушке волосы.

– Из перехода мы должны были выйти здесь, – Павел ткнул в карту над приборной доской. – А мы – здесь!

Лили изумлённо приоткрыла рот – по размаху капитанской руки получалось, что они чуть ли не в соседней Галактике. Ник ошеломлённо рассматривал карту.

– Ребята, – шевельнулся в своем кресле Миша. У него было измученное лицо и тёмные круги под глазами, как у панды. – Я не знаю... Как я промахнулся...

Запыхтело, закряхтело, зашкрябало, и через комингс полез Хрюн. Пухлая тушка зверька вползала в рубку спиной вперед. Короткие задние ножки неуверенно нащупывали под собой пол. Внешне бдюкерк напоминал лемура лори, но

был гораздо крупнее, и тело его покрывала мягкая плотная шерстка, отливающая светлым серебром. Хрюн косился на людей огромными влажными глазами и всем видом взывал о помощи. Дышал при этом так, будто волок за собой платяной шкаф.

– Бедный мой! – немедленно откликнулась на призыв Лили. – Мальчик мой... Все про тебя забыли. Ну иди, иди к мамочке. Все тебя бросили, хороший мой...

Она подхватила Хрюна под складчатое пузико, и Хрюн засопел, уютно устраиваясь у неё на руках. Его глаза, наполненные вселенской скорбью, недвусмысленно говорили, что – да, забыли, да, бросили...

– Так! – рявкнул Павел. – Я же запретил тащить животное в рубку! Миша... уйди с глаз долой, я за себя не отвечаю. Лили, бери обоих и марш отсюда. Сделай там что-нибудь с Мишей. Витаминов ему дай, что ли, пока он нас не угробил. Или снотворного, чтобы выспался как следует.

– Пойдем, Миш, – Лили потянула штурмана за руку. – Не переживай так. Ты просто устал! Я тебя таблеточками накормлю, а потом баиньки уложу. Хрюна в каюту дам, он тебе хорошие сны наведёт. Знаешь, какие от бдюкерков сны замечательные? Они делают людей счастливыми.

Люк с шелестом закрылся. Ник повернулся к капитану.

– Обзорная экскурсия по задворкам Галактики – это не всё плохое, что у нас случилось? – предположил он. – Мы пока в рубку шли, во втором отсеке за обшивкой свистело.

Похоже – воздухоподача травит.

– Метеороид нас всё-таки задел, – кивнул Павел. – Пошибал сенсоры по борту, ревун и еще кое-что по мелочи. Я подачу во второй отсек перекрыл, но где-то всё равно сифонит. Давление кислорода нестабильно. С этим разберёмся. Беда в другом. Нас Земля не слышит.

– Что значит – не слышит? – не понял Ник.

– А полюбуйся! – Павел перекинул тумблер. Рубка наполнилась голосом Васи Астраханцева, диспетчера с базы:

– Борт М2115! Ответьте базе. Ребята! Паша! Миша! Не слышим вас. Борт М2115...

Вася уже начинал похрипывать, в его бормотании проskalьзывало отчаяние. Ник быстро нажал клавишу ответа:

– Борт М2115 на связи. Вася, слышу тебя!

– Борт М2115! Ответьте базе. Борт М2115... – продолжал на одной ноте бубнить Вася.

Ник замер. Затем, словно его толкнули в спину, придвинулся к пульту. Пальцы привычно пробежались по клавиатуре. Замигали датчики. Подрагивали показатели в зелёных секторах. Уютно гудел анализатор, рассчитывая возможные отклонения и погрешности. Ник ничего не понимал.

– Мы в штатном режиме! Маяки работают. База должна нас слышать. Мы же их слышим, – Ник подумал еще немного. – Это... давно?

– Для базы мы не вышли из перехода, – устало ответил Павел. – Вот вошли и – не вышли. Пропали. Они даже пред-

ставить себе не могут, где мы сейчас.

Ник прикинул в уме с поправкой на смещение времени при переходе – получалось что-то около земных суток. Маме пока не сообщали, конечно... Пока еще рано. Это хорошо. Чёрт, их же должны искать! А как их будут искать, если база не ловит их маяков... Чёрт!

Ник растерянно оглянулся на капитана. Тот опустил лицо в ладони и с силой потёр.

– Ведь паскудство какое – даже карт для этого сектора не подгрузить, – выныривая из ладоней, пожаловался Павел. – Нет ещё для него нормальных карт! Объектам даже названий не присвоили – только порядковые номера и ориентировочные характеристики. Маршруты не проложены, транспорт сюда не ходит! Может, разведчики, и то – пару раз. И посреди этого всего – мы на своем ботике и без связи...

– Как же Мишка... – неуверенно начал Ник.

– Надо разбираться! – прервал его Павел и сел прямо. – Это стандартный маршрут, как в учебнике. Его стажёры проходят с закрытыми глазами. Бред какой-то!

Они помолчали.

– Ладно, – Павел решительно хлопнул себя по коленям. – Вариантов у нас нет. Надо возвращаться. База и так на ушах стоит. Ник, займись воздухоподачей – не хватало без кислорода остаться. Потом пройдишь по всем системам – стандартные тесты по узлам. Наш старичок должен быть на ходу, понятно? Я проверю Мишкину прогу по маршруту и запущу

отладку. И, Ник... Лили про связь пока говорить не стоит.

Ник кивнул и, выходя из рубки, отсалютовал капитану раскрытой ладонью.

Когда Ник вылез из рабочего отсека, он был чумаз, голоден и страшно доволен собой. Бортинженер любил свой кораблик. Конечно, ботик был дряхлый и тихоходный. И не имелось на нём этих современных штучек, когда бортовой компьютер ведет с тобой полемику голосом примороженной феи. Ботик напоминал старого ослика-трудягу, день ото дня тянущего поклажу по горной тропе. Ник отладил каждый узел, кормил самым лучшим топливом и обеспечил целый склад запчастей на все случаи жизни. Ботик Ника не подводил. Ник старался соответствовать.

Благоухающий и свежий после душа, бортинженер ввалился в кают-компанию. Там в одиночестве сидел Павел и рассматривал свой кулак. Кулак держал вилку, на вилке висел нетронутый кусок жареного мяса. Пахло так, что Ник гулко сглотнул. Потом осторожно вынул вилку из кулака капитана и съел с неё мясо. Павел медленно поднял глаза. Ник положил вилку на стол и отодвинулся.

– Мы ходим с Мишкой в рейсы десять лет, и я никогда не проверяю за ним расчёты. Потому что Мишка не ошибается, – Павел задумчиво сжал и разжал пальцы, не замечая пропажи вилки с мясом. – Это не было ошибкой, Ник. Это очень грамотно и профессионально составленный

маршрут... вот сюда. В этот самый квадрат. Ты что-нибудь понимаешь?

Ник собрался ответить, но распахнулся люк, и появилась Лили с Хрюном на руках. Хрюн сполз на диван, завладел яблоком со стола и принялся, сопя, яблоко жевать.

– Привет, мальчики, – Лили устало упала на стул. – Голова у меня болит, сил нет. Ничего не соображаю. И лекарство не действует.

– Что Миша? – повернулся к ней Павел.

– Миша спит, проверяла его пару часов назад, – Лили потерла виски пальцами. – Но спит плохо – мечется, стонет, бредит. Странная история. Давление пониженное, пульс вялый, дефицит железа зашкаливает. Клиническая картина крайнего истощения организма.

– За сутки? Как такое может быть? – капитан нахмурился.

– Не понимаю! Я предположила вирус, но анализатор ничего не обнаружил. Вирус неизвестной природы? Откуда? Воздействие такой силы, что... – Лили посмотрела на Ника, а потом на капитана. – Павел, надо связываться с базой. Нам нужна помощь! Тем, что есть на борту, я могу не справиться.

Ник опять открыл рот, но тут в переборку грохнуло, как если бы кто-то пытался войти мимо люка. С той стороны слышалась возня и беспорядочные гулкие удары. Павел в два шага пересек кают-компанию, люк раскрылся. На руки капитана свалился штурман. Ник вскочил – такого Мишу он не видел никогда. Полное улыбочивое лицо штурмана сейчас

напоминало маску. Сухая желтоватая кожа обтягивала скулы и рот так, что сквозь нее проступали зубы. Глаза глубоко запали в сине-фиолетовые тени и беспорядочно шарили по кают-компани, ни на чём не останавливаясь и никого не узнавая. Сведенные судорогой пальцы хаотично хватались за капитана.

– Мишка! – заорал Павел и подхватил штурмана, обессиленно оседающего на пол. – Что с тобой?!

– Там змеи! – зашептал горячечно Миша и стал лихорадочно выдираться. – Кругом змеи. Так много! Клубками... По полу и на стенах! Шевелятся, ползут... Везде. Шипят. Гадость какая! Уберите, я не хочу! Я не хочу!

– Миша, какие змеи?! – Павел поддернул штурмана вверх и наотмашь ударил его по лицу. – Смотри на меня. Миша!

Голова штурмана дернулась от удара и как на шарнире вернулась обратно. Миша моргнул и мёртвой хваткой вцепился в футболку капитана. Глаза его заблестели, по щекам, обгоняя друг друга, побежали слёзы.

– Паша, как они попали на борт? Вы груз проверяли? Может быть это споры... Или как они...

– Лили! – рывкнул Павел. – Делай что-нибудь! Быстро! Ник, помоги мне.

Лили выскочила в коридор. Ник рванул к Павлу, зацепив по дороге стол. Вместе они приткнули Мишу на диван, придерживая с двух сторон. Штурман тоненько поскуливал, но ровил свернуться клубком, и смотреть на него было страш-

но. В углу дивана замер Хрюн с надкусанным яблоком в цепких передних лапках. В его больших влажных глазах отражался плачущий Миша. Бдюкерк шевельнулся и сопнул носом. Миша вдруг рванулся так сильно, что от неожиданности Ник его не удержал. Штурман покатился по полу, сдирая с себя что-то невидимое. То, что видел только он.

– Уберите! Снимите их! Ну, пожалуйста... Паша! Сними их с меня!

Оцепеневший от этого истошного вопля, Ник смотрел, как Миша в остервенении одной рукой рвёт что-то с другой руки – вместе с кожей. Ногти скрюченных пальцев чертили кривые борозды на бледной коже, засочилась кровь. Павел навалился на штурмана, пытаясь зажать ему руки. Миша отбивался так, что капитан с трудом справлялся.

– Ник! Твою мать!

Очнувшись, Ник бросился на помощь. Лили перепрыгнула через комингс и с размаху упала на колени рядом с ними.

– Держите крепче, – приказала она и, закусив губу, ввела препарат в руку штурмана. Миша застонал, дёрнулся несколько раз и замер. Его глаза медленно закатились под лоб. Ник в ужасе отвернулся от Мишиного кошмарного лица:

– Что... что с ним?

– Галлюцинации. Острый приступ психоза, – Лили посмотрела на Павла в упор. – Капитан, Мишу надо помещать в капсулу и срочно возвращаться на базу. Что-то усугубляет

его состояние, и я не могу его стабилизировать. Паша!

– Я слышу, – Павел медленно стёр ладонью влажный след слёз со щеки своего штурмана. – Готовь капсулу. Мы его сейчас принесём.

Известие об отсутствии связи с Землей и невозможности немедленно вернуться на базу Лили восприняла со странной равнодушной отстраненностью. Энергичный поиск источника Мишкиного заболевания сменился угрюмой апатией. Девушка молча сидела в штурманском кресле, по кругу пролистывая данные с анализатора медблока. Ник пытался её как-то расшевелить, но Лили только досадливо морщилась. В отчаянии Ник использовал последнее средство – принес Хрюна. Крупный бдюкерк не уместился целиком на её коленях, сползал, елозил и цеплялся пальчиками. Лили слабо улыбнулась, рассеянно подтянула его под передние лапки и прижала к себе, поглаживая по мягкой спинке. Хрюн азартно сопел, отдирая клапан её рубашки.

Капитан не обращал «на животное в рубке» никакого внимания. Сосредоточенно, блок за блоком, он запускал программу обратного маршрута. Проверочная система возвращала маршрут с ошибками – требовалось ввести поправочные коэффициенты. Данных у Павла не было. Болел висок, ныл – тоненько, тягуче. Капитан ощущал эту боль краем сознания, когда выныривал из очередного справочника. И тут же забывал о ней. Нельзя отвлекаться. Не сейчас. Если взять

коэффициенты из расчёта Мишки... Сюда же они как-то пришли! Сработают эти же данные на обратный маршрут?

Просто так сидеть Ник не мог. Он протестировал на ошибочное срабатывание сигнальные системы, потом слазил в трюм и проверил крепление груза. Прогнал киберов-уборщиков по всему кораблю. Даже настроил заедающий приёмный лоток на камбузе, на который давно жаловалась Лили. Всё это помогало отвлечься. Чем еще заняться, Ник не знал. Он задумчиво хлебал компот прямо из половника, запуская его в кастрюльку. Если бы Лили застала его за этим занятием, одним белобрысым бортинженером стало бы меньше. Но Лили на камбузе не было. Не ощущая вкуса, Ник глотнул компоту и прислушался к странным ощущениям. Как будто кто-то ухватил за крохотный кусочек мозга, за самый краешек, и тянет, тянет... Что это с ними? У всех голова болит.

Всегда здорового, жизнерадостного и подвижного Ника любой сбой в работе организма приводил в недоумение. Он вообще не понимал, как там может что-то барахлить. Наверное, когда-нибудь потом, в старости... Вот когда он, катаясь на сноуфлае с вершины Макалу, сломал руку, это было понятно – упал под таким углом, что рука сработала как рычаг. Тут и у кибера бы сустав вышибло. Рейс, конечно, отложили, подвёл он ребят, эх... Вспомнилось, как он заорал тогда от боли – на все Гималаи! Фу, до сих пор стыдно. Как ревун в тумане... Ревун. Ревун!

Ник швырнул половник в кастрюлю и выскочил вон. Из

кастрюльки плеснуло компотной волной, и по светлой переборке побежали вниз коричневые капли.

– Паша! – Ник ворвался в рубку, чуть не зацепившись за комингс. – Ревун! Если база не пеленгует наши стандартные маяки, то ревун они должны засечь. По этой штуке находят даже в хлам разбитые корабли за десятки парсеков!

Павел с трудом оторвался от бегущих строчек анализатора и оглянулся на Ника через плечо с обидным сожалением, как на старательного, но недалёкого малыша:

– Метеороид зацепил ревун, забыл?

– Но мы могли бы...

Лили издавала звук – как каркнула. Она спихнула Хрюна, и тот кубарем покатился с её колен. Павел с Ником разом обернулись.

– Мы ничего не можем! Это бесполезно, вы что, ещё не поняли?! Вы же видели Мишу... Всё, всё – бесполезно!

– Ты чего, Огонёк?! – изумленно пробормотал Ник, глядя, как стремительно меняется девушка. На ее лихорадочно бегающие глаза с расширенными зрачками, на перекошенный в оскале рот. На побелевшие тонкие пальцы, вцепившиеся в подлокотники. Синие тени проступили под скулами и на висках, лицо осунулось и побледнело. – Лили!

Капитан предостерегающе вскинул руку, останавливая Ника.

– Лили, все будет хорошо, мы выберемся, – он осторожно сместился на край кресла. – Подожди немного. Верь мне,

Огонёк. Потерпи ещё пару часов. Посмотри на меня, детка!

Лили неприятно засмеялась, и столько ненависти и злости было в её смехе, что Ника передернуло.

– Я только и делаю, что жду! Всё время жду, Паша! Я пять лет таскаюсь за тобой по всей Галактике! Папа не пускал меня в космический флот, мы полгода с ним не разговаривали. Мама хотела, чтобы я стала нейробиологом... Но нейробиолог на борту тебе не нужен. Тебе нужен врач! – Лили судорожно стёрла рукавом слёзы, её трясло. Она говорила, будто выплёвывала слова. – А я всегда рядом. Я под рукой! Делаю за тебя отчёты, заказываю форму, приношу кофе в рубку. Я знаю все кулинарные киберпрограммы, а ты вообще замечаешь, что ты ешь? Тебя ничего не интересует кроме груза, маршрутов и фрахта судна! Ты кого-нибудь замечаешь вокруг себя, Паша? Я же не невидимка! И я давно не детка!

Лили хотела еще что-то крикнуть, но только захрипела. Её тело выгнулось дугой и сползло с кресла. Цепляющиеся пальцы соскользнули с подлокотников. Капитан бросился вперёд и успел подставить руки под голову Лили, прежде чем она с размаху ударилась об пол. Ноги и руки девушки беспорядочно елозили по полу. Тело ещё несколько раз свело судорогой, и Лили затихла, обмякнув у Павла на руках. Капитан быстро приложил пальцы к её шейной артерии.

– Жива, – задыхаясь, ответил он на немой вопрос бортинженера. – Обморок. Ник, давай в капсулу. Чёрт! Что с нами происходит?!

Они постояли немного в медблоке рядом с капсулами, рассматривая Мишку и Лили, плавающих в желтоватой плотной жидкости. Лицо девушки расслабилось, ушёл ведьминский оскал, разгладились мучительно сведённые брови. Её волосы струились волнистыми прядями и ореолом окружали голову, как яркое рыжее пламя. Будто в капсуле горел огонь. Павел провел пальцами по прозрачной поверхности мягким ласкающим движением, оставляя на ней быстро тающие линии.

– У Мишки фобия с детства, он боится змей. На каждой медкомиссии ему предлагали эту фобию убрать, а он, дурак, отказывался. Шутит, что вероятность встретить змей в космосе статистически ничтожно мала. И что эта смешная слабость делает его более человечным, – Павел посмотрел на Ника поверх капсулы. Покивал в ответ на его изумление. – Да, он никому не говорил. А про Лили? Ты знал?

– Догадывался, – Ник неловко повёл плечом. – Ну, понимаешь, это же видно...

– Я... не смотрел.

Они помолчали.

– Ты хочешь сказать, это не случайно? Вот это – у Мишки? И Лили... – Ник задохнулся от внезапной догадки.

– Что-то лезает у нас в мозгах, – Павел потер виски. – Вытаскивает сокровенное из самых глубин, понимаешь? Наши страхи. Обиды. Переживания. Оно меняет нас...

– Лили не нашла вируса! – перебил Ник, но капитан угрюмо продолжил:

– А ещё – оно экранирует связь. Ты знаешь вирус, который способен проделать такое? Вот именно. Возможно, это воздействие извне. Только сканирование доступного пространства ничего не дало, я проверил. Мы не знаем, что это. Боюсь, времени у нас мало, оно возьмётся и за нас с тобой.

Павел посмотрел на Ника в упор:

– Я почти закончил расчёт маршрута, но не уверен в коэффициентах. Ещё бы пару часов на проверку! Не хотелось бы ошибиться – мы можем оказаться внутри какого-нибудь объекта или нас размажет в пыль. Но при такой интенсивности воздействия, думаю, придется рискнуть.

– Подожди! – Ник лихорадочно соображал. – Пока ты проверяешь расчёты, я же ничем помочь здесь не могу, так? Давай, я выйду и почию ревун. Просто попробуем. Вдруг его сигнал пробьёт экран? Ты бы тогда скорректировал маршрут по пеленгу базы!

Павел мотнул головой:

– Нет! По регламенту выходить должны двое. Мы корабль не оставим. Не оставим ребят одних. Тебя одного я не выпущу.

– Я справлюсь, – Ник заглянул в капитанские глаза. – У нас есть запасной ревун. Я даже возиться не буду, поставлю новый и всё. Пока эта дрянь до меня не добралась, и я не начал брызгать слюной и бросаться тебе на горло. Забудем

на минутку регламент...

– Иди к чёрту! Даже не думай, – Павел ухватил Ника за рубашку и подтянул к себе. – Я сказал – нет!

– Сам иди к чёрту! – Ник побледнел, уперся и перехватил запястье капитана. – У нас есть шанс пробить экран и мало времени. Дай мне использовать этот шанс, Паша. Мы должны попытаться! Слышишь, капитан?!

Некоторое время они сопели и топтались над капсулой Лили, меряя друг друга взглядами. Павел сдался:

– Хорошо. Выходишь, меняешь и сразу назад, понял? Я серьёзно. Никакой самодеятельности!

– Ни боже мой, – Ник осторожно высвободил рубашку из пальцев капитана. – Там дел на пять минут.

Про пять минут – это он погорячился. Ревун оказался здоровой неповоротливой штукой. Разбитый ревун решительно отказывался вылезать из покорёженной рамы, а запасной ни за что не хотел попадать на штыри. Ник сто раз проклял свою самонадеянность. Что мешало ему, идиоту, взять с собой хотя бы грузового кибера? Когда Ник установил последний крепёж, руки у него противно дрожали, и мокрый он был, как мышь.

Ник повисел немного просто так, придерживаясь за страховочный фал и выравнивая дыхание. Потом повернулся и огляделся. Почему-то открытое космическое пространство не производило на него того ошеломляющего впечатления,

о котором говорили многие знакомые. Его не пугала невозможность определить низ или верх. Не трогало отсутствие границ. Не поражала игра света. Может быть, думал Ник, у него плохо с воображением, или с чувством прекрасного, или ещё с чем-то таким, свойственным тонким чувствительным натурам. За спиной Ника жил корабль – как огромный усталый кашалот, и блики разгоняли тени на его неровной шкуре. Это был их дом, а Ник просто починил ревун. Сделал дело, хорошая работа.

В этот момент Ник осознал, что он не один. За ним наблюдали – настороженно, внимательно. Кто-то следил, затаившись и сдерживая дыхание. Ник почувствовал острую боль в затылке – там, куда упирался пристальный взгляд. Они были здесь. Были рядом, те, о ком говорил капитан. То, что их не видно, ещё ничего не значит. Они ждут.

Ник задохнулся. Нельзя возвращаться! Ну конечно! Они уже могли влезть в его голову и попытаются его использовать, управлять им. Нельзя. Вернуться – значит, привести их на корабль. Это значит – привести врага домой. А там капитан и беспомощные ребята. Не дать отследить сигнал... Ник медленно поднял руку и отключил аудио и видеоканалы. Вспомнилось, в детстве читал – перепёлка летела прочь от гнезда, уводя охотников. Или куропатка. Какая-то мелкая несерьёзная птичка. Ник отстегнул страховочный фал. Кислорода часа на два. А топлива часа на четыре. Не важно. Если сразу задать маршрут, то не важно, на сколько хватит кис-

лорода. Главное, чтобы они пошли за ним! За четыре часа при нормальной скорости он очень даже прилично сможет увести их от дома.

Паша, конечно, разозлится страшно. Ник представил, как капитан двигает скулами и сгребает его, Ника, за рубашку. А ещё – как Пашка смеётся, закидывая голову и сверкая зубами. Как трёт лицо ладонями, когда растерян или сильно устал... Мишка проваливает тесты по физподготовке, и его пытаются отстранить перед каждым полётом. Когда штурман раздумывает, тянет себя за ухо, хмурится и сопит. Лили... Маленькая рыжая Лили... Как можно их подвести? Дальше Ник запретил себе думать. Он сосредоточенно ввёл направление и запустил двигатель.

Павел внимательно следил на мониторе, как Ник тащит ревун, как ворочает и устанавливает его на раму. Всё шло хорошо, сигнал с ревуна поступил на пульт. А потом оборвалась связь. Капитану даже показалось, что связь отключил сам Ник. Это было так нелепо, так чудовищно, что Павел закричал. Судорожно шаря по пульту и пытаясь восстановить связь с Ником, капитан кричал ему, не переставая. Он кричал, что отлупит его прямо в шлюзе. Что запрет его в каюте к чертям собачьим... Что попрёт Ника с флота и никто никогда не возьмёт его на борт. А потом он закричал, чтобы Ник вернулся. Просто вернулся. Пожалуйста! Сейчас же! Когда Ник полетел прочь от корабля, стремительно превращаясь в маленькую точку на обзорном экране, Павел замер

– но только на мгновение. И рванул к шлюзу.

Капитан сорвал с креплений скафандр, нырнул в него, на автомате проверил показания датчиков и повернулся, чтобы задраить люк. Остановился. Осознание происходящего догнало его – до этого руки и ноги действовали быстрее. Возможно, он догонит Ника. Может быть. Но бросит корабль. Оставит в капсулах ребят, жизнь которых сейчас полностью зависит от корабля и капитана. Двое на борту. Один за бортом. Павел зажмурился и зарычал.

Прислонившись к стене шлюза, капитан медленно стянул с себя шлем. Что за неведомая сила крутит ими? Корабль без связи, старый грузовой ботик, в неосвоенном людьми квадрате. На борту двое – беспомощных и больных. Мишка, друг, десять лет в одной рубке. Лили... Придурок, получается, он совсем её не знает, эту рыжую девочку? Ники вот догадался. Ник, дружище... Надежный, добрый и весёлый, как большой лохматый пёс.

Никогда себе не прощу. Павел с размаху ударил затылком о стенку шлюза. И ещё раз. И ещё. Он выбивал ком боли, который засел там, ворочался и пульсировал. Забрали Ника... Думаете, победили?! Да хрен вам! Этих двоих я вам не отдам. И корабль не отдам. Ещё посмотрим... Капитан встал и потянул с плеч скафандр.

Около закрытого люка в рубку сидел Хрюн и смотрел на капитана снизу вверх печальными круглыми глазами.

– Что, Хрю, одни мы с тобой остались, – Павел подхватил бюджерка, опустился в капитанское кресло и посадил зверька себе на колени. – Давай как-то выкруливаться. Кроме нас, больше никому.

Капитан сосредоточился и мысленно проверил себя. Перебрал в уме последующие действия и потянулся к пульту. То есть, он думал, что потянулся. Почувствовал напряжение в мышцах и увидел рисунок движения, как если бы оно было сделано. Рука по-прежнему лежала на подлокотнике. Павел с изумлением посмотрел на собственную руку и сообразил, что вообще шевельнуться не может. Двигались только глаза. Наверное, именно так ощущают себя полностью парализованные люди. Капитан задёргался изо всех сил – ничего не произошло. Тело не подчинялось. По виску поползла капля пота.

Хрюн сопнул и заелозил на его колени, придвигаясь к пульту. Человека он использовал как живое кресло. Бюджерк менялся. Его каплеобразное мягкое тельце подтянулось, уплотнилось, под шерстью при каждом движении прокатывались бугры мощных мышц. Цепкие лапки, способные, казалось, удерживать только небольшое яблоко, удлинялись и вытягивались, словно вылезали из тела, превращаясь в сильные лапы. Серебристая шёрстка на спине редела и опадала клочьями. Сквозь проплешины матовым блеском просвечивало что-то твердое. Многосуставчатыми пальцами Хрюн пробежался по клавиатуре, одну за другой отклю-

чая системы жизнеобеспечения корабля. Загудела и вспыхнула красным тревожная сигнализация с таймером обратного отсчета. Хрюн активировал подготовку аварийного катера и обернулся к Павлу. Обычно большие влажные глаза бдюкерка сейчас затянулись полупрозрачными веками, как плёнкой. Глядя на капитана узкими стоящими поперек глаза зрачками, Хрюн издал череду быстрых щёлкающих и шипящих звуков. Ожил лингвистический транслятор, которым на ботике никогда не пользовались. Словно с трудом подбирая слова, по монитору, спотыкаясь, побежали зелёные строчки:

– ... Земля... разбился корабль... единицы спаслись... нашли люди... домашние питомцы... только я смог... в космос... домой... привести помощь... должен спасти своих...

И через паузу:

– ... вы не вернётесь... нельзя пустить людей в мой дом...

Хрюн легко соскользнул на пол. Он двигался бесшумно, плавно и свободно, как земной хищник. Нелепый и милый редкий зверёк, привезённый отцом Лили из экспедиции в джунглях, превратился в опасное мощное существо. Одним прыжком преодолев комингс, бдюкерк скрылся в коридоре, ведущем к отсеку с аварийным катером.

Вы не вернётесь... Сигнал тревоги бил в мозг, как отбойный молоток. Капитан обливался потом, напрягая мышцы так, что в нём что-то хрустело – то ли кости, то ли зубы. «Должен спасти своих», – эта мысль крутилась у Павла по кругу. Он твердил её про себя, как мантру. Пальцы, впива-

ьясь ногтями в подлокотник, медленно ползли вперед, миллиметр за миллиметром, подтягивая за собой окостеневшее тело. Ногти ломались, оставляя на подлокотнике зазубрины и кровавые следы. Тело качнулось вперед и грудью повалилось на пульт. По кожуху забарабанило, как дождиком по подоконнику – из носа пошла кровь. Крупные капли разбивались и разбрызгивались алым фейерверком.

Капитан тянул руку к кнопке активации жизнеобеспечивающих систем. Это было как в кошмаре – медленно, мучительно медленно... В ушах грохотала кровь. Сквозь застилающие глаза цветные круги Павел увидел на обзорном экране стартовавший аварийный катер. Он шёл курсом к самому краю сектора, на дальний объект, у которого ещё не было названия. Только порядковый номер.

Должен спасти своих... Палец дополз до нужной панели. Мышцы сводило, и боль полыхала в темпе пульса – прерывисто и скачками. Рука скользила на кровавых разводах. Пульс чувствовался везде, даже в ушах, которые тоже ломило болью. Павел нажал одну клавишу – два стука сердца – застонал сквозь зубы и нажал следующую. Звук тревожной сигнализации стих.

Джойстик выскальзывал и выворачивался из пальцев. Грузовой ботик для внутренних рейсов не оснащался серьёзным вооружением. На нём была только небольшая пушка – скорее, средство самоуспокоения, чем нападения или защиты. Держась из последних сил, чтобы не завалиться на бок,

Павел поймал аварийный катер в перекрестье прицепа и утопил кнопку. Ничего не произошло и, задохнувшись, капитан выстрелил снова. Он нажимал и нажимал, хотя датчик замигал, сигнализируя об отсутствии заряда. Вдруг на месте точки, в которую превратился катер, распустился радужный цветок с ослепительно белой сердцевиной. Цветок вздрогнул и расширился, заполняя собой экран. От цветка во все стороны разлетались брызги.

Павел мешком рухнул на пульт – вдруг исчезло то, что сдерживало и не давало двигаться. Лбом он с размаху приложился о кожух и на мгновение вырубился. Придя в себя, капитан некоторое время лежал, прижимаясь щекой к шершавой поверхности, липкой от крови, отдыхая и инспектируя себя. Болело всё. Сильно тошнило, тело дрожало. Внутри тоже что-то дрожало, а зубы не хотели разжиматься. Помогая себе руками, Павел сел в кресле и замер. Исчез мерзкий шевелящийся ком в затылке, который изматывал и мешал думать.

– Поторопился ты, поганец! Зря списал меня со счетов, – хрипло проговорил Павел и осекся – так дико и жутко прозвучал его голос в пустой рубке. Капитан поднял руку и отсалютовал меркнувшему на экране цветку открытой ладонью – фирменным жестом белобрысого бортинженера. Потом посмотрел на часы. Кошмар, который показался вечностью, длился всего минут двадцать. Спасти своих... «Ни одного не отдам. Успею. Кислорода должно хватить. Держись,

Ники, дружище! Только немного подлатаю себя». Капитан выбрался из кресла и, придерживаясь рукой за стену, побрёл в медблок.

– ...от взрыва чуть не ослеп! – возбужденно захлёбывался словами Ник. – У меня в голове как лопнуло что-то. Думаю, куда я попёрся, идиот, зачем? Что нашло? Мне ж показалось, что я – это уже не я, понимаешь? Будто во мне сидит кто-то, а я его на борт принесу...

Павел покосился через плечо на бортинженера, надежно закреплённого в штурманском кресле. У того на зеленоватых щеках расцветали алые пятна, глаза блестели, взлохмаченные волосы торчали в разные стороны, и его так и потряхивало от эйфории. Пожалуй, с дозировкой стимуляторов вышел перебор. Вспомнив пергаментное неживое лицо Ника, которого прямо в скафандре он втащил в медблок, капитана передёрнуло. Последствия ещё скажутся на обоих, но это будет потом.

– Скажи спасибо, что на скафандре аварийный маячок работал. Искал бы я тебя... – Павел сунул Нику кружку. – Пей, у тебя обезвоживание. Что там на тебя нашло, после разберёмся. Мало не покажется, обещаю. А теперь – заткнись.

Ник обиженно моргнул, отхлебнул из кружки и замолчал. Давалось ему это не легко.

Капитан развернулся к пульту и просмотрел последние строчки расчёта маршрута. Помедлил и включил связь. Ба-

за бубнила голосом Лёши Махорина, сменщика Васи Астраханцева. Бубнила все с тем же безнадёжным отчаянием:

– Борт М2115, отзовитесь. Борт М2115...

Павел слушал Лёшу и мысленно представлял его себе – худого, нескладного, с унылым носом и тёмными ресницами, густыми и длинными, как у девушки. А потом капитан запустил ревун. Лёша оборвал себя на полуслове, и тишина затопила рубку. Павел не дышал. Сердце стукнуло раз... В невообразимом далеке что-то оглушительно загрохотало, будто Лёша свалился с кресла, своротив при этом всё оборудование.

– Борт М2115! Слышу вас! Слышу вас! Есть маяки! – динамики в рубке звенели от Лёшиного вопля. Ник заорал, расплёскивая на себя воду и прыгая в кресле. Павел зашелся в кашле – оказалось, он кричал тоже. Капитан потёр глаза ладонью и заставил себя сосчитать до пяти. Руки плясали у него на коленях, но он досчитал и нажал клавишу ответа.

– Борт М2115. Слышу вас. Слышу, Лёша. Не ори на всю Галактику.

– Паша-а-а! – не унимался Лёша Махорин. – Да чтоб тебя... Ты представить себе не можешь, что у нас тут твориться! Какого чёрта вы не отзывались?! Куда вы делись?

– Долгая история, – капитан устало облокотился о пульт и занес руку над клавиатурой. – Давай, диктуй пеленг. Нам очень нужно вернуться домой.

Алексей Ладо

Совладелец литературного сайта. Рассказы опубликованы в сборниках «Синяя книга» (2014, «Дятловы горы»), «О любви» (2016, АСТ), «О бабушках и дедушках», (2018, АСТ). Лауреат поэтического конкурса Интернационального союза писателей (апрель, 2017). Дипломант международного литературного конкурса «Большой финал» (поэзия, 2017-2018). Победитель в номинации «Рассказы для детей» международного литературного конкурса «Мой аленький цветочек». Пишу разножанровую прозу, стихи, статьи. Люблю смешивать времена и поколения.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Almond.html>

Колодцы полные звёзд

«Бегство – первое, чему учат в спортивной секции защиты. В воображаемых кулаках зажмите гордость и стыд. Бегите хладнокровно, вдумчиво, отвечая на вопросы «Как? Куда? Зачем?». Не прислушивайтесь к топоту за спиной, не ищите смысла в угрозах. Мчитесь на свет. Если предстоит упасть, вы должны знать, что сделали все возможное...»

Андрей кинул брошюру на крыльцо. Как? – купил билет и сел в поезд. Куда? – в глухую деревеньку, в заброшенный дом родителей. Пятнадцать лет здесь не был. На «зачем?» нет ответа. Он бежал, да за ним никто не гнался. Спрятался в убежище, где лес навалился ельником на забор, обрушил местами. В прорехи залезла кислица, просочились папоротники, лопухи окружили одичавшие яблони. Колодец зарос мхом, покосился... К колодцу он не подходил – боялся, что сны останутся снами, а потом решился внезапно, и звезды расцвели черно-белое кино.

В зеркале воды отражалась ушастая голова. Его – Андрея Верзина. Чья еще? Рядом звезды. Утром! Звезды в колодце! Андрей засмеялся, взгляделся. Может, и оттуда смотрят? Видят лопухость, тощую шею, лохмы. А большой кадык, шрам на кончике носа, прыничную седину не разглядят. И счастливую улыбку вряд ли.

Андрей скорчил рожу. Ухнул ведро в звезды, потянул.

Оно явилось запотевшее, росное – мамино словечко! Хлебнул жадно. Вода студеная, словно натекла в колодец с той стороны земли, где снега и пингвины. Верзин опрокинул ведро на себя, взвизгнул. Ледяной водопад обжег кожу, мокрые трусы облепили пах.

– Дядь Андрей, бабушка молоко передала. – Веснушчатый пацан поставил на крыльцо банку, вприпрыжку поскакал к калитке.

– Спасибо, Мить! – Андрей цапнул марлю, вдохнул травяной сладкий запах, одним запахом насытишься...

Дом скучал на отшибе. Через поле вела еле приметная тропинка – Митькина бабушка навевывалась. Она же дала Андрею косу, в сарае нашелся топорик. Верзин обтесал разбухшую деревянную дверь, выселил пауков, вымыл стекла, отдраил желтый от времени кленовый пол до прожилок. С удовольствием покосил, разбросал траву пахучим ковром...

Пригревало ласково. Андрей нырнул с крыльца в заросли фиолетовых люпинов, застыл, поднял руки к солнцу. Что-то мешало. У леса, где свалился кусок забора, высилась копна. Андрей сморгнул. Сено накрыто кислотно-розовой клеенкой. Только вчера – несомненно – ничего там не было!

Орсаг боялся не планеты, выбранной наугад, не существа – боялся быстрого обнаружения. Преследователи не успеют исчерпать энергию иссечения! Орсаг закрыл корабль на орбите невидимой оболочкой, спустился в капсуле. Он нашел

укромное место, миновав опасные по замерам массивы, и вспомнил, что забыл выключить автомат поиска! Сам виноват.

Существо как подвижный столбик. Внутри – Орсаг видел – жесткая конструкция. Посредине горизонтальная разделительная полоса для сгибания – вперед больше, чем назад. Вверху – шарик на тонкой псевдоножке. На шарике ямки и выступы, сверху тонкие нити, концы густо воткнуты в основу. Ниже псевдоножки отходят в стороны одинаковые отростки – подвижные, сужающиеся, с пучками корешков на концах.

Андрей шагнул к «сену», замер чучелом с выпученными глазами, рот разинул. Метровый розовый «стог» будто связали из шнуров с палец толщиной. Ни ветерка – а они двигались, шуршали! Стожок смахивал на клубок розового мохера, раздербаненного Машиным котом. По спине пробежал холодок. Ладони вспотели. Андрей машинально вытер их о трусы.

– Что это? – просипел он, отступая.

Орсаг задрожал. До сих пор столбик не двигался. Теперь нижняя часть разделилась на две равные половины. Орсаг услышал звук. Из противоположных круглых антенн на шарике? А что если существо разумно? Орсаг рискнул выпустить стрекало. Существо не сопротивлялось. Орсаг без тру-

да обнаружил коммуникационный центр, запас слов с богатыми синонимичными рядами в речевом блоке. Он перенес слова себе. Языковые процессы усвоились мгновенно. Существо разумно, значит, можно надеяться на помощь.

Шнур выскользнул из стожка, пополз к Андрею. Он тянулся, словно разматывался в глубине розового сена. Андрей оцепенел. Внезапно шнур рванулся, вцепился в лодыжку тремя короткими отростками. Не больно, щекотно даже, но удивление сменилось страхом, волосы на ногах поднялись дыбом. Руки одеревенели, по спине потекла струйка пота. Бечевка добралась до трусов, задержалась на пахе, дотронулась отростками до груди, тут же скользнула по шее и замерла на виске. Забилась венка, в мышцы ног хлынула кровь. Андрей хотел рвануться, убежать, как вдруг заметил сбоку движение. Он скосил глаза, стараясь одновременно видеть и шнур, и калитку. Пацан! Вытянулся в струнку – глаза с блюдца.

– Беги, Митька! – прохрипел Андрей, выдохнул, увидев, как замелькала рыжая шевелюра. Услышал!

«Кричишь? Вопишь? Почему? Боишься? Опасаешься?» – голос раздался в голове неожиданно. Не чужой голос – Андреев, только не он это думал. От испуга еще дрожали ноги, но страх уступал место гневу, а гнев рождал желание накинуться на чужака, разорвать шнуры на кусочки. Митька убежал – это главное!

– Что ты такое, чтобы бояться? – Андрей облизал губы, добавил нерешительно: – Убери лапы.

«Не мочь, не желать. Контакт не есть, не будет», – Орсаг быстро установил связь между словами «лапы» и «руки». Существо владело и внутренней, и внешней речью. Любопытно!

– Кто ты такой? Откуда взялся?

Чужак доверчиво устроил «лапу» на плече, отростки к виску: «С неба. А ты кто?»

– Человек. Андрей, – Верзин успокоился. Гипноз? Нет. Куча «мохера» вовсе не страшная.

«Андрей. Особь?»

– Личное имя, понимаешь?

«Орсаг. Не имя. Статус», – показал понимание чужак.

Андрей уже не сомневался, что перед ним пришелец. Sensация! В голове замелькали вспышки фотоаппаратов, цветы, очкастые ученые, президент слева, Андрей справа, между ними пришелец, репортеры суют микрофоны. Гордая Маша рыдает. Начальник обнимает инженера Птицына. Ай, они откуда взялись?!

«Нет. Нельзя. Не выдавай», – ныл собственный плачущий голос.

– Мысли читаешь?

«Не так. Объясню. Потом. Спаси! Помощь», – Орсаг испугался яркости картин в голове у существа. Надежда гасла.

– Не могу, сейчас люди примчатся, – сказал Андрей. Вряд ли Митяй убежал совсем.

«Спрячь. Укрой. Сохрани. Пожалуйста!» – Орсаг отыскал в словаре абстрактное, но значимое слово.

Елы-палы! Как поступить? А если бы он – Верзин – очутился среди звезд один?

– Ладно, разберемся. Пойдем.

«Идти? Долго».

Андрей крякнул, обхватил копну розовых шнуров, поднял – Орсаг оказался легким, как тот же мохер, – поволок в дом.

Вовремя...

Верзин прикрыл дверь и, фальшиво посвистывая, пошел к калитке.

– Что случилось? – спросил весело у запыхавшейся Митиной бабушки, конюха Степана с вилами в руках. За спинами маячил мальчишка.

Деревенским жителям только дай повод потренировать языками. Разобрались не скоро: обсудили покосы, утренний удай, жизнь на Марсе. Соседи, поругивая пацана, отправились восвояси. Андрей застыдился, окликнул:

– Митька! Приходи завтра, я тебе все расскажу. Не могу сейчас, ну прости.

Мальчишка обрадовался, в глазах вспыхнули золотые звезды приключения.

Оказавшись в замкнутом пространстве, Орсаг просмотрел память и спроектировал речевой аппарат. Двадцать основных элементов новой игрушки просты. Он сформировал все, что нужно, согласовал действия частей, попробовал. Звука, внешнего голоса – не было. Орсаг проверил схему. Сделал короче и тоньше связки, проверил цепи резонирования. Шшш... Звук есть, а слова не получались. Орсаг задумался, перенаправил поток воздуха, установил, как ему казалось, необходимое воздушное давление для вибрации, отрегулировал сокращение и плотность смыкания связок.

Андрей с опаской заглянул в горницу. Вдруг галлюцинация? Никакого инопланетянина нет, а есть больничная палата и капельница у кровати?

Пришелец торчал у шкафа, держал «шнурками» книжку.
– Имя-Андрей, что это?

Верзин охнул. Орсаг изменился: вырастил нечто вроде головы и грудной клетки. На «голове» шнурки сложились в губы. И двигались! Андрей скрыл смешок – пришелец невыносимо пищал.

– Книга, в ней записаны слова, чтобы не забыть события, – он разглядел название «Баранкин, будь человеком!», – в том числе выдуманные.

– Я уже знаю твой мир.

– Все же мысли читаешь?

– Нет. Мир отражается в зеркале памяти. Картинки. А твои мысли, – Орсаг помедлил, – немые. Это слово подходит. Удивительно, чудно, поразительно: вы дублируете бытие!

– Ну... – пробормотал Андрей, – память уходит с человеком.

– Смерть? Понимаю. Разумно сохранение дважды.

– Много раз, Орсаг, есть еще фильмы, диски, вещи...

Орсаг прижал пальцы-отростки к затылку Верзина:

– Расскажи, поведай, сообщи о себе. Что есть ты? – Орсаг решил, что эти знания позволят просить помощи у землянина. Время расплаты приближалось.

Что рассказать? Ничего же особенного. Сюда бы ученых, – вздохнул Андрей. Обычная жизнь. Крыша над головой, хорошая работа с приличной зарплатой, любимая женщина, путешествия – с Машей, с компанией семейных приятелей. Но бескризисное существование отличалось, как черно-белое кино от цветного, от другой жизни, которой он не знал, но чувствовал, что возможна – яркая, драйвовая, со звездами в колодцах. Ну и что? В черно-белой ленте нет ничего страшного. Кадры лениво тянулись, и тайного – двадцать пятого – не существовало. Немота старого кино передалась родителями – тоже безголосыми, не в прямом смысле слова, конечно. Робость перед старшими, сильными, умными. Да разве робость? Он окрестил это уважением и молчал, почтительно слушая начальника, инженера Птицына, управдома, продавщицу... Друзья махнули рукой. Маша ждала, но

и с нею он немел. За десять лет так и не предложил расписаться. Как только подворачивался случай – язык не шевелился, ни гу-гу! Даже Машин кот разговаривал, мурлыкал. Верзин лишь застенчиво улыбался. За это его любили – не кота, Андрея.

– Ну... у меня есть любимая, Маша, работаю инженером, отдыхать ездю к морю, – получилось кратко, но правда же.

– Зачем сор в вашем языке? Ну, ох, кажется, ладно – много.

– Увы, я не знаю, Орсэг, – улыбнулся Андрей, – наверное, для выражения эмоций.

– Увы.

А пришелец явно делает успехи – дразнится.

– Маша – самка? Работа – труд? Инженер – строитель? Так?

– Так.

– Ты сбежал, скрылся, спрятался. Здесь. Почему? Вдруг? Знать бы! Разве к «вдруг» кто-то готовится?

Надоело все, словно черно-белую пленку сунули в коробку, и на экране – пустота. Он решил сбежать, разрушить границы привычного немого существования. Были же колодцы, полные звезд. В детстве. Почему забыл? В монохромности ослепительно, до рези в глазах проявился лишний, но такой нужный кадр.

На совещании Андрей глядел в боссовский бритый затылок, на складку – толстую, жирную. Затылок краснел, покры-

вался потом, утирался платком – босс думал. У стенда хлыщ Птицын, воняющий Диором, уверенно нес чушь. Андрей видел просчеты проекта, но молчал. Они опытнее, им виднее. Корпеть ему, а Птицын в итоге благодарно протянет руку – втайне от всех.

С бегством проблем не возникло. Легко на работе дали отпуск. Спокойно Маша сказала «да», только лицо застыло, и смотрела она не на Верзина, а словно внутрь себя – печально, как будто его отъездом обозначалась новая веха ее жизни.

– Хотел увидеть звезды в колодце, Орсэг. А как ты оказался на Земле? Тоже сбежал? – впервые в жизни Андрей говорил легко, не мучаясь немотой, не подбирая слов, без шелухи оных же. Лаконично, но искренне. Надо же, собеседник со звезд! Думая о своем, Андрей не заметил, что гость молчит.

А Орсэг решал задачу. Довериться? Даже великое открытие внешней и письменной речи не остановит преследователей. Человек же мог их задержать хотя бы до выплеска опасной энергии.

– Нарушитель, преступник, вне закона. Так, имя-Андрей. Другой бег, не от себя к себе. Опасность. Я боюсь. Нужна помощь, содействие, щит. Они придут.

Вот это да! Пришелец – преступник! Андрей схватился за голову. Мало ему Орсэга, так еще пожалует орда инопланетных полицейских. Что натворил чужак? Орсэг объяснил, но как понять «приватизировал сущность собственности, что

повлекло обрушение ее значимости»? Воришка? Гость от-
мел слово.

Они никак не могли наговориться. Обретенные по-разно-
му голоса, понимание бегства заставили Андрея думать о по-
мощи, а Орсагу на нее надеяться.

Вечером инопланетянин сказал «отдых, спать» и отклю-
чился. Андрей послонялся по дому. Орсаг не просыпался,
тогда и он улегся. В голове каша. Как помочь пришельцу?
Убить других? Ага, акээмов в деревенской лавке по полтин-
нику за пучок! Да и чужаки не беззащитны. Слабо утешали
слова Орсага, что «не убьют, пока я за твоей спиной». Кто
знает, что им в голову взбредет, в копну веревочную? Очу-
меют от прибытия, к примеру. Андрей ничего не придумал,
уснул...

Утром Верзин постеснялся завтракать в одиночку.

– Тебе нужна еда, Орсаг?

– Энергия? Важна. Необходима. Осталось немного, – при-
шелец выудил из глубины шнуров розовый кубик.

– Я попробую?

– Крупицу, частичку, мало, – Орсаг слукавил. Еды хватит
надолго. Но дальше? Человек просил поделиться. Отказать
нельзя. Цена. Плата.

Андрей отколупнул. Вкус знакомый. Он стукнул себя по
лбу! Это же...

– Я сбегаяю в магазин. Далеко, часа два уйдет. У нас есть

время?

Орсаг прикинул:

– Надеюсь. Уверен. Почти.

Андрей вернулся с пачкой рафинада. Еще он купил в магазинчике лом, ножовку, веревку.

Пришелец калякал с Митяем. Пацан забрался в кресло, сверкал свежей зеленкой на ободранных коленках, болтал ногами. Идиллия, елы-палы!

– Митька! Чего без меня сунулся?! А вдруг случилось бы что?! – рывкнул, да.

– Дядь Андрей, я не виноват, – мальчишка сжался. – Я дверь потянул, а он говорит «привет». – Пятки заелозили по полу. Орсаг тоже скукожился, демонстрируя причастность к злодеянию. – Я побегу, бабушка, небось, ищет. – Митька соскользнул с кресла, потрепал Орсага по «плечу»:

– Пока, Орик. А он прикольный, – это Верзину сказал.

Вот же! Девять лет пацану, а не удивился даже, принял чужака, словно ровесника, приехавшего из города.

Дверь захлопнулась.

Гость протянул шнур к рафинаду, одобрил.

– Имя-Андрей, я понял! – Орсаг возбужденно заколыхался. – Ты маленький, а имя-Митька большой. Физически наоборот, а по факту у него разум свободен, без границ, стен, как у тебя. Правильно?

Андрей почему-то обиделся. Вот еще – трепаться о дет-

стве и взрослости. К черту! Ушел обшаривать дом в поисках средств защиты. Отыскались дротики дартса, кухонные ножи, тупые, но для метания сойдут.

Первым делом Андрей поднял забор, укрепил, обмотал веревками, к ним подвесил все, что могло греметь – консервные банки, куски ржавого железа, бутылки и прочий хлам. Хорошо бы проволоку под электричеством, только это же убийство, а Андрей не решил – готов убивать или нет. Может, с приятелями Орсига удастся договориться? В метре от дома вкопал колышки, тоже натянул веревки – какая-никакая, но защита. За дверью спрятал лом, ножовку, все, что нашел в доме. Вбил в контакты номер МЧС – на крайний случай.

Ночью, снова ворочаясь, Верзин вспомнил: не сказал Митьке, чтобы тот сидел дома. Надо успеть утром.

Орсиг трогал за плечо, пищал:

– Они здесь. Состояние энергии иссечения – шестьдесят минут без пятнадцати и трех сотых.

Какое солнечное мирное утро за окном! На старой яблоне щебетали птицы. Андрей быстро натянул джинсы, рубашку, схватил снаряжение и вышел, плотно подперев двери.

Три багровых «стожка» стояли между забором и второй преградой. Шевелились, словно переговаривались. Почему же ни одна банка не звякнула?!

– Сделаете шаг – будет плохо! – Кому – Андрей не уточ-

нил. Человеческих слов они не понимают, а с Орсагом общаются, факт, и знают, кто перед ними. Орсаг переведет. Один пришелец перевалился вперед. Андрей метнул дротик. Тот свистнул и пролетел безвредно, точно стрела через сено. Все же «копна» остановилась. Минута, десять... А потом они пошли вместе. Одновременно тот, что слева, с силой выбросил скрученный арканом шнур. Не в Верзина, в сторону. Андрей охнул – шнур обвил Митьку, потащил! Мальчишка упирался, бидон бился о бедро, молоко плескалось на ноги.

Волна гнева хлынула в голову, вытеснила намек на мысль, что можно обменять Орсага на Митю. Андрей схватил лом, бросился на инопланетян.

Через мгновение все кончилось. Андрей и Митька лежали на земле, крепко спеленатые веревками-руками двух негодяев. Третий выволоч из дома Орсага. Шнуры жестко сжимали несчастного преступника, трясли, хлестали с остервенением. Свободным отростком пришелец сбросил что-то невидимое. Показалась вытянутая, как яйцо, капсула, куда и запихали Орсага.

Всхлипывал Митька. Отросток присосался к виску мальчика, и он затих. Сволочи! Спрятавший преступника чужак двинулся к ним. Конец? В голове зазвенела фраза из брошюры: «Если предстоит упасть, вы должны знать, что сделали все возможное...» Нет, не все!

– Отпустите мальчика! Он не виноват! – заорал Андрей, дернулся. Трехпалый кончик коснулся виска. – Молчи, гад! –

Андрей закрыл рот и «кричал» уже там – в темноте – «освободите!», знал, что пришелец слышит и понимает. Чужак плевать хотел на желания землянина. Голос пробился сквозь крик...

Шнуры распутались, отступили. Андрей и Митька лежали на земле и не шевелились. Капсула поднялась метров на пять, зависла на пару секунд и исчезла...

Андрей вдруг захохотал, так, что птицы сорвались с яблоки. Гоготал, ржал в истерике.

– Дядь Андрей, ты с ума сошел? – тормозил целый и невредимый Митька.

– Обманщик твой Орик! Трус! Понимаешь?! – заливался Андрей. – Он ребенок! Такой же, как ты! – Верзин сел, обхватил колени, трясло, но он смеялся. – Ничего ему не грозило, разве что порка! Вот чего Орсаг боялся. Энергия иссечения, тьфу! – Андрей поглядел на часы, усмехнулся злобно: – Минут двадцать потерпит...

Совещание затянулось. Босс напрягал складку. Птицы нес чушь. Андрей нервничал: Митьке-то в обед посылку с обещанным планшетом отправил, а еще нужно купить цветы для Маши.

Верзин встал, пошел к плану, отодвинул Птицына:

– Вот здесь – ошибка, – взял указку, объяснил.

Повисла тишина. Босс сломал карандаш. Бледный, с вы-

тянутой физиономией Птицын не тайно, а при всех протянул ладонь.

«Какие же мы... маленькие. Боимся, что отшлепают», — хмыкнул Андрей.

В окне-колодце загорелась первая вечерняя звезда.

Сила лю

В войне жизни самое мощное оружие – гнев, порождённый жаждой мести. И одновременно самое уродующее, ослабляющее, разрушительное оружие в людском арсенале, делающее берсеркером своего обладателя.

Х. Эллисон

– Почему здесь нельзя купаться, Мыта? – Тыр перегнулся через перила дрожащего моста и глядел вниз, где далеко-далеко в чёрной воде отражался и он сам, и дробящаяся бликами изнанка ветхого сооружения.

– А ты хочешь? – усмехнулась Мыта и на всякий случай ухватила Тыра за край жилетки.

Старая подвесная дорога – ненадёжная на первый взгляд, но крепкая, со сквозными пролётами, с низким ограждением, с отошедшими кое-где от основы креплениями – тянулась через огромное озеро и терялась в густых зарослях берегов. В озере не водилась живность, а трава вокруг вырастала и сохла, превращаясь в покрытые чёрными пятнами плесени соломенные стены. Вода – неподвижная, тягучая, тёмная, словно в ней утонула безлунная ночь, – лишь изредка тревожилась каплями дождя да случайной рябью от упавшей с высоты щепки.

Они стояли на самой середине, где мост колебался сильнее всего. Детей специально приводили сюда – бояться. Ино-

гда такие эмоции необходимы, чтобы уничтожить другие – куда более неприятные.

Мыта – опытная наставница, не случайно старейшины доверили ей Тыра, с непоседливостью которого даже родичи не справлялись.

– Я бы прыгнул! – рисовался подопечный. – Поглядел бы, что там – на глубине.

– Известно же. Там осколки зеркала Правды и Лжи, кто до них дотронется, тот останется на дне. – Нянька пугала, конечно, но была не далека от истины.

– Почему, Мыта? Расскажи, – заканючил Тыр. – Я слышал про зеркало, но подробностей не знаю.

Наставница прикинула – пора ли? Решила, что скрывать правду от любопытного подростка больше нельзя, вздохнула:

– Только на берегу, ладно?

Тыр и Мыта, взявшись за руки, добрались до суши и нашли уютную полянку с удобными кочками в стороне от опасного озера.

– Так вот... Давно это было... – нянька потихоньку и сама увлеклась поучительной и не имеющей решения историей. – Они пришли неизвестно откуда и исчезли неизвестно куда...

Пиво было настолько свежим, что пена заливала круглую поверхность стола и капала на пол. Только кому до этого дело, когда есть хорошая компания и такие разговоры, от ко-

торых не заснуть до утра.

Даже трактирщик – желтолицый и узкоглазый Ли Си Цын – перепоручил обслуживание других клиентов помощникам, а сам торчал возле, слушая, подливая пиво в кружки из запотевшего кувшина и вставляя изредка пару-тройку слов.

– Говорят-то, Аринья-птичница, ну вы ж её знаете, скрюченная такая, с бородавкой у носа, попросила у них любви неземной-то до гроба, – рассказывал водовоз Илько – рыжий зеленоглазый мужичонка лет пятидесяти с хитрым лисьим взглядом и носом уточкой, – а еще бают, что и дитенка-то...

– Кто ж на неё позарится? – вклинился трактирщик, вновь заполняя кружки. Женщин в поселении меньше, чем мужчин, но и в этом случае на Аринью-птичницу желающих не находилось.

– А вот-то и позарился! – обрадовался водовоз возможности удивить компанию. – Сосед её, Адриян! Через два дня от жены-то ушел, под бочок к Аринье перебрался.

– Погоди, – заерзал от волнения старый пастух по прозвищу Гымза, не расстающийся с крючковой походной палкой даже за столом, – это не тот Адриян, которого весной схоронили?

– Тот самый! Неделю, говорят, они из постели не вылезали, аж пар от дома шел, как от бани-то, а потом всё – спёкся мужик, выдохся! Вот тебе и до гроба – любовь-то! Не отказали, стало быть, птичнице в просьбе. – Илько освежил пересохшую глотку пивом.

– Аринья брюхатая ходит, – удостоверил рассказ водовоза кряжистый кузнец Лекса и пожал мощными плечами.

– Братцы, это еще что! – принял эстафету старый Гымза. – Мой напарник – пастух дед Олесь – пошел к ним и попросил ни много ни мало вернуть умершую лет как пять уж жену – Алёну. И что вы думаете? Вернули! Да только не бабу, а вроде бы как у него дочь на стороне обнаружилась и объявилась вдруг – вылитая покойница. Олесь на нее не надышит-ся, и забыл уже, чего просил-то.

Кузнец снова встрял:

– Значит, не все худо? Есть и благо?

Никто ему не ответил, только ясноглазый, пшеничноволо- сый врач Джонни из Черёмушек, худой до синевы, передёр- нулся весь, прошептал:

– Страшновато... чего уж там...

– Я вот слышал, что мэру нашему знания дали – как нами управлять, – поддакнул трактирщик Ли Си Цын.

– Трудно сказать, – задумался Гымза, – чем нам всем это еще откликнется...

Тут требуются пояснения – о чём, собственно, рассуждала тёплая компания.

Поселение Нью-Эльдорадо образовалось лет тридцать то- му назад.

Храбрые колонисты быстро освоили плодородные, но ни- кому не нужные земли далекой от Земли планеты, оценили

богатство лесов, полей и рек, осели накрепко, и скоро численность значительно возросла, да так, что невозможно было уже знать всё и про всех.

Жили большими группами, разбившись по самым разным признакам: появилась на окраине Кузнецкая слобода, где селились не только кузнецы, но и пастухи, гончары и кожевники. Улицу с древним названием Куанмен основали китайцы – держатели лавочек, трактиров, швейных мастерских. В центре – Деловом квартале – дома побогаче, дороги получше – это вотчина политиков, управленцев, дельцов. Впрочем, дома у всех были хорошие – благо, деревья кругом много. Национальность нигде значения не имела – это пережиток прошлого. Правда, под влиянием ностальгии образовались в Нью-Эльдорадо и Пятая авеню с единственным пока музеем, и Пикадилли, улица Красных фонарей и даже вездесущие Черёмушки, где проживали врачи и учителя.

Существовали колонисты бедно, работали много и тяжело, но радовались: проверками никто не достаёт, налоги божеские, в армию не призывают и армией не нападают.

Однако некоторое время тому назад появилось на границе поселения странное сооружение – деревянный куб с одной-единственной дверью. Вот вчера на этом месте ничего не было, а утром – на тебе! – стоит, будто испокон века, даже брёвна в землю вросли, местами мохом покрылись. Смелчаки наведались и... ушли – озадаченные и обеспокоенные.

В кубе обитали удивительные пришельцы: о себе ничего

не рассказывали, никого не трогали, никуда не совались, в свет не выходили, напротив, привечали всех, помогали, чем могли. А могли они – исполнить заветное желание, только одно, самое главное.

Скоро слух об инопланетянах – никто не сомневался, что обитатели куба прибыли каким-то образом с далёких звёзд, – облетел всех, и потянулись к кубу поселенцы, кто уж очень хотел, чтобы заветные мечты сбылись.

И они сбывались.

Не всё было так печально, как расписывали завсегдатаи трактира.

Одному гончару пришельцы вывели со щеки огромное родимое пятно – ходит теперь довольный, белолицый, женился недавно, говорят. Ещё ходили слухи, что банкир Мецель (это нынче он банкир, а раньше мало кому известный ткач) тоже просил у пришельцев богатства и возможности не работать физически – ручками. Да и коров у Зиты-индианки прибавилось не случайно. Ну не плодятся так быстро коровы-то!

Пожалуй, больше всего велось пересудов о несчастной любви бастарда Трисдана – незаконного сына мэра Нью-Эльдорадо Дарика Корнуэльского. Мэр не признал наследника и делал вид, что не интересуется судьбой молодого оружейника. А Трисдан влюбился в Изольдину, которая собиралась замуж за законного отпрыска Дарика – низкорослого и золотушного Марка. Дочка советника Изольдина была красавицей: чёрные косы до земли, огромные глазища темнее но-

чи, губы макового цвета, кожа белая, как туман над рекой. И вроде ей тоже понравился оружейник Трисдан, да родители воспротивились неравному браку. Вот тогда и отправился бедный парень к пришельцам. О чём он их просил – никому не известно, но всем ведомо: конечно, о браке с Изольдиной! Недели не прошло, вдруг объявили о свадьбе красавицы с Марком-золотушником. Как?! Почему?! Ведь просил же Трисдан!

Говорят, когда на свадьбе подняли белую фату Изольдины, она вся чёрная была от горя... И Трисдан чёрный... да только не от горя, а от того, что в лесу верёвку через сук перекинул и повесился. Записку ещё оставил, мол, просил я у пришельцев счастья Изольдине, так всё и вышло.

Осерчали тогда мужики, уж больно любили оружейника в округе, пошли к кубу – разбираться...

– Я слышал, ничего у них не вышло, – сказал Ли Си Цын, в очередной раз наполняя кружки.

Кузнец Лекса, широкий и низкорослый, как пень, с руками в буграх мышц, буркнул:

– Поорали мы возле их жилища, покидали камнями в стены, да только никто с нами разговаривать не стал. Ну... и разошлись все... до поры.

Он был прав. Потихоньку народ стал роптать. То и дело в поселении вспыхивали драки, ссоры, когда кто-то собирался к пришельцам, или же дело шло не так, как всем этого хоте-

лось. И петуха уже пускали на куб, и дёгтем двери мазали – только толку-то?

– И всё же люди ходят к чужакам до сих пор, – дед Гымза пригладил залитую пивом бороду, – чего хотят, сами не знают.

– Я знаю! – вскочил изрядно окосевший Джонни-врач. – Вот прямо сейчас и пойду! И попрошу!

– Да сиди ты, – пытался урезонить его кузнец Лекса, но Джонни нетвёрдой походкой устремился к выходу...

Жизнь в таверне словно остановилась. Не только компания за столиком ждала возвращения приятеля, но и другие разговоры умолкли, музыкальный автомат не обновлялся, лишь служанки шуршали накрахмаленными передниками, разнося пиво. И оно выпивалось в тяжелой гнетущей тишине. Все знали беду врача. Год тому назад умерла его жена, оставив на руках мужа семерых деток мал мала меньше. Умерла по дурусти, перепутала в аптечке лекарства и выпила от мигрени не то, что нужно. Доходы врача мизерные, пьёт в таверне не за свой счет, светится от голода, а уж дети... Последнее Джонни им отдавал, что тут греха таить. Соседи помогали, как могли, конечно, но – семь ртов как-никак.

Джонни пришел через час. Синие глаза сияли, пшеничные волосы намокли от вечерней мороси и закрутились на лбу в смешной хохолок.

Посетители в таверне вздохнули и оживились, вновь то тут, то там зазвучали речи.

Приятели тотчас засыпали Джонни вопросами. Он – радостный – постарался ответить на все. Час ходил – час рассказывал.

– Дверь открыл пришелец: росточком в половину моего, кожа зелёная, глаза нечеловеческие – жёлтые, зрачок еле виден. Ноги голые, склизкие, как у земной лягушки, а между ними длинный зеленый мех. Прямо бахрома, честное слово! Из одежды – одна жилетка несерьёзная, коричневая, без всяких вышивок и украшений.

Провел он меня в залу. Странно как-то: куб маленький, а зала огромная, залитая вся белым мёртвенным светом, и в ней мебели вовсе нет, кроме зеркала во всю стену. Такого зеркала я никогда не видел. Кроме меня, в нем отражались цветные пятна, которых в комнате не было: красные, синие, желтые, зелёные, фиолетовые, оранжевые, – чистые, без оттенков. Они двигались, перекручивались, менялись местами, но не смешивались в грязь. Пришелец говорит: «У зеркала проси, Джонни, чего хочешь». Я удивился – откуда он меня знает? Но виду не подал, подошел к зеркалу, дотронулся, тут как будто молния пронзила, словно что-то проникло в мозг и читало там, переворачивая страницы. И просить-то вслух не нужно – зеркало само знало наши нужды, так я понял. Однако я взял себя в руки и сказал отчетливо: «Хочу начать жизнь с самого начала, хочу – с нуля!» Теперь-то я

знаю, как нужно действовать, чтобы счастье было мне и моим детям!

– Да ты впрямь будто молодеешь на глазах, – сомневаясь и вглядываясь, сказал кузнец.

То, о чем поведал врач, не было новостью – знали и про огромный зал, и про зеркало, и про то, что сами инопланетяне ни во что не вмещиваются. Но вот это чудо, которое происходило сейчас на глазах, завораживало. Сорокалетний Джонни менялся: морщинки исчезли, глаза запылали синим пухом прежнего, из волос пропала ранняя седина. На двадцать пять лет выглядел теперь врач, не больше.

– По этому случаю нужно выпить! – засуетился Ли Си Цын, призывая служанок с новыми порциями пива.

Вечер перешел в ночь... Долго ещё сидела компания, тянула пиво, закусывая сушёной рыбкой, дед Гымза пытался рассказывать новые истории про пришельцев, но его уже никто не слушал. Из музыкального автомата, шипя и словно брызгая нотами, неслись звуки древнего фокстрота, парочки красовались на специальном помосте для танцев, повсюду пиво сменялось куда более крепкими напитками, а настроение посетителей менялось вместе с градусом. Вот уже настроил гитару сладкоголосый певец Марти Рикон, как вдруг дверь со стуком распахнулась. На пороге возник запыхавшийся человек почему-то с ведром в руках.

– Врач здесь?! – крикнул он что было сил. – Джонни?!

– Здесь, – безмятежно отозвался пьяный и очень помолодевший Джонни, – кому помощь нужна? Я готов.

– Тебе! – крикнул человек. – Твой дом горит! Дети... Мы там заливаем, как можем, но!..

Первым вскочил кузнец Лекса, за ним, конечно, вмиг протрезвевший Джонни. В дверях образовалась свалка, но вскоре толпа понеслась в Черёмушки.

Вместе со всеми бежал китаец Ли Си Цын, прихватив огромный жбан пива – тоже вода! Водовозчик Илько прищпоривал клячу, телега подпрыгивала, таща наполовину заполненную бочку, сзади надавал дед Гымза, чертыхаясь и проклиная старость.

Не успели.

Джонни катался по земле, ногтями впивался в красные головешки, разгребал... Еле оттащили. Жизнь с нуля, как она есть.

Вот тогда мужики и пошли... Взяли вилы, косы, серпы, оружие – что у кого было – и помчались к кубу.

В безлунной ночи он возник неожиданно – черной страшной массой невиданного. На стук открыл один из инопланетян, квакнул что-то, его смели тут же, проткнули вилами, отбросили в сторону. Ещё несколько зеленокожих загородили зеркало, но полетели в их головы с жёлтыми, ничего не выражающими глазами запасённые за пазухами камни – и в зеркало тоже.

В воздухе словно натянулись цветные нити, ослепляя до слёз, тренькнули и стали рваться с хрустом, будто на полосы и клочки распадалась сама радуга. Посыпались осколки, впиваясь в лица стеклянными брызгами. Кто-то кричал, лишившись глаза, кто-то с рыданием бросался на остатки зеркала, наступая на упавших пришельцев, кто-то метался без толку, кто-то – снаружи – поддевал уже брёвна ломami, стремясь уничтожить всё подчистую...

Потом утомленные поселенцы, наскоро обработав раны, повалились возле разваленного куба, спали тяжело, со стонами. Спали долго, почти до обеда, будто сон мог вернуть былую безмятежность существования.

Только ничего уже вернуть было нельзя.

Как только солнце выкатилось на небо во всем своем великолепии, раздался оглушительный свист кузнеца Лексы. Люди открывали глаза и тут же вскакивали, пристально вглядываясь в ту сторону, куда показывал кузнец. Там, в зыбком жарком мареве полдня, двигалось со стороны леса войско – зелёное.

Чем ближе подходили враги, тем страшнее становилось: они всё больше походили на людей, сравниваясь с ними и ростом, и телосложением, и цветом кожи.

Чужаки шли плотной цепью – медленно, спокойно, уверенно, но неотвратимо приближаясь.

Поселенцы схватили сваленные кучей инструменты и ору-

жие – чьё попало, что под руку подвернулось. Замерли...

– Мать честная! – перекрестился Гымза, когда враг оказался совсем близко.

Илько задрожал и спрятался за свою бочку.

Ли Си Цын сощурил и без того узкие глаза, схватился за голову, застонал, забыв о ране, кое-как прикрытой окровавленным бинтом. На него шёл... он сам! – и бинт был, и измятая одежда, и взгляд – знакомый, будто трактирщик смотрелся в зеркало. В этом было что-то ужасное, дикое, необъяснимое, от чего жёлтая кожа китайца побледнела. И рядом, и напротив друга: навстречу шёл Гымза, опирающийся на палку, катил бочку утконосый близнец водовоза Илько, шёл, распрямив плечи и гордо вскинув голову, почерневший от горя Джонни, а второй – такой же – стоял бок о бок с трактирщиком.

– Мы не мужики, что ли?! – крикнул вдруг в звенящей тишине кузнец Лекса. – Это все призраки! Морок! Бей их, ребята! – и кузнец первым бросился на своего двойника, налетел, сбил с ног...

Тыр поёжился, вздрогнул, оглянулся на озеро, на старый покачивающийся мост.

– Это была ошибка, Мыта? – совсем по-взрослому спросил он. Во взгляде мальчика читалось желание понять – что же произошло много лет тому назад?

Наставница не стала лукавить:

– Ошибка. Ещё какая. Мы ведь долго наблюдали за людьми – так они себя называли, – прилетевшими на нашу планету неизвестно откуда. Невидимками пробирались к ним в дома, изучали, анализировали их образ жизни. Радость радостью – мы не одни во вселенной! – но и разузнать о них ничего не мешало. А когда поняли, что соседи ничем не угрожают, решили помогать. Не во всём, конечно, адаптироваться они должны были сами.

Учёный Кырк сделал сенсационный вывод: в сознании пришельцев существует великая печаль – невозможность исполнения заветной мечты. И мы решили подарить им это. Но... Кырк ошибся, и все ошиблись. Людям вовсе не было нужно, чтобы их мечты исполнялись, само существование мечты – уже ценность. Этого мы не учли.

– Разве такая мелочь могла привести к беде?

– Не могла, ты прав. Не учли наши учёные и другого: человеческий разум не проникал в глубины правды и лжи, мало того – бежал от истины, путая и не различая смыслов мечтаний. Вот потому люди и уничтожили первых представителей контакта, разбили зеркало.

Тыр заерзал на кочке, заволновался, сжимая и раздвигая перепончатые пальцы на руках и ногах:

– Почему тогда? Вы же хотели помириться, я понял... а они... Сила «Лю»! Что может быть главнее и прекраснее на свете?!

Мыта обняла подростка и прижала к себе. Ей предстояло

рассказать самое страшное. Время пришло Тыру стать взрослым и понести вместе со всеми тяжёлую ношу: боли, ответственности и невозможности все исправить.

– Да... На следующий день мы пришли извиняться, просить прощения за нашу ошибку. Мы применили силу «Лю», надеясь на её главный закон: никто не может причинить вред самому себе, потому что нет ничего сильнее такой любви и прекраснее тоже нет. Как развиваться без силы «Лю»? Как жить без неё?

Они не любили себя, Тыр.

Люди бросились на нас – на собственные отражения, не понимая, что воюют сами с собой. И нам пришлось их убить... – Тыр дрожал от ужаса, и Мыта тоже дрожала, не первый раз она рассказывала подопечным эту историю, выводя их во взрослую жизнь, но каждый раз острая боль пронизывала сердце. – Не всех. Через некоторое время прилетели большие металлические чудовища, проглотили выживших и унесли в небо. А мы остались – с осознанием нашего невежества и невозможностью получить прощение.

Они долго молчали. Тыр всхлипывал, не стесняясь, вытирая жёлтые глаза жилеткой, потом сказал тихо:

– Теперь я понимаю, почему на месте разбитого Зеркала – озеро.

– Да, – Мыта кивнула, – мы до сих пор их оплакиваем, твои слёзы смешаются с теми, что льются уже очень долго, озеро будет наполняться слезами... всегда.

Послесловие:

Выдержка из Большой Энциклопедии Космоса: «Планета земного типа Рамсес/2015 была обнаружена (...), заселена колонистами (...). Поселение просуществовало тридцать лет и было наполовину уничтожено местной формой жизни, ранее не обнаруженной (предполагаемый класс разума – Ю, уровень – «плинтус», степень – «ноль» контроль). Оставшиеся в живых колонисты добровольно вернулись на Землю.

В связи с использованием обитателями планеты возможностей оптического диапазона, контакт заморожен на срок (...)»

Все дети маленькие

Мы перевалили через скалистый гребень и увидели нечто, от чего глаза на лоб полезли.

Глубоко внизу, на серо-оранжевом песке бескрайней долины ровными рядами стояли белоснежные параллелепипеды, с высоты очень похожие на кусочки сахара-рафинада. Одинаковые по ширине – метров десять, не больше, они были разными по высоте и длине: огромные – с двухэтажный дом, и поменьше – словно секции коммунального гаража. Тем не менее все «рафинады» точно вписывались в пересечения вертикальных и горизонтальных параллельных линий, образующих гигантскую сеть с прямоугольными ячейками.

– Кто это сделал? – облизав сухие губы, шепотом спросил старпом Ян Туча.

Становилось жарко. В небе густого синего, почти кобальтового цвета, – кажется, взглядишься и увидишь звезды, – обозначился диск неяркого оранжевого солнца, отчего песок приобрел оттенки маджента. Но кубики! Их поверхность поглощала цвета, словно в каждую масляную каплю бухнули бочку цинковых белил.

Интересная планета. Мы и не собирались на нее садиться, но кораблю потребовался срочный ремонт – незначительный и все же требующий остановки.

В справочниках планета, обследованная роботами сто лет

в обед, значилась непригодной для жизни. В качестве аргументов указывалось отсутствие флоры и фауны, полезных ископаемых при наличии воздуха, которым вполне можно дышать. Только кому нынче нужен воздух? Вокруг Земли море планет с прекрасными условиями, а освоено всего с гулькин нос.

Море-то, море, но земляне были единственными разумными в «водичке» космоса. И вот теперь... Неужели?

На первый взгляд все соответствовало справочникам: голые скалистые образования, песок и еще раз песок, вода в виде скудных осадков, нет ни примитивных лишайников, ни простейших одноклеточных. Точнее не скажу, я не биолог. А еще тишина – такая, что становилось страшно.

– Кто это сделал? – повторил Ян.

Мы и не сомневались, что «это» именно «сделано» «кем-то» – не может природа так ровненько «поработать ножовкой», выпилив ровные фигуры, да еще и расставить их по правилам стереометрии...

Дни шли за днями. Давно закончился ремонт, а наша команда ни на йоту не приблизилась к разгадке странных монументов. Их мелкозернистая поверхность, и правда, напоминала спрессованный сахар – настолько прочный, что удалось исследовать лишь крошки. Сканирование показало, что кубики – цельные, однородные, и если в атомах не было ничего необычного, то структура, которую они образовывали,

и её свойства – оставались тайной.

Я маялся от безделья. Сунулся помочь ребятам-механикам – прогнали. Просился войти в исследовательскую группу разнорабочим – лишь посмеялись. Твердое распоряжение Сереги – не занимать художника «ерундой», выполнялось строго. Впрочем, конечно, Сергея Волкова – капитана космического крейсера и моего друга по совместительству.

Решение взять на борт вольного живописца поначалу воспринялось недоуменно. Еще бы! От живописи команда технарей была далека так же, как я от астронавигации и механики. Художествами на корабле занимался только кок Хикомару, украшая воскресные пудинги завитушками крема. Но постепенно напряженность ушла, особенно, когда стены над койками космонавтов стали заполняться этюдами и портретами. И все же парни не бросили привычку замирать у меня за спиной, когда я писал картины, вооружившись компьютерной кистью и выводя сначала на экране, потом на холсте пейзажи посещенных планет. Кажется, они и не дышали совсем, а уж говорили исключительно шепотом, словно у кровати тяжелобольного. Словом, относились ко мне, как к стеклянному, и я то фыркал, то сердился, когда кто-то из технарей застенчиво предлагал понести за меня компьютер или «помыть» кисточки.

Я доказывал Сереге, что все съемки – какие возможно – сделаны, что мои метаэтюдниги переполнились, а кобальтово-маджентные цвета я уже видеть не могу. Напрасно.

Привираю, конечно, планета мне нисколько не надоела, каждый раз я находил все новые оттенки, причудливо смешанные синим небом и оранжевым солнцем. Но нужно время, чтобы хаос в голове сложился и вылился в картины. После тысячи зарисовок, сделанных разными способами, достаточно примитивного блокнота и реликтовых карандашей.

Сейчас, закинув в сумку сухой паек, выданный ворчащим коком («Куда тебя несет, парень?», что не помешало ему всучить флягу с двумя литрами мандаринового компота), натянув шорты и накинув исключительно от солнца куртку с капюшоном, захватив блокнот и карандаши, я снова отправился писать кубики, напутствуемый словами капитана не уходить далеко от разведчиков.

Спустившись в долину, я увидел метрах в двухстах одну из исследовательских групп и, разглядев Яна Тучу, биолога Германа Битова, космолингвиста Марту Кристи, помахал ручкой. Они помахали в ответ, и я отправился бродить между изваяниями в одиночку.

Пальцы переносили на бумагу все те же дорожки песка с пятнами света и тени, четкие линии монументов, а в голове почему-то плыли другие образы, вернее, один – лингвистики Марты, которая мне очень нравилась.

Наконец я устал загребать песок и, привлеченный альмандиновым цветом тени, сел, прислонившись к «рафинаду». Он не был ни теплым, ни холодным, он был никаким. Вообще, я не чувствовал на этой планете жизни ни в чем, кроме

воздуха. Что же они такое, черт возьми? Почему-то подумалось о свалке. А что? Вполне возможно, что белоснежные брикеты – всего лишь отходы какой-нибудь древней разумной цивилизации. Или, может, кто-то сделал запасы непонятного нам вещества, да так и бросил за ненадобностью...

Солнышко ласково пригревало, и незаметно для себя я уснул.

Проснулся от холода – зуб на зуб не попадал. Холода?! Помилуй бог, какой холод на этой планете? Я открыл глаза и ничего не увидел. Точнее, я не увидел привычной картины песчаной долины с кубиками. Вокруг была темнота, наполненная звуками.

Звуками?!

Вокруг скрежетало, скворчало, шуршало, звенькало, тинькало и посвистывало. Если бы я был на Земле, подумал бы, что очутился в лесу. Машинально провел ладонью по тому, к чему прислонялся – на ощупь явно древесная кора. Нет, темнота мешает. Вечная зажигалка в сумке есть, но есть ли сумка? Она оказалась рядом, я достал зажигалку и задумался.

Где же я? Спал ведь недолго, около часа, но за это время каким-то образом оказался далеко от монумента. Или он меня «поглотил»? Возможно, перенес? Зачем? И уж если я в предполагаемом лесу – не привлечет ли свет хищников?

Все же я вырвал лист из блокнота и подпалил его. На

мгновение тьма расступилась.

Лес. Самый настоящий.

Бумага сгорела, но я не стал разводить костерок – уж лучше переждать, должен же наступить рассвет на этой планете?

Ждать – это так трудно!

То и дело я вздрагивал от близких шорохов, пристально вглядываясь в темноту и различая уже в ней черно-серые кусты, ветви, какие-то валуны... Я сильно замерз, устал от напряжения, отчаялся совсем и просто сидел, обхватив колени.

Наконец стало светлеть, и картина постепенно прояснялась. В ней не было еще красок, но уже вполне отчетливо я видел гигантские деревья с кронами, застилающими небо, – у подножия одного из таких исполинов я и сидел. «Валуны» оказались чем-то вроде огромных губчатых грибов. Большие соцветия на кустах потихоньку разворачивали лепестки навстречу утреннему теплу.

Какое здесь все... мощное, колоссальное... Бр-р-р... Если флора такая, то какая фауна? Слава богу, что хватило ума не баловаться огоньком.

Я постепенно согревался и понимал, что пора идти. Куда? К своим, конечно. Я вздохнул – ну как в сказке, долго ли, коротко искать-то буду? Обследовав сумку, понял, что придется пускаться в путешествие практически налегке. Паек и компот – это хорошо, зажигалка тоже, блокнот и карандаши вряд ли помогут выжить, а уж набор ниток и иглол – разве что крючок удастся сделать – рыбы наловить. Я представил,

какая тут рыбка может ловиться, и снова вздрогнул. Впрочем, нитка с иголкой пригодились. Оторвав у куртки подклад рукавов, я удлинил шорты – все же ноги теперь не голые – и зашагал куда глаза глядят.

Лес вокруг меня наполнялся красками, и я дико жалел, что нет компьютера, хотелось сразу же запечатлеть диковинные картины: лазурно-зеленую, муаровую, шартрезную листву; пятнами гуммигута и киновари вспыхивающие то тут, то там цветы с черными бархатными сердцевинками; нежно-прозрачные, на удивление узкие ручейки. Я приметил и насекомых – что-то среднее между стрекозой и бабочкой, радужное и быстрое, и гигантских пушистых сливочных многоножек, чьи рты напоминали распахнутые кошельки, и птиц, кажется. Если бывают птицы с зубами, конечно. Во всяком случае, зубастики летали.

«Парк Юрского периода», – подумал я и остановился, едва не вляпавшись в голубую паутину, которая больше была похожа на растянутую между деревьями рыболовную сеть, где уже трепыхалась стрекобабочка, ну да, размером с орла.

Меня остановил звук. Словно набегающая на гальковый берег волна, он начинался басовито – «И-И-И-И-И-И-И-И...», потом тоненько и жалобно – «и-и-и-и-и-и-и-и-и-и...», затем уже вовсе еле слышно, печально и безнадежно – «и-и-и-и-и-и-и-и-и-и...». И все сначала. Показалось, что кто-то стонет и зовет: «бо-о-о-о-о-ольно!»

Идти на звук я не собирался – мало ли как тут заманивают

доверчивых жертв, но ноги сами вывели на край овражной прогалины, а за нею... Мама моя! Я осторожно выглянул из-за кустов и увидел монстра.

Огромная туша – размером с четыре хороших шкафа – лежала, видимо, на животе. Она была покрыта белой шерстью или перьями – не разобрать, на меня смотрела вытянутая «баранья» морда, которую вместо рогов венчали уши древней игрушки Чебурашки, кожаная бежевая носопырка, тоже бежевая складка губ, черная сомкнутая линия глаз. Именно эта туша и издавала жалобный, ковыряющий душу звук «и-и-и-и-и-и-и-и», а еще она колыхалась, словно медуза.

Я сделал пару шагов в сторону, снова выглянул. Да. Теперь я понял, что произошло. Зад туши накрыт свалившимся стволом дерева – нехилым по объему. Больно, конечно. Вероятно, дерево придавило монстра и раздробило лапы, если они у него есть – передних, во всяком случае, я не видел.

«Э, парень, вряд ли чем могу помочь», – подумал я, на автомате отнеся чудовище к мужскому полу. Существо вдруг распахнуло глаза, и я замер. Это... Это надо видеть, словами не передать. Огромные, с велосипедное колесо печальные очи с длиннющими спицами-ресницами – мокрыми, глянули прямо на меня. Полыхнул нежный голубой цвет с темным пятном зрачка.

Не знаю, что случилось, куда исчезло чувство осторожности, но через две секунды я уже стоял рядом с существом,

всматривался в потрясающие жалобные глаза и трогал на-шлепку носа со словами:

– Больно тебе, парень?

– Бо-ль-но те-бе па-ре-нь...

Я подпрыгнул на месте. Это кто? Местный попугай?

– Больно тебе... больно тебе, – твердил монстр певучим, немного механическим голосом, похожим на женский.

– Погоди... – я поднял руку, и туша тотчас умолкла.

– Ты кто? Ты разумный? – глупость, конечно, сказал, но как-то само вырвалось.

– Больно, – повторил он.

Я не успел отреагировать, как из шерстяной копны вы-сунулись две тонкие лапы, покрытые белесой шерстью, на концах по четыре пальца, снабженных когтями величиной с книгу. Одна обхватила бедро, а другая... Другая лапа вдруг прикоснулась осторожно, погладила по груди, замерла, сно-ва погладила, и обе «руки» убрались обратно в шерсть.

– Сейчас... – я засуетился, – сейчас попробуем что-нибудь сделать.

Что я мог сделать? Вот бы тут команду космического крейсера – две минуты, и существо было бы освобождено. Дерево мне не поднять – факт. Все же я толкнул его ногой.

К моему удивлению, ствол покачнулся. Я обрадовался, от-ломил толстую сучковатую ветку и стал действовать ею, как рычагом. Через час пыhtения усилия увенчались успехом – я умудрился сдвинуть ствол и скатить его с лап монстрика.

Все это время я разговаривал с ним. Конечно, он ничего не понимал, но мне почему-то было так важно сказать, чтобы он терпел, чтобы не отчаивался. Я пел песни, подбадривая, прежде всего, себя, болтал без умолку, рассказывая обо всем на свете: о космосе, о работе художника, о прекрасной девушке Марте и друге Сереге.

Как только я вытер пот со лба, существо тоже заговорило:
– Парень?

Мне послышалось, или в его голосе явно прозвучала вопросительная интонация?

– Не... больно... – сказал он, вздыхая совсем по-человечески. – Серега будет рад... и Марта...

Вот это да! Он усвоил произнесенные мною слова. Мало того, он смог из них сформулировать предложения. Вполне разумные. Но это я осмыслю потом – теперь нужно заняться его ножками.

Для такого большого существа ножки были маленькими – толщиной с нашу березу, но короткие – не больше метра. И как он на них ходит-то?

– Перебинтую, ладно? – зачем-то спросил я.

Барашек, – а монстр был очень похож на огромного барашка в помеси с медузой – незамедлительно ответил:

– Бин... – он немного замешкался, – туй...

Ух ты, он еще и морфемы распознал! Теперь я не сомневался, что передо мною разумное существо. Биолог Герман плясал бы от счастья – первый же контакт! Но добраться до

своих оставалось мечтой.

Я сломал две толстые ветки, насобирав листьев, каждый из которых мог бы с успехом заменить крыло походной палатки, каких-то ползучих растений, подобных земным лианам. Соорудив немудреные шины, я вновь очутился перед мордой «барашка»:

– Как ты, малыш?

– Есть только миг между прошлым и будущим, – пропел «малыш» величиной с четыре шкафа, но трудно иначе называть существо, которое ты практически спас. Барашек неуверенно добавил: – Именно он называется жизнь.

– Ты прав, – расчувствовался я, – все же кто ты?

– Все же я дуль.

Дуль... Понятно, что ничего не понятно.

– А ты? – спросил барашек.

– Я? Человек – Тим, Тимофей.

– Ты один в трех?

– Нет, не бери в голову, просто Тим. – Вот бы сюда лингвиста Марту, она бы вмиг нашла с ним общий язык.

– Простотим, – малыш вдруг по-земному захныкал, – есть хочу...

Я, между прочим, тоже.

Сухой паек барашка не устроил, мандариновый компот пришелся по вкусу, но что такое два литра для такой туши? С трудом проглотив саморазогревающиеся консервы, я огляделся – и чем его кормить?

Он помог, указав лапкой на разлапистый куст. Я сорвал. Барашек устроил нечто в виде плача. Да что такое? Из невразумительных объяснений я все же понял, что должен пере-тереть эту флору. Это как? Я попрыгал на сорванном кусте, потоптался, задом даже поприминал, ругаясь про себя, измочалил, короче, всю листву, но именно в таком виде куст употребился монстриком на ура...

Несколько суток по земному времени барашек не мог тронуться с места. О чем мы только ни говорили! Я рассказывал ему о Земле. Рисовал в блокноте города, дома, портреты, вещи... космический корабль...

Помню беседу о государствах – ну никак он не мог понять, что такое «страна», «власть», «деньги». О политике малыш сделал странный вывод:

– А... когда ты имеешь то, чего нет у других, но что им нужно, и при помощи этого ты просишь их сделать то, что нужно тебе?

Я сомневался насчет «просишь», однако поправлять не стал, больно тема скользкая для обсуждения разными формами жизни.

Не менее интересным был разговор о родителях. Я скучал отчаянно не только по команде корабля, но и по Земле, по маме и отцу, которых давно не видел, а потому часто их рисовал.

– Мама – это то, от чего ты отделился, – как-то заметил

малыш. – А папа кто?

– Папа? Ну... это... человек, помогающий отделиться, – почему-то сведения о хромосомах не представлялись мне важными. – Он потом помогает отделенному существу расти, развиваться. Если только способен, да... – запинаясь, ответил я.

– Ты папа? – передние лапки барашка сплелись в восхищенном жесте.

– Нет, я еще... нет.

– Но ты же мне помогаешь развиваться?!

– Ах, в этом смысле? Ну, наверное.

– У меня нет папы, – глаза барашка увлажнились, – и ни у кого нет.

Надо сказать, я мало понял из того, что он рассказывал о своем обществе, ведь малыш пользовался лишь моими словами. И фраза «у нас мама – капитан политики сущего» мне ни о чем не говорила.

Он долго не мог понять, что такое «имя», в его разумении значения слов «человек» и «Тим» оставались едиными. Когда же малыш уяснил, что Тим, и Марта, и Сергей, Ян, Герман – слова, принадлежащие только их носителю (я умолчал, что они могут и повторяться), он пришел в восторг, стал издавать странные квохчущие звуки. Так я понял, что барашек умеет смеяться.

– Меня зовут Дуль, Дуль меня зовут... Человек Тим не забыл? – спрашивал малыш время от времени, озабоченно

склонив огромную голову и шевеля ушами. Я заверял его в этом, и он счастливо вздыхал, обдавая меня запахом травы.

Иногда Дуль капризничал и требовал мандаринового компота. Убедившись, что я его не вырабатываю, он начинал хлюпать носом, и я переводил разговор на другое.

Немало волнений вызывали истории о живописи. Барашек не представлял, что такое «художник», а когда понял – восхищению не было предела. Он пробовал рисовать в блокноте, но, кроме вихлястых линий и закорючек, у него ничего не получалось. Малыш снова начинал плакать, а я принимался его кормить, потому что вид голубых печальных глаз лишал силы воли.

Если я правильно посчитал, Дуль был старше меня лет на сто, но по меркам этой планеты – малышом, по земным – лет пяти, не больше, однако смысленый не по годам (или не по земному, наверное). Дуль запоминал мгновенно слова, вычленял морфемы и строил словоформы, ассоциативное мышление тоже не было ему чуждо, как и логика, иносказания он расшифровывал мастерски, и ему ничего не стоило бы писать стихи, если бы он захотел...

На пятые сутки мы пошли. Вернее, пошел я, а он пополз рядом, отталкиваясь лапками и указывая путь. Если я все правильно понял, шли мы к городу цивилизации дулей, а уж что там меня ждет – одному богу известно. Двигались медленно, малыш часто отвлекался. Мне то и дело приходилось

очищать его шерсть от цепляющихся растений, извлекать из лапок колючки и оттаскивать от рассматривания бабочек. В душе я надеялся, что именно дули помогут мне попасть назад к крейсеру.

Паек кончился еще в первый день пребывания в лесу гигантских деревьев, я жевал вместе с Дулем растения, которые он выбирал, и пил воду из ручейков, при этом совершенно не чувствовал себя голодным.

Я пытался выяснить, почему его никто не ищет, но малыши или скрывал причину, или же, скорее всего, не мог объяснить. Для рассказа о собственном городе барашку не хватало слов – «большой дом», «большая мама», «большой камень», «большая вода» мешались в его речах с фразами из земных песен, которые я напевал себе под нос.

Ночью мы отдыхали. Нисколько уже не боясь огромного малыша, я зарывался в мягкую белую шерсть и сладко спал до самого утра.

Днем я был настороже, он – нет. Я так и не смог объяснить барашку, что такое «хищник». К удивлению, помогла древняя игра «камень, ножницы, бумага». И однажды Дуль насторожился, замер, уши встали торчком, кожаный нос смешно задвигался. Он молча показал, как ножницы режут бумагу, и мы тихонечко миновали опасное место. Тихонечко! Мне казалось, что ломимся сквозь чашу, как стадо слонов. Однако я догадался, что хищников в нашем земном понимании тут нет, но есть странные формы жизни, которые лучше

обойти стороной.

Через несколько дней лес поредел, между кронами все чаще стало появляться неистово-синее небо, и вскоре мы вышли на песчаный берег бескрайнего моря такого пронзительного лазурного цвета, что я на мгновение прикрыл глаза. Но не морю я удивился. Вдали громоздились причудливые сооружения из черного камня, блестящие под солнцем: воздушные арки, башни, странные пирамиды – дома, возможно; колонны и портики, увитые алыми, желтыми, фиолетовыми растениями. А между ними покачивались белоснежные местные жители – дули. И все это было таким... ну да... «большим», что я вновь почувствовал себя Гулливером в стране великанов.

– Как меня тут примут? – пробормотал я.

Малыш тотчас подхватил слово:

– Примут? Что значит «примут»? Будем жить, друг Тимоха, – получилось так похоже на Серегу, что я расхохотался.

Встречать нас вышло целое «стадо» гигантских симпатичных овечек – дулей. В отличие от малыша, они не ползали, а крепко стояли на колышущихся лапах. Одна из них – ростом с двухэтажный дом – вышла вперед и что-то пропела низким голосом.

Малыш ринулся к ней, я за ним. Я ведь мог его запросто потерять среди овечек, как китайца среди китайцев.

Мой Дуль прижимался к белой «копне» и тоже что-то пел, так долго, что я не выдержал:

– Это твоя мама, Дуль? Что ты ей сказал?

Он обернулся, на меня глянули полные счастья «велосипедные» глаза:

– Я сказал маме, что ты, Тим, наш папа!

Всего два часа потребовалось новоявленной «супруге», чтобы мы смогли более-менее объясняться. А через неделю я уже был в городе дулей своим... э... «дулем».

В каждом доме нас с барашком встречали как героев. Оказалось, что это у них экзамен такой – отправить ребенка неизвестно куда, чтобы он принес «мысль». Хороши взрослые, нечего сказать. Вместо «мысли» малыш привел папу, чему все были несказанно рады.

Дули – сплошь женщины, возможно, иные, чем на Земле, но все же они знали, что такое «он». Только их «мужчины» неразумны. Они – всего лишь сгусток белой субстанции, вырабатывающийся у овец раз в три земных года и затем дающий начало новой жизни. Получается, что овечки рожают дважды – сначала «мужа», потом ребенка. Но субстанция чрезвычайно капризная, поэтому детей у дулей мало.

«Мысль» для них – главное. Я бы назвал цивилизацию дулей, прежде всего, духовной. Размышления и созерцание – основа жизни, а наука и техника – лишь необходимое ремесло. Жилища просты, вещи непритязательны, большую часть времени овечки проводят в коллективной медитации, приходя в эйфорию от неожиданной интересной идеи.

Хозяева часто зависали, принимая гостей – меня и Дуля, поскольку мы приносили много «новых мыслей», и овечки с наслаждением часами обмусоливали каждое наше слово. В результате мы оказывались предоставленными сами себе, и тогда малыш показывал город.

Рисовать дули не умели, но оценить творчество – это они могли. С благоговением мой блокнот осторожно передавался из лап в лапы, дули приглушали голос, разглядывая наброски на малюсеньких листочках, чем напоминали мне друзей с крейсера. Карандаши вызвали такой трепет и восторг, что постепенно я их раздарил, оставив себе лишь простой.

Каждому из дулей я задавал вопросы: как попал к ним с планеты песка и белых кубиков? Как туда вернуться? Понял лишь одно – в их мире никаких кубиков нет. Много позже до меня дошло, что земное слово ни о чем барашкам не говорило, и то, что я называл «кубиками», имело для дулей другой – глубинный смысл.

Как-то мы с малышом забрели в район города на самой окраине, в котором я еще не был.

Здесь возвышались гигантские сооружения, напоминающие наши теплицы, накрытые прозрачными стеклянными куполами, только пустые, совершенно пустые. И вдруг в одной из них я заметил знакомые белоснежные кубики!

Обогнав Дуля, я ворвался в «теплицу». Точно, это они – стоят на песке. Правда, один словно бы недоделали, наверху

«сахар» еще не спрессовали, а просто насыпали кучами.

– Что это? – спросил я барашка.

Он молчал. Он словно не смел приблизиться к изваяниям, топтался у самого входа в «теплицу», но порожек не переступал. Огромные глаза повлажнели.

– Тим... – наконец шепотом сказал Дуль, – рано еще... прощаться...

– Прощаться? Я не собираюсь с тобой прощаться. – О чем это он? Может быть, кубики опасны?

– Не с тобой. С ними...

– С кем – с ними? Что это?

– Это дуль и дуль.

– погоди, малыш, ничего не понимаю, вот этот белый брикет – дуль?

– Да... души дулей...

Мама моя! Так это гроб? Но почему – такой? А там, где крейсер, там – кладбище?

Мысли хаотично напознали одна на другую, был бы я местной овечкой, вмиг бы их рассортировал, а так... Я присел возле незаконченного монумента, прислонился, задумался. Казалось, вот-вот – и все тайны невероятной планеты откроются.

– Ти-и-и-им... нельзя... Тим, нельзя... прощаться... нельзя... – барашек маячил у входа, вытягивал шею, пел еще что-то жалобно и тонко. Тише и тише...

Глаза закрылись сами собой, и Дуль говорил уже в моем

сне, полном светящихся радужных линий, кругов и треугольников. Странные слова он произносил, что-то вроде «Тим! Тим! Ты жив! Тим! Все сюда! Здесь Тим!», и голос барашка был удивительно похож на голос Марты...

Потом я сидел в кают-компании – свежевывмытый, завернутый в большое полотенце, накормленный до отвала – и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Удивлялся временами, какое вокруг все маленькое и компактное.

В экспедицию к Дулям меня решили не брать.

– Они тебя оценили, – сказал Сергей, – пусть нас теперь оценят. И так придется пережить их медитации, а время дорого. Ты лучше скажи, что дулям будет интересно в качестве подарков?

– Мандариновый компот, бумага и карандаши, – не сомневаясь, ответил я.

Группа вернулась через неделю тихая и задумчивая.

На сей раз совещание было не всеобщим. Ян Туча, Марта, Герман, я и, конечно, капитан закрылись в рубке.

– Тим, загадка с кладбищем теперь понятна, – говорил Ян, – параллелепипеды действительно являются переработанным телом умершего дуля, причем такого состава, что наши ученые за него жизни отдадут.

– А дули позволят? – робко спросил я.

– Вряд ли, они считают, что создают вместилище для ду-

ши, мало того, утверждают, что могут общаться с нею, – Марта вздохнула.

– Общество, не имеющее врагов, – никаких, – добавил Герман, – а теперь вот мы нарисовались.

– Земляне ведь тоже не имеют внешних врагов, – начал старпом Ян, а капитан закончил: – И создавали врагов на протяжении всей истории в рамках своего же общества.

Ян Туча пожал плечами:

– Слава богу, войны в далеком прошлом, но вот боюсь, – он встряхнул рыжей шевелюрой, – наш патернализм уничтожит дулей почище оружия.

Точно! Я приуныл. Значит, овечки обречены? Человечество замучает дулей отеческим отношением, воспитанием, навяжет свою мораль, нравственность, законы. Овечки ведь будут впитывать каждое слово! Хотел бы я оказаться на месте дулей? О, нет! Я-то давно уже вышел из-под родительской опеки. Елы-палы! А я как себя вел с ними?! Разве не так? Неужели подсознательно во мне тоже заложено желание быть «великим наставником»? Нет! Просто же встреченный дуль оказался действительно малышом и... Я окончательно запутался.

Сергей покачал головой:

– Нет, не верю. Если им что-то не понравится, дули попросту перенесут себя в другой мир.

– В другой мир?! – я раскрыл рот.

– Ах, да, – улыбнулся Волков, – ты же еще не знаешь. Дули

умеют создавать новые миры. Но они им не нужны. Разве что кладбище. Мы бы с ними встретились рано или поздно. Ритуал прощания прост. Дули садятся вокруг кубика, то есть души, и все вместе думают, а потом – вжик – и уже в другом мире. Как? А черт их знает, как. Потом снова прощаются уже здесь, снова думают и переносятся к себе.

– И все же нужно создать глобальную группу, отстаивающую права дулей, – сказал Герман, – на всякий случай. Вот только что теперь с Тимофеем делать, не знаю, – он почесал затылок.

– А что со мной делать? – вскинулся я. – Все же нормально, я с ними подружился и...

Ребята смущенно переглянулись. Капитан вздохнул.

– Попал ты по-крупному, Тимоха, – Серега сказал так, словно мы были наедине. – Понимаешь, дело в том, что «папа» у них – это вовсе не то, что ты думаешь. Марта лучше объяснит.

– Что тут объяснять? – Марта вдруг погладила меня по голове и улыбнулась: – Самый близкий аналог – это слово «бог». Знаешь, и хорошо, что их папа – ты.

Несколько дней на Земле шумел праздник. Незнакомые люди подходили друг к другу на улицах и обнимались со словами «Мы не одиноки!». Потом начались экспедиции, и, пожалуй, это овечки воспитывали людей, а не мы их. Один раз приняв «мысль», понимая ее множественность, дули при-

держивались фундаментальных основ, пошатнуть эти основы, как и использовать для науки кубики, не было никакой возможности.

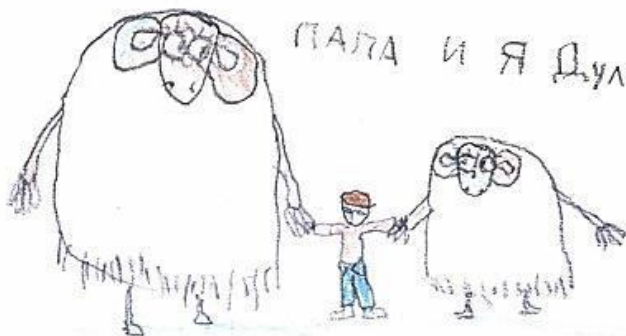
Недавно мне пришло письмо. Его доставил капитан Сергей Волков, вернувшийся из очередного путешествия. Из конверта выпал листок.

На рисунке держатся за руки-лапы: огромный дуль, маленький человечек, дуль поменьше. Фигурки подписаны: «Мама, папа и я – Дуль!»

Я сидел и улыбался как идиот. Какой же смысленый у меня ребенок. Прямо божественный дар!

МАМА

ПАПА И Я ДУЛЬ

Мария Дышкант

Автор и критик на Синем сайте, курсант «Мастер текста». Пишу фантастику и фэнтези, иногда реализм, публикации, в основном, сетевые. Стараюсь создавать что-то необычное, удивлять читателя.

По профессии – филолог английского языка, также знаю немецкий, преподаю и занимаюсь переводами. Обожаю путешествовать. И, конечно, книги – куда без них.

Почитать можно здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/Amaretto.html/>

Когда сам себе преграда

Марк раньше не задумывался, что расположение лица собеседника играет столь важную роль. У большинства инопланетян голова размещалась над телом, а ульфурыцы принадлежали к исключениям, у которых лицо находилось в центре туловища. Из горба на спине поднимался нарост, что нависал подобно склонившемуся подсолнуху. Эффектности придавала бордовая кожа.

Трудно комфортно общаться и при этом смотреть собеседнику в глаза. Марк, как ни старался, не мог придерживаться всех правил этикета в один заход. Да что с него взять – одного из самых никудышных студентов группы.

– Гладко пожаловать, – парнишка вымолвил приветствие, которое для этой расы советовали в учебнике. Оставалось надеяться, что ульфурец не решил, будто на него смотрят сверху вниз. Довольное урчание инопланетянина намекнуло, что пока всё в порядке. – Прошу, следуйте за мной в главный зал.

Радовало, что сорок лет назад изобрели портативный синхронный переводчик – и уже не надо было учить языки. Марк мечтал, что скоро появится и портативный корректор манер... Хотя он о многом мечтал. Например, о том, чтобы научиться ничего не портить. Всю жизнь к нему липли неприятности, как слизистые конечности ульфура к полу.

Как только ульфурец развернулся, глазастый живот исчез из виду, а ощутил прилив уверенности. Ну что, первый пункт выполнен без происшествий. Он шагал по коридору, ульфурец молча скользил следом.

«Так, что там у нас дальше? Ага, предложить еду или напиток. Эти ребята любят всяческие жидкости, а также...», – готовился Марк, но чувство подзабытой детали на эту тему вернуло неуверенность.

Они уже оказались в главном зале, где блуждали сотни две гостей с разных планет. Некоторые оживлённо болтали, остальные со скучающим видом угощались лёгкими закусками и напитками. Все убивали время перед началом конференции.

Ульфурец тихонько гудел – надо было что-то уже принимать.

– Прошу, угощайтесь, – взвизгнул Марк, едва увидев самопередвижной поднос с прохладной водой. Он ухватил стакан в форме шарика, затем опомнился и учтиво подал ульфурцу с отрепетированной улыбкой.

Пространство пронзил сигнал разрушающей громкости. Марк хлопнул себя по лбу. Всё вокруг зашаталось и поплыло... Наполненный множеством разноцветных гостей зал осыпался квадратиками пикселей. Открылся вид на простенькую комнатку с незаправленной кроватью, длинным рабочим столом и встроенным в стену компьютером. Круглое окошко было прикрыто, а помещение освещалось голубым

светом экрана. Раздался невозмутимый женский голос:

– Ошибка номер тридцать два, раздел – ксенобиология, параграф «Ульфурцы».

– Опять! И что же я натворил? Разве они не любят напитки? – завыл студент.

– Любые, в которых нет лёгкой воды, Марк. Для них это яд. Твои действия могли рассмотреть как попытку отравить гостя. Что могло спровоцировать межгалакти...

– ...ческий скандал, – Марк передразнил виртуальную ассистентку. – Загружай ещё попытку.

– Это невозможно. Ради сохранения психического здоровья не рекомендуется использовать симулятор более пятнадцати раз подряд. На ближайшие два часа ты использовал все попытки.

– Да катись ты пропадом!

– Я не понимаю твою просьбу, Марк.

– Прости, это не твоя вина, – парень расстроено плюхнулся на кровать.

Конференция в Академии, которая одновременно станет Экзаменационным испытанием, уже завтра. Каждый студент должен проявить себя перед гостями как знаток базовой ксенобиологии, ксеноэтикета и фундаментальной ксенокультуры, иначе его не допустят к дальнейшему обучению. Обидно будет, если из-за дырявой памяти Марк потеряет два года и надежду на успешное будущее. На повторный курс не хватит денег. Мечты о карьере полетят ульфурцу под «шапку».

Радовало, что сопровождать нужно будет только одного инопланетянина, но кто именно попадётся из шестидесяти трёх известных рас и множества их разновидностей – это уже исключительно воля случая.

– Дай мне повторную сводку о видах класса «Г», – устало пробормотал Марк, который так просто сдаваться не собирался.

– Непременно, – ответила ассистентка.

Итак, костюм официальный, но не вычурный. Рубашка либо серая, либо голубая – белая считается страшным неуважением у пректонийцев. Марк задумался и выбрал светло-серую. Он начистил туфли кремом без специфического запаха, чтобы адальмиты не опьянели. Рыжие непослушные кудри набрызгал специальным закрепляющим средством, потому что пышная причёска может напугать цееукарцев. Ровно сутки не употреблял молочные продукты, дабы мог находиться рядом с нотерами. Кажется, к великой межгалактической встрече готов.

Марк снова и снова прокручивал в голове все правила поведения, периодически выпрашивая у компьютера успокаивающие или мотивирующие фразы.

– Ты упорно трудился и всё выучил. Никаких проблем не возникнет, – уверяла виртуальная помощница. – Ты всё преодолеешь. Я уверена.

– Спасибо. Ну, ни пуха, ни чёрта!

Студенту хотелось верить в её слова, вот только он, к сожалению, хорошо знал о силе своего невезения. Да, Марк был именно тем парнем, у которого во время выступления на конференции случалась отрывка, а на тестах глючила программа. Тем, кто на свиданиях говорил странности и глупости, да ещё и непременно что-то опрокидывал, повышая уровень неловкости до такого, что девушкам приходилось вежливо прощаться. В общем, нелепые случайности издевались над студентом, как могли.

Поэтому Марк не удивился, когда на экзамене его специальным гостем стала фичиянка – представительница расы с самыми запутанными, перемудрёнными требованиями и поведенческими выходками.

Жители планеты Фичи походили на людей, но пафосность следовало умножать на десять. К их внешности, однако, было нетрудно привыкнуть. Кожа – лилового оттенка, волосяной покров отсутствовал, уши – огромные и формой напоминали слоновьи. Пальцев на руках и ногах – по шесть, они расходились шире, чем человеческие.

Гостя Марка легонько мотнула головой, от чего украшения на ушах тонко зазвенели. Внимательный взгляд воткнулся в растерявшегося студента. Он чувствовал, что не захочет вспоминать об этом дне. Стоило прозевать одну крохотную мелочь – и фичиянка этого не простит.

– Высокоблагородно пожаловать, мы непомерно рады встречать Ваше мудрейшее сиятельство здесь, – откланялся

Марк, загребая воздух руками, как ластами, чтобы выразить почтение по-фичийски. В мыслях проносилось: «Пожалуйста, пусть всё пройдёт без подставы. Разве я о многом прошу? О, Вселенная, сжался!»

Дама скептически осмотрела сопровождающего, поправила золотистую мантию и кивнула:

– Кракаварьену Орцекирига, – согласно обычаю гостя представилась первой.

– Марк, ваш смиренный помощник на благопочтительный сегодняшний день, – студент выговорил заученную фразу, задумывшись, надолго ли хватит сил и как скоро язык начнёт заплетаться. Тогда Марк позабудет всё выученное и будет кричать совсем не фичийскую чушь.

Оказалось, в главном зале не так уж и страшно. Марк провёл гостью без происшествий и умудрился ничего не перепутать с угощениями. Это был уровень, которого студент не достигал даже на симуляторе. Собственно, обстановка в зале почти ничем не отличалась от той, которую он видел в программе во время тренировок. Невероятных размеров комната с выходом на террасу, где можно было полюбоваться сиреневым небом с тремя небольшими лунами и живописной природой местности, знаменитой своими вечноцветущими садами. Везде блуждали подносы с закусками со всех уголков галактики и таким выбором напитков, что не хватило бы и дня перепробовать.

Гости шуршали перьями, трепетали, щёлкали, стучали

когтями, жужжали, бурчали, звонко пищали, рокотали и ухукали. От разнообразия цветов, звуков и форм голова студента, привыкшего видеть не более пяти-шести рас в одном помещении, кружилась больше, чем от книг. Удивительными были различия в движениях: некто казался медленной каплей, лениво ползущей по стене, а кто-то резвой беспокойной мухой, выскакивающей то тут, то там. Люди и гуманоиды со своей средней скоростью растворялись в какофонии кипящей жизни, смешанной с неспешным расслаблением. В реальности это всё сводило с ума.

В отличие от симуляции, теперь, помимо гостей с разных планет, вокруг блуждали одnogруппники, которые тихонько шептали что-то, пересекаясь, или подмигивали. Ощущение поддержки немного успокаивало. Сосед Марка по общаге, проходя с гостем-рептилоидом мимо, показал первый из двух пальцев и подмигнул, махнув зелёными ресницами – послышался тонкий звук, как от струны.

Марк завистливо посматривал на везунчиков, кому достались гости, проживающие в их участке Объединения – с такими-то и в Академии вместе учишься, и лучше знаешь, чем тех, кого только на экране видал. Как фичиянцев.

– Я бы благожелала посетить концерт милоуюйских танцев, – важно заявила Кракаварьену. Нежно-розовые веки быстро зашевелились на чёрных глазах.

– Любая ваша просьба... – Марк продолжил говорить красиво и учтиво, но его перебили.

Надо было не по сторонам глядеть, а под ноги! Там гуляли небольшие по размеру гости, нимчики, которые едва доставали людям до колен и напоминали земных кузнечиков. Их тонкие хрупкие тельца были еле заметны. Сложности добавляли неконтролируемые способности к маскировке, из-за которых нимчики почти полностью сливались с окружением. Марку не повезло: только успел убрать ногу, как повалился на Кракаварьену.

В учебниках не говорилось, что у фичиянцев тело, как бабуг. Впрочем, если они не терпят прикосновений ни от кого, кроме самых близких, то как об этом узнать? Марка на мгновение вжало в гостью, а затем откинуло на пол. Да, потолки со светящимися разноцветными пузырями – прекрасный выбор для украшения зала. Он резко вскочил и отметил, что физического урона Кракаварьену не нанёс. А вот экзамен явно провалил. Фичиянцы считают подобные казусы страшным оскорблением.

Обиженный нимчик что-то пропищал и поскакал дальше. Студент на этом попадался раз пять на симуляторе, а в голове всё равно не отложилось.

Марк решил, что можно хотя бы сохранить достоинство, потому постарался говорить прежним тоном:

– Величаше-глубочашие извинения за неловкий инцидент. Прошу, сейчас почтенно проведу вас на концерт.

– Слова не соблаговолят окупить этот осрамительный ущерб! – фыркнула фичиянка.

Сгорая со стыда, Марк обречённо побрёл прочь из зала, к лифту. Кракаварьену брэнчала от недовольства, но от проводника не отставала.

Студент почувствовал прилив облегчения и надежды. Он попытается исправиться. С намерением вести себя как можно лучше парень вызвал лифт, затем пропустил даму вперёд, как только двери отворились. Никто из них, смущённых происшествием, не заметил мигающей красной точки сверху. Кабина дёрнулась и начала подниматься. Как раз за секунду до того, как отдел техобслуживания обработал сигнал об ошибке и принялся отлаживать систему.

Освещение предательски заморгало. Раздался скрип. Кракаварьену вопросительно взглянула на Марка, он постарался сохранить самообладание. Свет погас, лифт с едва слышным стуком остановился.

– Блок шестнадцать-А, – настойчиво повторил студент. Машина не среагировала.

Кракаварьену молчала. Марк активировал смарт-экран на запястье и с ужасом обнаружил, что связь заблокирована. Это означало не только, что он не может обратиться к техподдержке, но и что переводчик отключился. Лифтовый компьютер не работал. Освещение, хоть слабое, но оставалось.

– Госпожа, вы меня понимаете? – спросил парень тихо-тихо, сглотнув.

– Гнурчар пыхтыр.

– Ясно, – студент потёр переносицу.

– Киерькар? – гостья говорила уже безо всякой надменности. Вид у неё, по правде говоря, был испуганный: тонкокожие уши вибрировали, глаза зажмурены розовой перепонкой. Кракаварьену медленно осела на пол.

– Что? – Марк растеряно осматривал лицо фичиянки. Он вспоминал – тут явно было что-то очень важное в их поведении. – Точно, фобия!

Этот народ побаивался закрытых пространств. Поэтому перелёты в космосе они совершали спящими – от первой и до последней минуты путешествия. Благо, средства погружаться в искусственный сон имелись. Лифты обычно работали быстро, фичиянцы не успевали запаниковать, но поломка – это длительное заточение, где даже такие натренированные миссиями на дальние планеты особы, как Кракаварьену, могли потерять контроль над эмоциями.

Марк присел на корточки напротив гостьи. Её уши скрутились в трубочки. Перепонка-веко на левом глазу отъехала, открывая черноту.

– Не волнуйтесь, всё будет хорошо. Сейчас я придумаю, как выйти, – он старался придать голосу уверяющий и успокаивающий тон.

Инопланетянка кивнула, но глаз зажмурила снова. Её начинало серьёзно потряхивать. «Ну надо же, а в начале Экзамена дрожал я», – без злорадства, скорее со вздохом понимания, подумал студент.

Осмотрев лифт, Марк попробовал раздвинуть двери вручную, но те были заблокированы. Он метнулся к спасательному люку, отворил. Радуюсь, что выбраться будет несложно, посигналил стуком, чтобы Кракаварьену открыла глаза. Студент ткнул в полумраке на отверстие внизу, достаточного размера, чтобы каждый из них по очереди пролез.

Она недоверчиво покачала головой и снова зажмурилась. Конечно, это ещё более страшное закрытое пространство. Марк раздражённо вскинул голову. Хотелось вложить в жест максимум театральности, а получилось только удариться затылком о стену.

Потирая и без того разболевшуюся голову, студент попытался успокоить себя мыслью, что сейчас в Академии многолюдно, поэтому лифты долго не пустуют. Скоро кто-нибудь заметит поломку, и их освободят. Оставалось только успокоить бедную Кракаварьену, которая испуганно забилась в уголок. Подумать только, каких-то пятнадцать минут назад она надменно выдвигала пухлый подбородок и вертела носом, будто королева галактики. Теперь вызывала... жалость.

Марку захотелось развеселить гостью. Куда там госпожа собиралась? На концерт? Ага! Милоуюйские танцы, как ни странно, были чуть ли ни единственными в инопланетных культурах, о чём Марк знал буквально всё. Когда в соседней комнате общежития обитает именно такой танцор, намотришься и наслушаешься всякого.

– Милоуй, – постарался чётко и громко, как при объяв-

лении концертного номера, выговорить парень.

На знакомое название Кракаварьену среагировала моментально. Она подняла голову, разгладила хрупкими пальцами уши.

Марк не был уверен, что технически танцевал правильно, зато ритм отстукивал носочками туфлей как сосед за стеной. Студент резво размахивал руками, улыбался в надежде, что задор перейдет на гостью.

Кракаварьену успокоилась, кажется, перестала трястись. Её уши поднимались и опускались, словно птичьи крылья. Такой вид аплодисментов, наверное?

Впрочем, Марку уже было всё равно. Он знал, что с треском провалил экзамен, и хотел хотя бы насладиться моментом. Милоуйские танцы, как говорили, обладали магией, которая снимала тяжкое бремя и с души танцора, и с души зрителя.

Загорелся свет, лифт тронулся, а студента, который как раз совершил танцевальный прыжок, подбросило в воздухе. Приземлился он не самым мягким образом. Второй раз за день.

Гостья расхохоталась. Кракаварьену залилась таким диким смехом, что Марк, ранее не подозревающий о необычной стороне серьёзных и напыщенных инопланетян, испытал шок. Если учесть, что фичиянский смех напоминал скуление собаки, то шок – это даже мягко сказано.

Кракаварьену затихла так же внезапно, как и рассмеялась.

Лифт выпустил студента и гостью из металлической пасти. Фичиянка невозмутимо и пафосно, как обычно, направилась к ярко-голубому баннеру с объявлением о танцевальном шоу. Марк погрузился, понимая, что танец, пусть даже известный во всей Вселенной расслабляющим действием, мало что мог исправить в сегодняшнем дне. С другой стороны, его распирала гордость – ведь он сделал то, чего ранее не мог никто: заставил фичиянку хохотать!

Весь концерт и после Кракаварьену молчала. Студенту оставалось только отвести гостью на конференцию, на чём экзамен и заканчивался.

Они застыли перед дверьми, заслоняя проход другим посетителям. Фичиянка словно собиралась с духом, дабы сказать что-то важное. Рот в форме тёмно-лилового треугольника подрагивал, придерживая слова. Марк вжал голову в плечи, не зная, радоваться ему или бояться. Хотелось надеяться, что будет, как в старой поговорке – из мрази в князи, но...

– Позвольте предоставить знание, Марк... я слышала, что люди бывают неуклюжими, но вы немислимо отвратительны в своей неуклюжести.

– Великодушно прошу на конференцию, – парню едва хватило сил, чтобы выдавить из себя эти слова. Его не столько беспокоил провал, сколько задела шпилька фичиянки. Да уж, хуже некуда. И, главное, поломка лифта – не его вина! Хотя кого это волнует, раз впечатления гостьи испорчены?

Марк не мог перестать дёргать ногой, будто в милой-ском танце. Только не от задора, а от волнения. Он сидел под кабинетом главы экзаменаторской комиссии вместе с одноклассниками. Студенты шумно и со смешками ожидали результатов вчерашнего приёма. Все уже успели пересказать друг другу впечатления и догадки, но Марку не хотелось ничего. Он знал, что продолжение учёбы ему не светит.

Парень, наконец оказавшись в кабинете, не удивился, когда экзаменатор нахмурил густые голубоватые отростки над глазами, глядя на отзыв Кракаварьену.

– Ну что же, – хрипло вымолвил преподаватель, пригладив пятнистые усы-щупальца. – Вы не готовы к дальнейшему обучению в Академии.

Марк шумно вздохнул.

– Но госпожа Кракаварьену Орцекирига порекомендовала вашу кандидатуру для стажировки в Образовательном Центре Фичи. Это очень хорошее место, смею заметить... и требует должного уровня подготовки. Мне трудно понять, как ваша некомпетентность на экзамене станет преимуществом на стажировке, но кто их, фичиянцев, разберёт.

Студент вскочил, словно сиденье было батутоподобным фичиянским телом. Не об этом он мечтал, но на такой стажировке можно отлично заработать, хватит не только на повторный курс и пересдачу, но и даже на небольшой корабль. В силу того, что на Фичи редко кто задерживается, после

стажировки для него будут открыты любые двери. С другой стороны, выдержит ли он целый год в обществе фичиянцев?

– Может, это не награда, а наказание, – хмыкнул Марк, покидая кабинет. Лишь снаружи он осознал, что не спросил, что за работа на стажировке ему предстоит. Потом в приглашительном письме прочитает, но всё же... Вдруг убирать фичиянские туалеты? Пойди разбери эту Кракаварьену. С его невезением ответ очевиден.

Впрочем, если не унывать, то Марк с проблемой как-нибудь разберётся, и, возможно, везенье не понадобится. Это не то, на что стоит надеяться. Как там говорят? Терпение и труд удачу гонят в пруд, кажется.

Ровной линеечкой один за другим фичиянские дети шагали по тёмно-синему мху. Слой, покрывающий землю, прогибался и хрустел. Над ними красовалось светло-зелёное чистое небо, и казалось странным, что многие жители Вселенной предпочитают замыкаться в стенах и под крышами.

Юные фичиянцы следовали за Её Преучительством Кракаварьену к следующему экспонату выставки. Почтенный педагог остановилась возле огромной коробки с прозрачными стенами, за которыми виднелся диковинный быт инопланетянина.

– Дражайшие наследники Фичи, – провозгласила Кракаварьену, широко раскинув руки. – Перед вами весьма редкий экземпляр нашей выставки – обитатель Земли...

По ряду учеников прокатился восторженный шепот. Они расправили уши, готовые внимательно вслушиваться, и распахнули розовые веки шире, чтобы разглядеть загадочного землянина.

– Он соблагопозволил прибыть совсем недавно, как только взошли Луны-близнецы, и одарил нас согласиём помочь постигнуть дивокультуру землян. Позвольте, подходите ближе. Это необычайный пример причудливости других рас. Внимание, сиятельные потомки нашей планеты, в момент проявится неуклюжесть!

Фичиянские дети обступили экспонат, взволнованные и удивлённые. Они прижимались ладонями к стеклу, пальцами образуя шестиконечные лиловые цветы. Землянин зачем-то поводил руками по оранжевому волосяному покрову головы, а потом взял упаковку пищи. Далее произошло нечто невероятное – он испытал трудности с открыванием еды. Инопланетянин затрясся, что-то произнёс, но звукоизоляция не позволила его услышать. Впрочем, до юных фичиянцев доходили слухи о сквернословии людей, поэтому такая мера безопасности радовала.

Землянин начал сильнее хвататься за упаковку, махнул верхней конечностью, сбил со стола хрупкий круглый предмет. Дети поскатывали ушки в трубочки. Некоторые пискнули.

– Не страшитесь, дражайшие наследники, вы должны быть готовы к феноменам великого мира. Давайте собла-

говолим ему нас узреть, – Кракаварьену нажала кнопку на пульте-браслете.

Юные фичиянцы боязно отступили на два шага от стен. Инопланетянин дёрнул головой, растянул мышцы щек. Упаковка пищи выпала. Землянин учтиво поклонился, и детям стало не так пугливо. Затем он пнул нижней конечностью упаковку, и та закатилась под мебель.

Фичиянские ученики заурхали от восторга и захлопали ушами со всей силы.

– Трое великолепных из вас, кто сдаст тест по инопланетной культуре с наивысшими баллами, обретут честь с ним побеседовать, – объявила Кракаварьену и подняла вверх три пальца, привлекая внимание. – А сейчас преподойдём к следующему экспонату.

Вероника Князева

Сетевой ник – Неря, писатель и критик Синего сайта. Участник и призёр сетевых конкурсов. Рассказы опубликованы в сборнике «Синяя Книга» (2014, издательство «Дятловы горы»).

Пишу прозу, в основном повседневность, иногда с нотами мистики, горячо люблю фантастику и фэнтези.

Профиль на Синем сайте:

<https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Неря.html>

Ищу друга

На картине застыло время. Бушующий тревожный миг. Беспокойство цепко въедалось в сердце – чувствовалось, что вот-вот, ещё секунда, и вздыбившиеся гребни волн кинут корабль точно щепку на острые скалы; взволнованные чайки низко летят над сердитым морем, серые тучи заслоняют всякий свет. И в то же время маленькая шлюпка уверенно движется в направлении берега. Опасность и надежда.

– Великолепная картина, не правда ли? – вынырнул из размышлений и не понял, сказал это вслух или про себя.

Я почти не почувствовал, как Элиза подключилась к зрительному нерву и оглядела полотно вместе со мной ещё раз:

– Вам лучше знать, Поль. Айвазовский. Холст, масло. Техника лессировки. Физическое состояние...

– Достаточно. Несомненно, мне лучше знать.

И правда, глупая затея – монотонно стучать в сознание программы, которая не способна постичь красоту вещей. Хорошо и то, что я всё ещё могу.

На планшете в моём профиле появились последние результаты торгов и сделок. Взгляд невольно зацепился за официальное фото, ужас – я похож на рыбу-ежа: пухлый, вихрастый и с несчастными круглыми глазами. Надо не забыть поменять.

Компания отца занимается покупкой и продажей анти-

кварных вещей. Я всего-то пятый сын, и по положению, скорее, мальчик на побегушках у старших братьев, но... Всегда есть это «но»: мне кажется, при колоссальном старании результат не заставит долго ждать. Для начала хватит и обычного кабинета, а не каморки два на два шага.

– Элиза, мы сломались! – пальцы непроизвольно скрючились, словно в попытке сжаться в кулак – какая глупая ошибка! – Эту картину с кувшинками можно было продать дороже! Братья меня живьём съедят...

– Все функции работают оптимально, – за несколько секунд, пока я выговаривал недовольство, она просканировала всю систему – почти бесшумно, разве что в голове раздаётся лёгкий шорох, как в ракушке. – Мсье уступили картину в счёт будущего гранта. Они подадут заявку в следующем сезоне, а у нас останется целевое место для выполнения вашего задания. Сделка согласована с вашим отцом.

– Вот как, – совсем не хотелось думать об этом задании. – Что же... хочешь сказать, ты нашла мне друга?

– Нет. Могу показать варианты. Выбор за вами.

– Пришли в приложение, посмотрю вечером.

С чего все взяли, что мне нужен друг? Дражайшая мамочка, заботливый отец, даже легкомысленные братья, а вот в последний раз и психолог при академии. Считалось, этот тест при поступлении – не более чем фикция, просто ещё одна галочка в общем потоке экзаменов... Я сдал всё с блеском, а на нём споткнулся. Пропахал носом землю, условно

говоря. И теперь или меня зачислят в Академию с пока несуществующим другом, или...

* * *

Имя: Жан

Возраст: 16 лет

Увлечения: дайвинг

– Хм, привет. Даже не знаю, что сказать, – Жан несмело улыбнулся и взъерошил волосы. – Крутой андроид.

– Да, Элиза... – я замялся, прервав команду. Надеюсь, он не обиделся, что пришлось проигнорировать рукопожатие? – Не тебе, Жан, просто люблю разговаривать вслух.

Ненавижу прикосновения, это что-то из прошлого века.

Стеклянный купол уходил вверх на много-много метров. За ним, на расстоянии вытянутой руки, блестела и переливалась в неярком свете толща воды, а в ней туда-сюда вились стайки разноцветных рыб, трепетали локоны водорослей и скользили хищные тени акул.

– Почему океанариум? Ты любишь море? Умеешь плавать? – Жан сыпал вопросами, словно пытался создать из них целый пляж.

– Просто. Да. Нет. Не с таким телом, – кажется, он улыбнулся – это, наверное, хорошо. – А ты? – Элиза подсказывает, что так будет вежливо.

С тихими щелчками мимо проехал робот-уборщик. Я прислушался: бедный, почти разряжен, звук такой... будто кто-то кидает гальку друг о друга.

– Да что там любить, – Жан пожал плечами. У него за спиной по песчаному дну медленно и плавно перекатился колючий шарик – морской ёж. – Оно же неживое. О, ты это, извини, если что.

– Ничего. Ясно. Неживое море... – я потёр переносицу, – как оригинально.

Имя: Даниил

Возраст: 16 лет

Увлечения: математика

– Функциональный кабинет, – надо же мне с чего-то начать разговор?

Бело-чёрные стены, стол и два небольших дивана для посетителей не давали простора воображению. Бухгалтеры, что с них взять: суровые, но незаменимые в любом мире люди. Однако именно в этой аскетической обстановке я незаметно для себя расслабился.

– Хочешь сказать, у тебя не так? – Даниил тоже стоял, не торопясь садиться первым: хорошее воспитание единственного сына... Интересно, его тоже папочка на каникулах помощником к делу приставил или он сам вызвался?

– Так. Минимум необходимого – и вперёд. Роскошь – не

для работы, – перехватываю скептический взгляд собеседника. – Это необходимость, а не каприз. Элиза до сих пор за мной приглядывает, как надсмотрщик.

– Взрослый синоним няньки? – Даниил отставил на стол стакан с водой: чистая простая вода – практически золото. – Кофе не предлагаю, могу подкинуть дозу энергетика.

– Да. Не откажусь.

Его шаги скрадывал умный пол. Максимум тишины и комфорта. За окном на сто тридцатом этаже плыли бесконечные облака, похожие на пенные барашки волн.

– Думаю, мы будем полезны друг другу, – да, я, правда, так думаю.

Имя: Ян

Возраст: 16 лет

Увлечения: граффити

– И сколько мы его ещё будем ждать? – а ещё говорят, что три – это хорошее число. – Элиза, свяжись...

Хмурая погода и хмурый день. И такое дурацкое состояние неподъёмной усталости. Казалось бы, откуда? Всё автоматизировано, всё можно получить, просто нажав на кнопку, за меня многое делает Элиза, стоит послать команду... А всё равно хочется, чтобы волна накрыла с головой и отрезала от мира.

– Знаешь что, не надо, достаточно! Не хочу тут сидеть.

Пойдем в магазин и домой.

Электромобили плыли по асфальту подобно скатам: раз – и они уже далеко впереди. Длинные ветви городских ив дрожали на ветру, повсюду – стеклянные витрины и много света. Кажется, в древности так в море ориентировались корабли – видели, где земля.

Створки разъехались в стороны. Ни единого постороннего запаха, кроме выпечки, которую производит магазин, цветов, которые он же использует для украшения зала, и совсем капелька антисептика – показать, что он заботится о посетителях. Выверено до идеала, ни малейшей осечки и ни одного фактора, который может огорчить клиента.

Робот-кассир ловко отбивает-собирает-принимает оплату, почти моментально. Элиза протягивает наши покупки, и раздаётся вой сирены. Что случилось? Ах, вот оно что... мальчик-воришка пытается обогнуть охранников и выско-чить на улицу!

– О, великая сеть! Да что же это творится! – немногие посетители поворачивают головы в сторону несуразного парня в ярких драных джинсах. Надо же, какая встреча, потенциальный друг из анкеты №3. – Что за дикость – воровство! – Он как будто нарочно размахивает руками и как будто случайно наваливается на полку; банки гремят, разлетаясь по полу, все роботы в магазине поворачиваются на шум. – Эй! Ловите же его! – Поздно, конечно. Этих секунд хватает, чтобы воришка шмыгнул за дверь.

– Придурок, – даже комментировать не хочется: видно же, что он специально всех отвлѣк! – Много героизма, что ли, потворствовать воровству? – как хорошо, что я не стал его дожидаться.

– Сам debil, – огрызнулся Ян. – Ты-то не потворствуешь, конечно... сколько за тело андроида отдали папочка и мамочка?

– Тебе жалко, что ли? – чувствую, как внутри раздувается горячий шар: он же ничего обо мне не знает!

– Нет, – он подходит ближе и тычет пальцем в грудь: я почти не чувствую касаний, однако это раздражает. – Но и булку хлеба для голодающего жалеть тоже не буду.

– Конечно, не из своего же кармана, – стряхнул с себя его руки, словно капли окатившей волны.

Мне нет до него дела. Нет дела. Никакого.

– Да хоть бы из своего!

– Да что ты? Ну, так вперѣд! Слабо?

– Иди ты!

Кажется, на улице прогремел гром...

– Мадам, я прошу вас – не упорствуйте. Мы сделали, что могли. Но Поль не реагирует на внешний мир, на людей... Он уже не ваш сын, не человек. Только машина, которая общается с подобными себе. В его адаптационной программе «ЭЛИЗА» больше человеческого, чем в нём.

– Продолжайте делать то, что нужно! Вам мало денег? Я

дам ещё.

– Мадам... За последние полгода вы слышали от него что-то, кроме тех стандартных фраз, что мы загрузили?

– Нет. Но это ничего не значит. Поль и раньше, до аварии... И раньше, и сейчас – просто замкнутый ребёнок.

Резкая трель звонка прерывает доктора, который готов выпалить новый аргумент. Перенос сознания – всегда тяжёлая работа, однако нужно отстраняться от безнадёжных случаев, иначе всё напрасно, и исследования остановятся.

– Подождите, доктор. Да? Я слушаю. Да... что? Поль подрался с мальчиком?!

– Подрался? – кустистые брови доктора недоумённо выгибаются. – Как интересно.

– Видите, доктор? Видите? Не реагирует... Великая сеть, какое облегчение!

На проверку дражайшая мамочка оказалась не так сердита, как я ожидал. Наверное, ей сегодня сообщили хорошие новости, вся светится.

– Милый, как твоё задание? Ты выбрал? Вот этот Ян... конечно, он своеобразный, но мне кажется... вы чем-то цепляете друг друга.

– Ботинком. Лично я его – ботинком по рёбрам.

Провожу пальцем по отслоившемуся куску кожи на запястье: не менее тридцати минут в обществе наноботов. Придурок. Я постарался как можно быстрее выбросить его

из головы – ещё чего не хватало.

– Элиза? – конечно, не обязательно звать её вслух, но чем больше мы общаемся там, внутри, тем сильнее ощущение, что я схожу с ума.

– Да, хозяин, – всё же у неё прекрасный тихий голос: может, научить её петь?

– Отправь запрос Даниилу. Пусть будет моим другом.

– Как скажете.

– Элиза? – кажется, мамочка до сих пор вздрагивает от безжизненного фиалкового взгляда; интересно, она уже научилась нас различать? – Отправь мне остальные анкеты. То же хочу посмотреть.

– Мама? – я удивлённо подался вперёд: она сжала пальцами руль от волнения, как наяву вижу нервную рябь по воде.

– Жизнь – это сплошные сюрпризы, сынок. Мы обсудим это позже.

– Я смогу поступить в академию? – простой вопрос, я ведь нашёл друга и с этим больше не будет проблем.

– Сегодня приходил доктор, он доволен твоими успехами.

– Хорошо. Я сосредоточусь на работе и смогу его удивить.

– Мы все удивляем друг друга.

Академия поразительно прекрасна. Серые кирпичные блоки, нежно-розовые магнолии, чистейшая зелёная трава. Не представляю, как они это делают, но воздух пахнет горячей солью – кажется, вот-вот послышится шум прибоя. Уди-

вительное место.

– Первый раз в первый класс? – Даниил спокоен и собран: как можно шутить с серьёзным лицом?

– Я не помню свой первый класс, но надеюсь, что здесь будет лучше...

– Как знать.

Я замер, протягивая руку к стрекозе на ветке, ещё чуть-чуть... Интересно, она примет меня за ветку?

– Да ну нет! – кто так орёт и по какому поводу?

Взгляд сфокусировался на вихрастом рыжем придурке – откуда он здесь? Я, я лично забронировал два последних места в академии! Как он просочился?!

– О, великая сеть... – я в замешательстве не знал, что и сказать.

– Хм, вы знакомы? Это хорошо. У нас будет отличная банда! – Даниил тепло улыбнулся, схватив придурка за плечо, а мне протянув руку.

– Мечтай! – оба возгласа прозвучали удивительно синхронно с разницей всего в 0,37 секунды.

Он – мой друг? Да никогда!

Мой выбор – его судьба

Яркие огоньки на высокой ёлке притягивали взгляд, заставляя следить за перемигивающейся россыпью, которая то исчезала среди ветвей, то вновь весело вспыхивала рядом. Шуришали подарочные обёртки, когда их безжалостно сминали, рвали с треском и отбрасывали в сторону – нетерпеливость, одна из фамильных черт, обошла меня стороной. Я пока не трогал свой подарок, который таился в тускло поблёскивавшей зелёными звёздами коробке, в то время как мои братья и сёстры уже вовсю обменивались впечатлениями. Этот год, этот праздник слишком важен, чтобы разминивать эмоции по мелочам. Где-то на заднем фоне негромко играла пластинка с тихой, спокойной музыкой. Её не очень любили, просто маме показалось, что так правильнее, более торжественно.

Лорд всё портил звонким лаем, перебивая гармонию мелодии. Потихоньку нарастал сердитый рокот голосов из соседней комнаты, казалось, ещё чуть-чуть – и в воздухе за сверкают молнии.

Мама сидела позади, в центре гостиной, на цветастом покрывале и увлечённо следила за светящимися шариками, которые порхали вокруг ёлки. Я затылком чувствовал её мечтательный, отстранённый взгляд и в то же время знал, что эта показная расслабленность – игра. И спор отца с

другими родственниками за стенкой на самом деле ничего не решил, ведь выбор за мной... Принятие дара – это сложный процесс, который разделит душу на две части. Я больше никогда не буду прежним, но получу шар своего мира и смогу осуществить любую фантазию наяву. Миллиарды возможностей. Это захватывает и в то же время пугает – ответственность за созданную жизнь... Безумно тяжёлый шаг, но идти к мечте стоит. Думаю, мама знает, что я выберу. Она сама готовила для меня такую судьбу.

– Ты станешь создавать, дорогой? – Она не давила, не просила и не приказывала. Ей просто было интересно, хочешь ли я воспользоваться своим даром.

– Вы когда-нибудь жалели, мама? Что не стали? – Я знал наизусть каждую жизнь-сказку, которую она рассказывала нам на ночь. Прекрасная принцесса Эва отказалась от знаний великого дракона и вышла замуж за доброго принца, которого прочили ей венценосные родители.

– Если скажу, что нет, – покривлю душой, дорогой. А если скажу, что да, то введу тебя в заблуждение. – Она придвинулась ближе, положила руки мне на плечи, и я почувствовал привычный аромат грейпфрута и мяты. – Я очень хотела создавать... создавать новые виды, расы, звёзды и галактики... Очень хотела, чтобы помогли и научили. Но мне пришлось понять, что есть вещи важнее мечты. – Я ощутил на волосах её поцелуй, как ощутил и ту горечь, что была почти забыта до этого дня. – Я не жалею, что у ме-

ня есть замечательные дети... просто иногда думаю о том, что всё могло быть иначе.

– Вы сделали всё, чтобы мне не пришлось нести такой же тяжкий груз.

Она стала моей опорой на пути к мечте, и я буду создавать за нас обоих.

На мягкой подкладке внутри коробки лежал стеклянный шар. Его зафиксировали эластичными лентами, чтобы он не разбился... чтобы баланс идеального «ничего» внутри не нарушился. Вглядываясь в центр сгущающейся тьмы, я вспомнил, как случайно разбил ёлочную игрушку несколько лет назад: тонкие острые осколки навсегда остались перед глазами, потому что в тот момент мне стало больно от накатившего ощущения потери. Сломался целый мир, и это не должно повториться. Никогда. Пусть бесшумно грянет взрыв – я готов стать создателем.

Это было моим воспоминанием. Или сном.

На несколько секунд, а может быть – сотен лет сознание окунулось в бесцветные потоки первозданной материи. Она сжималась, трепыхалась в рамках ограниченного пространства, выкручивалась невообразимыми спиралями. Я был ею, и в то же время словно наблюдал со стороны. Чувствовал каждое движение: она съёживалась – я увязал в ней, тонул, давление нарастало, однако даже так меня почти не касались глубинные процессы происходящего. Вероятно, сделав уси-

лие, можно было попытаться вырваться из этого сдавливающего плена, но я остановил себя, не позволил инстинктам взять верх – на самом деле мне ничего не угрожало. В какой-то момент всё стянуло, сжало в точку, и грянул взрыв, лишённый звука. Было ужасно больно, ударные волны проносились по оголённым нервам.

Безумный жар создания и хаос. Моё дезориентированное сознание на какое-то время выпало из возникшей реальности. Я горел среди первородных частиц, которые лихорадочно металась рядом, сталкивались друг с другом и вновь распадалась, не в силах соединиться. Их движение порождало ещё более мощную энергию – она белёсыми вспышками вспарывала пространство, оставляла глубокие борозды в тягучей плазме. И всё же температура постепенно опускалась, становилось легче дышать, хоть я и понимал, что это всего лишь игра подсознания, ведь у меня не было тела.

Темнота отступила, однотонность чернильного цвета больше не была всем. Я мерцал среди пыли и острых осколков и чувствовал свет. Складки материи разглаживались, нежное полотно стремительно распахивалось навстречу новой Вселенной, которая вот-вот начнёт формироваться на ней. Это походило на прохладную струящуюся воду. Высвобожденная энергия пронеслась мощным импульсом, давшим жизнь звёздам – новым источникам тепла и света. Хаос заиграл красками. Мне всё ещё было больно двигаться, но я ощупывал каждый атом, до которого мог дотянуться, пыта-

сь понять, с чем начать работу. Отвлекали стычки материи и антиматерии, результат их борьбы – излучение – искажало восприятие.

Мне нужны были объекты, на которых я мог создать жизнь. Вряд ли для этого подходили пылевые облака, газовые субстанции и агрессивная, слишком высокая температура. Впрочем, последнее могло подождать... для начала стоило задействовать гравитацию – только составные частицы для неё были слишком малы. Что же, самое время приняться за уборку. Статическое электричество – как повод слипнуться микроскопическим пылинкам-частицам, затем я сформировал из них подобие астероидов. Им стоило вращаться вокруг сильной звезды, и я, освоившись с движением, притянул поближе красивый пылающий шар. Астероиды разогревались, двигались быстрее, сталкивались друг с другом. Битва титанов, где каждый стремится подчинять.

Методом проб и ошибок я получил несколько крупных объектов, которые могли стать полноценными планетами. Их разогревали астероиды поменьше – врезались и отдавали энергию. Находящееся на поверхности железо, жидкое, пышущее жаром, проникало в центр. У объектов появились ядра, которые задавали сферическую форму и настраивали магнитное поле. Мои чудесные протопланеты. Я ощущал щекочущее предвкушение – уже скоро...

Что-то пошло не так. Рождающаяся система замерла, больше не было движения вперед, развития, хотя заданный

сценарий исполнялся чётко и последовательно. Я ошибся в расчетах. Но где?

Мои маленькие планеты остывали. Я нервничал всё больше, пытаясь вычленить ошибку. Метался по поверхности астероидов, нырял во впадины, оставленные ими, ощупывал каждую песчинку и анализировал состав элементов. Всё было в порядке, однако чего-то не хватало. Меня почти накрыла паника... Движение! Конечно же! Для размеренной жизни нужна цикличность: следовало закрепить ось планеты относительно источника энергии. Я с тяжёлым вздохом сталкивал своих красавиц, чтобы из отколовшихся крупных частей сделать спутники, стабилизирующие их положение. В конце концов, из большей части пригодных для жизни протопланет у меня осталось только три. Остальные либо приблизились к раскалённому газовому шару слишком близко, либо отдалились, скрывшись за поясом астероидов. Мне не вернуть их на место, не разрушив остальное.

Всего три. Ладно, не время расстраиваться. Не хватало только одного элемента – воды. И вот я корректирую траектории комет с глыбами льда, заставляю их наполнять впадины и кратеры планет морями и океанами. В моём мире появляются новые краски. Мерный шёпот волн успокаивает, погружает в транс...

Я увлечённо выстраивал комбинации фосфора и других элементов для рождения жизни на одной планете, чей красный песок так красиво гармонировал с зеленоватыми волна-

ми, и пропустил переломный момент, когда гравитация сыграла со мной злую шутку: столкнула две другие планеты. От ломающихся миров мне передалась гулкая тоскливая вибрация. Но я не вмешался – установленные законы теперь не потерпят постороннего самоуправства.

Моя первая попытка – две жизнеспособные планеты. Система пришла в равновесие, избавилась от лишних объектов и выверила внутренний механизм. Из восьми планет шесть навсегда останутся безжизненными оболочками неудавшейся идеи. Они безумно прекрасны, ведь каждая стала олицетворением новой формы существования, но в практическом применении их удел – снабжать будущие разумные расы ресурсами. Жаль... Может, позже я смогу придумать для них лучшую судьбу? А пока интересно посмотреть, что станет с двумя другими. Их разница в несколько миллионов лет развития позволит уделить должное внимание каждой. Теперь я – всего лишь наблюдатель.

Мне показалось, я вовсе не засыпал.

Мой шар с первой созданной Вселенной ярко светился в воздухе, показывая, что эксперимент удался. Схватив его, я выбежал из комнаты, шлёпая босыми ногами по полу. Было ещё слишком рано, все спали в своих комнатах после шумного праздника – встречи обновлённого года. То тут, то там виднелись разбросанные гирлянды, рассыпанные клочки цветной бумаги из хлопушек и фантики от конфет. В воз-

духе ещё витал сладкий запах шоколадного торта. Я остановился, закрыл глаза и опустился на ступеньку лестницы. В голове была тонна мыслей, но главный вопрос: какой мир – настоящий?

После первого взрыва в своём шаре я прожил триллионы лет: от сотворения Вселенной до того момента, когда расы начали покорять открытый космос. Сейчас, без моего присутствия там, время замедлилось, почти остановилось. Но и здесь я выпал из реальности... Или это просто сон, чтобы дать создателю отдохнуть?

– Дорогой, ты уже проснулся? – Мама вышла из кухни, подошла ближе, взъерошив спутанные со сна пряди на макушке. – Позволишь посмотреть на твой мир?

Я молча протянул ей шар; свечение уже угасло, в центре переливалась серебряными звёздами Вселенная, которую украшали спирали разноцветных галактик.

– Она прекрасна, дорогой. – Понимающая улыбка мгновенно развеяла сомнения и тревоги. Я понял, что больше не колеблюсь, ведь, на самом деле, это всё мама – она подарила меня миру и подарила мне мой мир. Что могло быть более реальным и здесь, и там, чем её любовь?

– Мама, вы расскажете мне теперь всё остальное? – Я был уверен, что даже без практики она знает и умеет очень много. Может быть, мне удастся понять, какой мир мама мечтала создать, и воспроизвести его в своём. Как подарок, такое не сможет повторить никто. В голове уже пронеслись бес-

конечные цепочки расчётов, новых проектов.

– Конечно. Хотя не думаю, что тебе это понадобится... Ты хорошо справился, поздравляю.

– Да... – Мне в голову пришла сумасшедшая мысль, которую я поспешил озвучить: – Мама... Если я создал этот мир, что держу в руке, кто тогда создал нас?

Она тихо рассмеялась, обнимая меня за плечи:

– Я уверена, однажды ты найдёшь ответ. И поделишься им со мной, хорошо?

Наталия Смолина

Оптимист и непоседа. Существо творческое, особо люблю вышивать, собирать мозаики.

<https://vk.com/id41007399>

<https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Astalavista.html>

Я ищущу

1. Перец

– Добр-р-ро пожаловать на бор-р-рт, – рокотало из динамиков, словно с нами разговаривал горный обвал. Корабль дребезжал и трясся, и я изо всех сил цеплялся за койку, чтобы не оказаться на полу.

Авал смеялась, сверкая чёрными зубами, алые глаза горели, возвышалась монолитом, и ничто не могло заставить её потерять равновесие. Мощная, крепкая, как и все представители её расы, она словно срасталась с кораблём, разгоралась от двигателя-сердца, летела сквозь черноту, озаряя её светом. Даже в глубинах Космоса, вдали от родной планеты, она держалась фундаментально. Я невольно завидовал и вспоминал опустевший с моим отлётом дом – четыре тонкие стены, скрипучую лестницу, пустые рамки для фотографий... В нём было удобнее. Спокойнее. Привычнее.

– Люди такие забавные! – грохотала Авал, и по трещинам-татуировкам каменной кожи тёк огонь. Авал лениво поводила плечами, бугры мышц перекачивались под тонкой футболкой, и я заморожено следил за диким танцем чёрного и красного, забывал про то и дело подкатывающую тошноту, липкий страх, преследующий с самого решения сесть на корабль, растворялся в едва сдерживаемой дикой мощи.

– Куда до вас, – шептал я и чуть улыбался.

– Пахоэхоэ, – хмыкала Авал и садилась на койку рядом, сдвигала меня к стене. – Неудачный ты выбрал корабль: не для неженок этот перетёк. Но это хорошо: иначе бы мы не встретились. Давно хотела рассмотреть человека поближе, – и принималась перестукивать под нос песенку, периодически легонько тыкая меня или щипая.

Я не злился, с таким же любопытством прикасался к её тёплой спине, осторожно, чтобы не поцарапаться или обжечься, водил пальцами вдоль позвоночника, по лысой голове с маленькими наростами, слушал заковыристые ругательства на чужом языке, когда подбрасывало особенно сильно, и наслаждался бесконечным теплом. Авал много говорила, щёлкала языком, когда не удавалось растормошить меня, и обнимала до синяков на боках. И горела – ярко, непрерывно и без ожидания отдачи. Как она.

– Вы бы подружились, – задумчиво потирал подбородок я. – Она любила смех и жизнь. Потому и улетела учиться на дипломата, чтобы царил мир во всём мире.

– Мир – это хорошо, пахоэхоэ, – утихала Авал и сердито хмурилась. – Мир тяжело дался нам. Каждый день на планете я чувствовала зов сородичей из ядра, вращала корнями. И вроде они рядом, но, знаешь, обнимать куда приятнее. Ты же тоже летишь обнять.

– Конечно, – бормотал я, чувствуя, как настроение медленно сворачивается в клубок.

На самом деле я не знал, чего хотел. Никогда. Жил на ти-

хой планетке на задворках Вселенной, плыл по течению, наслаждаясь жизнью планктона. Стал бы клерком, возвращался домой поздно вечером лишь для того, чтобы лечь, встать с утра и вновь пойти на работу. А потом прилетела она. Ми-о. Светловолосая чудачка с детскими фенечками на запястьях. Громкая, непоседливая и отчаянно скучающая в нашей глуши. Я старался игнорировать её. Не поддаваться на провокации. Не слышать. Не верить. Забыть.

И через пятнадцать лет я плёлся по её испаряющемуся следу, сжимая в кулаке оставленный на память кулон-капельку.

– Обниму, если найду, – обещал я и хмурился, в очередной раз просчитывая дальнейшие действия. Затянутые туманом дальнейшие действия.

– Найдёшь, обязательно найдёшь, – проводила рукой по моей груди Авал. – Вселенная любит отчаянных. Я люблю отчаянных.

Она обжигала поцелуями, прикосновениями. Заглядывала в глаза и выжигала изнутри, поднимала на поверхность то, что я старался в себе не замечать. Перед кем я распрямлялся и старался выглядеть увереннее? Почему хотел, чтобы она забыла дурацкое прозвище?

– Я скучаю по дому и мирной жизни. Прусь к чертям под хвост через всю Вселенную, и даже не знаю, найду ли хоть когда-нибудь!

– Она может тебя забыть, возненавидеть и оттолкнуть. За-

болеть или умереть. Во Вселенной возможно всё, – поддакивала Авал и опаляла дыханием ухо. – Но, пахоэхоэ, ты сам зашёл на этот корабль. Сам проделал разлом для новой жизни. Сам не сошёл ни на одной из остановок. Сам захотел найти.

Да, я уже не мог отступить. Не перед Авал. Горящей, яркой и неотвратимой. Как Ми-о.

– Всё-таки я ещё чего-то стою, – вздыхал я.

– Несомненно, – грохотала Авал и зловеще, во весь полный клыков рот, улыбалась. Тянулась ко мне рукой с удлинняющимися когтями и...

– Кор-р-рабль пр-ррибывает на планету! Повтор-р-ряю, кор-р-рабль пр-рибывает на планету!

2. Кувшинка

– Спасибо, что откликнулась, – вздыхал я, стоило очередной капле найти прореху в тенте и капнуть на нос. – Не знаю, что и делал бы, кинь ты меня в огненный список.

Важда вежливо приподнимала уголки губ и помахивала веером. Я ёжился и тёр руками бока, втягивал голову в плечи и пытался не отрастить жабры в переполненном влагой воздухе. Важда походила на рыбу выдвинутой вперёд нижней челюстью, синеватой кожей, глазами навывкате. И холодом утопленника, затягивающего тебя на дно. Осушители воздуха в кафе для инопланетян работали на полную мощность, но едва справлялись. Несколько десятков метров твёрдых досок со стоящими на них жёсткими стульями под тентом не

хватало. Вода, вода и ещё раз вода – я захлёбывался и задыхался. Но Важда – моя первая зацепка в поиске.

Не помню, каким чудом наткнулся на неё в Сети, но упоминание Ми-о выбило меня из колеи. Я недолго думал – написал. И она откликнулась.

– Мы правда учиться вместе, – булькала Важда и широко открывала рот при каждой гласной. – Ми-о – хорошая ученица. Но я вернуться, а она – дальше.

Важда показывала голограммы-фотографии с Ми-о, радостно улыбающейся, наигранно хмурящейся, размахивающей длинными руками, вопящей. Я жадно рассматривал её, пересчитывал фенечки, посмеивался над дырой в некогда ровном ряде зубов, любовался бликами на волосах. И понимал: что-то изменилось. Разумом я видел ту же Ми-о, что улетела покорять Вселенную, но сердцем не чувствовал её, хоть и радовался, искренне радовался любой возможности приблизиться к ней.

– Она приносит свет, – задумчиво втягивала коктейль Важда. – Все, кто учиться с ней, скучают.

Я хмыкал и кивал, передёргивал плечами и чесал уши, чтобы унялся настырный звон. Важда смотрела на меня в упор, не мигая, надев на лицо маску почтительной вежливости и лёгкого любопытства. Я чувствовал, что покрываюсь коркой льда.

– Вы переписываетесь? Ты знаешь, где она сейчас?

– Мы переписываться, – кивала Важда, – но я не знаю,

где она сейчас. Ми-о везде, – Важда поводила в воздухе перепончатой рукой, пытаясь описать чувство. – Я проплыть меньше рек, чем она посетить планет. Но я помочь тебе. Я знать, где она светила в последний раз – у Деревяшек.

Я недоуменно наклонял голову и приподнимал бровь, хлопал себя по лбу и тихо посмеивался: как грубо! Важда закрывала лицо веером и тихо стонала и булькала, то ли смеясь, то ли проклиная свой длинный язык. Не одни мы, невежливые люди, давали обидные прозвища соседям по Вселенной. Важда стремительно хорошела в моих глазах: значит, есть в ней что-то кроме ледяного сердца.

– Я понял и никому не скажу, – фыркал я в кулак, а она пыталась заморозить меня смущённо-разъярённым взглядом.

– Я найти ту, кто её видеть. Она обещать протянуть лист тебе.

– Ты связалась с ней... ними?! Важда, ты... спасибо тебе!

Я вскакивал и крепко обнимал её, любовался, как она от неожиданности роняла веер и не спешила его поднимать. Выражение её лица менялось, она позволяла промелькнуть растерянности, смущению и удовольствию. Появлялось нечто, похожее на румянец, сверкали глаза, и Важда хорошела. Становилась похожей на живого человека, а не утопленницу. Я смеялся и чувствовал, как жизнь наполнялась смыслом.

– Вы чем-то похожи, – задумчиво прикусывала губу Важда. – Кинуться через половину Вселенной лишь затем, что-

бы понять. Люди сложны. Ваши эмоции сложны. Но рядом с вами интересно. Потому я помочь. Другие тоже.

– До других я ещё не добрался, – пожимал плечами я.

– И они помочь. Потому что ты. Мы себя знаем.

Я удивлённо смотрел на неё, но она замолкала, отворачивалась и с противным хлюпаньем втягивала коктейль. Ливень то усиливался, то утихал, но холод вновь беспардонно вгрызался в меня. Я не понимал Важду, но чувствовал, что нахожусь на правильном пути. Только бы не остановиться. Не позволить холоду стать внутренним.

– Отправляться сейчас. Ми-о с тобой.

3. Омела

– Ступай осторожнее – нам больно! – шелестело со всех сторон, и Орхи-и-Ихро капризно дули губки, покачивали ярко-красными волосами-лепестками и то и дело дёргали меня, оттаскивали от незаметной травинки и осыпали удушающей пылью.

Всё перед глазами плыло: зелёные ветви, листья, лианы вперемешку с яркими лепестками, нарядами, мишурой. Словно на планете царил вечный праздник, безумный и перемалывающий гостей на удобрения. Я не понимал, куда иду, от чего уворачиваюсь, зачем прыгаю. Только рюкзак молотил по спине, и, благодаря осязаемым ударам, я сохранял остатки разума. Запахи сбивали с ног, я почти висел на тонких, но сильных ручках Орхи-и-Ирхо, периодически оплетающих чуть сильнее, чем следовало.

– Ми-о смеялась с нами, – щебетали с двух сторон девчонки. – Хотя она так мало побыла: мы так редко покидаем Дом, и она это знает, но всё равно убежала, лишь обещала, что приедет, мы уже отсчитываем дни – как думаешь, она выполнит обещание? Хорошо, что ты прилетел: ты уже второй человек, мы такие счастливые, про нас все-все будут говорить, а может, Мама раньше отпустит, мы же уже большие, давно созрели, но она всё медлит, нам так скучно! Мы можем создать новый Дом, где нас тоже будут называть Мамой, и мы никого не будем держать долго, мы должны расти, а не спать, другие планеты – так здорово, просто не можем дождаться, когда Мама решится!

В ушах звенело, я мотал головой и отсчитывал каждую секунду, проведённую в компании Орхи-и-Ирхо. Мне повезло, что «деревяшки» оказались вполне себе зелёными побегам, открытыми к новым контактам, но их любопытство, доброжелательность и открытость переходили все разумные пределы. Они едва не потеряли кулон, распотрошили рюкзак – складной нож я утратил безвозвратно – выпытали мельчайшие подробности моей жизни и теперь делились своими задумками и планами. В бесконечном потоке информации я не мог не то что ухватить суть, а забывал, с чего вообще начинался разговор.

– Ми-о, – изредка удавалось вставить мне.

– Ми-о хорошо, – беззлобно вздыхали они. – У неё Дом в сердце, можно сказать, вся Вселенная – Дом, никаких огра-

ничений, у нас не так, мы прорастём раз и навсегда, станем Мамой, станем главной частью Дома и больше никуда не двинемся. Ми-о везде, перелетает с планеты на планету, когда хочет, она не вращается, вы, люди, не пускаете корни, можете постоянно делать всё, что угодно! Скажи, тебе нравится летать, ты тоже, как и Ми-о принадлежишь Вселенной, наверное, это так здорово, не удивительно, что ты кинулся её искать, тебе достаточно встать – вы похожи, пусть и не как мы.

– Спасибо, наверное, – бормотал я. – Мы тоже можем вращаться. Мне просто... повезло. Я тоже оказался достаточно зелёным.

– Люди такие забавные! – смеялись Орхи-и-Ирхо. – Вы не можете быть зелёными, вы постоянно в разноцветье, у вас нет корней, вы можете всё. Мы хотим пожить рядом, сможем рассказывать росткам, пусть знают, что можно двигаться, но мы сами будем их охранять, кто-то должен заботиться, иногда нужно и вращаться, мы будем большими и сильными, будем смотреть, а они пусть бегут, им нужно бегать, уходить. Им нельзя вращаться. Вращаться всегда успеешь.

Орхи-и-Ирхо задумчиво замолкали и хмурились, сворачивали лепестки, а я наслаждался хоть кратковременным спокойствием, когда меня никто не тянул за волосы, не пытался залезть в карман или дунуть в ухо. Бедная Важда – не представляю, что она перенесла.

– Ми-о правильно летает, ей нужно летать, – тянули Орхи-и-Ирхо. – И тебе нужно, мы видим, ты умеешь ходить по

земле, но это все умеют, а ты и летать умеешь, нельзя об этом забывать. Мы не знаем, где Ми-о, Ми-о постоянно летает, мы не можем уследить, много друзей, много шума, но Эа знает, Эа всё знает – и тебе покажет. Эа умная, она не умеет ходить по земле, только летать, потому поможет, она любит помогать.

– Эа?

– Тебе далеко, где все летают и всё видят, ты найдёшь Ми-о, только о нас не забывай, хорошо? Может, мы тоже полетим, мы тогда тоже разыщем тебя, и Ми-о, и всех, будем вместе, а когда станем Мамой, примем в гостях, познакомишься с ростками, может, они полетят с тобой. Если ты будешь жив, мы не помним, сколько вы живёте, тогда придётся нам самим, чтобы увидеть тебя, так здорово болтать с человеком, а летать, уверены, ещё веселей!

– Да, конечно, – бормотал я.

– Ты только не враспай не вовремя, ладно? Твоё время – лететь.

4. Астра

– Помочь себе можешь только ты сам, – и я не спорил, позволял выворачивать себя наизнанку, освещать самые дальние уголки души.

Эа звенела, нежно перебирала четырьмя пальцами волосы на моей голове, искорки-эмоции вспыхивали и гасли в её полупрозрачном теле, отдавались взрывами сверхзвёзд под закрытыми веками. Я видел и чувствовал всё: растворился в

воздушных потоках, смешался с каждым эзтянином, целой планетой – и поспешил дальше разноцветными прыжками эмоций. Лишь бы на этот раз успеть, ухватить за кончик мыслей... Уходила. Вытекала словно вода между пальцев, оставляя липкое ощущение досады.

– Тише, тш-ш, – переливалась оттенками розового Эа, касалась носом щеки и неожиданно сильно впивалась пальцами в кожу, охала и теряла форму, в последний момент успевая вернуть себе человеческие очертания. – Мы все связаны нитями, тянущимися через Галактики, – шелестела Эа, – единые и неделимые, словно ваши Атланты. Ты тянешься в верном направлении, но маяк нужно обойти, иначе он ничем не отличается от скалы.

Я поднимал руку и осторожно, едва касаясь, водил пальцами по её щеке – лицо деформировалось, вгибалось, внутри пробегали цепочки разрядов. Странные ощущения: словно трогаешь сладкую вату, которая не липнет а, наоборот, отталкивается от кожи. Нет, не вату – на периферии сознания мелькали тени ассоциаций, вспыхивали искрами салюта и гасли прежде, чем я успевал рассмотреть. Голова гудела: способ связи эзтян ломал меня, перегружал, словно современный антивирус древний Майкрософтский компьютер. Слишком много всего и сразу – запахов, чувств, образов. Всего того, к чему я долго предпочитал не иметь отношения.

Вселенная жила. С каждой новой иглой боли я чётче видел, как она дышала. Звенела, шуршала, пела и ворчала. То

и дело рождалась новая жизнь и угасала старая, инопланетяне и люди мирились и ссорились, замирали на месте и шли вперёд. И я – все мы – плыли в бесконечном потоке.

– Не удивлюсь, если стану поэтом, – бормотал я и сдерживал улыбку.

– Пришли стихи, – перезванивала колокольчиками Эа и нежно дула на лоб. – К нам редко прилетают люди. Ещё реже они не забывают побаловать меня подарком.

– Ты часто помогаешь так?

– Нет. Кроме Ми-о, ты – четвёртый, кто смог увидеть жизнь. Вы слишком закрыты, чтобы не бояться шагнуть в ураган. Впрочем, другие Эа рассказывали, что и у них некоторые твёрдые смогли выйти за порог. – Я растворялся в её голосе. – Нет стен, кроме тех, что вы себе придумываете. Вы такие твёрдые, что, когда наши расы встретились впервые, мы испугались. А после расстроились: вы похожи на закованных в броню детей, которые кусают протянутую руку. Наша жизнь не в пример легче, но у вас куда больше возможностей. Мы не можем покинуть свою планету, иначе рассеемся, а у вас есть металлические крылья. Мы едины с Вселенной. Вы замыкаетесь в панцире. Но некоторые в прошлых жизнях были с Эа.

– Открылся, говоришь, – шептал я и закрывал глаза.

Эа тихо позвякивала, журчала и невесомо обнимала меня. Иглы утихали. Я чувствовал себя моложе, энергичнее, все тревоги растворялись в черноте Вселенной. Да, я изменил-

ся. Полётом за полётом, словом за слово. Незаметно, неосознанно – изменился. Ми-о показала, как может быть, и однажды это знание открылось для меня в полной мере. И я искал. Возможность, идеал – себя.

– Знаешь, во Вселенной много тех, кто в прошлой жизни звенел на Эа. Пусть сейчас они кажутся полными противоположностями, но теперь я понимаю. Вселенная любит отчаянных. Тех, кто светит, кто не вращается.

Эа зачарованно слушала и кивала. По её телу пробегали золотые искры, которые щекотали меня, заставляли дурачиться и пытаться их поймать. Мы становились воздушней, добрее. Исчезали ограничения, и жизнь представляла передо мной во всей красе.

– Почему раньше я этого не понимал? – риторически вопрошал я Вселенную, и та в ответ философски пожимала плечами. – Почему порой доходит так трудно?

– Всё в своё время. Лишь бы не проспать, – фыркала всплеском Эа.

– Я всё ещё хочу с ней встретиться. Поблагодарить.

Я закрыл глаза и «потёк», легко, струящееся. Мимо огненных сверхзвёзд и коричневых карликов, беспросветной черноты и ярких солнц. И она откликнулась.

– Встречай её.

5. Незабудка

– Влад, это, правда, ты?!

Ми-о махала рукой и громко смеялась. Вокруг неё посте-

пенно образовывалась зона отчуждения, и я усмехался: как всегда, слишком много энергии. Волосы торчали в стороны, фенечки стучались друг о друга и негромко звенели. Я подошёл к ней, и мы крепко обнялись. Я скучал. Я скучал и буду скучать, но...

– Как хорошо, что ты до меня докричался: успела билет на более позднее время взять. Только представь: что работа, что командировки, нигде ни посидеть нормально не могу, ни отдохнуть. Вечно в движении. Не то чтобы я жаловалась, всегда так хотела, но мои скучают. Смеются, что у них мама бывает в доме реже, чем президент, не жалуется – а я всё мечтаю взять нормальный отпуск, их в охапку – и чтобы не думать.

Ми-о щебетала, не давая мне и рта раскрыть. Так знакомо – и я улыбался, наслаждался переполняющими ощущениями счастья и лёгкости. На нас оглядывались, пока мы шли в кафе при космодроме, косились со всех сторон, какие-то дети тыкали пальцами – а мне хотелось захохотать в голос и обнять их всех, крепко, чтобы дурость повылетала из голов, пригласить с собой на корабль и лететь, лететь в неведомые дали. Ми-о звенела браслетами, я размахивал руками, и скучному миру не удавалось захватить нас.

– Здорово, что мы встретились здесь, на твоей родной планете. Есть в этом какой-то знак, – заливалась Ми-о и, прищурившись, покачивала стул в кафе. – Ничего здесь не изменилось: всё старое, хлипкое и нуждается в ремонте. Зато

подают под видом ретро и дерут в три раза больше денег. Как твой дом?

– Разваливается. Как и всё здесь, что старое, хлипкое и нуждается в ремонте, – передразнивал я её и вскрикивал от несильного, но прицельного тычка в ногу. – Но мы не могли встретиться где-либо ещё.

– Твоя правда, – хмыкала Ми-о и заправляла прядь за ухо. – Где всё началось, там и должно вновь начаться.

Мы больше разговаривали, чем ели, изучали друг друга с детской непосредственностью. Ми-о рассказывала о своей беспокойной, но от этого более любимой, жизни, вспоминала школьные годы со мной, рассказывала про учёбу детей и работу мужа. Она вся сияла, и официанты, пусть и поджимали губы оттого, что она слишком громко извещала планету о себе, всё равно заглядывались на неё. Не удивлюсь, если однажды встречу с кем-то из них на просторах Вселенной.

– Ты так изменился! – восклицала Ми-о. – Помню тебя маленьким букой, которого постоянно тормозила, чтобы ты хотя бы распрявился и поднял голову.

– Зато ты всё такая же: суетная, энергичная. Разве что постарела чуть-чуть, – фыркал я.

– Вот кто бы говорил! – возмущалась Ми-о, отнимала у меня чашку с чаем и пила сама. – Я молода и прекрасна до скончания Вселенной!

– Верю. Твоей семье повезло с тобой. Мне тоже, – улыбался я и окончательно отпускал тот образ, что возвращал года-

ми. Ми-о была реальна. Ми-о сидела рядом. Живая, яркая, стремящаяся вперёд. И её я тоже отпускал. – И остальным. Они тебе привет передавали.

– Точно. Всё собираюсь их навестить, но работа не выпускает из клещей, – постукивала пальцем Ми-о. – Как-нибудь сбегу ночью в гости. Личное время, пусть попробуют возразить.

– Это точно, – вставал я и смотрел, как по информационному табло бегут строчки. – Прости, что так мало. Проводишь?

– Конечно, – улыбалась Ми-о, задвигала шатающийся стул и позволяла галантно взять её под руку.

Мы выходили в шум космопорта, спешащую, гудящую толпу. Ми-о смотрела в сторону выхода в город, на посадочные площадки, на меня. Я выдерживал драматическую паузу и под звонкий смех вёл её к посадочным площадкам.

– Я рада, правда, рада, – шептала Ми-о, крепко меня обнимала и решительно отталкивала. – Лети. Живи. Впереди вся Вселенная.

Я вытаскивал из кармана медальон, надевал его на шею, махал рукой и спешил к кораблю. Пора было строить свою жизнь.

Владимир Яценко

О себе: Пишу, что вижу, и о чём думаю. А поскольку с четырёх лет читаю только фантастику (спасибо папе), то и оформляю свои размышления в виде фантастики. Из всей фантастики предпочитаю научную (чем «твёрже», тем лучше). Убеждён, что мир спасёт не красота, а научная фантастика. Только она мотивирует молодое поколение учиться и не только любоваться звёздами, но и мечтать о них.

Спасение человечества в звёздной экспансии. Но чтобы лететь к звёздам, кто-то должен придумать, как это сделать. И этот «кто-то» может черпать силы и вдохновение только в научно-фантастической литературе.

Страничка ЛитРес – <https://www.litres.ru/vladimir-yacenko/>

Бродяги

1²

² Иллюстрация: Светлана Огородникова

Поздний вечер и потрескивание пылающих сучьев если и настраивали беседу на душевный лад, то как-то незаметно. Егор злился, осознавал свою беспомощность перед напором чужой враждебности, и злился ещё больше.

– Потому что сволочи, – спокойно сказал Глеб. – Нет им до нас дела. Ждут не дождутся, когда мы подохнем. Тогда гарантированно скапнутится последний пришелец, всё устанится, и можно будет выпить за мир во всём мире. Тем более что он уже наступил.

Отработанным движением он сорвал крышку с консервы и, давясь и захлёбываясь, вывалил кукурузу в глотку. Крякнул, отдышался, вытер рукавом губы. Консервная банка полетела в огонь, а Глеб потянулся за бутылкой.

– Вы только что съели пол-литра кукурузы, – сдержанно заметил Егор. – И пьёте дорогой кагор. Продукты, одежда, жильё... даже этот мангал из нержавейки вам доставили бесплатно. Почему же «сволочи»?

– Молод ты ещё, – стукнул зубом по стеклу Глеб, прикладываясь к бутылке. Сделав порядочный глоток, счастливо улыбнулся. – Жизни не знаешь. Посчитай, во что человечеству обошлась эта подачка? Зато есть возможность вести наблюдение за пришельцами в естественных условиях!

Размахнувшись, он швырнул бутылку в своего стаука, но промахнулся. Тогда выхватил револьвер и расстрелял в пришельца весь барабан до щелчка. Каждый выстрел отбрасывал «гостя со звёзд» на полметра. Когда патроны закончи-

лись, стаук характерными заматающими движениями при-
близился к Глебу и положил к его ногам пули. Потом, так же
танцую, вернулся на место, где стоял перед расстрелом.

– Каждый раз так, – скрипнув раскладным стулом, сказал
Глеб. – Приносит пули, как собака мячик. Не знаешь зачем?

– За тем же, что и собака, – удивился вопросу Егор. – Ду-
мает, что вы с ним играете. Предлагает продолжить игру.

– Думает? У него нет мозгов, чтобы думать, парень. А ты
заметил, что стреляю я лучше, чем бросаю?

Егору захотелось ударить Глеба. Рядом лежало несколько
запечатанных бутылок, а револьвер был разряжен. Так что
исполнить желание можно было без труда, не опасаясь мгно-
венной расплаты. А утром они с Достиком уйдут...

Тревожно задёргалось левое веко, и будто крапивой обо-
жгло поясницу.

«Не согласен, опасность», – сигналил Достик.

«Я не смогу его ударить, – мысленно успокоил друга
Егор. – Я буду его ненавидеть и презирать, но не ударю. И
за это ненавидеть и презирать себя буду ещё больше, чем
его...»

– Ухожу утром, – сказал Егор. – Зашёл попрощаться.

– Скатертью дорога, – не повернув головы, ответил Глеб. –
Главное, не забудь отходной лист подписать. Иначе не выпу-
стят.

– Нет. Достика не отдам. Попробую уйти без отходного.

– Достик?

– Говорил уже. Я так называю своего пришельца.

– Верно, говорил, – скривил улыбку Глеб. – А я ответил, что это безумие. И то, что ты задумал, тоже дурость. Пограницы и санитары специально под это дело натасканы. Они твоего стаука за километр унюхают. А собаки – за пять. Пришельца из гетто не вынесешь. Чего тебе не сидится?

– Не могу долго на одном месте. Задыхаюсь. Хочу, чтобы каждый день новые горизонты. Проблема с головой. Сами сказали: «безумие»...

– Тоже мне «проблема», – фыркнул Глеб и громко икнул.

Ничуть не смущаясь, отыскал мутным взором Достика и бросил в него револьвер. Не попал.

– Сдай его белым халатам, получи премиальные и катись к своим горизонтам. Будь счастлив, человек!

– Не могу, – севшим голосом сказал Егор. «Если бы он попал в Достика, я бы его точно ударил!» – Он мне друг. У меня, кроме него, никого нет.

– Дурик ты, – устало сказал Глеб. – Дурик и чудило. Разве ты из соломы?

– Нет.

– А пришельцы – из соломы. Нету в них ни капли человеческого. Разве что вонь и назойливость. Или твой не воняет?

– Можно притерпеться.

– Можно, – легко согласился Глеб. – И с крыши вниз головой – тоже можно. Или в омут с камнем на шее. А потом с разбегу под поезд. Я, к примеру, в резервации только по-

тому, что здесь хорошо. Повезло мне, понимаешь? Вытащил счастливый билет. Кормят, поят, одевают... всё бесплатно. Это ты правильно заметил. Опять же кино, вино, Интернет. Всё на халяву, бери – не хочу. Кому особенно неймётся – тренажёры, бассейны, стадионы. Девки под видом туристов приезжают. И не сказал бы, что шибко разборчивые. Сиди себе у компа и путешествуй в своё удовольствие. Кто тебе мешает?

Егор попробовал объяснить:

– Фотки и фильмы – это другое. Нужно, чтобы ветер на лице и пыль на ботинках. Свобода – это когда всюду небо, и взгляд скользит в бесконечность. Идёшь, куда хочешь. Останавливаешься, где хочешь. Краски, запахи, звуки...

– Запахи? Какие «запахи», когда рядом эта вонючка?!

Глеб наклонился, выхватил из сумки с продуктами второй револьвер и снова разрядил его в своего пришельца. Тот, как заводной, с поклонами и реверансами принёс пули, и вновь вернулся на место, терпеливо ожидая продолжения игры.

Егор почувствовал, как вспотели ладони. «Хорошо всё-таки, что я его не ударил, – подумал он. – Впрочем, Глеб не стал бы стрелять. С такими кулаками, чтобы проучить меня, ему револьвер не нужен».

– Знаю, что бесишься, – неожиданно по-доброму сказал Глеб. – Видел, как ты лентами украсил платаны на плацу. Зачем?

– Хотел, чтобы у нас появилось что-то новое. Типа «Но-

вого года».

– Ничо так. Красиво. Где столько разноцветных ленточек нашёл?

– На аэродроме. Там, на юге, – Егор показал пальцем на юг. – Вы, наверное, не знаете, что у резервации есть аэродром?

– Понятия не имею, – равнодушно согласился Глеб.

– Две километровые полосы и десяток бетонированных стоянок для самолётов. Пустые, конечно. Но в одной из подсобок диспетчерской вышки лежат полсотни парашютов. Отличный материал. Шёлк! Я взял три рюкзака. Склеил воздушный шар. А остатки выкрасил и порезал на ленточки...

– Молодец! – оживился Глеб. – Вот это по-нашему: в лоскуты, на мелкие кусочки! Почему только три? Надо было всё порезать.

– Разрешили только три. Я спрашивал.

– Спрашивал? – разочарованно протянул Глеб. – А вот это ты зря. Анархия у нас. Бери, что хочешь, и ни с кем не разговаривай. Потому что даром. Странно, что тебе здесь не сидится. Я думал, гетто – рай для бродяг.

– Бродяга – это человек, который бродит, – рассудительно сказал Егор. – Человек, который берёт без спросу, называется по-другому. Я всегда отрабатываю за всё, что беру. И всегда спрашиваю.

– Отрабатываешь?

– Грязной работы хватает. Такой, за которую не всякий

возьмётся: выкопать старое дерево. Напилить и наколоть из него дрова. Переставить нужник в новое место. Побелить стены, выправить окна-двери... Или что попроще: вымыть посуду, начистить овощи... Мне же не деньги нужны – только еда, душ, прачечная. Редко – одежда, обувь. Иду, куда глаза глядят. Но на зиму, конечно, останавливаюсь. Зимой за дачами зовут присмотреть.

– Странная жизнь для молодого парня, – ухмыльнулся Глеб, в раздумьях перекатывая бутылку с ладони на ладонь. – Чужого не берёшь, добра не копишь. Ты, наверное, дурак?

– Разве брать и копить – признаки ума?

– Признак ума – быть здесь! – наставительно заявил Глеб.

Он даже отставил бутылку в сторону. Наверное, разговор показался интересным. – Потому что дураки своих пришельцев пустили через пылесос, а такие, как мы с тобой, их берегли и лелеяли. Над нами издевались соседи и смеялась родня, но мы вырастили стауков. И теперь за эту самоотверженную работу общество нас щедро награждает...

– Но вы в своего стреляете!

Глеб покачал пальцем из стороны в сторону:

– Эксперимент! Сволочи в белых халатах изучают наши действия и следят за ответной реакцией пришельца. Вот почему мы с тобой самые важные люди на Земле. А вдруг именно эти выстрелы откроют истинную подоплёку вторжения?!

Он замолчал. Задумался.

«Потрясён собственной эрудицией? – предположил Егор. – Нужна ему «истинная подоплёка», как собаке свежий навоз...»

– Не зря это всё, – тревожным шёпотом сообщил Глеб. – Попомни моё слово, парень, не зря! Им что-то нужно.

– Достик бы сказал, – брякнул Егор.

Левое веко опять потяжелело, и на языке стало кисло. Пришелец сигналил, что недоволен болтливостью Егора. Но Глеб ничего не заметил:

– Мы тут под пиво и шашлыки с ребятами базарили. Думаем, что стауки никакие не братья по разуму, а что-то вроде ищеек. Ищут они. Может, сырьё вынюхивают. А может, обороноспособность проверяют.

– Тогда они не те дома под инкубаторы присмотрели, – улыбнулся Егор.

До Глеба вдруг дошло:

– погоди! Что значит, «Достик бы сказал»? Он у тебя что, разговаривает?

– Беседой я бы это не назвал, – осторожно ответил Егор. – Просто временами чувство такое, будто он меня понимает. А я его.

– Как с собакой?

– Да! Как с собакой, – с облегчением подтвердил Егор.

– А ко мне чего припёрся?

– Попрощаться. Вы первый, кого я здесь встретил. Собственно, я ведь больше ни с кем так и не познакомился. Ку-

ратор объяснил, что замкнутость – характерная черта хозяев. Он сказал, что мы все – интроверты.

– Больше слушай своего «курватора», – гоготнул Глеб. – Это я-то замкнут? Да если хочешь знать, я – самый общительный человек в мире!

– Поэтому мне и показалось, что уйти, не попрощавшись, невежливо... Куратор сказал, что без пришельца выпустят.

– Выпустят, – подтвердил Глеб. – Без пришельца катись, куда хочешь.

– А вы почему своего не сдаёте?

– Ещё чего! – ухмыльнулся Глеб и почесал стволом револьвера шею. С воротника скатилось несколько зёрен кукурузы. – Если сдам, придётся уйти. А снаружи нужно работать... и за стрельбу посадить могут. То ли дело здесь, в гетто. Умному человеку – раздолье! Кстати, об уме. Не забудь, что разрешают к выносу всё, что можешь унести в руках. Советую литиевые аккумуляторы. Здесь бесплатно, а снаружи по рублю за грамм веса. Прикинь, как можно нажиться?! Вот только тяжёлые...

Поначалу вторжения не заметили.

Никто не встревожился, когда в каждом углу домов и квартир появились крошечные коконы из невесомых нитей. Ничем не примечательные комки паутины, какие обычно вьют пауки для кладки яиц. Именно в эти первые недели

пришельцы понесли самые большие потери. Нисколько не задумываясь о природе коконов, усердные хозяйки и домработницы старательно выметали их вениками и вытирали влажными тряпками.

Но углов оказалось больше, чем людей.

Вторая волна истребления накатила через две недели. Коконны выросли до размеров среднего апельсина и сильно воняли нашатырём. Примерно в это же время люди начали понимать, что происходит что-то неладное. За дело взялись энтузиасты-натуралисты-любители, а вслед за ними и дипломированные учёные. Изучение велось сперва просто из любопытства, а позже – с растущим изумлением и ужасом.

Третья волна уничтожения проходила организованно и под надзором правительств. Люди претендовали на доминирование если не во всей Галактике, то хотя бы на родной планете. Холивар добросовестно подогревался сенсационными статьями и сообщениями по радио и телевидению. Блогеры разоблачали военных преступников в белых халатах, чьи безответственные эксперименты породили монстров, опасных для человечества. Военные и «белые халаты» единодушно заявляли – «это не мы» – и переводили стрелки на космос.

Биологи придумали термин «экзозародыш» и обратили внимание на удивительную избирательность пришельцев: коконы росли только в плотном контакте с разумной жизнью – в жилых домах и гостиницах. Их не было на складах, в цехах и офисах. Оставались чистыми углы кают кораблей и ку-

пе железнодорожных вагонов. Не находили коконов и в госучреждениях: то ли пришельцы не обнаружили в них жизни, то ли не сочли эту жизнь достаточно разумной.

Санэпидемстанциям подкинули денег, и мобильные отряды санитаров охотно откликались на каждый вызов испуганных общественной истерией людей.

Разумеется, военные и «белые халаты» не забыли и о своей профессиональной любознательности: за особое вознаграждение санитары поставляли зародышей в институты и лаборатории. К этому времени, если бы не специфический запах, их можно было принять за небольшую дыню. Тогда же открылись ещё два неудобных свойства пришельцев – абсолютный патриотизм и категорическая несклонность к сотрудничеству. Оторванные от места вегетации, зародыши теряли оранжевый цвет, чернели и сохли. После пересадки в угол лабораторного бокса в течение суток они превращались в труху и осыпались пылью.

Сообразительные учёные пошли на поклон к населению. Арендвались комнаты с уцелевшими зародышами. В них разворачивали лаборатории для наблюдения за ростом плода в естественно-домашних условиях. Коконные круглосуточно освещались и снимались видеокамерой. Их облучали, задымляли, топили. Опрыскивали кислотой и ядохимикатами. Высаживали на них грибок и плесень. Проверяли на стойкость к вирусам и бактериям. Тщетно. Пришельцы демонстрировали полное равнодушие к любым средствам уничто-

жения: как к проверенной веками химии, так и к новейшим бактериологическим разработкам военно-промышленного комплекса. Обидно...

Романтически-настроенные граждане, решившие самостоятельно провести исследования интервентов, искали свои пути. Они рассказывали пришельцам стихи и пели песни, танцевали и показывали фокусы. Люди упражнялись в контакте, кто во что горазд. Всё было напрасно. Зародыши или росли, или осыпались в прах. Другого отклика никто не видел.

В Интернете появились каталоги веб-камер, которыми велось наблюдение, и всё человечество, затаив дыхание, следило за потрясающим экспериментом по домашнему выращиванию пришельцев из космоса. Проводились конкурсы с немалыми денежными призами на самый оригинальный способ привлечь внимание существа, растущего внутри кокона. Гонорары авторов научной фантастики превышали доходы дельцов шоу-бизнеса. Мелодрамы, детективы и вестерны были забыты. Порно-сайты и страницы светской хроники теряли посетителей. Человечество стояло на пороге великих открытий. Человечество дышало мечтой.

Через три месяца коконы подросли до размеров тыквы, треснули, и в оглушительной волне зловония из них вылупились стауки...

2

Лейтенант пограничной службы крутил документы и так,

и эдак, и по всему было видно, что выпускать Егора из гетто ему не хочется.

– Я не вижу отметки о сдаче стаука, – сказал пограничник. – Кто у вас принимал пришельца?

– А самого пришельца вы видите? – враждебно спросил Егор.

Солнце давило на плечи, и от этого рюкзак не становился легче. Настроение было «так себе». Холодный приём пограничной заставы ему не способствовал. Как, впрочем, и беседа с санитарями два часа назад.

– Есть порядок...

– «Порядок» – это когда молчит ваша собака, – Егор кивнул в сторону лохматого пса, дремлющего в тени невысокой акации. – Если бы пришелец прятался у меня в рюкзаке, или плёлся где-то сзади, ваша собака уже давно подняла бы на ноги всю округу. А за час до её лая вы бы услышали вой собаки санитаров.

Пограничник, не выпуская из рук документы, потёр рукавом переносицу и в сомнении сказал:

– Так-то оно так, но...

Щёки обдало холодом. «Достик полагает, что лейтенант колеблется, – понял Егор, – нужно немного поднажать...»

– Не надо «но», – с вызовом сказал он. – Если вам плохо объяснили, как следует поступать в случаях, когда человек уходит из резервации без стаука, зовите командира. А ещё лучше, начальника заставы. Давайте вместе ему расскажем

о наших затруднениях и бестолковом инструктаже, который вы получили.

Лейтенант поджал губы, но сдаваться не спешил:

– Пойдёмте в офис, молодой человек. Стакан холодного чаю? Могу предложить квас. Отдохнёте под кондиционером, пока я свяжусь с комендатурой.

– Свяжитесь, – равнодушно ответил Егор, не двигаясь с места. – За приглашение спасибо, но я здесь постою. Домой хочу. Надоело всё.

На последней фразе голос удачно дрогнул. Пограничник покосился на дремлющую собаку, осмотрелся по сторонам и вернул документы.

– Удачи вам, – сказал он и взял под козырёк. – Спасибо за сотрудничество!

Егору стало неловко за свою резкость:

– Извините, если показался грубым. Но я, и вправду, больше ничем не могу помочь.

Он двинулся прочь по накатанной грунтовой дороге.

– Может, подвезти? – крикнул вслед лейтенант. – До трассы два километра!

– Спасибо, я сам, – обернувшись, крикнул в ответ Егор. – Прогуляюсь. Двадцать минут роли не играют.

Он не собирался садиться в автобус. По асфальту идти тоже не хотелось – пришлось бы шагать под сочувствующими взглядами водителей или, что гораздо хуже, отказываться от предложений «подвезти».

Поэтому, как только застава скрылась из виду, он круто повернул в пустыню. Если верить карте, отсюда до города не больше тридцати километров. В сумерках он издали видит огни и не пройдёт мимо. Впрочем, куда идти, он ещё не решил.

За месяц жизни в резервации Егор устал от людей. Перспектива недельного отшельничества в пустыне, наедине с ветром и Достиком, казалась невероятно притягательной.

«Сдался мне этот город, – подумал Егор, – странно, что я вообще о нём вспомнил...»

Через два часа рюкзак заметно прибавил в весе, а Егор начал подумывать о привале, чтобы перевести дух, перекусить и вообще собраться с мыслями.

В пятки впились крохотные иголки. «Хочет, чтобы я шёл дальше, – понял сигналы Егор. – Не выйдет!» Он сосредоточился и отправил Достикку выразительную картинку: шагающий скелет разваливается на части и падает, придавленный огромным рюкзаком.

Тогда иголки впились в ягодицы.

«О том и толкую», – ухмыльнулся Егор.

Он проходил мимо холма, поросшего высоким кустарником. «Если на кусты набросить маскировочную сеть, то в её тени можно будет отдохнуть от зноя, – решил он, сворачивая к зелени. – Съем пару бутербродов и сделаю несколько глотков из фляги».

С облегчением сбросив тяжёлый рюкзак, Егор вынул из

бокового клапана сеть, сложил её вчетверо и соорудил что-то вроде навеса. Полчаса отдыха и лёгкий обед вернули силы и доброе расположение духа. Он даже начал подумывать: «А не проверить ли мне работу новенького примуса?» Но потом решил, что для полноценной стоянки ещё недостаточно далеко забрался в глушь.

«Разведу огонь вечером, – подумал Егор. – И обязательно у южного подножия холма. Никто не увидит ни со стороны города, ни со стороны гетто. Я обманул их. Заживу лучше прежнего: привычки те же, но уже не один. Теперь Достик всегда будет со мной. Его не найдут. Нас никогда не разлучат».

Защекотало на макушке. Будто ветер пригладил волосы. Он улыбнулся близкому счастью, но улыбка увяла, когда в тридцати метрах от себя увидел с десятков человек, сидящих на огромных баулах. Люди смотрели в его сторону и тихо переговаривались.

«Здорово, однако, я замаскировался, – растерялся Егор. – Или выбранный цвет сетки для этой местности не годится?»

«??? – отправил он своё недоумение Достикку: – Почему не сказал?»

В ответ запылали уши: «Виноват, увлёкся».

– Здравствуй, добрый человек, – раздалось над головой.

Егор повернулся и увидел возле лица тяжёлые армейские ботинки. Владелец серой от пыли обуви возвышался над сеткой. Чтобы общаться с человеком, а не с его ногами, при-

шлось выбираться из укрытия.

– Здравствуйте, – ответил Егор, отряхивая колени. – Я иду к городу. Не подскажите дорогу?

– Разумеется, – отечески улыбнулся человек. – Тебе туда. Он небрежно махнул рукой, и Егор приуныл. Незнакомец обманывал.

– Спасибо, – на всякий случай поблагодарил Егор, ловко сдёргивая зацепившуюся за кусты сетку. – Я могу для вас что-то сделать?

– Чепига! – крикнул кто-то из группы людей. – Оставь пацана, у нас последняя бутылка пива...

– Можешь, – ответил Чепига, игнорируя крики. – Для начала заплати за ответ.

– И по какой цене идут ваши ответы? – покосившись на приятелей вымогателя, спросил Егор.

– Всё зависит от того, что у тебя в рюкзаке, – ухмыльнулся бандит.

– Ваш ответ ничего не стоит, – уверенно сказал Егор. – Потому что вы показали неверное направление. Город в другой стороне.

Он почувствовал, как задёргалось веко – Достик не соглашался с его мнением.

– А давай у них спросим? – Чепига кивнул в сторону людей на баулах. – Пусть они рассудят.

– Это не судьи, а ваши приятели. Стало быть, заинтересованные лица.

– Но ведь других нет? – поднял брови бандит. – Как быть?

– Я пойду в другую сторону. Это будет означать, что я не воспользовался вашим советом. А если не воспользовался, то и платить не за что.

Чепига осуждающе покачал головой.

– Если ты пойдёшь в другую сторону, значит, воспользовался! Поступая вопреки, ты инвертируешь мой совет в соответствии со своим мнением обо мне. Но в основе расчёта всё равно лежат мои слова. Выходит, должен.

Егор забросил рюкзак на спину и с ненавистью сказал:

– Сразу видно – учёный человек. Только вещи свои я вам не дам. В чём дело? Человек человеку – волк? Будешь грызть глотку, потому что можешь? Вы ведь тоже не налегке, – он кивнул на поклажу спутников бандита. – Зачем вам лишняя тяжесть?

– Чтобы руку не сбивать, – примирительно сказал Чепига. – Народный контроль за выносом имущества гетто. Общественная налоговая на нетрудовые доходы.

– Налоги? Уподобимся богачам от правительства, которые грабят, не потому что голодны, а потому что у других ещё что-то осталось? У меня в рюкзаке только личные вещи. Трусы, носки, полотенце. Ты так нуждаешься в этих тряпках? Тебе они нужнее, чем мне? А может, ты голоден? Хочешь съесть мои бутерброды? Или выпить мою воду? У меня десять литров воды. Это половина веса рюкзака.

Чепига отступил на несколько шагов. На его лице чита-

лось изумление, а через секунду – растерянность. По щекам Егора пробежал озноб: «Поднажми!» – советовал Достик.

– Или твои приятели умирают от голода? – Егор грубо ткнул пальцем в сторону людей. Потом повернулся к ним и громко крикнул: – Ваш друг говорит, что вы давно не кушали и хотите отобрать у меня бутерброды! Это правда?

– Хорошо играть на публику, – хмуро сказал Чепига. – Не нужна нам твоя колбаса. И шмотки твои не нужны. Уже и пошутить нельзя...

– Дурацкие шутки, – строго сказал Егор. – Особенно с незнакомым человеком.

– Чепига, – представился шутник и протянул руку.

– Егор.

– Стаука не видел? – спросил кто-то из приятелей Чепиги. – По радио сообщили, что пришелец ушёл. Объявили награду. Немалые деньги.

Егор и не заметил, как они подошли. Он пожал плечами:

– Нет, не видел. Своего я отпустил, а до чужих мне нет дела. И деньги меня не интересуют.

– Почему?

– Деньги – зло. Когда их нет, человек нервничает. Но с деньгами человек нервничает ещё больше.

– Ты философ?

– Я – бомж, – сказал как отрезал Егор. – Это что-то меняет?

После минутной паузы кто-то предположил:

– Так может, это твой пришелец за тобой увязался?

– Мне всё равно. Если мой стаук сбежал, значит, идёт по следу. Вам остаётся только расположиться здесь и немного подождать.

– А премиальные за стаука получил? – поинтересовался Чепига. – Если тебе деньги не нужны, можешь их нам оставить.

– Я отказался от денег, – спокойно ответил Егор. – Друзей не продаю.

– Друзей? – неприятно поразился кто-то из бандитов. – Это кого ты называешь другом?

– А ты сам кого бы назвал другом: того, кто отбирает, или того, кто даёт?

– И что тебе дал пришелец?

– Спокойствие!

В пятках закололо, а на языке стало кисло. «Хватит болтать, уходи», – сигналил Достик.

– Удачной охоты, мужики. Пусть все пришельцы будут вашими, – сказал на прощание Егор.

Он повернулся и быстрым, не терпящим возражений шагом двинулся восвояси. «Быстрее, быстрее, – подгонял он себя. – Пока они не опомнились. Пока не сообразили, что добыча ушла на голом энтузиазме».

Он бодро шагал, пока не свернул в балку между двумя холмами. Полагая, что скрылся от взглядов разбойников, обернулся: их и в самом деле не было видно.

Отправил вопрос Достигу. Тот подтвердил, что они пока стоят и разговаривают: закололо в ягодицах, и задрожали губы...

Следующая мысль показалась открытием: «Я навязал свою волю враждебно настроенным людям: санитарам на выходе из гетто, пограничнику и разбойникам. Таким проще не делать ничего, чем поступить так, как их просят. Но до приезда в резервацию я у себя дара убеждения не замечал. Неужели Достиг научил?»

У него зачесались ладони. «Рука руку моет...» – припомнилась фраза, которая вполне могла быть точным переводом сигнала пришельца.

Егор немного сбавил шаг, восстанавливая дыхание. Вынул из кармана рюкзака свежий выглаженный платок и старательно вытер лицо и шею от пота. Приложил влажную ткань к лицу: стало немного легче. Платок пах земляничным мылом. Егор несколько минут с наслаждением через него дышал. Когда ткань нагрелась, старательно сложил точно по сгибам и отправил на место, в кармашек.

Так уж получилось, что своих родителей Егор не помнил, и откуда у него страсть к бродяжничеству, не знал. С пришельцем «познакомился» случайно: проходя мимо очередного хутора, заметил подростков, собирающихся вылить на стаука чан с расплавленной смолой. Попросил их не делать этого. Они согласились в обмен на уборку картошки. Участок оказался большим, два дня промаялся. Потом неделю

болела спина и ныли плечи, но Егор не жалел о бартере – он получил работу на обычных условиях: еда и ночлег, а в придачу приятеля – стаук неожиданно забыл о своём прежнем хозяине и привязался к Егору.

Вонь от пришельца на открытом воздухе не тяготила. Кроме того, у Егора быстро вошло в привычку держаться по отношению к своему товарищу ближе к ветру. А потом Достик научился распознавать движение воздуха и сам начал вырывать на подветренную сторону.

«Достик всегда был славным, – подумал Егор и тут же почувствовал ответ друга: тёплая волна пробежала от живота через грудь к шее. – Издевательства и насмешки людей – ничто по сравнению с удовольствием от его участия в моём отшельничестве».

Преимущества космического друга казались очевидными. Во-первых, Достик всегда внимательно слушал и никогда не перебивал. Во-вторых, не приставал с советами, не учил жизни и ни разу не усомнился в бродяжничестве как в единственно возможном способе существования. Он никогда не спал, не просил кушать или пить. Пришелец поражал здоровьем, но часто грустил. Егор долго пытался угадать причину его грусти, и, возможно, именно эти попытки помогли однажды распознать ответные прикосновения пришельца. Но и эта связь всегда оставалась тактичной, на грани восприятия. Удивительно, но пришелец, следуя за Егором по пятам, ни разу не показался навязчивым.

«Всё понимает, но помалкивает, – думал Егор. – Тот ещё хитрюга! Но меня ему не перехитрить. Глеб ошибается, стаки вовсе не «собаки». Скорее, коты – себе на уме и всюду суют свой нос».

От приятных размышлений отвлекло сильное покалывание в пятках и жжение в пояснице. «Бежать, опасность», – перевёл смысл сообщения Егор.

«Разбойники опомнились! Бегут за мной. Что же мне делать, Достик?»

За первую неделю жизни новорожденные набрали вес под десять кило и походили на конус из пучка соломы: чуть больше метра в высоту и столько же в диаметре. На этом их рост прекратился, и как-то быстро сложилось мнение, что это и есть взрослые особи.

Перед людьми предстали безвредные медлительные существа, которые не убегали и не прятались – покорно терпели любые выходки садистов-экспериментаторов. Не жаловались, не кричали и не плакали. От электрического тока не вздрагивали, мирно растворялись в кислоте, горели синим пламенем и расчленялись на мелкие кусочки, сохраняя нечеловеческую выдержку и достоинство.

И это братья по разуму? Такие, значит, партнёры по контакту?

Обозреватели и блогеры соревновались в красочности описания своего разочарования.

Пришельца можно было сжечь или измельчить в кофемолке, но получить труп для выяснения разницы между живым и мёртвым не получалось. Тогда в угоду любознательности пришлось наступить на горло человечности.

Один из ведущих физиологов, которому довелось вскрывать живого инопланетянина, высказался предельно точно: «Если это наш потенциальный противник, то, боже мой, какие же мы звери!»

Результаты экспериментов мало напоминали отчёты успешных научных исследований: «выделенных органов не наблюдается», «микроструктура не выявлена», «контакт с окружающей средой не определён», «способ локомоции не ясен», «о механизме равновесия можно только догадываться»... Пришельцы оказались не по зубам и микробам: инертность в отношении микрофлоры и фауны поражала.

У химиков дела шли не лучше: интервенты выделяли заметное количество гелия с примесью аммиака и фтора. Кто-то даже воспрял духом: хоть что-то можно было положить в основу расчётов. Но как именно выделялась эта летучая смесь, никто не понял. В результате чего она выделялась, тоже оставалось загадкой. Привычная к оболваниванию простаков академическая наука прикрыла очередной провал магической фразой о продуктах метаболизма. О самом механизме обмена и что именно поступает на вход, скромно умалчивалось.

Разумеется, на общем безрадостном фоне не всё было

одинаково уныло. К примеру, пришельцы неожиданно порадовали экзопсихологов. Как выяснилось, патриотизм зародышей у взрослой особи трансформировался в рабское преклонение перед человеком.

Перед одним человеком.

Каждый пришелец в первый день жизни выбрал хозяина, за которым следовал всегда и повсюду. Чаще всего, хозяином становился владелец здания, в углу которого рос кокон. Но в общем случае им мог стать кто угодно: от исследователя, проводившего дни и ночи рядом с растущим коконом, до разносчика пиццы, однажды заглянувшего в комнату с зародышем. Открылась новая особенность – избранники «награждались» привязанностью только одного пришельца.

Счастливые владельцы инопланетян вскоре впали в уныние, а потом и в отчаяние: от космического «приятеля» было невозможно избавиться. За хозяином он следовал с тупым упрямством, достойным зависти котов и собак, которые могут ломиться в запертую дверь час, два или даже весь вечер, но не сутки и не месяц!

Кроме того, инопланетяне воняли. Общество человека, за которым следовал пришелец, становилось ужасным испытанием. Как только не называли хозяева своих космических поклонников: приставалы, рвотики, тошнотики, зорин-зоманы... – и это только литературные эпитеты, которыми люди награждали интервентов.

Чтобы выделить пришельцев из банды живых существ,

измучивших человечество назойливостью: мух, комаров, крыс, тараканов... – им дали звучное имя «приставуки». Не склонное к лишнему труду население сократило название до «ставуков». А потом даже не заметили, как из имени выпала буква «в». Так пришельцы стали «стауками».

Они не возражали.

Безропотность, с которой они принимали любые превратности судьбы, легла в основу притч и анекдотов. По всему миру возникали культы пришельцев. Люди пытались подражать странным братьям по разуму в равнодушии к превратностям судьбы.

Впрочем, разума, в привычном для человека понимании, у стауков так и не обнаружили. Не прекращались споры и о том, следует ли их считать живыми. Ведь до сих пор единственным признаком жизни стаука была локомоция. Выделение газов не принималось в зачёт, поскольку пришлось бы причислить к лику живых и сероводородные источники.

Сторонники наличия разума у пришельцев в качестве бесспорного, по их мнению, аргумента приводили опознавание и преследование хозяина. Стаук всегда знал, где находится его кумир, безошибочно выделял его из толпы и всегда старался держаться к нему поближе.

Максимальной дистанцией, на которой стаук «брал азимут», считались десять километров. На большем расстоянии пришелец замирал, не двигался несколько суток, а если хозяин не возвращался в радиус восприятия, чернел и рассы-

пался в пыль. Если же хозяин всё-таки успевал вернуться в десятикилометровую зону, то с какой бы стороны человек не «показывался на горизонте», стаук верно выбирал направление и двигался к цели со скоростью обычного пешехода.

Преграды помогали: даже лёгкая стена в полкирпича надёжно «прятала» хозяина от доставалы. С тем же результатом, разумеется: если в течение суток хозяин не выходил из «тени» препятствия, стаук погибал.

Помимо фантастической покладистости пришельцы демонстрировали фантастическую беспомощность. Посаженный в лёгкий фанерный ящик, стаук тупо стоял у стенки, обращённой к хозяину. Не пытался выбраться. Не проявлял признаков нетерпения. Просто стоял и всё. А если хозяин выходил из десятикилометровой зоны или прятался в доме, чернел и рассыпался в пыль.

Здравая мысль «что-то слишком много чёрной пыли» пришла в светлые головы одновременно. Мировая научная общественность вздрогнула и похолодела от нехороших предчувствий. А что, собственно, происходит с пылью после летального завершения эксперимента?

Пришельцев поначалу было так много, что никому не пришло в голову вести учёт и складирование отходов их самокремации.

Все, кто был в теме, сразу смекнули, что самое время испугаться...

Глаза сперва защипало, а потом резануло так, что Егору пришлось остановиться. Он опустился на колени, чувствуя влажные дорожки слёз на щеках.

– Легче, Достик. Легче! – прошептал он, переживая боль. Попробовал смотреть сквозь прищур и вновь зажмурился.

«Будто толчёным стеклом, – расстроился Егор. – Как я теперь пойду? А ведь не идти – бежать нужно!»!

Двигаться в таком состоянии он не мог.

«???» – отправил сигнал Достикю. Ответ пришёл немедленно: цветные круги брызнули миллионом осколков и сложились в план местности – тёмно-коричневая пустошь, пунктирная линия, которой он шёл к заставам, сами заставы, отмеченные синими кружочками, и асфальтовая дорога с движущимися точками редких автомашин посреди каменной пустыни.

Движущимися?!

Чем пристальнее Егор всматривался в схему, тем отчётливей становились детали. Через минуту он понял, что видит не грубый план местности, а подробную топографическую карту, некоторые детали которой перемещались и, вполне возможно, точно отображали положение объектов по отношению друг к другу и к сторонам света.

– Ничего себе! – произнёс вслух Егор, не открывая глаз. – Вид сверху!

Да. Царский подарок! А он-то радовался сетке, палатке и

прочему туристскому снаряжению, взятому из спортивного отдела хозмага. «То, что показывает Достик, ни в каком магазине за тыщу лет не сыщешь!» – подумал Егор.

Балка, по которой он пытался убежать, сворачивалась улиткой к западу. Что особенно поразило: город лежал гораздо севернее, чем ему казалось. С учётом расположения холмов направление, подсказанное Чепигой, было правильным.

Он «присмотрелся»: преследователи разделились на два отряда – первый, из семи точек, входил в ущелье. Скорее всего, Егор уже в поле их зрения. Ещё два человека двигались через холм, заходя в балку с середины, далеко впереди.

«Они обо мне слишком хорошего мнения», – с сожалением подумал Егор. Он опустил руки в нагретую солнцем пыль. Взбитый временем и ветром грунт нежно коснулся пальцев. Прикосновение показалось ласковым, но беспокойства не убавило.

«Глупо! – признал Егор. – Бестолковый получился побег. Куратор советовал: никакой самодеятельности! Обитатели города живут поимкой беглецов и контрабандой даров цивилизации...»

Люди, которые вышли на перехват, спустились с холма и остановились. Потом неспешно двинулись навстречу. С учётом длины балки и осторожности, с которой они шли, путь им предстоял долгий.

«Этак они до вечера могут идти», – посочувствовал Егор.

В то же мгновение точки перехватчиков дружно замигали. Егор перевёл «взгляд» на рой меток, нависших над красным кружочком, которым, судя по всему, был обозначен он сам. Эти точки не мерцали, держались ровно...

– Я так и подумал, что тебе понадобится помощь, – раздался знакомый голос.

– За это мне тоже придётся заплатить? – предположил Егор.

– Что с тобой, парень? – спросил кто-то из разбойников.

– Песок в глаза попал. Сейчас пройдёт.

– Подставляй руки, – распорядился Чепига. – Нужно промыть. Я солью тебе, умоешься. Только не спеши: вымывай, а не три.

Егор послушно вытянул руки и старательно умылся. К его удивлению, безболезненно открыть глаза удалось с первой попытки. Но карта не исчезла, – стоило зажмуриться, как она вновь открывалась перед внутренним взором. Чёрные точки перехватчиков топтались за ближайшим поворотом.

«Похоже, я их перенёс, и они раздумывают, что с ними произошло, – подумал Егор. – Я и сам отработал бы десять лет каторги за объяснение, что происходит».

– Легче? – спросил Чепига.

– Да, спасибо.

– Хочу вернуться к теме твоего рюкзака, – безмятежно заявил Чепига. – Во-первых, теперь ты должен за воду. С этим не будешь спорить?

Егор покачал головой. Споры с бандитом отнимали непозволительно много сил. По сравнению с картой, рюкзак не стоил таких мучений. Ни сам мешок, ни его содержимое.

– Вижу, что он вам приглянулся, – устало признал Егор. – Забирайте. Он ваш.

– В каком смысле? – удивился бандит.

– В прямом. Мне, конечно, жаль своих вещей, но удовольствие попрощаться с вами того стоит. Теперь, после стопроцентного налога на вынос, вы оставите меня в покое?

Он закрыл глаза и увидел, что перехватчики пришли в движение. «Через пять минут покажутся из-за поворота, – подумал Егор. – Заодно проверю масштаб и вообще...»

Он посмотрел на часы.

– Кого-то ждёшь? – поинтересовался Чепига.

– Часы вам тоже понравились?

Чепига оскорблённо поджал губы и отвернулся к бойцам:

– Ладно. Давайте глянем, что Бог послал.

– Вдруг гляжу, на третьей полке чей-то чемодан... – весело затынул один из разбойников.

– ...Сердце радостно забилось, что же будет там? – подхватил другой.

Они загоготали, а Егор закрыл глаза и под их жизнерадостный хохот продолжал изучать карту. В том, что её транслирует Достик, Егор не сомневался. Но как? И зачем?

«??? – отправил он сигнал другу. В углу карты появилась смешная рожица с круглыми от удивления глазами. – В са-

мом деле, – подумал Егор. – Что значит, «зачем»? Ведь это я спросил у него что делать. Он и ответил. Как мог. И, надо сказать, у него неплохо получилось».

Хохот оборвался. В наступившей тишине кто-то при- свистнул, а ближайший, наверное, Чепига, вздохнул.

– Книги?

– Зачем тебя макулатура, студент?

– Это не макулатура! – с достоинством сказал Егор, вста- вая с колен. – Это книги. Бумажные. С ламинационной про- питкой. Видите? Вечные! И содержание вечное. Комиксы: Тарзан, Бэтмен, Человек-паук. А вот, посмотрите, трёхтом- ник японской «тетради смерти». С переводом! Только вы не подумайте. Я спросил. Мне разрешили...

Он подошёл к выпотрошенному рюкзаку и принялся всё складывать обратно.

– Взял бы планшет-читалку, – сказал кто-то из разбойни- ков. – Все книги мира...

– Псих! – вклинился другой голос. – Парень, ты, наверное, больной?

– На всю голову, – с состраданием подтвердил диагноз Че- пига.

– Эгей! – закричали издалека. – Поймали!

Из-за холма вышли перехватчики. С удивлённым ворча- нием разбойники потянулись им навстречу. Егор торопливо запихивал в рюкзак книги: «Мало ли? А вдруг поймут, что это и вправду ценность? Нужно уходить, пока они не пере-

думали...»

– Облава! – раздался встревоженный голос. – За бежавшего стаука утроили награду.

Егор сноровисто подтянул шнуровку и привычно забросил рюкзак на спину.

– Приятно было познакомиться, – небрежно бросил он. – Я, пожалуй, пойду.

– А ещё специалист по комиксам, – с укором заметил Чепига. – Ты же слышал: облава. Только что по радио объявили. Если ты от нас не сумел убежать, как от военных спасёшься? Через четверть часа они столько народа вколотят в периметр, что все будут стоять боком.

– Почему «боком»? – не понял Егор.

– Потому что плечи широкие, – невесело пояснил Чепига. – Оставайся с нами, студент. Будешь на свежем воздухе, а не в камере.

Егор слушал с закрытыми глазами. Он видел правоту разбойника: в самом деле, вертолёты роились над аэродромами. По всей пустыне останавливались автомашины. Бойцы, потея в касках и бронежилетах, показывали водителям фотографию Егора.

– Почему «в камере»?

– А куда тебя? – удивился Чепига. – Никому ещё не удалось протащить пришельца мимо блокпоста. И никогда ещё в связи с побегом пришельца не объявлялось чрезвычайное положение. Как поймают, так и запрут. До выяснения обстоя-

ятельств.

– Как бы и нас не загребли, как пособников, – забеспокоились приятели Чепиги. – Солдаты прочёсывают холмы. Увидят парня, не отмажемся.

– Тогда почему стоим? – хитро прищурился Чепига. – Хорошо болтать, мужики. Уходим!

Инспекция научных центров по изучению пришельцев произвела на академическую общественность удручающее впечатление: определив состав чёрной пыли (девять десятых – обычный углерод), никто не подумал утилизировать «отходы экспериментов». Исследователи полагали останки пришельцев инертными к окружающей среде и попросту сывали их в канализацию. С доводом возмущённых теоретиков: «Человек на три четверти состоит из обычной воды, насколько он инертен к океану?» – соглашались, но огрызались в лучших традициях древнегреческих дискуссий: «Если такие умные, почему говорите об этом только сегодня?»

Сказать, что происходит с экзоуглеродом в канализации и после, никто не мог.

Лаборатории по всему миру независимо друг от друга провели сравнительный анализ массооборота и пришли к выводу, что через десять лет каждый человек будет содержать от двух до семи миллиграммов экзоуглерода пришельцев. Хорошо это или плохо, никто не знал.

Половина лабораторий переключилась на изучение чёр-

ной пыли. Первые результаты лишь подтвердили школьный курс химии по изучению свойств угля и графита. Через неделю изматывающего штурма сразу два научных центра обнаружили структуру в углеродных гранулах, на которые рассыпался пришелец. В углеродной упаковке чередовались молибден, вольфрам и рубидий. Периодичность, с которой встречались редкоземельные металлы, довела до инфаркта нескольких научных аксакалов. К счастью, падёж среди столпов современной науки быстро прекратился. Остальные оказались моложе и крепче: бледнели, но держались.

Панику в научных рядах народные массы не поддержали. Невежество обывателя в вопросах клеточной информационной инвазии сохраняло ему крепкий здоровый сон, в то время как учёных трусило от страха.

Понимая, что выловить утерянные гранулы не получится, чтобы не сойти с ума от ужаса, людям науки пришлось срочно принять тезис о «критической массе информации», без которой запуск неведомой программы, присланной из космоса, невозможен.

В надежде ограничить поступление неизвестного кода в живые организмы, всех уцелевших к этому времени стауков собрали в резервациях. А поскольку каждому «живому» пришельцу соответствовал человек, в резервацию отправлялись и люди.

Правительства не скупилась на социальные льготы жителям гетто: сохранение зарплат с обязательным отчислением

в пенсионный фонд, бесплатное жильё и питание, соцбыт-культ на уровне VIP-граждан – космонавтов, артистов, министров... словом, известных лиц, которыми гордится всякая страна.

О правилах выхода из бессрочного эксперимента долго не спорили: сдавай пришельца и ступай на четыре стороны. Одичать брошенный хозяином пришелец не мог: стаука помещали в герметично закупоренный ящик, где он благополучно погибал и оседал в чёрную пыль. Теперь это вещество хранилось в специальных ячейках, разделённых металлопластиковыми перегородками – мало ли чем космические гости попытаются удивить в будущем?

Так что критическую массу не допускали не только в информационном, но и в ядерном смысле. Казалось, теперь-то люди готовы ко всему! Резервации строились посреди пустыни, в окружении гор. Коренные жители временно переселялись... разумеется, «временно»! – люди не вечны, а раз так, не вечны и пришельцы. Смерть «хозяина» всегда означала гибель стаука. У исследователей была возможность выяснить и этот вопрос.

Пустыни заселялись отребьем человеческой породы, главной задачей которого являлась жёсткая изоляция гетто от остального мира. Бестолковые туристы, по умыслу или неведению неудачно спустившиеся с гор, поворачивали обратно после первой же стычки с «местными». Со своей стороны, государство закрывало глаза на незаконный вынос имуще-

ства, разбой и спекуляцию, процветающую в приграничных к пустыне районах.

Да! Многое было продумано.

И всё-таки пришельцы удивили.

Настал день, когда в чёрную пыль они обратились почти все. «Почти», потому что один всё-таки остался. Но нашли его в таком неожиданном месте, что...

Но обо всём по порядку.

4

Солнце недалеко ушло от зенита, но перестало жарить голову, хотя раскалённый камень по-прежнему жёг ноги. Разбойники, отчаянно потея, не сбавляли темп марша, ущелья и теснины струились полуденным маревом. Егор подумал, что выбираться из лабиринта предгорий могло для него оказаться непростой задачей. Автобус привёз его в гетто с другой стороны, где равнина. Там лежала привычная степь. А здесь его многолетний опыт пеших переходов пасовал. Здесь требовались другие навыки и привычки.

«Хорошо идут! – с уважением подумал Егор о своих спутниках. – Судя по следам, вес в баулах немалый. Под такой тяжестью я бы, наверное, давно упал. Впрочем, я всегда ходил для удовольствия. И никогда не торопился...»

– Чепига! – крикнули из головы колонны. – Комендант обращается к населению...

– Включи громче, – хмуро отозвался Чепига, который шёл перед Егором. – Послушаем.

Техника разбойников тоже оказалась на высоте. Голос коменданта, которого Егор видел лишь однажды и мельком, звучал уверенно и громко: «...окончание эксперимента. Группа контактёров готовится к отъезду. Резервисты и контрактники третьего карантинного пояса получают расчёт в соответствии с условиями договора вербовки и тоже свободны. Желающие пошевелить мослами для премиальных, могут попытаться отыскать Егожина Егора. Десять окладов любому, кто приведёт и сдаст пограничному отряду этого человека.

Колонна остановилась. Они побросали баулы и повернулись к нему.

«Десять окладов! – затравленно подумал Егор. – Судя по лицам, это много... Почти год работы!»

– ...И, напротив, лица, укрывающие Егожина, будут привлечены к уголовной ответственности по статье за препятствие розыску больного с особо опасной инфекцией, с обязательным карантинном, изъятием и захоронением всего имущества. Приметы...

Комендант зачитал рост, вес, причёску и цвет глаз, но его уже никто не слушал.

– Это ты, что ли, Егожин? – недоверчиво осведомился Чепига.

– А что, непохож? – огрызнулся Егор. – Живу в соответствии...

– Что будем делать, мужики? – в несколько голосов раз-

родилась вечным вопросом ватага разбойников. – Пряники комендатура озвучила. О розгах тоже не забыла. Теперь бы понять, какого лешего рисковать, если синица, считай, в кармане?

«Правильный вопрос! – согласился Егор. – Тем более что я и сам не знаю, зачем мне от кого-то прятаться».

– Если вы на мне заработаете, буду только рад, – сказал он сдавленным голосом. – Мне бы не хотелось, чтобы из-за меня у вас были неприятности.

Но у Чепиги оказалось своё мнение. Он развернулся к ватаге и повысил голос:

– Сколько окладов у тебя в вещмешке, Прохор? И что плохого полежать месяц-другой на государственных харчах? Этот парень может оказаться золотой курицей, олухи. Он сумел обмануть санитаров и погранцов. Он обманывает и нас. Его стаук где-то рядом. Его стаук пронёс по Червивому каньону Лёху и Митяя. Если договоримся с ним, – не поворачиваясь, Чепига с такой силой ткнул указательным пальцем в грудь Егору, что тот пошатнулся, – то договоримся и с пришельцем. На мой вкус, неслабый журавель!

– А что он сам скажет? – запальчиво крикнули из задних рядов.

– А ведь и верно, – загомонили передние. – Что скажешь, Студент?

Егору не понравилась кличка, но тратить время на пустяки казалось неразумным.

– Тех двоих действительно перенёс стаук, – согласился он, – который действительно со мной. Но я не собираюсь вам помогать в противоправной деятельности. На это не рассчитывайте!

Судя по всему, разбойники «рассчитывали» на разное и по-разному: одни потянулись к биноклям, пытаясь разглядеть среди камней ковыляющего пришельца. Другие горячо зашептались с Лёхой и Митяем. И только Чепига рассмеялся.

– Шутишь? – спросил он. – Это за кристальную честность тебя ищет батальон пограничников? Стаука ты вынес в обход застав исключительно на законных основаниях. Да?

Егор тяжело вздохнул и промолчал.

– Как видишь, «противоправность» – категория относительная, – хитро прищурился Чепига. – Хорош пасовать, мужики. Барахло спрячем. На предмет «изъятия и захоронения». А когда всё уляжется, втёмную вернёмся за товаром. Вместе со Студентом попытаемся прорваться в город. Если получится, продолжим обсуждение в общаге. Нет – сделаем вид, что вели парня в комендатуру, и сорвём премию. Что скажете?

В ответ ехидно спросили:

– А если прорвёмся в город, но кто-то не удержит язык за зубами?

– А мы договоримся, что результаты сотрудничества с Егором в первый год будут делиться поровну, независимо от того, кто из присутствующих будет с ним работать. Идёт?

– Ну, ты загнул!

– Неплохо.

– Цену моего слова знаете! – напирал Чепига. – Если Студент согласится помочь в экспедициях, о которых мы говорили: клады и затонувшие корабли, золотые рудники и алмазные копи в заброшенных и труднодоступных районах, то умнее заплатить по сотне окладов коменданту и каждому бойцу, что сейчас в оцеплении, чем согласиться на «синицу». Как думаете?

Егор уважительно покачал головой. Чепиге следовало отдать должное: он далеко смотрел и хорошо соображал.

– Как мы вырвемся из оцепления? – прервал восторженный гул трезвый голос.

– Если Студент может доставить людей сюда, к нам, то что мешает ему убрать оцепление, стоящее у нас на пути?

Воцарилось молчание. Никто не крутил головой, не сопел, не сморкался. Несколько мгновений казалось, что они вообще перестали дышать.

«Причастность к чуду, – подумал Егор. – Они поняли, что у них на глазах вот-вот свершится магия. Что волшебство произойдёт не где-то и с кем-то, а с ними! Здесь и сейчас!»

– Вопрос не в нас, – продолжил Чепига. – Что Егору кажется более интересным: работать подопытной крысой под наблюдением «белых халатов» или творить историю самому, своими руками. А? Что скажешь, Студент?

Почувствовав на себе взгляды, Егор на мгновение сму-

тился. Ответ был очевиден! Чепига так поставил вопрос, что альтернативы не было.

– Нет, – сказал Егор. – Я не крыса. Это точно.

Пришельцы рассыпались в прах повсеместно и одновременно.

Это никого не огорчило.

Год, прошедший после начала вторжения, сегодня принято называть началом новой эры. Человечество больше не чувствовало себя в изоляции. Канули в прошлое розовые денёчки, когда люди, убеждённые в своей защищённости на собственной планете, могли транжирить ресурсы на умерщвление себе подобных. Все сразу осознали ничтожность и уязвимость человека перед космосом.

Всем вдруг стало ясно, что иметь дело со звёздами можно только сообща: безжалостно раздавив внутренние распри и склоки, поставив всякое сомнение в единстве человечества вне закона. Так люди перестали себя ненавидеть. Каждый понимал, что если оттуда, сверху, в темечко клюнет, то рассчитывать можно только на соседа. Того самого, у которого странные привычки, непонятные святые, кто вообще «не такой».

Да. Человечество объединилось перед лицом космической угрозы. Единое федеративное устройство бывших независимых государств теперь фактически, а не номинально управляло планетой: от океанского дна до поверхности Лу-

ны.

Оценки вторжения, которое привело к кардинальному социальному скачку, разнились в мелочах, но сходились в главном: польза от щелчка по носу была бесспорной. При условии, конечно, если в итоге все останутся живы.

Оптимисты пели осанну творчеству советских фантастов, ещё в двадцатом веке предсказавших концепцию «жука в муравейнике». Пессимисты ворчали о коде и неизвестных последствиях, которые ожидают людей после гибели последнего пришельца. Компромиссное течение, пытавшееся примирить первых и вторых, воздвигло концепцию «останется только один», также уходящую корнями в двадцатый век.

Суть концепции заключалась в неразгаданной программе, которая стартует после того, как останется последний пришелец.

Были и другие представления о целях вторжения. Но, в целом, научная и политическая элита человечества новость о самоликвидации стауков приняла спокойно: без ажиотажа, но с облегчением.

Наверное, именно поэтому, когда в одной из резерваций не досчитались кучки золы, которая всегда остаётся на месте гибели пришельца, генеральный штаб отреагировал сдержанно, но конструктивно. Вместе с приказом «перепроверить и доложить», к тревожному месту немедленно стянули войска, перенацелили на критический район два десятка континентальных ракет с ядерными боеголовками и разве-

силы спутники с самой изощрённой начинкой времён холодной войны.

Никто и ничто не могло покинуть тревожный район.

Но без неожиданностей всё-таки не обошлось.

Режим карантина предполагал тщательное исследование атмосферных условий над проблемным участком суши. Поэтому необычное скопление фотоактивного вещества на высоте шесть тысяч двести метров заметили сразу. А спустя минуту «изучения» результаты отправили в Штаб.

Генерал Одинцов долго рассматривал фотографии, переданные со спутников. Сейчас любой может найти эти фото в Интернете. Но тогда, в те особенные мгновения, эффект от изображения оглушал: небесно-голубой воздушный шар в окружении гигантского кольца из мельчайшей пыли походил на паука, зависшего на паутине.

– Вы можете это пояснить? – недовольно спросил Одинцов, ни к кому конкретно не обращаясь.

Пояснять вызвался самый молодой, и потому отчаянно смелый в суждениях техник:

– Кто-то из контактёров додумался сунуть пришельца в воздушный шар. Газы, которые выделяют стауки, легче воздуха. Пришелец не вышел из резервации, а улетел. Он всё время летел над хозяином...

– Разве атмосферные течения не отнесут стаука от хозяина за сотню километров?

– Наверное, пришелец управляет своим движением.

– А весь этот... – генерал неопределённо пошевелил пальцами, подыскивая нужное слово, – сатурнианский флёр?

Пример молодёжи, не побоявшейся высказать мнение, поддержал кто-то из консультантов:

– Это экзоуглерод. Не исключено, что возможность барражирования над определённым участком местности обеспечивается именно кольцом. Судя по всему, мы снова ошиблись. Это не вторжение, а посольство.

– Посольство? – с отвращением переспросил генерал.

– Пришельцев не множество, а один. То, что мы приняли за код внедрения, оказалось кодом постройки: программой, по которой пришелец соберётся воедино при определённых условиях. Концепция последнего пришельца: как только остался один, к нему устремились останки его «сгоревших» собратьев. То, что мы приняли за вторжение, теперь лучше называть сбором информации.

– Понятно, – слукавил генерал, но все сделали вид, что поверили. – Этого умельца немедленно доставить в центральную лабораторию. И составьте хотя бы приблизительный план действий, позволяющий развеять эту штуку, а ещё лучше, вынести её за пределы атмосферы.

5

«Чистить» дорогу для выхода из оцепления оказалось делом несложным, даже скучным. Егор помечал взглядом точки, закрывающие разбойникам дорогу, и показывал Достигу, куда эти точки следует перенести. Оказалось, без разли-

цы, что именно помечалось: солдаты, БТРы или вертолёт.

С радостным гомоном ватага проходила мимо дымящихся походных кухонь, пахнущих резиной и тальком штабных палаток, сложенных шалашиком дубинок с наброшенными для просушки тельниками под бронежилеты.

«Высаживали с вертолётов, но разворачивались маршброском в полном боевом... неудивительно, что бельё влажное», – подумал Егор.

Он не разделял восторга разбойников, которые куражились вовсю: дегустировали походную кашу, заглядывали в палатки и даже собирали разбросанные тут и там личные вещи десантников.

«Это не может долго продолжаться, – решил Егор. – Донесения о перемещении личного состава скоро доберутся до штаба, там отметят на картах брешь в оцеплении и поймут вектор нашего движения. Тогда в ход пойдёт тяжёлая артиллерия. Глупо всё. Нужно было сдаваться...»

Сомнения укрепились, когда он присмотрелся к Чепиге: тот хмурился, с напряжённым вниманием разглядывал окрестности, поднимал глаза к небу.

Они не ошиблись. Примерно через час после объявления награды за поимку Егора в двадцати шагах справа от середины колонны вскипела пыль. Тяжёлый смрад горелой земли в считанные секунды накрыл людей. Все остановились, глядя на чёрный с багровыми пузырями след от бешенства энергии, низвергающейся из космоса. След очертил перед раз-

бойниками правильную полуокружность, будто ножка циркуля стояла на голове Егора.

Приказ «остановиться» был абсолютно ясен. Глядя на эту мощь, все замерли. Никто не смел даже шевельнуться.

– Со спутника влупили, – сказал Чепига.

– Не наш товар, мужики, – вздохнули позади Егора. – Взяли лишку. Хорошо, что Чепигу послушались, – закопали сумки. Но парня придётся сдать.

– Сдадим, конечно, – с облегчением отозвался другой голос. – Все слышали: для того и вели! И премиальные требовать! Тогда поверят...

– Не наш день, – с сожалением признал Чепига и обратился к Егору: – Решай сам, что дальше делать. Если всё-таки доберёшься до города, спрашивай блинную Гарика. Из местных любой покажет. Гарику скажешь, что от меня. Получишь приют и кормёжку. Дождись меня. Лады?

– Не уверен, – честно сказал Егор. – Я даже не знаю, нужно ли мне убежать.

– Взгляни на экипировку штурмовиков, – хмуро посоветовал Чепига.

Десантники шли цепью. Все в кислотно-синюшных скафандрах с тонированными до черноты стеклянными шлемами. В руках не обычный «калашников», а диковинное оружие, если и огнестрельное, то не иначе, как с напалмом, возможно, разрывным.

«Ужасно не нравится эта компания, – признал Егор. – Ес-

ли они так встречаются, то могу представить условия содержания». Воображение услужливо нарисовало железобетонный гостиничный бокс в сотне метров под землёй, со всеми возможными способами уничтожения постояльца. И опыты, опыты, опыты. Верная мучительная смерть человеку, для которого открытое небо и бескрайние горизонты важнее воздуха.

В пятку воткнули гвоздь. «Достик?» – позвал Егор, едва сдерживая стон.

Пришелец ответил знакомой картой. Чёрные точки замерли в почтительном оцепенении. Мерцал только красный кружочек. Мерцала метка, которая обозначала Егора.

«Ты хочешь, чтобы я перенёсся сам?» – подумал Егор. Волосы на макушке дрогнули – будто голову пригладил ветер. Егору стало неловко за свою недогадливость. Ведь именно об этом говорил Чепига. В самом деле: если он может перемещать танки, что мешает переместиться самому?

«Куда?»

Достик показал, и Егор охнул. Чепига отступил на шаг, пытаясь понять причину возгласа «Студента». Солдаты в скафандрах жестами приказывали разбойникам отойти в сторону. Оружие было нацелено только на Егора. Но он ничего не видел и не слышал. Он был слишком увлечён новым горизонтом. Он смотрел на карту. На звёздную карту.

Перед ним мутной разноцветной кашей разлегалась улитка Галактики. В глубине одного из рукавов пульсировало что-

то ярко-оранжевое. Масштаб начал стремительно меняться. Егора понесло сквозь Галактику навстречу тревожному сиянию. Мимо мчались звёзды, а он всё ближе подбирался к оранжевому маяку. Через секунду он приблизился к нему настолько, что сумел рассмотреть звезду, закованную в латы.

Из сферического панциря, обуздывающего неукротимую ярость исполинской водородной бомбы, вырывались лучи, которые в точности ложились на спутники, величаво плывущие по своим орбитам. Егор удивился, что планетная система больше походила на модель атома, в которой электроны снуют по самым разным направлениям, чем на солнечную систему, в которой орбитам суждено всегда оставаться в одной плоскости. Здесь плоскостей эклиптики было много, больше десятка. По числу планет.

Он удивился могуществу цивилизации, которая сумела надеть на своё солнце смирительную рубашку и не отдавать космосу ни кванта света понапрасну.

«Похоже, Глеб оказался прав, – подумал Егор. – Стауки действительно искали. Они искали меня. Если смысл вторжения был в выборе представителя для переговоров, то почему бы сильной стороне не указать место встречи, удобное для себя? Они даже потрудились предоставить транспорт!»

Часть внимания Егора переключилась на возню около его тела, по недоразумению забытого на далёкой Земле. Солдаты в синюшных скафандрах принесли половинки саркофага и уже прилаживали их, чтобы упрятать удачливого контактёра

в металлопластиковый тубус.

«Разумно, – оценил Егор находчивость земляков. – Жаль только, что моего мнения не спросили».

Ослепительно огненной спицей «Студент» пронзил небо, которое так любил.

– Во, блин! – в благоговении воскликнул Лёха.

– Вознёсся! – сипло отозвался Митяй.

– Нифига! Молнией под землю впечатало, – авторитетно заявил кто-то из десантников, снимая осточертевший шлем.

Разбойники и солдаты загалдели, загомонили, обмениваясь впечатлениями. Только Чепига молчал, разглядывая замысловатые петли, в которые размазывал белёсый след «молнии» непостоянный по высоте ветер...

Алёна Коновалова

Технаръ по складу ума с высшим техническим образованием; работаю проектировщиком. Любительница лис и лошадей, манги и аниме, ценитель культуры Японии и Китая. Почитатель творчества Стивена Кинга и Мьевеля Чайны.

Пишу мрачное фэнтези и фантастику. Нежно люблю стимпанк и киберпанк. Создаю всевозможные миры, которым в рассказах тесно. Своих героев до безумия люблю, оттого они постоянно страдают.

Писать начала совсем недавно; говорят, что выходит неплохо. Известна в сети под ником Alizeskis.

Профиль на Сinem сайте <https://ficwriter.info/component/comprofiler/userprofile/Alizeskis.html>

Кто такой кивлас?

Я дёргался, не отдавая себе отчёта. Порой казалось, что стул раскалился добела, а потом – что тысяча иголок впивается в кожу через тюремный комбинезон. Хорошо, что Иржи Блажек, начальник тюрьмы «Танкара», уткнулся носом в планшет. Кстати, что он читает? Пора бы ввести и меня в курс дела.

– Александр Камилев, – растягивая гласные, произнес, наконец, Иржи. – Пойман с контрабандой, – он поднял голову и посмотрел поверх полукруглых очков. – Одиннадцать лет строгого режима.

«Вообще-то, Алекс Кам», – чуть не сорвалось с языка, но я, улыбаясь, выдал:

– Так точно.

– Ну что, Саша, – Иржи положил планшет на стол и сцепил пальцы в замок, – как тебе «Танкара»?

– Очень... м-мило, – ответил я практически искренне.

Провел рукой по волосам и поморщился – сальные патлы!

– Прошло три недели, а ты уже успел засветиться.

– Упал, – ответил, имея в виду фингал под правым глазом, поставленный сокамерником. – Честно!

– Да я верю тебе, что ты, как кишка кальмара, крутишься? – Иржи ослабился.

Мы посмотрели друг на друга – в карих непроницаемых

глазах тюремщика отразилась насмешка. Сердце тревожно заколотилось в горле.

– Пришла летучка сверху, – Иржи кивнул на потолок, имея в виду высшее руководство. – Ты знаешь, кто такие аквасы? – тюремщик замолчал, ожидая от меня реакции.

– Слышал, – ответил я бодро.

Аквасы – раса гуманоидов с водной планеты. Они не любители путешествовать, но гостей принимали. Правда, на крошечном камушке, размером с Луну, сплошь покрытом океаном, особых развлечений люди не находили. Ученые, океанологи – вот и все гости. Рыбо-люди – так окрестили обыватели теплокровных обитатели подводной цивилизации. Или русалки – кому что ближе.

– Здесь, – Иржи постукал пальцем по планшету, – запрос от дипломата аквасов. Достопочтенный Мангос ищет для дочери... кивласа.

Электронный переводчик незамедлительно выдал значения – спутник, супруг, отец... Иржи расхохотался. Издевается?

– Вы, должно быть, шутите! – я вскочил со стула.

– Сидеть! – рявкнул тюремщик.

Как я посмел забыть, что шутки с начальником тюрьмы плохи?.. Поплатился. Грозным взглядом Иржи Блажек буквально пригвоздил меня к стулу:

– Не рыпайся, Александр. А то я передумаю.

– Просто хотел уточнить... Там ничего не перепутали? –

спросил я осторожно. – Для чего дочери дипломата супруг-заключённый? Контрабандист! Не лучше ли какого-нибудь принца? Почему я?

– Потому что слизняк, – ответил тюремщик. – Думаешь, у тебя одного вопросы? – Он придвинулся к столу и провел пальцем по планшету, прокручивая сообщение. – Важны физические данные, чистота организма. Ты же не ширялся, пока никто не видит? – Иржи прищурился.

Я затряс головой, как промокший пес. Не пил, химию не пробовал ни в каком виде. Любил я свое тело. Даже тренажерную систему прикупил на корабль. И регулярно упражнялся.

– Вот и славно, Саша. Порадовал. Что выберешь – замужество со знатной русалкой или одиннадцать годков в «Танкаре»?

На мгновение я лишился дара речи, тупо глядел на тюремщика, открывая и закрывая рот. Иржи не торопил с ответом.

– А если соглашусь? – после минутного молчания спросил я. – Когда?

– Как только подпишешь договор. Челнок прибудет в течение часа, чтобы доставить тебя на корабль аквасов на орбите.

Я промямлил, что согласен. Иржи добродушно улыбнулся и даже протянул широкую ладонь для рукопожатия. Лицо начальника тюрьмы выражало весёлое благодушие, словно он сбросил с закорок балласт.

Не верил я этой хитрой роже, но, с другой стороны, супружество вместо тюрьмы? Почему бы и нет.

Орбитальный челнок прибыл через сорок три минуты. Тонкий и серебристый – точь-в-точь сардина! Пилот-аквас оказался разговорчивым, и короткий перелёт я провел под забавное, но непонятное бульканье. Забавно, но без переводчика ни капли не понятно. Малый кораблик наполняли всевозможные голографические водопады, пейзаж планеты аквасов – вода-вода, кругом вода, – и сумасшедшая влажность. К моменту, когда челнок вошел в узкий док, одежда на мне насквозь промокла.

Межзвёздный лайнер аквасов, серебристый и вытянутый, с высоким стабилизатором, похожий на меч-рыбу, завис на дальней орбите, за скоплением спутников и мусора.

Аквасы оказались выше меня на голову. Узкотелые, с длинные конечностями. В целом они выглядели как люди, если бы не волосы зеленоватых оттенков, две вертикальные щёлочки на месте носа на круглых лицах и чересчур выпуклые круглые глаза – тоже зелёные. Тонкие комбинезоны, словно вторая кожа, обтягивали не слишком рельефные мускулы на руках и ногах. Между когтистыми пальцами – перепонки. Ну, разумеется, подумал я, как плавать?

Я, как первоклассник на экскурсии, вертел головой, разглядывал невероятное внутреннее убранство: водопады – большие и впечатляющие, настоящие! Вода струилась по

стенам, подсвечивалась фосфоресцирующими наростами на обшивке.

Вскоре из-за сырости начала кружиться голова. Капало с волос и ресниц, кожа на губах и подушечках пальцев разбухла. В каюту я буквально ввалился. И тут же меня окутало сухим тёплым воздухом. Слава всем богам, которых знаю и не знаю! Я смог нормально дышать. Кюта оказалась не больше общей тюремной камеры: метров шесть на шесть, койка, столик и стул. Я переоделся в сухой комбинезон и отправил мокрую тюремную робу в утилизатор. Прости-прощай прошлая жизнь!

Супруг. Муж.

Я лежал на койке и примерял незнакомый статус, как одежду. Мысли толкались в голове, подобно голодным карпам в японском пруду – одна ярче другой. Рисунок будущего – текущий, меняющийся – завораживал и пугал. О брачной жизни аквасов я знал меньше, чем ничего.

Хм, кивлас...

Через час за мной пришли – настало время смотрин. Папочка – дипломат Мангос – сине-зелёной каплей в тонкой ткани расплылся на широком пьедестале. Он погрузил перепончатую лапу в стеклянную чашу с чёрной жижей, вытащил нечто, напоминающее пиявку, закинул в безгубый рот и смачно причмокнул. В моем пустом желудке заурчало – одновременно требуя еду и возмущаясь мерзким представле-

нием.

Старик аквас махнул лапищей – с пальцев слетели бурые капли, подозвал переводчика. Говорил дипломат медленно, булькая, квакая и растягивая звуки. Переводчик сносно донёс вежливую речь хозяина.

Если коротко, то выбор землян Мангос одобрил. Я ему понравился. Спросил, хорошо ли устроился. Я кивнул и ответил витиеватой фразой, выражая восхищение и благодарность за гостеприимство. Дипломат разразился всхлипами, которые означали у человеко-рыб смех, и спросил, есть ли у меня особые пожелания до того, как дипломатическая делегация покинет Солнечную систему.

Я задумался.

– Ваша великожаберность! – заговорил решительно, но вежливо. – Если вас не затруднит... мой корабль.

Громадный аквас недовольно булькнул, подкрепив «слово» хлопком ладони по обширному брюху. Переводчик посмотрел мне в глаза и с нажимом произнёс:

– Наше обращение неофициальное. Любые операции привлекут к дипломатической миссии ненужное внимание. Поймите, нравственные законы нашего народа не одобряют, чтобы кивлас... – переводчик смолк и сжал безгубый рот так, словно пережёвывал неприятные слова.

Тайные махинации, значит. Уж не раба ли из меня делать будут? Нет, все источники ясно передавали смысл диковинного «кивлас»: муж, отец.

Я скорчил рожу «прошу-прошу-умоляю» и трагически, напустив в голос несуществующих слёз, принялся тараторить:

– Это всего лишь мелкая яхта – но там тренажёры, без которых я... моё тело станет дряблым и некрасивым. Мне очень неудобно будет показываться на глаза вам и вашей прекрасной дочери. Это всё, что мне нужно.

Переводчик, помолчав, передал господину мою тираду. Мангос квакнул, «расхохотался» и добродушно побулькал.

– Мы свяжемся с вашим правительством, – ответил переводчик. – Если покупка не противоречит земным законам, мы выполним ваше пожелание. Это всё?

Я поклонился. Аквас выпучил глаза и одобрительно квакнул.

В каюте меня никто не тревожил. Через четыре часа пришло сообщение, что яхта «Сара» – моя ласточка! – доставлена на борт корабля аквасов.

Я лежал на мягкой постели в каюте великолепного межзвёздного лайнера аквасов и слушал, как по стенам журчит вода. Под потолком парила медуза-светильник. Искусственная. Живая давно бы высохла. Я раздумывал над началом новой жизни. Не так худо. Вот только... Покосился на поднос на столике. В прозрачной чаше плотной стаей плавали серебристые мальки. Рядом в высоком стакане поблескивала чёрная жидкость, больше всего напоминающая осьминожки чернила. Поднос выполз на столик, едва я зашел в каюту –

да так и остался стоять. От запаха рыбы мутило, от вида – хотелось блевать.

Раз мне предстоит жить с аквасами, то нужно настоять на разнообразии в меню. Мясо – вот что сейчас мне не помешает. Желудок ответил согласным урчанием. Вздохнув, я вызвал прислугу и со слезами в голосе принялся объяснять некоторые особенности кухни землян и собственные предпочтения.

К концу второй недели полёта я чувствовал себя вымоченной губкой. Пришлось мириться с болью в набухшей от воды коже, постоянным головокружением, тошнотой и несварением.

От вездесущей сырости я прятался в каюте и на яхте. Как и предполагал, после моего заключения «Сару» обыскали сверху донизу. Множество замков и ловушек оказались сорваны, отсеки с контрабандным сырьём пустовали, груз с борта вынесли. Сломали охранную систему. Однако движок и электронику не тронули. Что ж... можно сказать, что под хвост подушку я подложил.

На четырнадцатый день перелёта меня вывели из каюты на обед и знакомство с будущей супругой.

В толще овального стола-аквариума плавали всевозможные водные гады: кальмары, медузы, чёрные пиявки, мелкие рыбы – некоторые похожи на земных, а другие – совершенно

незнакомые. Мандос лениво болтал в воде пальцами. Внезапно он стремительно выдернул руку – между когтями трепыхался серебристый малёк. Дипломат причмокнул и отправил добычу в рот.

Огромного труда мне стоило проглотить комок горечи, подступивший к горлу. От ядрёного рыбного запаха аппетит отбило напрочь. Накрытый специально для меня поднос с мясом и овощами остался нетронутым.

Миидет вошла в зал через час. Можно сказать – всплыла. Я залюбовался грациозными движениями юной русалки в лёгком блестящем платье. Волосы – буро-зелёные – струились по плечам. Лицо, как у всех аквасов, круглое, на нём, словно два яблока, выпуклые изумрудные глаза. Две щёпочки вместо носа и аккуратный безгубый рот. Она выглядела миленькой. Для акваса, разумеется.

Когда Миидет заговорила, я заслушался чарующей, словно журчание ручейка в лесу, речью. Все её «буль-буль» казались мне освежающими, прекрасными.

Я так был околдован неземным обликом прекрасной девы, что не сразу заметил акваса-мужчину, вошедшего следом. Он двигался с природной грацией хищника. Широкоплечий, как опытный земной пловец, на голову или две выше меня, с чистой серо-зелёной кожей, короткими тёмными волосами и небольшими – для аквасов – глазами. От него веяло уверенностью и силой. Такой одним видом мог заявить права на территорию и самку.

Мужчина пристроился сбоку от Миидет, и я спросил себя, кем приходится он водной деве. Телохранитель? Возможно. Богатенькая и симпатичная инопланетяночка могла нарваться на плохие приключения. Но для охранника он вел себя слишком смело. Брат? Кузен? Что там бывает у аквасов по степени родства?

Обед прошёл под бульканье дипломата Мандоса и ласковое журчание Миидет. Изредка она бросала в мою сторону заинтересованные взгляды, пару раз долго и внимательно рассматривала. Я почувствовал, что покраснел до корней волос, а со лба, кроме конденсата, побежал липкий горячий пот.

Спутник русалочки уныло таращился на гадов, мельтешащих в толще стола-аквариума. Наши взгляды скрестились, когда Миидет разговорила с отцом. Небольшие шарики-глаза акваса сузились и словно втянулись внутрь черепа. Щёлки-ноздри раздулись. Мне казалось, что, окажись мы один на один, он разорвал бы меня, как пиявку.

Ревность?

– Церемония завтра, – заговорила со мной Миидет, и я вздрогнул.

Молодой аквас испустил горестный хлюпающий вздох, Миидет «булькнула» в ответ – резко и безжалостно.

Я покидал зал под возмущённое урчание пустого желудка. Промокшую одежду привычно стащил с липкого тела и закинул в утилизатор.

Завтра церемония. Свадьба? Эта мысль звенела в голове, пока струи прохладной воды ласкали тело, разгорячённое после похода по влажному кораблю. Крутилась, будто файл с вечным циклом. Фантазии о супружеском долге волновали так сильно, что я боялся о нём думать.

Как ни страшился я скорого разрешения миссии, а уставший организм отправился в нокаут, стоило принять горизонтальное положение.

Следующий день наполнился волнительным ожиданием. Утром принесли стейк с яблоками и питьевую воду. После сытной трапезы – омовение. Чистый изнутри и снаружи, в торжественных одеждах аквасов (сине-зелёных, летящих, воздушных), я вплыл в зал, словно нелепая медуза.

К столу-аквариуму из мебели добавился подиум с постаментом из белого камня, похожего на опал. Зрители остались те же – Мандос с дочерью по одну сторону треугольного постаменты, рослый аквас по другую. Стоящий у третьей стороны переводчик жестом указал место рядом с собой.

Церемонию вел старый дипломат. Его глубокий булькающий голос раскатывался под высоким потолком, где кружили медузы-светильники. Дряблыми конечностями он поднял над постаментом чашу с яркими, как бабочки, рыбками. Миидет первой взяла из сосуда беззащитное существо и сжала в кулачке. Рыбка с мерзким чавканьем лопнула, выпустив клочья красно-оранжевой слизи. Водяная дева изма-

занной в крови и внутренностях рукой прикоснулась к щеке мужчины-акваса, оставив неровный мазок, а потом нарисовала на постаменте сложный символ. То же повторил и мужчина-аквас. Крошечная рыбка исчезла в его ладони, сквозь пальцы потекла яркая слизь. Он прикоснулся к щеке Миидет, потом – к постаменту. Обвёл влажный рисунок, при этом негромко побулькивая, словно что-то шепча. Узор, который нарисовал аквас, отличался от нарисованного Миидет.

Я – следующий. От вида чаши и оранжевых рыбок язык прилип к небу, желудок скрутило. Я подумал, что стоит вздохнуть – и завтрак вывалится на постамент, «украсив» чудной узор аквасов. Переводчик когтистой рукой вырвал из жидкости беспомощную рыбку, вложил мне в руку и кивнул. Я тупо таранился на извивающееся тельце и совершенно не знал, что делать. Мышцы окаменели, желудок скакал от горла к пяткам и обратно. Мне становилось то холодно, то жарко.

Переводчик позвал меня по имени, а потом неожиданно сжал мою руку своей. Я почувствовал, как нежное мягкое тельце проминается под пальцами, как разрывается тонкая шкурка, и по коже струится липкая холодная жижа.

Что происходило потом, я не помню. Словно в тумане, меня держали за руки, четыре голоса пели журчащую песню. Кажется, я пытался подпевать, но выходило худо.

Я пришёл в себя в тёмной спальне-аквариуме. Голый. В голове по-прежнему стояла муть, а на пальцах я ощущал сгустки слизи.

По стенам идеально круглой комнаты ползали флуоресцентные наросты, оглушающе журчала вода. Среди теней в воде двигались две фигуры. Словно во сне, я наблюдал их танец. Они скользили, прижимались друг к другу. С удивлением я распознал Миидет. Нимфа-искусительница, чарующая, извивалась, облако волос парило вокруг головы. Зелёные глаза посверкивали, когда она поворачивалась лицом. Второй фигурой оказался рослый аквас. Вдвое больше русалки, он обвивал её, словно змей. С удивительной и гипнотической грацией он ласкал аккуратное тело Миидет.

Аквасы синхронно, словно дельфины, вынырнули из бассейна. Волшебная красота обнажённых противоестественно совершенных тел, лоснящаяся от влаги кожа, тусклые отблески в каплях, стекающих по груди, рукам, ногам... Дыханье перехватило.

– Ты проснулся, – зажурчала Миидет и придвинулась вплотную. – Ты готов, мой кивлас?

От нее пахло влагой и рыбой. Мужчина-аквас блаженно растянулся с другой стороны.

– Что значит «кивлас»? – сумел я выдавить из пересохшего горла. Мысли плыли, как чернила осьминога.

– Растить детей – кивлас, – булькнула Миидет и приложила ладошку к моему животу.

Я почувствовал, как желудок ухнул вниз. Сердце затрепыхалось...

– Когда Миидет дать икринки, Экландис принять все-все, – русалка нежно погладила живот акваса, и я увидел, что тот заметно округлился. – Икра созреть в кивлас. Личинки расти и питаться кивлас. Когда время – грызть выход. Кивлас умереть – мальки жить!

Миидет журчала с вдохновением, словно видела, как поплывут её дети.

– Экландис не может кивлас. Его судьба – наследие Мандос. Твоя судьба – кивлас!

Через счастливое бульканье русалки до меня начал доходить смысл слов. Я должен заменить русала и выращивать – где? в теле? – их икру, личинки...

Стоп! Прогрызут? Будут питаться? Кивлас умрет?!

– Нет-нет-нет, дорогая, – я отодвинул от себя руки русалки и поднялся на дрожащих ногах.

Аквасы смотрели на меня выпуклыми глазами. Экландис встал и протянул мускулистые длинные руки, словно приглашая на танец.

– Я... нет. Нет-нет!

Мною двигали рефлексы – прежде, чем аквас прыгнул, я с криком кинулся в сторону. Поскользнулся и растянулся на мокром полу. Лупил руками-ногами, продолжая, как безумный, причитать «Нет-нет-нет!». Русалы громко булькали, но не подходили.

Не помню, как поднялся на ноги и рванул наружу. Нёсся по коридору, расталкивая и распугивая аквасов. В доке едва не вывалился за перила.

«Сара»! «Сарочка»!

Я шлепнулся на холодный металлический пол любимой яхты, едва задраил шлюз. В голове стучало отчаянное «Бежать! Бежать!» Вот-вот меня схватят, вернут в спальню к ошастливленным родителям – и кивлас! Нет-нет! Я не согласен умирать!

Вылетел без препятствий – ворота дока распахнули, едва я заорал по связи, что требую выхода. «Сара» сорвалась с места и в мгновение ока оставила позади рыбий корабль. Я позволил себе расслабиться. Плюхнулся в кресло – искусственная кожа омерзительно прилипла к влажному телу. Дав волю накопившемуся эмоциям, я выругался, а потом заплакал. От облегчения, от счастья... и от осознания всей нелепости случившегося, начиная с разговора у начальника тюрьмы.

– Слава всем богам... – всхлип.

Думаю, что до конца жизни в кошмарах меня будет преследовать рыба вонь, гибкий орган и прогрызающие брюхо маленькие аквасы. Лучше бы не знал, кто такой кивлас.

Встряхнись! Встряхнись! Я хлопнул ладонями по щекам – липким от воды.

Если взглянуть на дело правильно, ты, Александр, легко отделался. Между «Сарой» и тем межзвёздным бассейном с человеко-рыбами миллионы километров космического ва-

куума. Аквасы будут молчать: шумиха им не нужна. Так что и на «Танкаре» меня не хватится. Главное, больше не попадаться на лёгкую наживку. Как бестолковый малёк. Тьфу!

На корабле Миидет ласково поглаживала круглый живот избранника. Экландис с облегчением вздохнул:

– Это судьба. Бремя новой жизни я должен нести сам. Нельзя нарушать традиций.

– Не мути чистую воду. Отец выбрал тебя преемником. Землянин оказался трусливой тварью, – жестко произнесла Миидет. – От трусливого кивласа и мальки трусливые. Не привыкай к новой жизни, мы подыщем другого...

Ольга Любимая

Первую историю придумала с подругой классе в шестом. История была об обмене телами (школьниц, конечно) – не самая избитая тема 24 года назад.

В студенчестве любила лежать и мечтать, и обязательно, чтобы грудь щемило ?

Для старшей придумывала сказки, чтобы уложить непоседу спать.

Но по-настоящему захотела и начала писать, когда родился сын.

Пишу для детей и на злобу дня. Окончила онлайн-курсы «Мастер текста» при издательстве «Астрель-СПб». Прошла онлайн "Литпрактики" Александра Прокоповича.

Вошла в шорт-лист 5го международного Одесского конкурса на лучшее произведение для детей «Корнейчуковская премия».

Лонг-лист конкурса «Новая сказка 2017» при издательстве Аквилегия-М.

Страничка автора ВК: <https://vk.com/id252203456>

На ЛитРес: <https://www.litres.ru/olga-lubimaya/>

Питомец для Элли

Эля вбежала в лес и огляделась – невысокий пациент мелькал за деревьями. Вытащила из кармана белого халата зелёную бутылку – единственное, что могло напугать гриппа, и бросилась догонять мальчишку. Хрупкая, но ловкая, она перепрыгивала поваленные стволы и радовалась, что колючки на кустах не могут уцепиться за её короткие волосы.

Флаер патрульной вирусологии завис над лесом, издавая слабый механический шум. Доктор нахмурилась. Летать научились, а приземляться в бурелом – нет.

Обычно она сохраняла спокойствие. Коллеги называли её грозой болезнетворной живности, а в дирекции отдела фильтрации мечтали заполучить на полную ставку. Но в этот раз ей достался зверёк с особенной изворотливостью. Он менял носителей, управлял их сознанием и заметал следы.

Эля дождалась следующего приступа кашля юнца и кошкой прыгнула на него. Повалила на землю, сжала горячее горло и занесла бутылку над пересохшими губами.

– Выходи, или умою, – она усмехнулась и слегка открутила крышку.

Мальчишка захрипел, его щёки надулись от рвотного рефлекса, рот неестественно распахнулся, и оттуда показалась болотно-зелёная головка с огромными глазами и вытекающим из усиков ядом.

– Привет, – рассмеялась Эля старому знакомцу, за холку вытащила холодную сухую тушку с жалобным взглядом и потянулась к сумке за контейнером. – Не юли, нечего было измываться над детьми.

Она определила гриппа в безопасное замкнутое пространство, из кармана выудила фонарик—анализатор, просканировала глаза и горло пациента. Удовлетворённо кивнула, закинула руку мальчика себе на плечо потащила на опушку. Тот висел на докторе, пришлось перетаскивать его через поваленные деревья и обдирать колючие ветки кустов.

Эля выдохнула, когда они добрались до ровного места, усадила больного рядом с могучим дубом и огляделась.

Вирусному патрулю к тому времени удалось найти место посадки. Оттуда выскочила мать спасенного мальчика.

– Масепуточка мой! – запричитала женщина, душа сына в объятьях и мешая дышать. Кинулась в ноги доктору. – Вы ангел!

Эля скривилась, отмахнулась, дала указания санитарам и посмотрела на прозрачный контейнер. Вздогнула – грипп сложил все шесть лап-паутинок перед мордой и смотрел на доктора, не отводя взгляда. Качнула головой и передала ёмкость инспектору.

– Вы едете с нами? – пробасил инспектор, укладывая ношу в специальный чемоданчик. – Или опять одна?

– Одна, – буркнула доктор и отошла к деревьям.

Вирусный патруль взлетел и скрылся за горизонтом, а она

несколько минут задумчиво глядела на опушку, прислушиваясь к странной пустоте внутри себя.

Едва Эля добралась до города, пришлось слетать на попутке в Центр. Вирусный патруль рапортовал, что она действовала не по инструкции. Сотрудники заранее об этом предупредили. Извинялись и сочувствовали. Ну да, по инструкции она сейчас должна была выписывать свидетельство о смерти пациента. Гриппы приседают на органы, выпускают яд и питаются испорченными тканями. В Центре это понимали, но пришлось пообщаться с сенсором и убедить его не отбирать допуск к работе.

Только к вечеру удалось сменить серый от грязи халат на более приличный и ввалиться в палату к юнцу.

– Ну что, – она проверила показания, осмотрела больного и пушинкой присела на край кровати, – как наш путешественник сегодня?

Детский смешок сменился кашлем. Всё же не стоило выманивать гриппа через горло, но времени не было. Да и грипп остался цел. Эля нахмурилась.

– Было весело, – с хрипотцой ответил мальчик, прокашлявшись. – Я и не знал, что так высоко умею прыгать и быстро бегать.

– Грипп кого хочешь заставит, – усмехнулась доктор и перешла на занудный тон. – Вот поэтому и не покупают мороженое у продавцов без сертификата. Из мелкого головастика

живо вырастает длинная дрянь.

– А что с ним теперь будет? – голос мальчика задрожал. Пациент сглотнул, придвинулся к доктору и зашептал. – Мы с ним немного подружились. Иногда он давал мне управлять моим телом. Ни на одном симуляторе так прикольно не было.

– Ещё немного и нечем было бы управлять. Твоей маме было бы не прикольно.

– Так что с ним будет? – не отставал больной.

– Пройдёт фильтрацию, – вздохнула доктор, вспоминая умоляющие лапки в контейнере. – Экземпляр редкий, так что не утилизируют, а отправят на опыты.

– Умненький, правда? – мальчик с гордостью вскинул голову.

Эля расхохоталась, поднялась посмотреть на других пациентов, но её окликнула регистратор.

– Эля! К тебе Виолетта Степановна. Пост охраны засёк, как она припарковалась, и сразу набрал отделение.

Доктор побледнела, зрачки расширились, почти полностью закрывая серые радужки. Она нервно поправила пуговицы на халате и степенно, со скоростью чемпионки по спортивной ходьбе, направилась к лифту.

Считыватель не сразу распознал её прерывающийся голос, потратив драгоценное время, и кабина стартанула на сто двадцать пятый этаж. Эля любила вид сверху, но сегодня пожалела, что не может мгновенно попасть к себе.

«Давай, давай», – приговаривала она, отсчитывая десятки этажей.

Она заблокировала досадку, воспользовавшись тревожной кнопкой. Да, ею можно было пользоваться в случае экстренной необходимости. Но сегодняшнее дело было не менее взрывоопасным.

Эля ворвалась в кабинет, осматривая обстановку. Вороватыми движениями стащила с диванчика у входа пару грязных халатов и засунула в контейнер для санобработки. Скинула со стола в мусорную корзину недоеденный бургер. Пригладила коричневый ёжик на голове и пощипала себя по щекам, вызывая румянец.

Плюхнулась в кресло за рабочим столом. Пол-отпуска за кофе! Вдохнула и принялась разбирать пачки бумаг. Почти все они касались поиска гриппов. Описания мест обитания, любимые органы для поражения, особенности поведения, внешность и даже цвет усиков. В отдельной стопке были собраны выжимки истории эволюции гриппов.

Эля скривила лицо. Люди гордились, создав в конце прошлого столетия панацею и поборов все болезни. Жизнь пошла веселее, а ассоциации докторов выдали высшие награды и правительственные гранты. Но оказалось, что болезнетворные бактерии и вирусы не пропали, а мутировали в простейшие организмы. Втирались в аллели ДНК, и уже в третьем поколении из головастиков вырастали моры и болезни, а из яиц вылуплялись страшные хвори. Они физически про-

никали в человеческий организм: через рот, уши, нос и... одним словом, всеми доступными путями. Научились маскироваться под небольшие предметы и продукты, особенно легко получалось со сладостями. Свернулся ириской и, пожалуйста, попадание в тёплое место обеспечено.

Человечество забило тревогу. Ввели сертификаты безопасности на предметы с размерами мельче десяти сантиметров.

Как и полагается, нашлись те, кто не хотел вставать на учёт безопасности и на окраинах приторговывал без сертификатов. А бывало, что сертификат не распознавал зверушку и выдавал зелёный огонёк безопасности.

– Королёва Элеонора Ивановна, – скрипучий голос полный возмущения вырвал Элю из воспоминаний.

– Бабуля, – она поднялась и с широкой улыбкой пошла навстречу грозной женщине с широкими плечами и высокой причёской.

– Бабуля, – передразнила Виолетта Степановна. Заметила, что внучка опустила голову и бросилась в атаку: – Ты почему не пришла к нам с Валюшей в субботу на ужин? У нас был особый гость!

Элин нос сморщился, и она пробурчала про себя: «Знаем мы ваших «особых» гостей. Тощий заучка с гладковышлифованными щеками и нейроочках, которые дают советы по обхождению со слабым полом».

– Зря ты так, – бабушка поймала её мысли. – Валенькин

внук прекрасный человек, учёный, между прочим. Вы бы с ним одновременно поладили!

Мысли доктора метались в голове, как флаеры в небе, придумывая достойное оправдание прогула семейной субботы.

Виолетта Степановна закашлялась, избавляя Элю от ответа.

– Что с тобой, бабуль? Никого не съела? – с нарочитой заботой качнула головой доктор.

– Да хоть так, может, дождусь от тебя, чтобы ты завела кого-нибудь. Живёшь одна, как бобыль, – всплеснула руками бабушка.

– Главное, чтобы не как кобель, – засмеялась Эля, придумав план действий.

– Фу, какой армейский юмор, – сморщилась Виолетта Степановна.

– Медицина – та же армия. По тревоге вскочили и побежали, – хохотнула Эля. Старушка снова закашляла.

– Отправлю-ка я тебя на осмотр. Не засел ли в тебе крокодил?

– Тебе бы только шутить. Да тему разговора менять, – недовольно протянула Виолетта Степановна.

Эля усадила её на диван и отошла к столу. Чиркнула пальцем по кнопке визуализатора и отдала поручение регистратору:

– Направь в палату по предварительным Королёву Вио-

летту Степановну. Документы у неё с собой.

Эля вопросительно глянула на бабушку, и та кивнула с видом царственной оскорблённости: она никогда из дому не выходит без айди и пропуска.

Внучка побыстрее передала пациентку медсёстрам, чмокнув её на прощание в морщинистую щеку. Та лишь успела крикнуть в закрывающиеся двери лифта:

– Ну хоть кого-нибудь заведи!

Эля рассмеялась и вернулась в кабинет. Расслабилась в уютном кресле. Поиски бактонов отвлекут бабушку на пару дней. А что делать дальше? Отмахнулась и продолжила разбирать бумаги.

Воспоминания потекли цветным потоком. Как она выслеживала гриппа, подбирала приманку, лезла за ним в самые дебри. Как там сказал мальчишка? «Умненький!».

Эля хлопнула по столу и назвала номер отдела фильтрации, который находился в подвальных этажах их клиники.

Перед ней возник молодой мужчина с русыми волосами, забранными в неаккуратный хвостик. Он стащил очки, потёр покрасневшие голубые глаза и уставился в пространство:

– Отдел фильтрации и исследований.

– Королёва. К вам сегодня привезли гриппа с моей меткой на контейнере. Его не спутаешь. Особый случай. Вы его, наверняка, уже профильтровали. А теперь нужно отправить ко мне на участок, – скороговоркой выдала Эля, словно боялась передумать.

Оппонент вздохнул, порыскал взглядам по захламлённому пробирками и бумагами столу. Отыскал тряпочку. Не торопясь, протёр очки, надел их и взгляделся в девушку, замершую перед ним на гало-экране:

– После фильтрации болезнетворная фауна сканируется и передаётся в опытный отдел.

– Знаю. И уверена, что ничего вы никуда не отдали, а сами сидите и ковыряетесь через имитатор. Особый случай.

Мужчина вздрогнул и бросил вороватый взгляд вглубь длинного стола.

Эля победно рассмеялась:

– Я сохраню вашу тайну, но этот грипп нужен мне самой. Бабушка настаивает, чтобы я хоть кого-то себе завела. А я очень хочу её порадовать. Котята у меня не приживаются, так что тащите этого.

Оппонент поправил очки на переносице и мягко произнёс:

– Боюсь влезть не в своё дело, но мне кажется, бабушка имела в виду что-то другое.

– Так, – Эля упёрла руки в бока и рявкнула: – Вы правильно заметили, это не ваше дело. Фамилия!

– Чья? – опешил сотрудник отдела фильтрации.

– Свою я знаю! – доктор начала краснеть и почёсывать кончик носа.

– Свирестелочкин, – отчеканил оппонент.

Эля задохнулась от смеха, ухватила за бок и шепнула:

– Серьёзно?

– Фёдор Фёдорович, – обиженно добавили по ту сторону экрана.

Доктор откашлялась, набрала полные лёгкие воздуха, задержала дыхание. Выдохнула и ласково продолжила:

– Феденька, пришлите мне, пожалуйста, гриппа. Адрес вы знаете.

И прежде чем мужчина нашёлся, что ответить, отрубилась связь.

Уже через полчаса она рассматривала сопящего на её столе гриппа. Уставший и безопасный он расположился на потрёпанной картонной папке, родившейся раньше всей болезнетворной фауны.

Эля разглядывала его худую тушку сантиметров десяти в длину, тонкие лапки, скрученные под брюшко, и короткий хвост. Сам он похрипывал во сне и причмокивал обезвреженными ядовитыми усиками.

Доктор включила связь без визуализации, чтобы не напугать гриппом регистратора, и расспросила про бабушку. Больную расположили в лучшей палате и провели первые сканирования. Пока ничего не обнаружили, кроме пары обычных бактонов, которых можно и пинцетом вытащить. Так что, скорее всего, завтра будут готовы документы на выписку.

«Ну и отлично, – решила доктор. – Успеем обжиться».

Сняла халат, натянула чёрные джинсы и накинула толстовку с карманами-муфтой. Переложила спящего питомца в карман, улыбнулась и покинула кабинет.

– Моя берлога, – известила Эля проснувшегося ещё в пути гриппа. Он лежал, скрутившись клубком на ладони, щекоча усиками. Услышав её слова, приподнялся, оперся на верхнюю пару лап. – Осваивайся.

Грипп сполз на пол и как добротная ищейка принялся обнюхивать каждый сантиметр тёмной плитки. Новоиспечённая хозяйка рассмеялась и отправилась на кухню.

В углу печально серел заброшенный холодильник. Доктор открыла его и скривилась. На средней полке одиноко лежал заплесневевший кусочек сыра.

– Чем бы тебя накормить?

Грипп, издавая хриплые похрюкивания, ловко взобрался по джинсам на руку хозяйке и юркнул в холодильник. Уселся на хвост рядом с сыром, ухватился за него верхними лапками и принялся обгрызать заплесневелые участки.

– Правильно, испорченных органов рядом нет, а на тухлячок так и тянет, – звонкий смех Эли оживил пустую квартиру.

Она перенесла гриппа и «царский» ужин на кухонный стол и опустилась рядом. «Вот и первая семейная трапеза, а всё не так уж и плохо. Вычистим убежище, и можно бабушку приглашать».

Резкий гудок визуализатора долетел из прихожей. Доктор ответила, слушая сбивчивые и напуганные слова и пытаясь их осознать.

Пока Эля бежала к палате, в висках стучали непонятные фразы регистратора. У бабушки нашли издорма – двухголовую тварь, одну из самых редких и крупных болезнетворных. Они вырастают до размеров котят. Издормы глупы, мозг их не развит вовсе. Такого не выманишь на яд или сладость. Самое ужасное, что он присосался к лёгкому – отсюда и кашель. Ещё немного – и он измочалит орган.

Доктор улыбнулась ослабевшей пожилой женщине. Погладила её по мягким седым волосам:

– Рассказывай.

Виолетта Степановна зашлась кашлем. В конце приступа Эля заподозрила, что бабушка переигрывает.

– Мне не для нотаций, – как можно мягче объяснила Эля. – Для каждой зоны обитания издорма своё противоядие. Осталось только два места, где их можно встретить, а времени гадать нет. Куда ты выезжала в последнее время?

– На болотца, – Виолетта Степановна изучала потолок с видом святой невинности.

Тонкие брови Эли взлетели, а глаза заморгали:

– Что ты там делала?

На болотцах живут все, кто не нашёл своего места в современном мире.

– К Зоеньке ездила, – бабушка стыдливо прикрыла глаза ресницами. – Она с молодости умела призывать любовь.

– В твоём-то возрасте, – начала внучка, но осеклась. – Прости. Просто не знала, что ты... ну, то есть...

Лицо Виолетты Степановны вытянулось и покраснело, голос разлетелся по одноместной палате как колокол правосудия:

– Да как ты могла подумать, что я захочу предать память твоего деда!

– Но тогда, – опешила Эля. Вскрикнула и потрясла указательным пальцем перед бабушкой. – Так это для меня?! Ко мне ты призывать любовь на болота шлялась?

Старушка закашлялась, теперь уже по-настоящему. Она пыталась захватить воздух, но издорм сжимал её, не давая живительному газу проникать внутрь.

Эля крикнула медсестру. Та была рядом, сделала расслабляющий укол. Мышцы ослабли, сбивая хватку болезнетворного. Бабушка задышала и откинулась на подушку.

– Вылечу тебя, – зашептала Эля больше для себя, – и не буду с тобой разговаривать до... до... – она придумывала срок пострашнее.

– До свадьбы? – выдохнула бабушка, улыбнувшись уголками губ.

– Неисправима, – Эля подняла вверх руки. Поцеловала старушку, дала указания медперсоналу и отбыла в свой кабинет.

– Свирестелочкин, – визуализатор выдал уже знакомое изображение худого мужчины с хвостиком. Фёдор взгляделся в оппонентку и улыбнулся: – Здравствуйте. Как питомец?

– Обожрался и заснул прямо на обеденном столе. Манерам ещё поучиться. А сейчас в кармане халата дрыхнет, – отмахнулась Эля, незаметно погладив холодную тушку. – Но я не о том. В моей пациентке поселился издорм. Я вычислила среду обитания. Готовлю операцию. Прошу направить противоядие. Со всеми деталями с вами свяжется мой регистратор.

– Случай редкий, мне сразу сообщили. Мы уже провели манипуляции в пределах инструкции. Хорошо бы нам поговорить.

– А мы сейчас чай пьём? – негодовала Эля. – Выкладывайте, что там у вас?

Свирестелочкин снял очки, голубые глаза смотрели с сочувствием и искрились добротой:

– Я знаю, что Виолетта Степановна ваша бабушка. Поверьте, и мне она не безразлична.

– Это ещё почему? – буркнула доктор и вздохнула. – Ладно, спущусь в ваше подземное царство ядов и опытов.

Эля отхлебнула предложенный чай с имбирём, который, видимо, доставили перед её приходом, и с настороженностью посмотрела на Свирестелочкина.

– По сканеру непонятно, какого цвета полосы издорма.

– Не до красоты сейчас, – пробурчала Эля и крякнула. Она вспомнила, что издормов отличают не только по месту проживания, но и по цвету полоски на макушке. Для синей полоски одно противоядие, для красной – совершенно другое. Дашь не то, издорм окрепнет и разорвёт организм изнутри.

– Ну так попробуйте старыми методами, – доктор отбросила горячий стакан, выплеснув жидкость на документы и разбудив гриппа. – Используйте ультразвук. Введите камеру, в конце концов.

– Пытались. От ультразвука издорм уворачивается, вызывая у больной приступы. А при физическом проникновении камеры чувствует движение и выбрасывает яд, парализующий гортань.

Эля уставилась на Свирестелочкина:

– То есть, в наше суперпродвинутое время мы не можем разглядеть цвет полосок на морде у твари, которая пожирает мою бабушку?

– Я хочу, чтобы вы знали. Ваша бабушка. И... Я сам не знал, что вы та, ну то есть... – он замялся и сник.

– Придумай выход или придушу, – Эля вскочила и нависла над учёным. Грипп выполз и полез махать лапками, защищая хозяйку.

Эля не удержалась и рассмеялась от грозного вида тощего защитника:

– Силач! Да ты даже к ребёнку в рот поместился.

Свирестелочкин поднялся и затряс рукой в сторону гриппа:

– Вот выход, вернее, вход!

– О чём ты? – Эля нахмурилась и отправила гриппа обратно в карман.

– Если вживить твоему болезнетворному камеру и через небольшой разрез запустить к Виолетте Степановне, то, возможно, издорм его пропустит.

– Вообще-то, это мой домашний питомец, – нахохлилась Эля.

– Ты ему и имя дала? – улыбнулся Фёдор.

– Дала, – буркнула доктор, старательно подбирая имя гриппу. – Грипп его и зовут.

Учёный хохотнул и продолжил убеждать:

– Риска никакого, в случае чего выдернем его обратно.

Эля вздохнула, погладила пальцем тонкую сухую тушку:

– Поможешь?

Грипп издал хриплый звук, забрался Эле на плечо и уткнулся холодным носом в шею. Она улыбнулась и почесала под мордочкой. Поймала удивлённый взгляд Свирестелочкина и отрезала:

– Пошла готовить операционную.

– Мне нужно присутствовать, – смутился он.

– Тогда шевелись, – доктор широкими прыжками выскочила к лифту.

Эля старалась не думать, что под голубой синтетической простынёй лежит её бабушка, и домашний питомец должен пробраться внутрь неё. Она резко выдула воздух, раздувая ноздри. Тряхнула головой и дала знак запускать оборудование.

Гриппа поместили в силиконовый зонд, оставив торчать голову. Пришлось вколоть ему заморозку – меньше дёргается, меньше раздувается.

Доктор чётким движением рассекла часть грудной клетки между рёбер. Запустила туда волонтёра с камерой и протаскивала вправо – туда, где присосался болезнетворный.

– Замри, – скомандовал Фёдор. На экране показался издорм.

Эля, не торопясь, перемещала сенсор, дублирующий движения гриппа. Подвела к коричневой твари. Переместила к ближайшей голове.

– Красная, – голос доктора звучал спокойно. На экране чётко проглядывалась красная полоса от впадины носа болезнетворного до начала спины. – Убедились? Тогда вытаскиваю.

Едва заметно выдохнула и крутнула сенсор.

– Стой! – крик Свиристелочкина нескромно отозвался от белых стен операционной. – Немного левее. Ко второй голове.

Эля уставилась на учёного, но не стала упрямыться. Переместила камеру влево и вздрогнула. Полоска на второй го-

лове была синей.

Доктор увеличила изображение. Рискую временем, пере-запустила оборудование. Полоска на второй голове осталась синей. Ошибки не было.

– И что делать? – задыхаясь, выдавила Эля, распахнув двери исследовательской. Экстренный лифт был занят, остальные ехали вверх. Чтобы не ждать, ей пришлось бежать вниз пятьдесят этажей.

Фёдор сидел, обложившись книгами, на полу валялись стопки распечаток:

– Искать.

– Что это? – доктор подошла и потрогала зелёный корешок энциклопедии «История эволюции болезнетворной фауны». Втянула горьковатый аромат старой бумаги.

– Книги, – усмехнулся Свирестелочкин.

– В курсе, – взъерепенилась Эля. – Готовишься преподавать курс истории мутации вирусов?

– В твоей практике встречались разноцветные издормы?

Эля нахмурилась, качнула головой и провалилась в предложенное кресло.

Фёдор протянул книгу потоньше, со свежим химическим запахом. Доктор кивнула и раскрыла справочник на странице издормов.

Они листали страницы до ночи, пока у Эли не заурчало в животе.

Фёдор потопал к холодильнику в комнате отдыха. Вернулся, пожал плечами и кивнул на визуализатор:

– Закажем еду?

Эля потянулась к прибору:

– По чёрному бургеру?

– По красно-синему, – криво усмехнулся Свирестелочкин, возвращаясь к книгам.

Первые лучи солнца пробили стеклянные стены больницы, скользя по двум неславшим фигурам. Эля сползла в кресло-грушу и безнадёжно перелистывала последние распечатки.

Фёдор с чувством вины посмотрел на девушку и перевёл взгляд на стол. Экскурс в прошлое, форумы в настоящем ничем не помогли. Сто двадцать «рецептов» противоядий для краснополосных и синеполосных издормов. Несколько десятков методов, как лучше лекарство впрыснуть. Но ни одной рекомендации по разноцветным тварям.

Учёный откинул крышку с коробки из службы доставки пищи. Посмотрел на остатки булок и улыбнулся чувству юмора Эли. Верхняя часть была синей, окрашенной с помощью чернил кальмара, нижняя – красной с мясом краба. Эксклюзив. Сертификат безопасности гласил, что это самый вкусный и безопасный бургер с восточных побережий. В комплекте прилагались два вида сертифицированных соусов.

Фёдор открыл крышки, решая, какой соус попробовать первым. Ничего не придумав, решил намазать одним соусом красную булку, вторым – синюю.

– А это идея, – пробормотал он, разглядывая завтрак.

Эля с надеждой глянула на учёного.

– Нам нужно поступить так же, – он протянул в её сторону обе булки.

– Обожраться джанк-фуда и забыть обо всём на свете? – покачала головой доктор.

– В одну морду пшикнуть одним противоядием, а в другую вторым, – лучезарно улыбнулся Свирестелочкин, надкусив булку. – У издормов разные системы пищеварения, которые лишь в самом конце стекаются в один котёл.

– Помню, – отрезала Эля. – Как это проверить? Не думаю, что тварь будет так любезна, подставляя нам нужную голову по требованию.

– Есть опробованный способ, – Фёдор, не отводя взгляда, махнул вверх. – И он уже, наверное, пришёл в себя после заморозки.

Серые глаза доктора похолодели:

– Мстишь, что не дала провести на нём опыты и разобрать на органы?

– Пытаюсь спасти Виолетту Степановну, – учёный присел на пол рядом с Элей и взял её холодную ладонь. – Если ты заметила, яд гриппа похож по составу на противоядие от краснополосного издорма. Снабжаем его и вторым ядом.

Твой подопечный «заваливает» тварюгу, мы быстро делаем два аккуратных надрезика и вытаскиваем её из твоей бабушки, заодно делаем резекцию испорченной части лёгких.

Эля нехотя забрала руку из тёплой ладони Фёдора:

– Ты забыл, что Грипп обезврежен и в нём больше нет яда?

– Зальём полости для яда заново, у меня таких прелестей пол морозильной камеры.

– Понятно, почему мы еду заказывали, – скривилась доктор. – Ты когда-нибудь так делал? Я про яд.

– Нет. Но мы сразу же повторно профильтруем твоего Гриппа.

– Если успеем, – с ехидцей отозвалась Эля, – и Грипп не захлебнётся собственным ядом.

– Если успеем, – не стал отрицать учёный.

– Как мы ему объясним, из какого усика в какую голову вливать? Не каждый из наших первогодок это запомнит.

– Ну он же умненький, – подмигнул Фёдор, и Эле захотелось выколоть эти голубые глаза с искринкой.

– Мне надо подумать, – доктор поднялась, стряхнула крошки и попыталась разгладить халат.

Визуализатор моргнул и вывел измученное лицо старшей медсестры:

– Виолетту Степановну подключили к андроиду дыхания. Издорм не даёт ей дышать самостоятельно.

– Готовь свою отраву, – Эля рывкнула в сторону, напугав сестру. И, не глядя на Фёдора и экран, выскочила из иссле-

довательской.

– Понимаешь, – Эля нагнулась над своим столом, на котором лежал Грипп, укутанный в одеяло. – Из левого уса вливаешь в красную голову, из правого в синюю.

Карие кругляши моргнули.

– Боже, – доктор всплеснула руками, – да что я говорю, мы даже не знаем, различают ли гриппы цвета. Бред.

Она плюхнулась на стул и рухнула на стол. Глубоко задышала, попыталась восстановить дыхание. Почувствовала холодное прикосновение. Открыла глаза и улыбнулась.

Грипп выбрался из замотки и подобрался к хозяйке. Заполз на плечо и уткнулся в шею. Эля взяла его двумя пальцами под верхние лапы, поднесла к глазам. Питомец обхватил её, а она прижала его к себе.

– Ты умненький, справишься.

Когда Фёдор вошёл в кабинет Эли, Грипп по-царски восседал на её плече, а сама она рисовала на прозрачной доске. Они были так увлечены, что не заметили стука в дверь.

Учёный прищурился, рассматривая изображение. Двухголовая клякса была раскрашена синим и красным цветами. Он откашлялся, привлекая к себе внимание.

Доктор обернулась, кивнула и передала ему Гриппа:

– Операция через час. У тебя всё готово?

Питомец, цепляясь лапками за белый халат Фёдора, за-

брался к нему на плечо и уткнулся в шею. Учёный дёрнулся.

– И тебя признал, – Эля рассмеялась, а потом нахмурилась. – Эх, знал бы он.

– Эля, я... – начал Фёдор, но доктор качнула головой. – К операции будем готовы.

– Отлично, – доктор показала на дверь, провожая посетителей и выходя сама: – До встречи в операционной.

Эля стояла в облаке антисептика и смотрела на отражение в зеркале. Говорят, голубая операционная одежда оттеняла её глаза, делала лицо ярче. Но сейчас на неё смотрела бледная женщина с постаревшим взглядом. В какую авантюру она ввязала бабушку?

– Элеонора Ивановна, – из динамиков долетел голос старшей операционной сестры, – у нас всё готово.

Скулы Эли заострились. Сомнения пропали. В операционный блок вошла уверенная в себе доктор с многолетним стажем и стальными руками.

Она кивнула Фёдору, которого едва узнала в белом противовирусном комбинезоне и маске. Без лишних эмоций осмотрела Гриппа. Отдала указания медперсоналу.

На бодрого и подвижного Гриппа надели пояс – эластичный зажим с камерой, к которому крепились тонкая трубка. На этот раз питомца не замораживали.

Виолетта Степановна лежала, завалившись на левую сторону. Эля сделала первый надрез справа между рёбрами – в

районе хвоста издорма.

– Как только грипп деактивирует издорма, – голос доктора был лишён эмоций, – делаем ещё два надреза, каждый на одно ребро выше. Ставим растяжку, вытаскиваем болезнетворного, затем отсекаем испорченную часть органа.

Ассистенты подготовили инструменты и замерли. Фёдор впился руками в тележку, на которой приготовил место для транспортировки гриппа в фильтрационную.

Грипп медленно входил в грудной отдел. Он аккуратно передвигал лапами, чтобы не повредить органы носителя. Перед ним маятником мелькал хвост коричневого противника.

Питомец забрался на издорма. Тот почувствовал движение и попятился. Грипп отогнулся назад, сгруппировался и перепрыгнул к правой голове. Натянул усик, дотронулся до красной полосы и струйкой выпустил яд.

Операционная замерла. Доктор, учёный, ассистенты, медсёстры и санитары не дышали. Все ждали, верное ли средство выбрал грипп.

«Давай», – повторяла про себя Эля, не отводя взгляда от краснополосой головы на экране. Голова дёрнулась и обмякла. Вместе с ней и вся правая часть издорма перестала шевелиться.

– Умненький, – с гордостью шепнул Фёдор. А санитарка не удержалась и хлопнула в ладоши.

Ассистент смахнул пот, показавшийся из-под голубой шапки доктора. Эля не заметила этого, она улыбалась.

Издорм издал булькающий рык и принялся левыми лапами хватать всё, что под них попадалось.

Оборудование, отслеживающее показатели Виолетты Степановны, засигналило.

– Давление падает! – крикнула старшая сестра.

Эля схватила скальпель и сделала верхний надрез. Если сейчас не вытащить издорма, он разорвёт пациентку.

– Нельзя вытаскивать, он потащит за собой лёгкое, – двинулся к ней Фёдор, останавливаясь на положенном по инструкции расстоянии.

– Пара секунд – и не останется у неё лёгкого, – сквозь зубы процедила доктор, делая второй надрез. Ассистент протянул растяжку.

Грипп перебрался со спины и бросился на левые лапы. Издорм понял, кто его обидчик, бросил носителя и обхватил хлипкого противника.

– Давление продолжает падать, – сообщила старшая сестра. Писк монитора участился.

– Умненький, – прохрипел Фёдор, – но теперь мы можем потерять обоих.

– Вытаскиваем, – отдала команду Эля и тут же крикнула. – Стоп!

На экране развернулась битва. Грипп не обращал внимания на удары хвостом, елозил, пытаясь выбраться из недружественных объятий. Ему удалось скинуть нижнюю лапу, он потянулся к голове, продолжая оставаться в тисках верхней

лапы.

Издорм разинул пасть, обнажив два ряда скошенных зубов. Но грипп дёрнулся в сторону, обходя атаку и дотягиваясь до синей полоски. Голова зарычала, но Грипп успел выпустить яд из второго усика. Тварь дёрнулась и замерла.

Все, кроме Эли, стояли, не шелохнувшись.

– Просыпаемся, – рявкнула доктор, устанавливая растяжку между рёбрами, чтобы достать тушу издорма и залатать пациентку. – Победа – это когда все хорошие остаются живыми, а не когда тварь сдохла.

Она потянула за трубку, к которой был прикреплен Грипп. Но питомец, обессилевший, лежал под верхней лапой издорма, не давая вытащить его наружу.

– Ну давай! – прикрикнула доктор, пытаясь достать питомца.

Грипп повернулся и жалобным взглядом посмотрел в камеру.

Голос Эли смягчился:

– Вылезай, мне не вытащить тебя. И с издормом не достать – наконечник от трубки не пройдёт.

Грипп дёргался под тушей издорма.

– Давай, миленький мой, – Фёдор с удивлением уставился на доктора. В её глазах блеснули слёзы. – Обещаю не мыть тебя месяц. Да вообще не буду мыть. И плесень в холодильнике разведу. Только вылезай!

Питомец подтянул все шесть лап-паутинок и откинул ле-

жашую на нём толстую лапу. Попятился к первому надрезу. Эля ловко подтягивала трубку, помогая малышу продвигаться к выходу. Показался тонкий хвост болотно-зелёного цвета, перемазанный кровью. А потом вытянули и самого гриппа.

Фёдор подхватил его, уложил на тележку и покатил в отдел фильтрации. Экстренный лифт, карауливший всё время операции, уже ждал их.

– За дело, – скомандовала Эля.

Операционная зашуршала. Доктор вытащила тушу издорма. Отсекла негодную часть лёгкого, подспудно вычищая место битвы двух болезнетворных, латая где нужно и вводя необходимые препараты пациентке.

Монитор регистрации жизненных показателей перестал пищать. Доктор незаметно выдохнула, нанося внутренние швы и вытаскивая манипуляторы.

Доктор сидела в кресле в одноместной палате Виолетты Степановны. Операция прошла успешно, пациентка дышала самостоятельно. Оставалось дожидаться пробуждения. Эля поглаживала бабушку, вглядываясь в спокойное, умиротворенное лицо и тонкую паутинку морщинок.

Дверь скрипнула. Доктор дёрнулась и с надеждой посмотрела на входящего. Разочарованно выдохнула. Вошла регистратор, измерила показания пациентки, забила данные на табло в спинке кровати. Эля вышла и перекинулась с ней па-

рой слов.

– Всё ещё одна? – услышали они из глубины палаты.

– Бабулечка, – закричала доктор и вернулась к пациентке. Аккуратно прижалась к ней, но даже лёгкое прикосновение вызвало приступ боли.

– Ничего, – улыбнулась Эля и взяла бабушку за руку, – швы под энергоповязкой затянутся уже завтра.

– Что такое боль в сравнении со старостью без внуков, – с деланной горечью вздохнула старушка.

Эля рассмеялась:

– Ты явно идёшь на поправку.

В дверь постучали. Ручка медленно двинулась вниз, и на пороге показался Фёдор с перемотанным свёртком.

– Ты всё-таки познакомилась с Феденькой! – запричитала от радости Виолетта Степановна, забывая о ранах и невзгодах. – Правда, он похож на Валеньку? Я так и знала, что вы поладите!

Фёдор поздоровался с подругой своей бабушки. А Эля никого не слушала. Она побледнела и встала. Грипп лежал с закрытыми глазами без признаков движения.

– Бедная кроха, – всхлипнула доктор и дотронулась пальцем до холодной тушки, – это я во всём виновата.

– Кроха, – скривился Фёдор, – Да жив он. Объялся плесени из моего холодильника и заснул.

От разговоров Грипп проснулся и зевнул во всю обезвреженную пасть. Эля завизжала, одной рукой подхватила пи-

томца, а второй крепко сжала учёного.

– Поосторожнее, – захрипел Фёдор, но не сделал попытки отодвинуться.

Эля покраснела, отпрянула и засуетилась над гриппом.

– Кто ж такую возьмёт, – с грустью протянула Виолетта Степановна, разглядывая, как внучка сюсюкается с болезнетворной зверюгой.

– Я рискну, – вздохнул Фёдор и приобнял Элю с гриппом.

– Решили всё за меня, – фыркнула доктор. – А у меня уже есть семья.

Свирестелочкин вздохнул, но руки не убрал.

– Ладно уж, – смилостивилась Эля и улыбнулась учёному, – потеснимся. Правда, бабуль?

– Не зря я всё-таки съездила к Зоеньке, – Виолетта Степановна смотрела на детей с умилением. – Может ещё и внучка у неё попросить?

– Виолетта Степановна! Бабуль! – одновременно закричали Эля и Федя.

– Ладно, ладно, шучу, – отмахнулась недавняя больная. И прошептала в подушку: – Попозже.

Елена Радковская

Живу в Екатеринбурге. Преподаю в университете. К.э.н., доцент. Пишу недавно, поэтому работ пока немного. Надеюсь, будет больше. Кое-что здесь: <https://ficwriter.info/polzovateli/userprofile/SBF.html>

Небо цвета океана

Русельф с силой выдохнул воздух, непроизвольно напрягся и заставил себя вдвинуться в глухое серое пространство коридора. В зловещем шорохе закрывающейся за спиной двери Русельфу почудился намёк на сочувствие, как будто тяжёлая каменная плита могла передавать эмоции оставшихся по ту сторону: тревогу, смущение, облегчение.

Впрочем, облегчение от того, что сейчас не их очередь – ненадолго. Через пять тысяч вдохов Русельфа сменят, и уже он станет наваливаться на дверь, запирая ее снаружи.

Пять тысяч вдохов. Их надо пережить и не сойти с ума. Не рехнуться – как те восемь несчастных, что сидят сейчас в одиночных камерах, расположенных вдоль мрачного коридора. Пятерых привезли сегодня, значит, ещё поживут, а вот трое здесь уже несколько суток, и их агония наверняка придётся на дежурство Русельфа. Освободившиеся места, скорее всего, сразу будут заняты новыми преступниками – камеры редко пустуют, особенно по весне.

Русельф угрюмо вздохнул и двинулся вперед. Пять вдохов – до конца коридора, ещё пять – обратно. Конечно, можно перемещаться и медленнее – или, наоборот, быстрее – здесь никто контролёра не ограничивает. Главное – быть внимательным и не допускать, чтобы осуждённые связывались с сознаниями соседей-заключённых, ну и, конечно, уберечь от

преступных поползновений собственное.

Толстая кладка стен и перекрытий давила почти физически, отсекая заключённых – а заодно и тюремщиков – от внешнего мира. Никакие отголоски мыслей, сосредоточенные в Сфере разума расы, не пробивались сюда, в подземелье. Даже Русельфу, несмотря на мощный усилитель, чьи ленты перепоясали всё тело, было тяжело в этом каменном мешке. А уж отщепенцам в одиночках, потерявшим связь со Сферой, должно быть, вовсе невыносимо. Ведь для каждого дузла Сфера – это не просто общение с остальными представителями расы, это смысл, цель и поддержка, залог разумности жизни, а зачастую – и просто жизни.

Каждый дузл даже не понимал, не заучивал, а ощущал всем существом, что он – часть Сферы, органичная, необходимая, хоть и действующая автономно. Из нитей мыслей каждого дузла сплеталась общая ткань мышления расы – Сфера – средоточие желаний, целей, воплощений, надежд, радости. Средоточие жизни.

Сила, разум, сама жизнь – в единстве, отрыв – смерть.

Смерть не физическая, духовная, но, возможно, это ещё страшней. Дузлы не казнят своих преступников в прямом смысле слова, они просто лишают их связи со Сферой. Лишают доступа к общему разуму, а это равносильно безумию.

Ведь разве может разум развиваться в одиночестве? Разум – коллективное творение. Поэтому одиночное заключение для дузлов – самое страшное наказание.

Русельф нажал клавишу на стене, и под светом проясвителя обозначились тянущиеся от дверей камер нити мыслей заключенных. Нити пятерых новичков, видимые как неровные световые дорожки или всполохи молний, металась быстро и нервно, обшаривая близлежащее пространство в поисках себе подобных. Впрочем, Русельф намётанным глазом контролёра видел, что скорость этих бесплодных метаний замедляется с каждым вдохом.

Ещё один вдох, следующая дверь. Несмотря на специально спроектированные большие расстояния между камерами, новички от страха и отчаяния иногда выбрасывали поразительно длинные и сильные мысленити. Каждый проход контролёра с закреплённым на боку смарт-щитом отсекал, отбрасывал те, что продвинулись слишком далеко.

Русельф знал, что некоторые контролёры позволяют соединиться соседним нитям и даже подпускают их к собственному усилителю связи со Сферой, но сам никогда не опускался до такого издевательства. Временная подпитка только длила агонию осужденных и, в итоге, усиливала их мучения.

В принципе, Русельф понимал товарищей: действительно, иногда попадают такие преступники, которых хочется наказать сильнее. Например, сменщик рассказывал об учителе, который задал ученикам сочинение на тему «Роль личности в истории». Беспринципный, наглый, злостный подрыв устоев! Если каждая клетка, пусть даже существующая автономно, не станет действовать в интересах всего организ-

ма, а начнёт преследовать какие-то собственные цели – организм неизбежно умрёт. Это настолько очевидно, что даже не нуждается в пояснениях! А этот, р-р-р, «учитель» решил совратить самых юных, понимая при этом, что ручьи ядовитых мыслей вольются в общий сосуд, заражая всю Сферу.

Особенно ужасно, что это могло выясниться слишком поздно – ведь не достигшие зрелости особи не подключаются к общей Сфере. Юные дузлы учатся и общаются в своей, юниорской сфере. Их мысли и поступки контролируют лишь учителя и линейные кураторы, и они же несут ответственность за обучающихся. Даже родители в этот период общаются с детьми только вербально.

Когда возрастная линия – несколько десятков детишек – приближается к возрасту зрелости и готовится влиться в общую Сферу, куратор составляет список распределений. Каждый новый, теперь уже полноценный член общества будет трудиться на том поприще, где сможет принести наибольшую пользу.

Русельф невольно улыбнулся, вспомнив свой выпуск и предшествовавшее ему лихорадочно-ликующее возбуждение. Как они ждали своего распределения! Как мечтали слиться с остальными в Сфере! Сладкие мурашки пробежали по телу Русельфа отголоском давнего счастья. Подумать только, скоро он вновь переживёт этот торжественный миг, но теперь уже в роли гордого родителя: линия сына заканчивает учёбу и готовится к выпуску. Русельф сентименталь-

но вздохнул и тут же нахмурился. Невыносимо даже представить, что на пути его сына мог попасться такой вот «учитель»-изменник!

Контролер, в чьё дежурство привезли того «учителя», мучил его всю смену – не смог удержаться. Некоторые из сменщиков – тоже. Так что те несколько дней, что бывший учитель провел в камере, растянулись для него, наверное, на сто лет. Сто лет одиночества – но не полного, когда усталый, истерзанный разум постепенно скатывается в благословенное небытие, а рваного, дёрганого, с издевательскими подачками, от которых невозможно отказаться – как от глотка воды, поднесённого умирающему от жажды под палящим солнцем.

Самое страшное в одиночестве – понимание, что не-одиночество где-то очень близ-ко.

Русельф поёжился. Нет, общество не жестоко, оно просто защищает себя. Во имя общего блага.

Тусклый свет возле одной из камер замерцал и померк: кто-то из «стариков» сдулся. На глазах Русельфа последняя истончившаяся нить обмякла, скукожилась и судорожными рывками втянулась под дверь.

Русельф поднял лежащий у стены шланг и толкнул дверь камеры, за которой только что прекратилась мыслительная деятельность. Дверь – легкая, чтобы контролер мог справиться в одиночку – открывалась только внутрь, и запорное кольцо располагалось лишь снаружи. Русельф решительно шагнул в камеру, агрессивно направив насадку шланга на уз-

ника.

В центре камеры, на покато́м каменном полу, лежал обес-
силенный преступник. Белёсые двигательные отростки бес-
помощно подёргивались, надглазная бахрома повисла блёк-
лой тряпкой. Узник направил на Русельфа абсолютно бес-
смысленный взор, тело слабо шевельнулось – скорее всего,
конвульсивно... Это уже не дуэл. За несколько дней изоля-
ции когда-то бунтовавшее сознание угасло, хотя тело про-
должало жить. Но мятежник уже не сможет отравить или за-
разить окружающих преступными мыслями.

Русельф ещё с юности глубоко проникся аналогией, при
помощи которой им объясняли появление отщепенцев, не
желающих жить по прекрасным законам их счастливого об-
щества. С физиологической точки зрения рождение клеток,
противодействующих организму – это мутация. Сбой при-
родной программы, как опухоль. Лечить – перевоспитывать
– такие клетки безнадежно. Больные клетки нужно просто
удалить, освобождая место для новых, здоровых. Точнее, ре-
гулярно удалять, поскольку опухоль даёт метастазы.

С невольным возгласом омерзения Русельф дёрнул рычаг
на шланге, и мощная вода-ная струя ударила в пол перед
осужденным. Даже сейчас Русельф подсознательно старался
не причинять физического вреда существу одной с ним ра-
сы.

Бурный поток вспенился волной, высекая брызги. Вода
без усилий подхватила об-мякшее тело не-дуэла и, стекая по

наклонному полу к дальней стене камеры, вынесла полу-прозрачный студенистый комок в широкую сточную трубу.

Через пару сотен вдохов большая прямая труба донесёт свою жертву до океана и выплюнет её в солёную теплую воду. Где безмысленный и бестревожный кусок плоти будет ещё долго плавать, автоматически совершая бездумные вдохи. И обжигать ядом неосторожных.

Русельф вздохнул с чувством выполненного долга и уложил шланг обратно. Ещё через тысячу вдохов пришлось повторить операцию с узником из последней камеры. До конца смены, до воссоединения с разумом расы, с радостью и спокойствием осталось три тысячи вдохов.

Зашуршав, отворилась наружная дверь. Орудия короткими дубинками, контролёры дежурной смены втокнули в коридор нового заключённого. Тот обречённо плёлся, не поднимая глаз на тюремщиков. Но Русельф застыл, потрясённо глядя на доставленного преступника. Дежурные впахнули новичка в свободную камеру и поспешно ретировались. Русельф оглянулся на закрывшуюся дверь и неуверенно приблизился к камере. Собрался с силами и рывком распахнул её.

– Пести?! Как ты здесь оказался?

– Папа!

Молоденький дуэл бросился к Русельфу, вокруг него бушевал целый пожар нитей-мыслей. У Русельфа сжалось сердце: сын плохо выглядел, лишённый подпитки Сферы.

Его нити немедленно и совершенно инстинктивно присосались к отцовскому усилителю. Русельф чуть дёрнулся, но не стал их обрывать.

– Что ты натворил?

Пести зашелся в рыданиях. Язык у него слегка заплетался, когда он, всхлипывая, произнёс:

– Куратор огласил распределение для нашей линии. Меня назначили в контролёры!.. Сказали, будет династия.

Русельф довольно долго молчал, прежде чем спросить:

– И чем тебе не понравилась профессия контролёра?

Пести широко распахнул глаза:

– А тебе что, нравится? Ты же... не живешь! Я уже забыл, когда ты в последний раз улыбался. Да я почти забыл, когда ты приходил домой! Ты же всё время в тюрьме. И всегда мрачный. Конечно, тебе нечему тут радоваться, я понимаю. Но, пап, ты хоть сам помнишь, когда радовался, когда был счастлив?

– Я выполняю свой долг, – ледяным тоном отчеканил Русельф. – Я защищаю нашу Сферу, и в этом – моё счастье.

Пести посмотрел на него с недоумением.

– Ты серьёзно?.. Пап, а ты помнишь, какого цвета небо?

Русельф вдруг испугался. Дузлы никогда не смотрели на небо! Им хватало зрелищ вокруг себя.

– При чём тут небо? Откуда у тебя эти дурацкие мысли? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Пап, небо – цвета океана. И оно огромно. Огромней, чем

даже океан, огромней, чем все океаны планеты, огромней, чем Сфера!

– Замолчи! – просипел Русельф, но сын не унимался.

– Я не хочу провести всю жизнь в тюрьме, как ты. Я хочу смотреть на небо и выше неба! Ведь за ним наверняка что-то есть, оно не может, не должно ограничивать мир... А Сфера не должна ограничивать жизнь, – закончил он тихо.

Русельф застонал. Да, за такие идеи Пести безусловно должны были изолировать от общества. Ведь это почти мятеж! Как он упустил, что в голове сына бродят такие опасные мысли, когда? Или... он в самом деле стал забывать о семье, уйдя в работу? Но ведь так и положено: именно в беззаветном служении обществу и состоит главная цель каждого дузла! И именно это и есть счастье, верно?.. Или всё-таки нет? Или счастье не только в этом?

С болью глядя на трясущегося, словно в ознобе, Пести, Русельф лихорадочно пытался собрать разлетающиеся мысли. Перед внутренним взором упорно вставала картина опухоли, пожирающей его родного сына. Страшная, чёрная, пузырящаяся масса засасывала Пести, сминала и перемалывала его тело. И наконец, полностью поглотив молодого дузла, торжествующе распрямилась. Из чёрного комка на Русельфа смотрели глаза сына.

Русельф вздрогнул. Но ведь это неправда! Это не может быть правдой!

Додумать до конца и понять, что делать, ему не дали.

Ворвавшиеся сменщики, очевидно, сообразившие, наконец, кем приходится их товарищу новый заключённый и чем это может грозить, дружно навалились на Русельфа и сорвали усилитель. Его словно ударили дубиной по голове.

– За что?! – взревел Русельф. – Я же ничего не сделал!

Или... сделал? Внезапно его поразила страшная мысль: неужели его мимолётные сомнения, его сочувствие сыну – уже предательство?

Очевидно, охранники рассудили именно так. Его-то, подключённого к усилителю, они ощущали, пусть и слабо. Где-то у задней стенки скулил Пести.

Не обращая внимания на трепыхания Русельфа и его умоляюще протянутые в сторону сына руки, тюремщики грубо запихнули бывшего товарища в недавно освободившуюся камеру. Издевательски скрипнув, захлопнулась дверь.

Ошеломлённый Русельф бросился на каменную створку, но та даже не шелохнулась.

– Папа! Папа-а!

– Пести! – Русельф припал к щели под дверью, почти растёкшись по полу.

– Папа! – слова сына доносились очень слабо, камень глушил звуки.

– Пести! – изо всех сил закричал Русельф, срывая голос, – тянись мыслью! – и тут же застонал, осознав, что его камера находится слишком далеко от сыновней. А Пести даже не умеет ещё толком тянуться: в юниорской сфере коммуника-

тивные пути гораздо короче.

– Сынок! – снова позвал он, и с ужасом понял, что хрипит: горло дузла не выдерживало таких нагрузок.

Он глубоко вздохнул, ощущая резь в глазах и всё увеличивающуюся тяжесть от потери связи со Сферой. Русельф постарался успокоиться и максимально расслабиться. Потом лёг, прижавшись к щели, и с резким выдохом выбросил мысленить в коридор. Нить протянулась далеко. Русельф закрыл глаза и сосредоточился на своих ощущениях. И почти на краешке восприятия уловил слабую вибрацию – Пести пытался дотянуться до мысли отца. Русельф продолжал растягивать мысленить, понимая, что Пести сделать это гораздо труднее. Дыхание начало сбиваться, перед глазами поплыли белёсые пятна. Русельф выжимал всё из своего тела, вкладывая последние силы в утончившуюся, растянувшуюся почти до предела нить. С другой стороны, как мог, старался Пести.

Отвратительная картина разросшейся опухоли как будто специально подгадывала момент, когда Русельф не сможет от неё отмахнуться. Только теперь в чёрном пузырящемся коконе был он сам.

Он – метастаз? Он – мутант? Он угрожает Сфере и расе дузлов? Если бы мог, Русельф расхохотался бы.

Яркое воспоминание вспыхнуло в мозгу. Русельф вспомнил учителя – не того, который проводил аналогию с опухолью, а другого. Старого, флегматичного, почти безразлич-

но-го дузла, который словно бы мимоходом, не придавая значения, говорил, что развитие – организма, вида, расы – всегда идёт через мутации. У отдельной особи может появиться хвост, или разделиться на пальцы щупальце, или возникнуть цветное зрение. Остальные, как правило, принимают непохожего в штыки. Но если вид хочет не просто выживать, а развиваться, и если отклонение оказывается полезным, то по-настоящему мудрый род старается его поддерживать. И тогда через много поколений мутация становится нормой. Правда, говорил учитель, старательно сохраняя равнодушие, многие сообщества консервативны и стремятся лишь сохранить существующее устройство.

Русельф сморгнул чёрную пелену с картиной опухоли. Лукавое общество может называть параноидальные превентивные меры предусмотрительностью. О, да, конечно. Оно же должно себя защищать!

Если бы была возможность, он хохотал бы долго-долго.

Кончик нити Русельфа вдруг задрожал и словно накалился. Русельфа обдало волной жаркой радости: его мысль ощутила близкое сродство. Значит, нить Пести совсем рядом! Осталось чуть-чуть, они уже почти соприкоснулись, вот сейчас...

Резкий удар обрубил нить Русельфа почти у основания. Ослепительно-белая вспышка оглушила Русельфа изнутри. Ему показалось, что от невыносимой боли взорвался мозг. Где-то далеко раздался тонкий визг, быстро сошедший на

нет.

Русельф судорожно дёрнулся. Обессиленное тело самопроизвольно перекатилось на бок, и Русельф застыл, неподвижными глазами глядя на открывающуюся лишь в одну сторону дверь.

Жаль, что в свои последние сто тысяч вдохов он будет видеть только её.

Но зато потом он увидит океан. Который того же цвета, что небо.

«На западном побережье зафиксирован традиционный весенний рост числа мутированных медуз. Купающихся просим соблюдать осторожность».

Алла Френклах

Родилась в Москве. В печально вспомнить каком году. По образованию химик. Сейчас живу в Нью-Йорке, работаю программистом. До определенного момента жила спокойной и размеренной жизнью, а потом отправила детей в колледжи, перестала убираться дома, посадила мужа на голодную диету и засела писать рассказы. Чем до сих пор и занимаюсь.

Ироды нашего века

Холсты Эль Греко. Неуживчивого гордеца. Праведника с заговоренной дьяволом кистью, умершего больше четырёхсот лет назад.

Болезненно-яркие цвета: ядовито-зелёные, тревожно-лазоревые, сизо-алые, как воспалённое горло. Грозовое небо Апокалипсиса, залитое северным сиянием. Терзающие землю тучи, тусклое солнце в прорехах облаков.

Неестественно вытянутые лица, плоские затылки, изящные паучьи пальцы, отрешённый взгляд.

Ироды. Ироды шестнадцатого века.

Известный факт: художник искал натурщиков в домах умалишённых.

Что тут скажешь: нынешний век гораздо более гуманен. Впрочем, он только начался. Человечество еще может сравняться с веком шестнадцатым в своей морали в отношении к убогим.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

Ещё бы. Кто бы сомневался! Особенно если точно знал, что сие означает, а означает. Улавливаете разницу? Не улавливаете? Ну и чёрт с вами.

– Чёрт! – догоревшая до фильтра сигарета обожгла пальцы. Бочаров бросил окурок на пол. Выругался громко, хотя

обычно сдерживался. Не до того. Этот звонок, перевернувший всё внутри.

– Папа! – голос дочери звенел на грани истерики. А может, уже за гранью. Это у Эльки-то, спокойной, деловой, скрытной. Даже в день свадьбы разруливающей по телефону проблемы на работе.

– Папа! Я беременна!

– Сколько недель? – в нём сразу проснулся врач. – Что-то не в порядке? Приезжай в больницу. Мы пойдем к Грибову. Или к Лурье.

– Восемь. Я в порядке! Нет, не в порядке! А вдруг он родится этим? Ну, этим. Иродом. Ты должен знать, какая сейчас вероятность. Неофициальная. По твоим больничным каналам.

– Двенадцать процентов, – он никогда не умел врать.

В трубке болезненно охнули:

– Уже двенадцать? Я не могу так. Не могу без полной уверенности. Что мне делать?

Как будто он знал. Как будто кто-нибудь знал в этом вдруг слетевшим с катушек мире. Аборт он мог бы организовать у кого-нибудь из коллег. Быстро. Безопасно. Безболезненно. А если через месяц вероятность возрастет до пятнадцати? А через шесть – до двадцати пяти? Останется тогда у Эльки хоть какой-нибудь шанс? У других девочек – останется ли?

Ещё пять лет назад никто знать не знал о синдроме Ирудо. Теперь не знают только умалишённые. А может, и они уже

знают.

– Аркадий Александрович, – дверь на потайной балкончик приоткрылась, – у Голубевой уже потуги начались.

– Иду, – Бочаров потёр потный, несмотря на холодную погоду, лоб и вышел в больничный коридор.

Бочаров привычными, отработанными до автоматизма движениями влез в бахилы, вымыл руки, натянул латексные перчатки.

Голубева – молодая, обширная, голосистая – несмотря на эпидурал, кричала, не жалея лёгких. Рядом суетилась медсестра.

– Всё хорошо, – успокаивающе начал Бочаров, – все идёт как надо. Всё уже почти кончилось. Сейчас по моей команде начнём тужиться. Как можно сильнее. И всё у нас будет прекрасно.

Совершенно ошалевшая от важности момента Голубева ничего не ответила, только вцепилась в простыню потными руками.

Через двадцать минут он принял в окровавленные ладони красного, сморщенного как сухофрукт, вымазанного слизью младенца.

«Без разрывов обошёл», – мысленно похвалил себя Бочаров и хлопнул новорождённого по попке.

Новорождённый молчал.

«Это ещё ничего не значит», – подумал Бочаров и передал

младенца педиатру Бианкину – проводить тесты по шкале Апгара.

Дыхание... Сердцебиение... Рефлексы...

– Всё в порядке? – тревожно спросила уставшая распаренная роженица.

Бочаров бросил быстрый вороватый взгляд на Бианкина. Тот виновато улыбнулся и едва заметно качнул головой. Бианкин безошибочно определял синдром Ирудо у новорождённых. На глазок. Когда они ещё ничем не отличались от обычных детей. Как это ему удавалось – одному богу известно. Такое пока не получалось даже у самого совершенного оборудования.

– Ребёнок здоров, не волнуйтесь, – туманно ответил роженице Бочаров. – Сейчас дадим его вам. Покормите.

– Второй за день, – сказал в ординаторской вечно растрёпанный Бианкин, сжимая в руках кружку чёрного, как душа Кощея, кофе. – Скоро для них надо будет второй бокс открывать.

Они. Дети с синдромом Ирудо. Японского доктора с оттопыренными, похожими на вареники ушами, хорошо теперь узнаваемыми во всём мире. Ещё пять лет назад их не было. Не ушей – детей с синдромом.

Детей Ирудо. С лёгкой руки одного из телевизионных шутников прозванных Иродами. Сейчас на эту тему никто

уже не шутил.

Их стало слишком много.

Похожие. Тонкие, высокие – выше сверстников – с бледной в синеву незагорающей кожей. Непропорционально вытянутые лица, глаза с расширенными зрачками, треугольные лбы. Точно сошедшие с полотен Эль Греко.

Они молчали. Всегда. Ни единого слова. Ни единого звука. Взгляд, устремлённый в никуда, как бывает у слепых.

Они могли часами сидеть, уставившись в пространство. Не есть, не спать, не моргать даже. Просто мороз по коже.

Они были совершенно безобидными, не становились агрессивными, не крушили всё вокруг. Но их боялись, ими брезговали. Как боятся и брезгуют всем непохожим, выходящим за рамки приличия. Как беду, неожиданно постучавшуюся именно в вашу дверь.

А люди? Люди приспособливаются ко всему. Кто-то отказывался от новорождённого ещё в больнице, заподозрив неладное. Кто-то, сцепив зубы, выполнял родительские обязанности. Кто-то просто любил. Своего, долгожданного, самого-самого.

Клиника Трищенко и Брукина трубила по всем телевизионным каналам, что готова сделать человека из любого Ирудо. Таблетки, уколы, примочки из ослиной мочи – всё шло в дело. Многие отказывались заводить детей. Малышня оказалась на вес золота. За каждого карапуза государство платило молодым семьям немалые деньги. И жизнь продолжа-

лась. Жизнь всегда продолжается.

Бочарову нужно было в больницу к двенадцати. Он поздно встал, долго и с наслаждением плескался в душе, торопливо выпил чаю, пометался немного в поисках чистой рубашки, сгрёб со шкафа ключи от машины.

Солнце нежно грело макушку. Сладко пахло молодой листвой, по земле белым ковриком стелился тополиный пух.

Первые самые дисциплинированные мамы уже вывели малышей во двор. Над детской площадкой стоял цыплячий гомон. Юный боец уличного фронта не рассчитал разбег и врезался Бочарову белобрысой головой в живот.

– Под ноги смотреть надо! – взвизгнула на скамейке молодая женщина в ярком свитере.

На бортике в песочнице чинно сидел, глядя в пустоту, мальчик Ирудо лет пяти с лохматой, давно не стриженной головой. Ещё из тех, из первой волны.

По неписаному правилу детей с Ирудо выгуливали в соседнем скверике, но что, например, делать, если у вас один нормальный, а один такой? Не разорваться же. Конечно, другие мамы посмотрят неодобрительно, но, скорее всего, ничего не скажут.

Девочка в красных штанишках набрала в совок песка и высыпала на голову мальчику Ирудо. Тот, не поворачивая головы, часто-часто заморгал глазами. На проделку маленькой агрессорши никто внимания не обратил.

Возвращался Бочаров уже в сумерках. Тускло горели пыльные фонари. Ещё слаще пахло молодой листвой. Он с трудом втиснул «Тойоту» между криво вставшими «Шкодой» и «Кией». Осторожно приоткрыл дверцу, выставил ногу на мостовую.

– Папа, – тихо позвали рядом.

Элька сидела на лавочке, накинув куртку на плечи.

Заговорила быстро, будто боялась, что Бочаров ее перебьёт.

– Пап, я решила. Устрой мне аборт. У одного из своих докторов. Пока ещё срок маленький. Только не отговаривай, я тебя прошу.

– Хорошо, думаю, договорюсь на следующую неделю. Ты точно решила?

– Я точно решила. Правильно – не правильно, но решила.

– Эль, – Бочарову захотелось обнять дочку, как маленькую, но побоялся, что ей не понравится. – Я на твоей стороне по определению. Просто не могу иначе. Хочешь, пойдём мороженого съедим?

– Не хочу. Твои методы утешения за последние пятнадцать лет ничуть не изменились. Маме не говори, ладно? – Элька легко поднялась, подхватила сумочку и растворилась в сумерках, как городская нежить: бесшумно и без следа.

Бочаров занял её место на скамейке и достал сигарету.

Проходя мимо песочницы, Бочаров увидел давешнего мальчика Ирудо. Похоже было, что тот так и сидел здесь с утра. Теперь уже в одиночестве. Остальных детей увели домой мамы: ужинать и смотреть «Спокойной ночи, малыши».

Мальчик по-прежнему напряженно всматривался в потёмки сумерки. Под попой у него расплылось большое тёмное пятно: подгузник не справился.

– Бросили, – понял Бочаров. Почему-то он даже и не возмутился особо. Хотя должен был.

Надо бы полицию вызвать.

Сколько их придётся прождать? Час, не меньше. Холодно уже. И ветер поднялся.

Бочаров вздохнул, подошел к мальчику, ухватил за плечо, заставил встать:

– Идём, брат. Ждать лучше дома, в тепле.

Жена разбирала на кухне сумку с продуктами. Увидев мальчика, она уронила на пол апельсин. Апельсин укатился под стол.

– Это твой сын? – спросила жена и села на стул.

– В смысле? – не понял Бочаров. – А, нет. Бог с тобой. Его на улице бросили. Завтра к Бианкину в приют отведу. У него приют один из лучших в городе.

– У него вшей нет? – заволновалась сразу пришедшая в себя жена.

– Сейчас его вымою, – сказал Бочаров. – Достанешь для него мою фланелевую рубашку?

– Я картошки пожарю, – сказала жена. – И сосиски. Он же голодный. Дети любят картошку.

Мальчик Ирудо картошку любил. Он съел две тарелки. Бочаров уложил его спать в холле на раскладном диванчике. Гость лежал смиренно, положив руки на одеяло. Глядел, не отрываясь, в потолок.

Ночью Бочаров проснулся от того, что на кухне горел свет.

Мальчик Ирудо сидел за столом и водил карандашом по листу бумаги. Бочаров засмотрелся на странный рисунок.

Парящий в темноте белый замок с потрескавшимися стенами, изъеденными голодным плющом. Перекошенные влажные окна. Вывернутые наизнанку странно переплетённые мраморные лестницы, обросшие, как днища кораблей, бурыми морскими червями, то ли взлетающие вверх, то ли скользящие вниз. Уродство и величие. Красота и мерзость. И не оторваться. Что там бродило или набухало, как тесто в квашне, в молчаливой детской душе?

Бочаров погасил свет и увел мальчика спать. Утром на всякий случай сложил рисунок и убрал в карман.

– Не знаете, как найти доктора Бианкина? – спросил Бочаров у молодой нянечки, с трудом толкающей перед собой нагруженную доверху тележку с чистым бельём.

– Второй поворот налево, третья дверь направо, – машинально ответила женщина и погладила маленького спутника Бочарова по голове.

Аркадий вдруг ни с того ни с сего вспомнил, что при Доме ребёнка имелся детский сад. И что кое-кто из родителей устраивается туда на работу. Быть поближе.

Бочаров постучал в дверь кабинета и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь. Бианкин сидел за столом, вытянув губы дудкой, и заполнял истории болезни. Рядом на блюде приютился одиноким сиротой заветренный бутерброд с варёной колбасой.

Бианкин оторвался от бумаг, удивлённо поднял на Аркадия уставшие глаза.

– Вот, – подтолкнул тот вперёд мальчика. – Вчера во дворе нашёл. В песочнице. Бросили его.

– Другие в песочницах деньги находят, а ты... – пожурил Аркадия совсем даже и не удивившийся Бианкин. – А почему ко мне? Вызвал бы полицию.

– Если сразу к тебе, то, может, в вашем доме ребёнка и оставят. «Счастливое детство» – лучший в городе. И уход хороший, и питание, и лечение.

– Да ну, – махнул рукой Бианкин, – какое у детей Ирудо лечение? А мальчика оставляй. Директриса в полицию позвонит. Они прямо здесь протокол составят. В первый раз, что ли.

– Я знал, что ты поможешь. Спасибо. Ещё знаешь что, – спохватился Бочаров, – я вчера своего гостя ночью на кухне застал. А перед ним рисунок странный. Что скажешь?

Аркадий достал из кармана изрядно помятый листок бу-

маги.

Бианкин повертел рисунок в руках, отодвинул подальше от глаз, придвинул.

– Интересно. И твой туда же, – педиатр выдвинул из письменного стола застревающий ящик, достал оттуда стопку листов, разложил на столе.

– Смотри, раз пришел. Сегодня по спальням собрал.

Бочаров глянул и застыл заворуженный. Рисунки на листах: стены замков, парящих в непонятно каком измерении, переплетённые мраморными лестницами и голодным плющом, были похожи между собой, как близнецы. И рисунок ночного гостя был один в один их порождением. Плоть от плоти, кровь от крови.

– Что это значит? – выдохнул Бочаров. – Как они это делают? И зачем?

Бианкин пожал плечами:

– Может быть, синхронизируют сознания. Мы говорим себе: больные дети, больные дети, выброшенные из нормальной жизни. А сами не представляем, Аркадий, что они могут. Серьёзных и даже несерьёзных исследований никто не проводил. Считается, что проблема в том, что дети Ирудо рождаются. А может, это не проблема. Может, просто так надо.

– Кому надо? – Бочаров внимательнее взгляделся в приведённого им мальчика. Тот сидел на краю стула, вытянувшись, напряжённо сведя цыплячьи лопатки. Бледные губы

полуоткрыты, глаза смотрят как обычно, в никуда, даже и не пытаясь ни на чём сфокусироваться. В уголке рта скопилась слюна. Вот-вот капнет.

– Мало ли, кому надо. Одно из проявлений законов природы. Ты знаешь, что перед войной рождается гораздо больше мальчиков? Никто не знает почему. Собственно, не перед войной, а сразу после. Но не в этом дело. Лет двадцать назад вдруг стало рождаться много детей с врождённым пороком сердца. А потом так же вдруг перестало. Левшей больше не рождается. Почему – опять неизвестно. Может, природа пытается снова прийти к состоянию устойчивого равновесия, компенсировать потери. А может, что-нибудь другое.

– Зачем природе дети с синдромом Ирудо? Уменьшить рождаемость? Поставить само существование человечества на карту?

– Откуда я знаю, Аркадий? Ты спросил – я ответил. Идем, я тебе что-то покажу. Только нянечку позову с мальчиком посидеть.

Бианкин привел Аркадия в палату для новорождённых.

– Здесь три Ирода! – сообщил Бианкин.

– И что?

– А то! Смотри!

Бианкин сжал в руках неизвестно как попавший к нему тяжёлый баскетбольный мяч и с силой замахнулся им в сторону младенцев.

Аркадий бросился на сошедшего с ума Бианкина, но не успел. Мяч уже летел в сторону открытых лёгких кювёз с новорождёнными.

Бочаров зажмурил глаза. Вот сейчас. Сейчас раздастся истошный детский крик. Переломы, сотрясения, увечья на всю жизнь...

Ничего.

Бочаров приподнял веки. Мяч висел в воздухе посреди-не палаты на уровне человеческого лица, будто столкнулся с невидимой преградой. А затем, будто кто-то его подтолкнул, медленно опустился на пол.

– Понял?

– Нет, – честно признался Бочаров. – Только отдай лучше мяч. Мне спокойнее будет.

– И я не понял. Но впечатляет.

– А зачем всё это?

– Это уже не ко мне, это в Божественную канцелярию.

Затренькал телефон. Бочаров зажал микрофон ладонью и вышел из палаты.

– Пап! – кричала возбужденная Элька. – Ты пока не договаривайся насчет аборта. Мне подруга рассказала, у нее ребенок Ирод. Четыре года. Шоковая терапия метразином дает потрясающие результаты. Дети вылечиваются на глазах. Начинают говорить. И улыбаться. И отвечать на вопросы. В их подопытной группе все выздоровели, представляешь? Мульт-

тики по телевизору смотрят, смеются. Сын у нее уже до ста считает. И все буквы знает. Проблема, можно сказать, решена!

Вечером Элька с мужем приехали в гости. Привезли торт и бутылку коньяка. Элька загадочно гладила живот и свети-лась счастьем.

Захмелевший Бочаров вышел на кухню – глотнуть холодной воды.

Одинокий телевизор бубнил что-то в пространство. Бочаров потянул руку к пульту, но передумал и прислушался.

– Таким образом, – вещал с экрана человек в красном галстуке, – недавно открытая комета Фрая имеет пять процентов вероятности столкнуться с Землей через три года. Это много по астрономическим меркам. Но не будем грустить, дорогие друзья. За эти несколько лет все ещё может перемениться...

Бочаров так и не выключил телевизор. Он присел на табуретку и попытался вспомнить что-то очень важное. Что-то, произошедшее с ним недавно и имеющее связь с той пургой, что нёс ведущий. И с вроде как решённой проблемой. Но так и не смог.

Евгения Кретьова

Мне 38 лет. Живу в г. Благовещенск, а сама из Москвы. По образованию юрист, книги пишу со школы, последние 5 лет – наиболее плотно. Закончила литературные курсы «Мастера текста». Есть рассказы, опубликованные в сборниках и литературных журналах, сетевые публикации. Член Союза писателей России.

Победитель номинации "Подростковое фэнтези" национальной литературной премии «Рукопись года» и финалист Конкурса детской и юношеской книги ЛитРес и ЛайвЛиб (3-е место) за рукопись «Вершителю: посох Велеса». Финалист конкурса «Новая детская книга» в номинации «Фэнтези. Мистика. Триллер» и победитель читательского голосования за мистический триллер «Альтераты: миссия для усопших».

Сборник рассказов «Дом с панорамными окнами» – в Шорт листе премии «Электронная буква» (номинация Малая проза).

Автор пяти романов в жанрах современная проза, детектив и триллер.

Буду рада встретиться с вами на ЛитРес <https://www.litres.ru/evgeniya-kretova-13071576/>

Крайний полёт «Немезиды»

Темно-синий, неживой пока монитор внешней связи. Тесная, выдавшая виды рубка. Вечный запах стеклопластика и свежемолотого кофе. На потёртой консоли покачивал крупными кожистыми листьями каучуконосный фикус – будто третий член экипажа. Каждый переход на одном и том же месте. Борис Сергеич, бортинженер грузового корабля «Немезида», методично пристраивал его рядом с собой, словно малолетнего ребёнка. И каждый раз капитан корабля Павел Игнатьевич Коротков молча переживал, что растение окажется плохо закреплено и полигласовый горшок соскользнёт с ребристой поверхности. Сам-то не разобьётся, но подомнёт ящик СТП. А СТП – или Сигнатура транзакционных переходов – это жизнь их старенького, потрепанного сотней переходов, но надежного, как мама родная, почтовика. Это связь с операторами станции привязки. Это обратный билет домой.

Он покосился на старого товарища, вздохнул, ослабил тесный воротник кителя, набрал код внешней связи. Приемник пискнул, сообщая об установлении соединения.

Короткий взгляд на Сергеича: тот привычным движением активировал таймер. На черном циферблате квадратные нолики сменились вереницей чисел.

– Грузовой борт 14-280-Немезида готов к транзакции, – сообщил он по переговорному устройству. – Курс 0016АРМ,

сообщение: станция «Сатурн» – аппаратная станция «Флида».

Сергеич активировал визиры и курсоуказатели. Капитан видел, как окрасился синим монитор с загруженной оператором «Сатурна» навигационной картой.

– Вижу вас, борт 14-280-Немезида. Формирую сигнатуру, – прошелестело из ретранслятора. На навигационной карте пролегла четкая прерывистая линия трех выстроенных коридоров. Ближайшее транзакционное окно – за Плутоном. Тринадцать минут на марше.

– Импульс на старт, – скомандовал Павел Игнатьевич.

– Есть импульс на старт, – отозвался Сергеич и покосился на фикус: тот торжественно качнул руками-листьями. – Готовность номер пять, четыре, три, два, один... Пуск.

Космический грузовик дёрнулся вперёд, оставляя за собой вытянутое кварк-глюонное облако.

– В добрый путь, – дежурно пожелал оператор «Сатурна» и отключился.

– К чёрту, – привычно отозвался Сергеич и потянулся, расправив широкие плечи.

Павел Игнатьевич сумрачно вздохнул, выравнивая курс:

– Сколько лет с ними работаю, столько не могу привыкнуть к этому «В добрый путь»... Как в мультике, помнишь? «Земля, прощай! В добрый путь!»³.

Сергеич хмурился и молчал: сегодняшний полёт дался

³ Фраза из музыкального мультфильма Гарри Бардина «Летучий корабль».

ему тяжело. Давление подскочило, заставив дежурного медика в предполётной вколоть ампулу стабилизатора. Как бы в его-то возрасте нормально. Но Сергеич – жизнерадостный здоровяк без единого седого волоса в темно-русой шевелюре, гроза астероидов и фотонных аномалий, воспринимал это болезненно, как бестактное напоминание о предстоящем списании.

Этот полет Сатурн-Флида для них обоих – крайний, как говорят в Космофлоте, избегая фаталистического «последний». «Немизиду» на реконструкцию, их с Сергеичем – на заслуженный отдых. Павел Игнатьевич мечтательно прищурился: Машка рада будет. Надо ей с Флиды алмазный песок притащить, что ли, пусть побалуется детёныш. Капитан ухмыльнулся в усы, ослабил воротник на кителе.

– Три минуты до транзакции, – сообщил Сергеич, выстраивая сигнатуры.

– Навигационная погода в точке выхода?

– По прогнозу, – Сергеич неохотно поднял навигационную карту⁴, удалил вехи, не влияющие на безопасность маршрута. Почесал переносицу: – Точно, чисто всё.

Павел Игнатьевич облегчённо выдохнул и направил грузовик в чёрное горлышко перехода. Появился знакомый шум в ушах, увеличилось давление на грудную клетку. Экипаж

⁴ Поднятие карты – навигационный термин, обозначающий увеличение ее масштаба с целью выявления возможных навигационных опасностей, удобных лоций и фарватеров.

замер в тягостном ожидании, пока не заработает полевая защита, и станет легче дышать.

– Ты там как, Игнатъич? – бортинженер обеспокоенно покосился на капитана. – Бледный какой-то.

Тот отмахнулся и уставился в транзакционный коридор: на мутной поверхности экрана мелькнул серебром выход.

– Приготовиться, точка сборки две минуты три секунды, код шестнадцать, – подтвердил бортинженер, перебрасывая капитану данные сигнатур.

Немезида вынырнула из перехода, мягко сработав маневровыми, выправила курс на точку следующей транзакции и неторопливо направилась к ней.

Сергеич побряхтел и встал с места:

– До следующего окна час сорок. Пойду, чаёк заварю... Рита твоя передала через Гамбуза.

Гамбуз Василь Иванович – начальник службы снабжения. Мужик, в общем, не плохой, но до безобразия правильный. Вот и посылку от супруги капитана проверял по инструкции, а передавая с рук на руки, недовольно поджимал тонкие губы: не положено на борт проносить груз, не утвержденный для переброски.

– Вы ж не лампочки на Флиду везёте, а пиротрил, – мрачно посетовал он на легкомыслие экипажа.

Пиротрил – опасное взрывчатое вещество с бешеной скоростью детонации и мощностью – Немезида должна была доставить для техников Флиды: ребята строили экогород под

поверхностью агрессивной и капризной Футанги, ближайшей к станции экзопланеты.

Сергеич появился в рубке с двумя конглициниевыми фляжками, из узких горлышек которых тянулся терпкий аромат:

– Ритка у тебя – золотая женщина, – усмехнулся он, протягивая капитану напиток, – если б знал, ни за что не упустил бы тогда, в Академии.

– Поздно причитать, – хохотнул Павел, – раньше надо было думать.

– Раньше, – отозвался Сергеич, тяжело опустился в свое кресло.

Оба замолчали, обжигаясь вязкой жидкостью и думая каждый о своём, но, как ни странно, связанным с одной и той же женщиной, ставшей много лет назад одному из них женой, а другому – вечным напоминанием о не случившемся счастье. Сергеич так и не женился. С Павлом они остались лучшими друзьями, он часто бывал у них в доме. С пацанами и младшей дочерью, Машкой, модель Немезиды мастерил. На Риту, даже спустя столько лет, смотрел с восхищением.

– Да-а, – протянул он, забывшись.

Павел Игнатьевич промолчал.

Фикус качнул темно-зеленым листом.

– Тринадцать минут до транзакции, – очнулся Сергеич, завернул крышку и удобнее устроился за консолью. Капитан шумно зевнул, передёрнул плечами, стряхивая мечтатель-

ность.

– Что на выходе?

Бортинженер шмыгнул носом:

– Чисто. Заряжайся позитивом, транзакция длинная, расстояние между окнами всего ничего, на корректировку курса больше трёх минут тебе не дам.

– Как будто могло быть иначе, – проворчал Павел Игнатьевич, подключаясь к управлению. Тонкие линии аппаратного СТП выстроились на мониторах в ряд, подсказывая курсовые ориентиры.

– Сигнатуры загружены, код транзакции четырнадцать. Режим входа штатный, – сообщил бортинженер.

Фикус дрогнул всеми листьями.

– Ты бы убрал растение с консоли, – без надежды в голосе попросил Павел.

Сергеич покосился на него и протянул руку к белесому горшку.

Монитор перед его глазами мигнул, выбросив в центр новое сообщение: смена кодировок транзакции. Искин Немезиды услужливо предупредил:

– Смена сигнатур. Кодировка транзакции – восемнадцать. Коэффициент смещения один.

– Этого ещё только не хватало, – бортинженер нахмурился и склонился над консолью. – До входа в транзакцию четыре минуты. Паш, успеваем?

Капитан ловко подхватил неповоротливое судно, напра-

вил к черному окну открывшегося перехода. Медленно, очень медленно грузовик ложился на измененный курс. С дифферентом на правый бок Немезида вошла в переход.

– Черт знает что такое, – ворчал Павел, выравнивая корабль.

Мощный удар по корпусу отразился карминно-алым на мониторах.

– Сергеич, в чём дело?

– Кодировка транзакции двадцать пять, – холодно проинформировал Искин, опережая бортинженера.

– Ну как так – двадцать пять-то?! Ну как так!

Капитан чувствовал, как теряет контроль над кораблем. Тяжелый, неповоротливый почтовик с запозданием отзывался на его команды. Все хуже маневрировал внутри перехода.

– Сергеич, теряем скорость, что с кодировкой?

Грузовик протяжно вздохнул, дернулся в сторону, зацепил фотонными накопителями «купол» транзакционного коридора.

– Вехи смещены на девять, корректировка восемьдесят два процента, угол дифферента шестьдесят три градуса... Ошибка навигации 27М, Игнатъич. Разорви скварр этих операторов с «Сириуса».

Бортинженер витиевато ругнулся.

Немезида тяжело продиралась сквозь переход.

– Перегрузка. Опасный крен на правый борт, – сообщил искин.

Павел покраснел от напряжения. Крохотные, словно японский бисер, капельки пота выступили на лбу и висках, собираясь и стекая тонкими кривыми ручейками за воротник кителя. Руки вспотели. Искин настойчиво предупредил об опасности:

– Опасный крен на правый борт. Вероятность изменения координат точки выхода восемьдесят три процента.

Сергеич покосился на ретранслятор, поморщился:

– Семь минут до выхода из транзакции, Паш. Точка сборки три минуты.

– Зараза. Выровняться бы. Крутит, как сосиску в кипятке, – капитан вглядывался в черноту в поисках выхода. Немезида устремилась вперед в надежде на спасение. – Вернусь на «Сатурн», подам рапорт, пусть разбираются с этими охладомонами из диспетчерской.

Утробный гул системы оповещения резко сменился ревом sireны. Немезида дёрнулась вперёд и завалилась на правый борт.

Капитан и бортинженер видели, как на схеме корабля срабатывают, захлопываясь одна за другой, защитные перегородки, ограждая небольшой экипаж от беды.

– Разгерметизация грузовых отсеков два, три, четыре, пятнадцать, – металлический голос звучал как приговор.

Экраны в одно мгновение окрасились красным.

Судно содрогнулось от взрыва. Волна вдавила барабанные перепонки, смяла лёгкие, грудные клетки затрещали от пе-

регрузки.

– Зараза, – Сергеич рванул аварийную консоль на себя. – Генератор в труху. Пожар в пятом секторе.

Капитан молчал: перед глазами мелькнуло, наконец, окно выхода из транзакции. С чудовищным креном, практически брюхом вперед, разрывая плотные «стенки» коридора, Немезида прорвала тонкую фотонную плёнку на выходе и вырвалась в открытый космос, а в следующее мгновение корабль погрузился в темноту.

Первым очнулся Сергеич.

Захлебываясь рвотой, он лишь догадывался по миганию экранов о вое сирены, о том, что искин без усталости сообщает перечень повреждений.

– ... в третьем отсеке, – сквозь ватную глухоту контузии донеслось до бортинженера. – Разгерметизация в зонах два, шесть, двенадцать, пятнадцать, двадцать четыре. Пожар в отсеках пять, три, восемь, одиннадцать...

Он не слушал: бросив взгляд на грузовой отсек, заметил сразу пурпурно-красные отметки у развороченных взрывом шлюзов: сдетонировал пиротрил.

– Что ж за день такой невезучий сегодня, – пробормотал он, высвобождаясь из защитного поля. – Пашка!

Капитан не отвечал: голова запрокинулась, руки беспомощно свисали с подлокотников. Бортинженер автоматически потянулся к карману с пневмошприцем.

– Паш, щас. Потерпи, только дотянусь до этой чертовой заразы, – тихо ругался Сергеич, с трудом сгибая руки в локтях и разжимая пальцы.

Кое-как встав, он перевалился всем весом на кресло капитана, вколоч в плечо стабилизатор, потрепал старого товарища по небритой щеке и тяжело плюхнулся обратно в свое кресло – сверять отчет о повреждениях с данными сканирования.

Павел Игнатьевич вяло пошевелился.

– Капитан, докладываю обстановку, – прокричал Сергеич (из-за контузии он все еще неважно слышал). – Предположительно по причине инерции при совершении маневра выравнивания корабля вызвавшего срыв креплений контейнеров с пиротрилом, взрывчатое вещество активировалось и взорвалось. Повреждены семь секторов и пять отделений грузового отсека и шесть из восьми верхнего. Отказ импульсных двигателей и обоих генераторов. Пожар с третьего по седьмой блоки реакторного отсека. Предлагаю раскрыть одномоментно шлюзы. Правда, для обратной закачки кислорода потребуются генераторы, а они у нас тю-тю, придётся воспользоваться скафандрами. Но нам же это не впервой, да, Паш? Ты как, Паш? – он оглянулся на товарища: тот бестолково тряс лобастой головой, бил себя по щекам.

– Борь, – прохрипел он, – как пиротрил мог сдетонировать? Вакуумные контейнеры, стандартные крепления, всё ж рассчитано на перегрузку. Ты же груз принимал, крепления

проверял?

Бортинженер посмотрел исподлобья, хмыкнул, вставая:

– Я. Все по инструкции, – он прищурился. – У нас разгерметизация нижнего яруса. Всего грузового отсека, считай, нет. Хвостовая часть разворочена так, что мама не горюй... Паш, нам лететь не на чем. А ты интересуешься, с чего это пиротрил бабахнул.

Он мрачно посмотрел на капитана. В серых глазах мелькнула догадка:

– Думаешь, я недосмотрел? Ты еще скажи, что это я специально подстроил?

Павел Игнатьевич неловко заерзал в кресле, отвел взгляд. Сергеич буравил его насквозь, сплюнул под ноги:

– Ясно, – протянул мрачно. – Думаешь, из-за Ритки... Сорок лет ждал. И вот, дождался... Отомстил вроде как.

– Ну, просто странно это всё. Видимо, флуктуация какая-то.

Сергеич фыркнул, вытер рукавом кровавую дорожку под носом:

– Настолько странно, что друг, которому верил больше, чем себе, записал тебя в подлецы и предатели. Определенно, «флуктуация» какая-то.

Павел Игнатьевич нахмурился, сдернул верхнее крепление на воротнике кителя.

– Прости, Борь. Не знаю, что на меня нашло, – вяло извинился.

Бортинженер оглянулся, молча вышел из рубки. Через прозрачную мембрану была видна его ссутуленная фигура, мелькавшая в полумраке аварийного освещения.

Павел умыл ладонями лицо, сбрасывая наваждение, стыдясь возникших подозрений, шевелящихся в сердце долгие годы, выдавливаемых из сознания, из памяти.

«Черт возьми», – он покосился на монитор состояния Немезиды. Мигнул огонек внутренней связи. Отозвался голосом Сергеича:

– Автоматика сработала. Проход к спасательным шлюпкам заблокирован, капитан, – голос подчеркнуто официальный. Строго по протоколу. – Рассматриваю вариант через технический коридор. По готовности сообщу. Конец связи.

И отключился, оставив Павла в красновато-бурой тишине.

Капитан выбрался из кресла. Тяжело передвигая ноги, добрался до регистратора, выгрузил на портативный накопитель данные мониторинга и бортовой журнал.

– Три минуты перед аварией, – скомандовал.

Три минуты – время детонации пиротрила. Если что-то и произошло, то в этом крохотном отрезке времени. На дисплее появились зеленые столбики показателей. Сравнив с базовыми, чертыхнулся еще раз: датчики целостности груза показывали смещение опасного груза. Срыв креплений, деформация контейнера и последовавшая за ним детонация.

Тысяча нелепых случайностей.

Пожар подбирался к шестому сектору. Там аварийно-спасательный борт. Система пожаротушения, поврежденная взрывом, не справлялась.

– Сергеич, – капитан попробовал вызвать бортинженера по внутренней связи, не сработало. Активировал экстренную на своем коммуникаторе-креонике: – Борь, дуй сюда. Открываем шлюзы с третьего по шестой сектор. Надо спасти шлюпки. Не то нам с тобой выбираться отсюда будет не на чем.

Бортинженер коротко бросил: «Есть дуть сюда, щас буду».

Он появился через полторы минуты: рабочий комбинезон в саже, на руке – черная обугленная рана. Хмуро глянув на капитана, бортинженер сел за рабочую консоль.

– Гермопереборки жилого сектора не повреждены. Активирую защиту экипажа, – отчетливо комментировал он бортовому журналу.

– Борь, прости, – тихий голос за спиной, тяжелая рука легла на плечо. Сергеич покосился на тонкие пальцы. – Не знаю, что на меня нашло. Страшно признаться. Все эти сорок лет жутко ревную тебя к Ритке.

– Это мне тогда впору спросить – не специально ли ты это все подстроил? И коряво Немезиду через коридор провел, специально, небось, чтобы жахнуть мне по тылке, – сварливо пробормотал бортинженер. И добавил примирительно: – Отелло недоделанный.

Капитан ухмыльнулся, похлопал по плечу.

Только тогда вернулся на своё место.

– По команде командира корабля открываю шлюзы, – про-
бормотал бортинженер.

Павел Игнатьевич подхватил:

– Говорит капитан борта 14-280-Немезида Коротков Па-
вел. С целью ликвидации пожара на пути эвакуации экипа-
жа открываем шлюзы в секторах три, четыре, пять и шесть.
Экипажу надеть индивидуальные средства защиты, – оба по-
чти одновременно нацепили на лица прозрачные маски. –
Готовность номер пять, четыре, три, два, один. Пуск.

Вспыхнули экраны оповещения о разгерметизации и тут
же погасли. В одно мгновение космос высосал кислород из
легких Немезиды. Смертельный поцелуй, холодный, как са-
ма преисподняя.

Сергеич сверился с датчиками прежде, чем задраить шлю-
зы:

– Пожар ликвидирован. Только мы теперь как котята –
слепы и беспомощны.

– Зато живы.

– Живы. Пока реактор не рванул. Давай выбиратья.

Покореженный корпус Немезиды плыл вдалеке, постепен-
но превращаясь в неясную грудку металла в обзорных экра-
нах.

Два человека и одноместная шлюпка с единственным
комплектном спасательного оборудования – все дальше от

используемых навигационных маршрутов. Капитан сидел за пультом управления, Сергеич – на полу.

Бортинженер протянул Павлу протеиновый батончик – один из немногих, припасенных в бардачке аппарата. Молча вскрыли упаковку, вцепились зубами в приторно-сладкую массу. Фикус печально покачивал глянцевыми листьями.

Игнатьич развернул на планшете карту сектора. Отметил красным точку:

– Мы должны были выйти тут. Мерцающая транзакция выбросила нас здесь, – поставил крестик чуть в стороне.

Сергеич покосился на корявый рисунок:

– В этом секторе даже патрулирование раз в полгода. Глушь.

Отвернулся.

Капитан прищурился:

– Если не запускать импульсный двигатель, энергии нам суток на трое хватит.

– Через трое суток мы будем так далеко от маршрутов, что нам уже будет всё равно, – мрачно отозвался Сергеич.

Капитан задумчиво уставился в экран обзора, проговорил тихо:

– Предлагаешь включить двигатели и рвануть к точке выхода из транзакции, к стандартным маршрутам? Через пять часов отрубится система воздухоочистки. Ещё через пять – аварийное освещение. Последней – аварийная подача кислорода...

– Паш, кого ты лечишь? – Сергеич невесело хмыкнул. – Нам два пути отсюда – или обоим в гроб... Хотя, не, для этой цели и наша склянка сойдет. Или второй вариант – врубаем аварийное оповещение на всю мощность и ждём помощи. У нас шлюпка с базовой комплектацией, креокапсула⁵ есть. С автономным питанием.

– Она одна. А нас двое, – отрезал Игнатъич. – Слушай, Борь, маячок работает: в эфир наш SOS-сигнал идёт...

– Твой SOS-сигнал не пробивает такой радиус, – чертыхнулся Сергеич. – Аварийка пробьет частоту.

– А если нас все-таки никто не услышит? Мы израсходуем остатки энергии, а помощь не придет, – капитан говорил тихо, подчеркнуто спокойно, будто обсуждал с товарищем, какое кино смотреть сегодня вечером.

Бортинженер проглотил разжеванный протеин, посмотрел на Павла с интересом:

– Если мы ещё дольше будем мозговать, то точно никто ничего не услышит. Паш, либо сейчас, либо никогда. В том смысле, что совсем никогда.

Капитан нахмурился.

– Борь. Всю энергию спалим на сигнал. И каюк. После отправки аварийного сигнала у нас пятнадцать минут останется. Пятнадцать. Кто к нам за это время, да через такую на-

⁵ *Креокапсула* – от латинского *creo* – творить, создавать, воспроизводить – оборудование, предназначенное для создания максимально безопасной среды для человека.

вигацию прибудет?

Сергеич кивнул. Утвердительно отметил:

– Ясно. Дрейфишь. От инструкции отступить боишься.

Капитан поморщился. Как в детстве шмыгнул носом, посмотрел с вызовом:

– Ты меня на понт не бери. Не таких видали... Инструкции для того и...

– А ты всегда был трусоват, Пашка, – Сергеич взял в руки горшок с фикусом, принялся вертеть его в руках. – И тогда, сорок лет назад, Ритка на тебя и не посмотрела бы, если бы не драка с креонидьянами. Тебе повезло – тебя вырубили первым.

– Что ты мелешь-то?

– Я не мелю, – бортинженер внимательно посмотрел на капитана, прищурился, вставая во весь рост. – Я правду говорю. Тебе башку проломили. Вот Ритка и принялась тебя жалеть. А я, дурак, позволил ей это.

– Вот на счет дурака ты это верно сказал. Столько лет, а все никак не успокоишься, – Павел Игнатьевич резко встал, убеждаясь, что контузия у товарища сильнее, чем показалось на первый взгляд.

– С тебя пример беру... Паш, – отозвался Сергеич. Взгляд холодный, с прищуром. Кривая ухмылка тронула тонкие губы, горшок с фикусом покачивался на широкой ладони.

Капитан не успел защититься. Сгруппироваться. Отбить удар. Или хотя бы просто увернуться.

Тяжелый полигласовый горшок обрушился на него. Последнее, что он увидел перед падением в темноту – искривленное лицо Бориса и нежный, утопающий в сирени профиль Риты.

– Бортовой журнал один. Дата – семнадцатое марта. Время – двадцать один час сорок минут. Говорит исполняющий обязанности командира экипажа грузового борта 14-280-Немезида,двигающегося по маршруту 0016АРМ сообщением станция «Сатурн» – аппаратная станция «Флида», бортинженер Борис Сергеевич Титов. В результате ошибки навигации 27М в семнадцать часов три минуты борт попал в мерцающую транзакцию, при прохождении которой спецгруз – двадцать семь контейнеров с пиратрилом – оказался поврежден и сдетонировал. В результате взрыва генератор, реактор, импульсный двигатель вышли из строя. Начался пожар во внутренних отсеках корабля. Команде в составе командира корабля Короткова и бортинженера Титова удалось эвакуироваться на единственно уцелевшей и оказавшейся доступной одноместной шлюпке класса «Аванта» с ограниченным функционалом. Энергии и питания хватит на двое суток... Это если питаться и дышать будем по очереди, – он покосился на герметично закрытую крышку креокапсулы, через прозрачное окошко которой были видны бледное лицо Павла и замотанный в промасленную ветошь фикус. Усмехнулся: – Капитан корабля принудительно помещен в крео-

капсулу семнадцатого марта две тысячи девятнадцатого года в двадцать один час семь минут по стандартному земному летоисчислению. Вся имеющаяся в распоряжении экипажа энергия направлена на передачу данного сообщения и сигнала SOS с координатами, – он помолчал, добавил вполголоса: – Личное сообщение для Маргариты Коротковой. Ритка, люблю, как в самый первый день. Прощай. Вечно твой Борис.

Он отключил запись. Встал из-за приборной доски, подошел к мирно спящему в кресле другу – на виске красовался кровоподтек. «Ничего, до Машкиной свадьбы заживёт», – усмехнулся.

Борис вернулся на прежнее место. Сел, удобно развалившись в кресле, закинув ноги на консоль. Из внутреннего кармана комбинезона достал сложенный вчетверо листок: светловолосая девушка уткнулась носом в огромный букет сирени. Бережно расправил его и закрепил на мониторе поверх алеющих данных о падающем давлении, понижении температуры и чистоте воздуха.

За бортом медленно проплывали очертания далёких систем. Яркие звёзды бросали свой затуманенный взор на крохотный островок жизни в бескрайней пустоте.

Бортинженеру Титову оставалось жить шесть минут тринадцать секунд.

Зов

– Капитан, координаты точек транзакции определены, лодки загружены, – второй навигатор борта 01-00-15 «Фокус» Кирилл Авдеев методично перебрасывал данные сигнатур на главный монитор. – Зон повышенной навигационной опасности в секторе выхода не обнаружено.

Он оглянулся на капитана, Ульяну Рогову:

– «Фокус» готов к переходу.

– Кодировка транзакционного окна семнадцать, – привычно протянул бортинженер Василий Крыж. Известный балагур и хохмач, айтишник «Фокуса» и спец по биопрограммированию, он был сегодня непривычно суров, на шутки не отвечал, лишь задумчиво вглядывался в размещенную на центральном мониторе карту приграничного сектора. – Расчетная точка сборки – двадцать две минуты.

Ульяна кивнула, рыжие волосы, собранные в тугий хвост, мягко рассыпались по плечам. Удивительный момент, к которому она не могла привыкнуть за месяцы службы: кресло Первого навигатора и капитана на кронштейнах высоко под куполом рубки, полная свобода движения, ощущение полёта, жжение на коже от контакта с лианином, и узкое горлышко распаивающегося транзакционного перехода прямо по курсу. Полное сращивание с нейросетью корабля, когда она

сама – корабль, его мозг, его мысль, его воля. Вот сейчас.

– Спасибо, всё вижу, – она закрепила височные диски и вошла в нейросеть корабля. Перед глазами распахнулась виртуальная панорама звёздного неба с отмеченными синим и зелёным лочиями и навигационными ориентирами.

Привычное жжение на коже, холодок по позвоночнику, в ушах – ритм классического танго: корабль, ловко подруливая маневровыми, выходил на установленный курс.

Голос генетика:

– Первый навигатор, давление в норме, нейронная связь работает в штатном режиме, увеличиваю активность лианина, – суперпроводник, заменяющий синапсы нейросвязи корабля, созданный Пауковым «живой» материал, внешне сильно напоминающий плесень. При соприкосновении с кожей Ульяны его ворсинки присосались к коже, мгновенно соединяясь с нейросетью.

По позвонкам Ульяны пробежала колкая волна, ладони плотнее легли на подлокотники.

Ульяна покосилась вниз: в руках Артёма Паукова корабль становился послушным, словно ребенок. «Фокус», и в самом деле, – его детище. Пять лет головокружительного эксперимента, бесконечных проверок, тестов и диагностик. Пять лет пути от ДНК толианского дельфина-афалины до корабля-биоморфа. Вытянутый чёрный корпус в тонкой кристаллической чешуе, расставленные паруса энергоёмкостей там, где должны быть грудные плавники, приподнятый горб ку-

пола-рубки, сопла маневровых двигателей, стабилизаторов и бортового вооружения. Перспективная модель космического корабля, уникальный образец. Верх научной мысли Единой галактики⁶.

И уже никому не важно, что его создателю всего двадцать четыре.

Ульяна кокетливо повела плечом: знала, что Артём за ней наблюдает.

– Тём, а вот меня давно мучает вопрос: если я чихну, например, ты там что на своих графиках увидишь? – полюбопытствовала девушка и лукаво закусил губу, подводя корабль к расчетной точке.

Пауков насупился. Да, он самый молодой учёный в секторе и самый молодой руководитель Лаборатории Космофлота... Да, на корабле он выполняет функции и биотехника, и медика, умудряясь при этом проводить и дополнительные исследования. Да, за глаза его зовут Паук и Сухарь. Но легкомыслие капитана иногда вводило его в ступор.

Он промолчал. Ульяна продолжала теревить лианиновое полотно на подлокотниках, от чего диаграмма нейросвязи на мониторе пульсировала и мигала.

– Вход в транзакционное окно четыре секунды, – прекратил их препирательства старпом и проворчал: – Как дети, блин.

⁶ Подробнее о первых приключениях команды «Фокуса» и о создании корабля – читайте в романе Евгении Кретовой «Навигатор из Нерюнгри».

– Я знаю, как расшифровывается «старпом»! *Старый* помощник! – усмехнулась Ульяна и, ловко уложив корабль на выбранный курс, мягко вошла в распахнувшееся окно.

Её возбуждал и будоражил этот момент, когда всё управление «Фокусом» оказывалось в её руках. Когда пространство сжималось до одной точки, и она, девятнадцатилетняя девушка с Земли, ещё недавно, как и все земляне, не знавшая о существовании союза Единой галактики, уверенной рукой направляла корабль вглубь перехода. Шум в ушах, звёздная пыль – далеко за спиной, минута тянется за минутой, словно расплавленная смола, преодолевая световые годы, будто стирая их из воспоминаний.

– Точка сборки двадцать три секунды, код семнадцать, – сосредоточенное напоминание старпома.

Ульяна приготовилась: вот сейчас, при выходе из транзакции, сформируется кварк-глюонное облако, «мыльный» пузырь, и, как в детстве воздушный шар, лопнет над головой.

– Что-то не так, – её захлестнула тревога.

Околосветовая скорость. Время принятия решения – доли секунды.

Мгновение. Вместо тёмного окна выхода из транзакции – белёсое облако, мутный вихрь с узким горлышком-войдом в центре.

– Чёрт, Кир! Торсионное поле прямо по курсу! Дифференциал на левый борт, угол дифферента сорок...

– Есть угол дифферента на левый борт сорок! Чисто же

все было, – паника в голосе второго навигатора. Ульяна почувствовала, как он подсоединился к нейросети «Фокуса».

– Правые маневровые на полную мощность, левые – на минимум, угол атаки двадцать, – командовала она. – Манёвр уклонения, крен девяносто градусов на правый борт.

Напряжение в рубке. На мониторах – приближающийся смерч.

– Чёрт побери этот приграничный сектор, – ворчал Крыж. – Как чувствовал, что вляпаемся.

Ульяна вцепилась в подлокотники, прижимая прохладный лианин. На коже усилилось жжение. Но это мелочи. Лишь бы попасть в бутылочное горлышко торсионного вихря. Это всё равно что прыгнуть с десятиметровой вышки в бассейн два на два метра. То же самое, только на околосветовой скорости внутри тесного транзакционного коридора.

– Защитное поле активировано, – сообщил Вася Крыж. – Двадцать процентов энергии – тю-тю!

Ульяна уже не слышала. Перед глазами стояла, неумолимо приближаясь, червоточина внутри вихря. Червоточина, которая может спасти их жизни. Шум в ушах усиливался, в висках пульсировали курсовые отметки второго навигатора. Вспомнив всё, чему её учили на практикумах по полётной технике, она направила корабль в жерло гравитационной аномалии.

Комендант Девятого дивизиона отдельного грода и тре-

тий энтиоди славного рода Чи, главный контроллер субпространственного тракта Аб-Суантан Химала появился на капитанском мостике. Острый и тяжелый взгляд, узкая щель зрачка, стремительная походка. Члены команды управления безошибочно определили – дело плохо. Дежурная бригада, все восемь рептилоидов с плоскими землистыми лицами, украшенными кольцами сенсорного рисунка, вытянулась для доклада. На своих местах остались только операторы.

Химала-Чи, скривившись и дёрнув костлявыми плечами, отправил бригаду исполнять обязанности, оставив подле себя только старшего смены. Щуплый, словно сделанный из искусственного волокна, коклурнец выдвинул перед комендантом жёлтую панель, на которой загорелась карта сектора с отмеченными синими, зелёными и карминно-красными точками переходов. Ровным серебристым цветом горели огни платформ соседних секторов.

Офицер откашлялся:

– Комендант Химала-Чи, во вверенном для патрулирования секторе происшествий в движении тракта Аб-Суантан не зафиксировано. Обслуживание трассы осуществляется в штатном режиме. Патрулирование подсекторов Гасс, Тиам, Чим осуществляется шестью дежурными группами. Сведений о нарушении правил движения не поступало, – кажется, дежурный офицер остался доволен своей речью.

Чего не скажешь о коменданте. Он прищурился, глядя ми-

мо развернутой карты, осведомился сухо:

– Что с аномалией?

Дежурный офицер изогнул тонкую кисть с шестью когтистыми пальцами, вывел на жёлтое табло изображение тёмной полусферы, подернутой по кромке белёсой пеной.

– Контур Ока нестабилен, – пояснил офицер. – Отмечаются выбросы тахионов, изменение структуры вещества на квантовом уровне.

– Уточните характер изменений.

– Квантовые вибрации усиливаются в геометрической прогрессии с резкими спадами. Периодичность константы рассчитываем.

Химала-Чи нахмурился.

– Кто осуществляет наблюдение?

– Аномалия находится под постоянным наблюдением группы Катима-Чи. Комитетом по исследованиям поставлена задача выявить закономерности выбросов и механизм изменения структуры вещества. Исследование объекта осложнено формированием вихревого фронта. Гравитационная аномалия приближается.

– Плохо. Обеспечьте группу Катима-Чи информацией о приближении вихревого фронта и прогнозами, – Химала-Чи нахмурился.

Офицер, покосившись на притихших коллег и немного помявшись, продолжил:

– От периферийных дозоров поступило сообщение о фор-

мировании ещё шести аналогичных объектов в седьмом, пятом и третьем секторах. Выявленные аномалии мигрируют.

Химала-Чи, уже собравшийся занять свое место перед пультом управления станцией, замер:

– Что значит «мигрируют»?

– В отличие от нашего Ока, – дежурный офицер взгляды-вался в темную сферу на табло, – шесть объектов движутся. В нашем направлении.

Комендант нахмурился: «Откуда ж они берутся?» – и ска-зал вслух:

– Каковы прогнозы?

– В течение семи суток аномалии сомкнутся в единый фронт. Прорыв тахионного облака вызовет мощное обрат-но-временное смещение по типу взрыва творения. Расчет данных производится.

«Это конец», – отчетливо выстрелило в мозгу комендан-та. – «Нас не прикончила война с клириканцами сто пятьде-сят лет назад, прикончит Око».

– Что Большая Гирна? – Химала-Чи надеялся, что сейчас все умы метрополии направлены на решение этой задачи.

– Станция Тар-Би выделена на обработку сведений и по-строение модели развития аномалий. В зависимости от ре-зультатов будет разрабатываться механизм защиты.

Комендант поблел:

– Сколько времени потребуется Тар-Би для принятия ре-шения?

– От семи до двенадцати дней.

«Великий Чи! Нет их у нас», – с болью отозвалось в висках коменданта.

Он тяжело опустился в своё кресло:

– Уведомите Совет Большой Гирны о том, что сектор объявляется зоной ЧС. Приказываю сформировать оперативный штаб ликвидации чрезвычайной ситуации. В состав рабочей группы включить специалистов по квантовым и гравитационным аномалиям, военных экспертов. Движение гражданских судов в секторе ограничить. Субпространственные тракты пустить в обход. Проинформировать ближайшие населенные станции и обитаемые планеты об экстренной эвакуации. Уровень опасности: оранжевый.

Он отвернулся к виртуальному экрану.

Вверенный сектор лежал как на ладони: тонкие сине-зелёные силовые кабели, плывущие по ним прозрачные купола платформ, аккуратные точки субпространственных переходов. В чётком, обозначенном раз и навсегда порядке строго по инструкции происходило движение транспорта.

Порядок – основа жизни. Каждый отвечает за вверенный ему сектор. На службе Всеобщего Блага.

Он перевёл взгляд на тёмную линзу аномалии. Материя внутри неё дрожала, дышала тяжело и прерывисто. Белёсые облака сформировались в плотное кольцо. Око готовилось нанести последний удар. После него не останется ничего от стройного и понятного мира, с таким трудом восстановлен-

ного после Войны, от этих чётких светящихся линий, покоя и благородной красоты.

Тонкие пальцы Химала-Чи коснулись бледного лба, бело-лунный рисунок на щеках помутнел и окрасился зелёным, а глаза уставились в жёлтый экран. Там, на ближайшем фронте перед аномалией, собирались сейчас самые важные сведения. Возможно, удастся выяснить хоть что-то, выиграть хоть каплю времени.

Комендант открыл карту прогноза движения вихревого фронта – скорость его приближения росла. Потянулся к кнопке вызова диспетчера.

Внезапно чёрная линза расширилась, выгнулась дугой. Пустота за ней забурилась колдовским варевом, выплёскиваясь длинными протуберанцами тёмной материи. Распахнулась, огибая округлые края линзы, вбирая и тут же расплескивая облака тахионов.

На короткое мгновение открылся тёмный коридор.

– Диспетчер, срочно отзывайте исследовательскую платформу! Активировать защитное поле станции на полную мощность! – рептилоидные глаза коменданта потемнели. Он подскочил, приник к монитору.

Мгновения нанизывались на нить тревожного ожидания: исследовательская платформа втянула внутрь щупы датчиков и визиров. Медленно развернулась. Качнулась в сторону Ас-Тар. Медленно. Все слишком медленно.

– Быстрее, быстрее, – шептал комендант. Гравитационная

аномалия обогнула Око, выйдя на линию горизонта событий, в одно мгновение раскрыла смертоносную сердцевину.

Рассекая пылевые облака, из войда вырвался продолговатый объект: вытянутый корпус с прорезями маневровых двигателей, стабилизаторов и щетиной бортового вооружения, приподнятый горб. Вращаясь, он врезался в исследовательскую платформу Катима-Чи, отскочив от неё, прорвал защитное поле трассы Аб-Суантан, и, наматывая сине-зелёные силовые кабели, замер в искусственном гравитационном поле.

По коридорам станции медленно расползлся вой аварийных сирен.

Комендант субпространственного тракта Аб-Суантан, окаменев, смотрел на искорёженные останки транспорта Катима-Чи, своего сына.

Первое, что почувствовала Ульяна, придя в себя, – острая боль под рёбрами. Сдерживающее поле сработало жёстко, удержав в кресле и выровняв возросшее давление. Спасти жизнь иногда проще, чем здоровье.

– Эй, как вы там? – прохрипела, ослабляя тиски и переводя дыхание.

В рубке темно: аварийное освещение не в счет, в его красноватых бликах почти ничего не видно. Мельком взглянув на данные навигационного ориентирования, отметила, что они выскочили в зону неизвестных корректур.

Terra Incognita, чтоб её.

Девушка свесилась с кресла, посмотрела вниз – Артём дышал тяжело, был бледен, но, без сомнения, жив. Слева от него скрючился Вася Крыж. При выходе из торсионного вихря, пытаясь зафиксировать данные сигнатур, он ударился о консоль, и теперь кровь из разбитого виска тонкой струйкой стекала на синий китель.

– Артём, Вася! – позвала.

Бортинженер пошевелился, потянулся к консоли – проверить её сохранность.

– Что за чёрт, а?

Кирилл растянулся у стены, под обзорным демоэкраном, на котором расцветало изображение удаляющегося торсионного фронта.

– Артём! – Ульяна попробовала выбраться из кресла, острая боль под ребрами отбросила назад. Застонала.

Пауков рывком пришёл в себя, подскочил. Бросив взгляд на Ульяну, активировал обновление биотелеметрии, поступившей на его персональный креоник от каждого члена экипажа. Вывалился из кресла, направился к Киру. Осмотрев, торопливо считал данные, ввел пневмошприцем стабилизатор.

Второй навигатор шумно выдохнул и открыл глаза.

– Это что было? – прохрипел.

– Это рассчитанная тобой точка выхода из транзакции без навигационных опасностей, судя по всему, – проворчал Ва-

силий, переагружая карту кодов. – Я нас не вижу ни в одном из известных секторов. Куда нас занесло, интересно? – и напряжённо добавил: – Что хочу сказать: мы в гравитационном поле, и у нас подозрительная хрень по правому борту... Тахионное облако повышенной активности. И не нравится мне жутко.

Ульяна старалась не дышать полной грудью, чтобы боль под рёбрами не мешала соображать.

– Я тоже её наблюдаю, – прошептала. – Перебрось мне данные по её спектру.

Она искоса наблюдала за передвижениями генетика – тот подошел и, хмуро глянув, ввёл в предплечье дозу сенсадина. Спросил, едва дотронувшись до тонкого запястья:

– Ты как?

Девушка слабо улыбнулась и подмигнула. Приятный холодок от обезболивающего и действие медвосстановителя возвращали её к действительности.

Зашипела мембрана, впуская в рубку клириканца Ираля Танакэ, высокого и широкоплечего гуманоидизированного рептилоида (собственно, от предков ему и достались-то только глаза с вертикальным зрачком да скверный характер):

– Что случилось? – он был хмур и раздражён, по всей видимости, желание отдохнуть в каюте обошлось ему боком: на виске темнел кровоподтек, от уха до подбородка – ссадина.

– Врезались в торсионный вихрь внутри транзакционного коридора, – спокойно сообщила Ульяна, надевая височные

диски и подключаясь к искину «Фокуса». – Вась, где сигнатуры? Ты долго ещё? Хочу знать, куда нас занесло.

Василий пробормотал:

– Где б ещё добыть те сигнатуры. Погоди минуту, Ульянов: реально, ерунда какая-то... Неопознанная...

Ираль тяжело опустился на своё место рядом с Крыжем, заглянул в раскрытый каталог сигнатур, хмыкнул.

Ульяна, войдя в нейросеть «Фокуса», увидела скомканные и накрученные на корпус силовые кабели, огромную платформу справа по курсу, напоминающую хрустальный плафон, снующие вокруг неё шлюпки. За спиной, закрывая добрую половину панорамы, чернела пульсирующая линза. Отправила визуализацию на центральный монитор:

– Зацените панорамку.

Ребята присвистнули.

Приглушенный голос Васи Крыжа сообщил:

– Считаваю фактические сигнатуры объекта по правому борту. Аналогов в каталоге найти не могу... Если бы природа знала о существовании нанокотлапсаров, то я бы сказал, что это именно он, – пробубнил бортинженер и айтишник. – Квантовая вибрация нестабильная. Наблюдаю рост в арифметической прогрессии. Скачками идет.

Ульяна повернула голову, прислушиваясь к голосу старпома:

– Крыж, какой нанокотлапсар, инквизиции испанской на тебя нет – пороть такое, – Кирилл кряхтел, усаживаясь на

своё место и подключаясь к нейросети. Ульяна молчала, ожидала реакции, когда он увидит происходящее собственными глазами. Дождалась: – Ого. Вот это да-а.

– «Фокус» странно реагирует, – проговорил Артём. Ульяна встрепенулась, перевела взгляд на монитор. – Фиксирует ментальную активность от коллапсара. Ульян, тоже видишь?

Она видела. По спине пробежал холодок.

– Он фиксирует мыслительную активность из объекта? – хмыкнул Василий. – Чёт я не понял, как такое может быть.

Артём задумчиво пояснил, взвешивая каждое слово, будто пробуя его на вкус:

– В неизвестной части галактики есть цивилизация и у них есть разумная штука, своими свойствами напоминающая разумную чёрную дыру, или в неизвестной нам части галактики есть существа, напоминающие разумные чёрные дыры. Так понятнее?

Вася Крыж шмыгнул носом:

– Вот умеют изъясняться некоторые: было ничего не понятно, а, как объяснили, вообще мозг выморозился...

– Не ссорьтесь, мальчики, – примирительно прошептала Ульяна. – Послушайте.

Она переключила датчики, и под куполом рубки прошестело слово:

– Чи-ба...Зиваратэ...

– Это изнутри аномалии? «Тчи-ва»? – переспросил Кирилл, поморщившись.

– Оно повторяется каждые три-четыре секунды, то громче, то тише, – пояснила Ульяна. – То ли тчи-ва, то ли тши-ва... Понять не могу, помехи мешают. Вась, что со связью? Почему фонит?

– Я работаю над этим, – проворчал айтишник, снова уткнувшись в каталог сигнатур.

Ребята переглядывались в недоумении. Ираль опустил голову, задумался:

– Чибя. Я, кажется, знаю, куда нас занесло.

Ульяна повернулась к нему, открыла рот, чтобы потребовать объяснений.

В этот момент внутренняя связь пискнула и заговорила грубоватым голосом с прищёлкиванием в конце фраз:

– С вами говорит комендант Девятого дивизиона отдельного грода, главный контроллер субпространственного тракта Аб-Суантан Химала-Чи. Ваш транспорт нарушил границы сектора, что противоречит пункту 2.5.8 Конвенции о прекращении конфликта. Кроме того, в зоне введен режим ЧС. Ваше судно задержано до выяснения обстоятельств. Ваш борт помещен в искусственное гравитационное поле, препятствующее дальнейшему движению, и будет отбуксирован на безопасное расстояние. – При этих словах ребята многозначительно переглянулись. – Вам надлежит перевести судно в автономный режим, заблокировать двигатели и обеспечить возможность проведения восстановительных работ поврежденного вами гравикомпенсаторного полотна. Все при-

чинённые вами убытки подлежат возмещению в полном объёме за счет средств владельца вашего судна с возможным обращением регрессных требований на виновников. О дальнейших действиях вам будет сообщено дополнительно. Держите канал связи открытым.

Новый щелчок оповестил о прекращении сеанса связи.

– Вы что-нибудь понимаете? – Ульяна сняла височные диски и отсоединилась от Фокуса.

– Зона ЧС, вероятнее всего, из-за аномалии, – предположил Артём. – Ираль, что ты говорил насчет догадки?

Ираль встал, распрямил широкие плечи:

– Это не догадка. Информация от Химала-Чи только что всё подтвердила. Мы на территории Коклурна. И, уверен, узнав, кто на корабле, нам не обрадуются.

– Не может такого быть! Каким образом? – Ульяна спрыгнула вниз, открыла на центральном дисплее карту маршрута. – Вот же точка входа в транзакцию. Мы в нескольких парсеках от границы сектора Коклурн... Кир, ну ты хоть скажи.

Ираль покачал головой.

– Аб-Суантан, Конвенция о прекращении конфликта: сомнений нет, – клириканец был абсолютно спокоен: – Сигнатуру поля внутри коридора при погружении в торсионное поле помнишь? – он вынул креоник из креплений браслета-бромеха и разместил перед собой.

Девушка задумалась:

– 25-14-80-php...

Клириканец кивнул, ввёл данные в планшет, нахмурился, ожидая результат:

– Смотрите, торсионное поле деформировало выстроенный транзакционный коридор вот здесь и здесь, – он указал на карте точки преломления. – Опасная ошибка навигационного ориентирования. Могли бы и погибнуть. Если бы не Ульяна.

Кирилл опустил голову.

– И как теперь отсюда выбираться? – девушка оперлась на консоль Артема.

Клириканец вернул коммуникатор-креоник в крепления, откинулся на спинку и прикрыл глаза:

– В плане построения маршрута я проблем не вижу. А вот в смысле претензий господина Химала-Чи... Не могу ничего предположить: Коклурн, хоть и подписал документы, поражение в войне не признал. Так что формально, с их точки зрения, мы находимся в фазе замороженного военного конфликта. А по законам военного времени...

Он не договорил, «Фокус» плавно дёрнулся: началась буксировка судна. Кирилл Авдеев вернулся на пульт, принялся методично фиксировать сигнатуры перемещения и отмечать их в бортовом журнале.

– Может, активировать двигатели на полную да рвануть? – Вася Крыж прищурился.

Ульяна посмотрела на него укоризненно, но промолчала:

– А что с голосом из Ока? Ираль, ты, кажется, что-то знаешь и не говоришь.

Клириканиец пожал плечами:

– Это похоже на зов Ушедших...

Ульяна окинула взглядом команду:

– Вы издеваетесь, да? Один нанокотлапсар придумывает, второй вообще мифических Ушедших вспомнил... Сколько их не было в секторе? Два или три миллиона лет? – Ульяна шумно выдохнула, подтянула к себе навигаторское кресло, опустив на удобную высоту, чтобы сесть.

– А ты не фырчи, ты послушай, – Крыж, все это время записывавший сигнал, увеличил громкость динамиков. Под куполом рубки раздалось отчетливое: «Чиба Нунту зиварате му ген».

Ребята замерли.

Ульяна так и осталась стоять у своего кресла. По лицу растекалось недоумение и растерянность.

– Слоги «чи» и «ба» повторяются всегда вместе, без паузы, ударение на первом. Предположу, что это одно слово, – Ираль раскладывал перед собой карточки слогов. Вася Крыж, поглядывая на него со своего места, методично продолжал записывать сообщение Ока и подбрасывал команде новые фрагменты монолога. – Слоги «нун» и «ту» стоят рядом, но часто меняются местами.

– Инверсия? – Предположила Ульяна.

Клириканец пожал плечами.

– Получается, что «чиба» – подлежащее. Это, конечно, не наверняка, но, вероятнее всего. Во всяком случае, это главное слово. Вокруг него всё сообщение, – он говорил, чуть покачиваясь вперед и назад. – «Ту» пока отбрасываем как вспомогательное дополнение или определение.

Ульяна слушала его внимательно, глаза выхватывали обрывки фраз и выделенных слогов.

– Знаете что, ребят? – предположила. – Если Ираль прав, и это язык Ушедших, то хотя бы примерно понять, что это...

– Примерно сказать можно. Это зов, – Ираль распрямился.

Ребята переглянулись. Всеобщее недоумение выразил Крыж:

– А чего не адрес квартиры, где деньги лежат?

Ираль прищурился – земные шутки ему были не знакомы, но сарказм в голосе товарища не понравился.

– Если это Ушедшие, то я опираюсь на свои исследования, что их язык так или иначе связан с языками существующих цивилизаций. Пусть земная – самая молодая, и связь древне-шумерских текстов с Ушедшими оспаривают, но Креонида и Клирик, последний в большей степени, – он выразительно посмотрел на Василия, – официально позиционируют себя как потомки цивилизации Ушедших. Много общего в словообразовании, лексике, построении предложений. Делаю предварительный вывод, что первое слово – подле-

жащее, последнее сказуемое. Посередине – дополнение. То есть, чтобы понять суть сообщения, смотрим на них. При этом, «му» и «ген» – глагол с обозначением направления к говорящему. Я бы перевел как «иди ко мне». Вот это самое «чиба».

– А что такое «чиба»? – Артём сосредоточенно тёр висок.

– Чиба – это имя, – проговорил Ираль. – «Чиба нунту» – это «Чиба малыш». У нас так совсем маленьких называют. В отдаленных деревнях, в горах... Матери в основном. «Му-ген» – «спеши ко мне». Мы сейчас произносим это мягче. «Зив-ар-а-тэ» не совсем понятно. Это к лингвистам.

В рубке повисла тишина. «Фокус» активировал режим очистки и ионизации воздуха – монотонно шумели насосы и фильтры.

– То есть там, внутри Ока – кто-то, зовущий Чиба? Хищник, ищущий жертву? Пчелиный рой? Мать, потерявшая своего малыша? – Ульяна смотрела то на Иралья, то на Артёма.

Оба кивнули почти одновременно.

– Или само Око – это мать, потерявшая своё дитя. Никто не знает наверняка, как выглядят Ушедшие.

Капитан обернулась к Киру:

– Что там за периметром?

Второй навигатор оторвался от данных с визиров:

– За периметром полностью остановлено движение по тракту. Прибыло три корабля, предположительно класса

линкор. Пристыкованы к Ас-Тар, если Большой Колокольчик и есть стационарная платформа. Около двух десятков судов выстраиваются боевым порядком. Очевидно, собираются атаковать Око.

Ираль прищурился, золотисто-оранжевые глаза с щелью зрачка уставились на капитана:

– Их надо остановить. Ушедшие здесь всё разнесут из-за своего младенца.

Ульяна удивлённо посмотрела на него:

– Так, местные, что, не слышат ничего? Они не фиксируют зов?

– Кто ж их знает, – клириканец пожал широкими плечами. – Мы не знаем ничего об их технологиях: все контакты оборваны сто пятьдесят лет назад, после окончания войны и подписания Конвенции. Но, знай они о Зове, атаковать бы точно не готовились. Они же не самоубийцы.

– Свяжись с ними, – быстро скомандовала Ульяна Василию, запрыгивая в навигаторское кресло. – Веди фиксацию изменений сообщения. Кирилл, готовь файл транскрипции для отправки.

Авдеев кивнул:

– Есть, капитан. У нас нет внешней связи. Все заблокировано. Ретрансляторы работают только на прием сигнала.

– погоди, не бей тревогу, – бормотал Василий. Щелчки по клавиатуре напоминали птичий клекот. – Если мы на Коклурне и я-парень-не-дурак, а я-парень-точно-не-дурак, то

щас всё будет... Сигнатуру мы их, можно сказать, знаем.

Ульяна вошла в нейросеть «Фокуса», посмотрела на происходящее: семнадцать крейсеров, выстроившись боевым порядком, развернув вооружение, замерли в ожидании команды. Фланги прикрывали ещё две группы кораблей.

– Кирилл, держи резервное питание под контролем, – прошептала Ульяна. – Быстрее, Вась.

– Уже, – на капитанском мониторе загорелся зелёным индикатор готовности внешней связи.

– Фокус-1 бортовой номер 01-00-15 порт приписки галактическая станция Тамту вызывает коменданта тракта Аб-Суантан Химала-Чи. Срочное сообщение. Повторяю. Фокус-1 бортовой номер 01-00-15 порт приписки галактическая станция Тамту вызывает коменданта субпростра...

– Химала-Чи слушает, – уже знакомый грубоватый голос, только с лёгкими нотами удивления.

– Отмените приказ об уничтожении Ока. Мы располагаем информацией, что Око не представляет опасности для сектора Коклурн. Агрессия вызовет необратимую реакцию и может привести к уничтожению обитаемой части Коклурна. Прошу. Выслушайте нас.

Затянувшееся молчание. Ульяна слышала взволнованный шёпот из Ока.

Связь щёлкнула:

– Хорошо. За вами выслан транспорт.

К шлюзовому отсеку пристыковался лёгкий борт с гладкими серебристыми боками, больше всего напоминающий огромный ёлочный шар. Юркий и маневренный.

Пройдя через стыковочный модуль, Ульяна, Артём и Ираль оказались внутри, где их ожидало четверо рептилоидов. Они разительно отличались от клириканца: вдвое ниже его ростом, тощие, плосколицые прямоходящие ящеры с чёрной чешуйчатой кожей и изящным бело-лунным узором на щеках и шее. Узкие глаза со зрачками-щёлками, тонкие суставчатые пальцы и бурый нарост на теменной зоне. Чёрная форма делала их похожими на демонов из средневековых книжек про инквизицию.

Ульяна перевела дух и первой протянула руку.

– Капитан Зиу-Зимар, – представился тот, который расположился ближе ко входу, с удивлением покосившись на протянутую ладонь. Девушка спрятала руку, кивнула, представившись коротко. Ульяна отметила на груди капитана красную эмблему. Остальные сопровождающие, сомкнув ряды, перекрыли команде «Фокуса» пути к отступлению и заблокировали их в центре очерченного круга.

Из-под пола выдвинулись серебристые поручни, девушка едва успела схватиться за один, прежде чем шар приступил к движению. Артём подхватил её под локоть, заметив, как Ираль и капитан Зиу-Зимар внимательно и испытующе изучают друг друга.

Ульяна ошалело смотрела по сторонам: серые матовые

стены шлюпки пропускали блики звёзд и жёсткое космическое излучение, из-за чего создавалась оптическая иллюзия, будто они перемещаются в мыльном пузыре. Сквозь прозрачные стенки виднелся вытянутый корпус «Фокуса» в сетке силовых кабелей и золотистой паутине искусственного гравитационного поля. Маневровые выведены на минимум, поблескивают бело-синим, выбросы из очистных шлюзов струятся, словно пар над долиной гейзеров.

Шум в ушах усилился.

Шлюпка, выйдя на значительное расстояние от «Фокуса», пересекла то, что именовалось трактом Аб-Суантан: гигантский космический фуникулёр, по шесть полос движения в обе стороны, паутина парковок-ответвлений, бесконечная вереница платформ различных размеров и конфигураций, мигающие в аварийном режиме огни.

Тросы, на которых крепились платформы, тянулись из черных провалов, окутанных белёсыми рваными облаками, упирались в такие же чёрные провалы и исчезали в них.

– Что это? – Ульяна прильнула к тонкой стенке – сквозь полупрозрачную поверхность мир казался придуманным Белым Кроликом: нереальным, сказочным, противоречащим здравому смыслу и известным законам физики.

– Тракт Аб-Суантан, – небрежно пояснил Зиу-Зимар.

– Но как? Что за технологии позволяют передвигаться по силовым кабелям, на какой скорости...

Рептилоид недовольно сощурился, но не ответил, вперив

взгляд в Ираля.

Ульяна схватилась за локоть Артёма, потянула к себе:

– Ты видишь это?

– Посмотри лучше прямо, – подсказал генетик и показал глазами на приближающийся гигантский прозрачный шар, от которого, словно ленты весеннего хоровода, рассыпались силовые кабели и соединялись с основными, бегущими из одного чёрного провала в другой.

– Парковка? – предположила Ульяна.

В самом деле, аккуратные, одинаковые боксы были чрезвычайно похожи на парковки вдоль федеральных автомагистралей.

– А вон и забегаловки, – хмыкнул Артём, показывая на сияющие огнями купола рядом с парковками. Ребята переглянулись. С того самого дня, когда их пригласили работать в экипаже опытного исследовательского борта конфигурации Фокус-1 Космофлота Единой галактики, прошло чуть меньше полугод. Для Артёма – очередные полгода, он уже пять лет жил и работал на галактической станции Тамту, для Ульяны – целая жизнь. Но впервые во всем этом странном и удивительном мире космических кораблей, транзакционных коридоров и фотонных флуктуаций они увидели что-то почти родное. Знакомое до боли.

Прозрачная поверхность шлюпки потускнела – они вошли в гравитационное поле платформы Ас-Тар. Открылся стыковочный шлюз, выпуская экипаж «Фокуса» в белоснеж-

ное помещение стыковочного модуля. Сопровождавшая их группа препроводила к лифтам. Молча посадив в кабину, Зиу-Зимар отправил её на верхний уровень, туда, где, очевидно, располагался командный пункт.

Здесь было тихо. Светлые стены, мягкий полумрак. За прозрачной перегородкой – круглое помещение с многочисленными экранами. Звездное полотно, точки субпространственных переходов, каналы транспортные трасс. Жизнь сектора как на ладони. Ульяна опытным глазом определила, что Коклурн значительно обширнее и оживленнее известных ей обитаемых секторов. На центральном мониторе, около которого собралось наибольшее количество рептилоидов – расчерченная на апельсиновые дольки часть галактики с отмеченными красным точками. От каждой – жирные линии-щупальца.

От группы офицеров отделился низкорослый, начинающий полнеть коклурнец. Волевой подбородок, высокий лоб, иссиня-чёрная вертикальная щель зрачка, от ушных раковин вниз замысловатым узором тянулись две цепочки бело-голубых отметин. Лицо напряженное, пасмурное. Окинув взглядом гостей, с явной антипатией и враждебностью задержался на фигуре клириканца Иралья.

– Комендант субпространственного тракта Аб-Суантан Химала-Чи, – коротко представился он с уже знакомым прищелкиванием в конце фраз.

У него оказался располагающий бархатистый голос – уставший или, возможно, простуженный.

– Рогова Ульяна Аркадьевна, командир исследовательского фрегата Фокус-1 бортовой номер 01-00-15, порт приписки галактическая станция Тамту. Меня сопровождают: руководитель лаборатории генетик Артём Пауков и консультант Ираль Танакэ.

Комендант кивнул в сторону зависшего в пространстве корабля:

– Это судно и есть исследовательский фрегат «Фокус»? – в его голосе отчетливо слышалась ирония.

Ульяна выдержала его взгляд, спокойно подтвердила:

– Совершенно верно. У нас есть информация относительно свойств аномалии. Мы хотим убедиться, что данная информация будет учтена при принятии решения об уничтожении Ока.

– Кажется, вы утверждали, что Око не представляет для нас опасности. Откуда у вас такие сведения?

Ульяна собралась с духом:

– В составе протонового излучения Ока мы зафиксировали частотные модуляции. При их расшифровке выяснили, что это сигнал. Сигнал разумного существа, которому нужна помощь.

Химала-Чи окаменел.

– Вы зафиксировали сигнал, исходящий из Ока? – его глаза сузились. – Что же он сообщает?

Девушка наклонила голову в клириканца:

– «Чиба нунту зив-ар-а-тэ му ген», – пояснил тот. – «Чиба» повторяется чаще всего. Это имя малыша. «Нунту» – означает «малыш».

– Мы предполагаем, что это – язык Ушедших. Мать потеряла на Коклурне своё дитя. Другой причины открытия Ока нет. Им нужна помощь. И Око сразу закроеется, мы уверены в этом.

Комендант с сомнением уставился на команду, всё ещё решаая, шутят они или говорят всерьёз.

– Я не верю, – наконец проговорил он сварливо. – Вы не можете обладать такими технологиями, чтобы слышать голос Ушедших. Мне нужны доказательства. Они есть у вас?

Ульяна активировала связь через креоник, не спуская глаз с рептилоида, перевела в режим громкой связи:

– Рубка, ответьте капитану. Дайте трансляцию сигнала Ока.

Голос Василия:

– Есть капитан, активирую трансляцию.

Из креоника полилось шипение, прерывающееся тоскливым «Чиба нунту», «Чиба нунту зив-ар-а-тэ му ген». Ульяна видела, как изменился в лице комендант Химала-Чи. Как вытянулось его плоское лицо, округлились глаза, а цепочка серо-голубых кругов от шеи до острой ключицы окрасилась в бирюзово-зелёный.

– Откуда я могу знать, что это не фальсификация? –

он неприязненно посмотрел на Иралья. – Помнится, господа клириканцы были мастера в этом деле. Может быть, вы вводите меня в заблуждение, чтобы избежать наказания?

Ираль посмотрел на низкорослого коменданта сверху вниз:

– Предполагаете, что Клирик намеренно направил к вам в сектор меня, чтобы обмануть о свойствах аномалии, собирающейся вас уничтожить? – между клириканцем и Химала-Чи росло напряжение.

Ульяна проговорила, отвлекая внимание обоих на себя:

– Только крохотная тахионная бомба, если взорвется, уничтожит и вас, и нас, – она посмотрела на коменданта в упор: – Послушайте, мы готовы предоставить вам сигнал до расшифровки, проверьте сами, – Ульяна повела плечом. – Мощность сигнала растет, мы рискуем оказаться в эпицентре локального конца света. В этом случае привлечение нас к ответственности, действительно, первостепенная задача, – девушка позволила себе усмехнуться.

Комендант отошёл от экипажа «Фокуса», прислонился к прозрачной перегородке. От тепла его тела по поверхности, словно бензин на воде, расплылись радужные пятна.

Ульяна решила, что пора пояснить:

– Фрегат «Фокус», о котором вы так пренебрежительно отозвались несколько минут назад, оснащен уникальным оборудованием. Он сам – биоморф, созданный и выращенный в лаборатории присутствующего здесь Артёма Пауко-

ва, – девушка кивнула в сторону спутника. – Фокус видит и слышит то, что не видит и не слышит ни одно принимающее или транслирующее устройство. Фиксирует поля и фарватеры, являющиеся для него естественной средой обитания.

Химала-Чи с уважением и интересом посмотрел на гостей.

– В таком случае я прошу вашей помощи, – он встал, выпрямился, став даже, кажется, на несколько сантиметров выше. – Нам необходимы ваши уникальные возможности для ликвидации чрезвычайной ситуации. Полномочиями, предоставленными мне Правительством Большой Гирны, я нанимаю ваш борт. Надеюсь, это не противоречит вашему путевому листу и инструкциям.

– Мы внесем необходимые коррективы, не беспокойтесь об этом, – Ульяна улыбнулась.

Комендант тяжело опустился в кресло:

– Чибя – кто это? Как он выглядит?

Ребята почти одновременно пожали плечами:

– Мы не знаем.

– У нас сохранились сведения, что Ушедшие не имели тела, – пояснил Ираль. – Это духи. Боги, если хотите.

Химала-Чи скептически хмыкнул:

– Эти сведения есть и у нас. Смерть тела – главное условие бессмертия души. Но это же не означает, что мы будем искать на Коклурне дух? Мифическое создание?

– Пожалуй, у нас нет другого выхода, – проговорила Улья-

на. – Дух, значит – дух. Как бы вы к этому ни относились.

– Начинаю обратный отсчет, – голос Ульяны подхватывал ретранслятор и разносил по всему сектору. – Пять. Приготовиться секторам пять, семь, девять. Четыре. Команде «Фокуса»: активировать нейросвязь. Коэффициент двадцать пять, – она почувствовала присутствие Наташи и Кирилла в нейросети. Жжение по позвоночнику усилилось. Его проще переносить внутри транзакции. Сейчас, в состоянии покоя, это было практически невыносимо. Она знала: вначале начнут чесаться и зудеть ладони, от середины марсова поля к кончикам пальцев, под ногтевыми пластинами, поднимаясь медленно к плечам, растекаясь по позвонкам, проникая под ребра. Хуже всего, когда начнет чесаться нос. Кроме шуток. Это невыносимо. – Три. Ас-Тар, подтвердите готовность.

Шипение под потолком рубки. Голос оператора:

– Ас-Тар подтверждает готовность.

Ульяна напряженно улыбнулась: диаграмма активности Ока достигла «красной» зоны. Всего двадцать секунд на реализацию плана. Всего одна попытка.

Ладони вспотели от напряжения.

– Василий, готов?

– А то, – голос напряженный. Ульяна поняла: думает о сестренках и матери, ждущих его на Земле.

Перед глазами загорелась шкала загрузки.

– Пожелайте нам удачи, – прошептала.

Голос мгновенно осип.

Секторы пять, семь и девять планомерно погрузились в тишину. Остановилось движение на трактах, притаились оживленные маршруты. Прекратили работы техслужбы на станциях, задраив стыковочные шлюзы и отключив передатчики, которые могли бы повлиять на сигнал. Над Коклурном отчетливо разносилось «Чиба нунту зиварате му ген», повторяясь вновь и вновь с настойчивостью бессмертного. С каждым новым разом активность тахионов увеличивалась. Датчики пульсировали красным.

Ульяна внимательно вглядывалась в виртуальную карту сектора, мысленно отсчитывая секунды.

Раз. Чёрное, покрытое россыпью звезд, пространство. Мерный гул нейтронных гигантов, монотонное шептание планет. Все замерло в первозданном виде. В том, котором существовало когда-то, до появления Коклурна.

Два. «Чиба нунту зив-ар-а-тэ му ген» повторял голос вновь и вновь.

Три.

– Фокус фиксирует след, – сосредоточенный голос Василия. – Сектор пять. Система 2-1ZQ. Пятая планета.

Четыре.

Ульяна сделала поднятие карты в указанном секторе.

– Вижу! – закричала.

Серебристое облако отделилось от спутника планеты, медленно раскручиваясь подобно смерчу, неохотно напра-

вилось из системы, по пути забредая то к одной планете, то к другой. Малыш явно не торопился возвращаться.

Семь.

Активность тахионов продолжала расти.

– Ну же, давай быстрее, – умоляла Ульяна малыша.

Восемь.

Око заметило – сигнал метнулся через аномалию в седьмом секторе, сосредоточился в пятом. Пульсация тахионов.

Команда «Фокуса» затаила дыхание.

Десять.

Чиба развернулся и бросился навстречу зову, сметая на своем пути навигационные вехи, сминая пространство и вбирая в себя энергию.

Одиннадцать.

– Не успеем, – прошептал Артём.

Двенадцать.

Фотонный смерч метнулся к линзе пятого сектора, запрыгнул внутрь.

Тринадцать.

Аномалия, замерев, остановила пульсацию. Выбросы тахионов прекратились в одно мгновение, выровняв пространство в занятых секторах.

– Господи, нам же никто не поверит, – прошептала Ульяна, понимая, что с таким явлением – торопливым бегом Чиба, которого они называют фотонными флуктуациями и аномалиями – они, навигаторы Единой галактики, встречаются

едва ли не каждый день.

На короткое мгновение Ульяна увидела окутанную инфракрасным излучением фигуру. Длинные волосы распущены, спутались с тонкой тканью головного платка. Прижимая к себе младенца, она удалялась в неизведанную глубину Вселенной. За ней медленно смыкалось Око.

Даже бессмертие – не избавление от суеты.

Боги – всего лишь бессмертные люди.